

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 27.Х. 1950 г. Форм. бум. $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $7^{1/2}$. Печ. л. 20,55+1 вкл.
Зак. 376 Т-06467. Уч.-изд. листов 25,0 Тираж 2525 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ НАСЛЕДСТВЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

(К 130-летию со дня рождения Ф. Энгельса — 20. XI. 1820 г.)

В. И. Ленин писал в 1896 г.: «После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом»¹. Основоположники научного социализма совместно разработали гениальное учение о законах общественного развития и исторической роли пролетариата, философское учение диалектического материализма; авторство в таких работах, как «Святое семейство, или критика «критической критики», «Манифест Коммунистической партии» и многих других, принадлежит одинаково как К. Марксу, так и Ф. Энгельсу. Даже те книги и статьи, которые великие соратники писали, находясь в разных городах и связываясь друг с другом только при помощи переписки, носят печать единства идей, единства замысла. Однако в этом творческом содружестве двух замечательных людей существовало известное разделение труда: К. Маркс разрабатывал главным образом сложнейшие теоретические проблемы экономики, истории, философии, в то время как Ф. Энгельс, наряду с разработкой проблем философии, занимался вопросами политической истории и в своих блестяще написанных книгах и статьях освещал «самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса»².

После смерти Маркса на Энгельса выпала благородная обязанность хранить и разрабатывать дальше научное и политическое наследство своего друга — обязанность, которой он отдавал все свои силы, ибо «его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны» (Ленин). Только благодаря трудам Ф. Энгельса, увидели свет многие посмертные работы К. Маркса — в том числе обработанные и законченные Энгельсом II и III томы «Капитала».

Ф. Энгельс был автором таких работ, как «Положение рабочего класса в Англии», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Диалектика природы» (которую он не успел закончить); каждая из этих работ представляла собой ценнейший вклад в науку, пролагала в ней новые пути, открывала величайшие перспективы для дальнейших исследований и обобщений.

Отмечаемая нами юбилейная дата 130-летия со дня рождения Ф. Энгельса дает повод для напоминания о том, какое значение имел великий соратник К. Маркса для развития этнографической науки, и о

¹ Ленин, Фридрих Энгельс, Соч., т. 2, стр. 5.

² Там же, стр. 11.

том, каково положение вопросов, разрабатывавшихся Энгельсом, в советской этнографии.

Говоря о вкладе Энгельса в этнографию, мы, конечно, не забываем, что рядом с Энгельсом стоит Маркс, проявлявший живейший интерес к проблемам первобытной истории, и что свою замечательную работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс предпринял, выполняя как бы завещание своего друга, подготовлявшего труд по истории первобытного общества. Не забываем мы также и о том, что за Марксом и Энгельсом последовали великие корифеи науки Ленин и Сталин, рядом новых гениальных положений широко обогатившие эту область знаний. Следовательно, только в свете новых положений и установок, которыми владеет современная советская наука, благодаря вкладу Ленина и Сталина, должны мы рассматривать и оценивать учение Энгельса о первобытном обществе.

Обращаясь к обзору основных положений первобытной истории, истолкованных Энгельсом, мы раньше всего должны сказать, что в громадной степени именно Энгельсу и, в частности, его труду «Происхождение семьи, частной собственности и государства» обязаны мы тем, что в системе советской исторической науки первобытная история заняла достойное место в качестве особого раздела исторического знания. Это резко отличает нашу науку от зарубежной, в которой вопросы первобытной истории не имеют своего места, не образуют особой дисциплины, а хаотически разбросаны по разным отраслям знания: антропологии, этнографии, археологии и пр. Можно сказать также, что, благодаря Энгельсу, первобытная история сделалась предметом специального преподавания в нашей школе, где гениальный труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» остается основным по этому курсу пособием.

Энгельс дал нам те установки, которые определяют начальную и конечную границы данного раздела истории. После того как в течение ряда веков историю человеческого общества принято было начинать по библии — от Адама, после того, как в первые десятилетия XIX в. начальная эпоха истории объявлялась «животно-человеческой», а в 30-х годах этого века Гегель объявил первобытное прошлое эпохой «доисторической», Энгельс с гениальной простотой разрешил вопрос о начале истории, указав, что «вместе с человеком мы вступаем в область истории»³. Таким образом, история человечества начинается, по Энгельсу, одновременно с возникновением человека, даже самые отдаленные этапы развития человечества составляют предмет подлинной истории, и даже самые отсталые племена и народности имеют право на историю. Конечный рубеж первобытной истории составляет, по Энгельсу, возникновение классового общества и государства, и данная тема входит в предмет науки первобытной истории. Эти теперь для нас столь простые и естественные положения составляют, однако, для буржуазной науки неодолимую трудность: буржуазные авторы никак не могут постичь принципиальное различие между первобытным и классовым строем, никак не могут различить формы и явления, относящиеся принципиально к первобытной эпохе, от тех же форм и явлений, которые фигурируют уже в классовом обществе в качестве классово-окрашенного уклада или пережитков. В распознавании этого различия нами, конечно, руководит и ленинское учение об общественно-экономических укладах.

Блестящим образом разрешил Энгельс проблему происхождения человека, установив вместе с тем четкую грань, отделяющую человека от животного, в своем бессмертном произведении «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». Новые высказывания по вопросу о развитии от обезьяны к человеку мы имеем в гениальном труде Сталина «Анархизм

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 487.

или социализм?». В простой формуле: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*»⁴, Энгельс разрешил вопрос о происхождении речи. Вопрос этот был вновь гениальным образом истолкован в великом труде Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Много путаницы и даже извращений было внесено в вопрос о периодизации первобытной истории и позиции в этом вопросе Энгельса. Как известно, Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» воспроизвел в кратких и основных чертах периодизацию, предложенную Морганом, с разделением на дикость и варварство (какое-то разделение существовало еще в XVIII в.) и подразделением каждого из этих периодов на три ступени: низшую, среднюю и высшую (что ввел Морган). В настоящее время советскими учеными, в частности специалистами в данной области, общепризнано, что периодизация Моргана имеет ряд существенных пороков, что она не свободна от механистичности по самой своей структуре (двойное деление на три), что указанные Морганом признаки, характеризующие отдельные ступени, иногда не верны (например, употребление в пищу рыбы, составляющее, по Моргану, датировку средней ступени дикости, вполне может и даже должно быть отнесено к низшей ступени), иногда не универсальны, почему не могут служить универсальными признаками данной ступени (лук и стрелы, а равно гончарство, не известные Полинезии), иногда не столь с точки зрения историко-культурной существенны или характерны, чтобы быть признаком той или иной ступени (то же гончарство, земледелие при помощи орошения и употребление в строительстве адобов).

Говоря об отношении Энгельса к этой морганической периодизации, надо иметь в виду следующие существенные моменты. Во-первых, можно говорить лишь о том, что Энгельс воспроизвел эту периодизацию, но никак нельзя приписать эту периодизацию Энгельсу и называть ее энгельсовой. Не надо забывать, что книга Энгельса, представляя собой в целом и в ряде ее частей глубочайшую переработку Моргана, как и других источников, или совершенно независимое от Моргана, самостоятельное исследование самого Энгельса, в отдельных случаях является воспроизведением Моргана, вернее, того конспекта Моргана, который был сделан Марксом. Не надо и нельзя игнорировать здесь то прямое указание, которое в этой связи было сделано Энгельсом: «В нижеследующем изложении, — указал Энгельс в предисловии к своему труду, — читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я»⁵. Не надо и нельзя игнорировать также и то, что, воспроизводя периодизацию Моргана по отношению к производству средств существования, Энгельс писал: «Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разделения периодов»⁶, иначе говоря, — морганическая периодизация для истории семьи не подходит.

Так стоит вопрос о периодизации Моргана и отношении к ней Энгельса.

Но в вопросе о периодизации первобытной истории мы имеем новую, решающую установку, данную нам в трудах Ленина и Сталина, которой советская наука и должна руководствоваться. Эта периодизация состоит в делении первобытной истории на эпоху человеческого стада, эпоху первобытно-общинного родового строя (распадающуюся на периоды матриархата и патриархата) и переходный к классовому обществу период военной демократии.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 455.

⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 5.

⁶ Там же, стр. 28.

Обращаемся теперь к отдельным темам и вместе с тем раздела первобытной истории, как они стоят у Энгельса и в современной советской науке.

Энгельс принял созданную Морганом историю брака и семьи, подвергнув отдельные вопросы переработке или развитию. Энгельс принял, таким образом, за основу этой истории ее этапы: промискуитет, кровнородственную семью, групповой брак, парный брак, моногамию. Гипотеза начального промискуитета сохраняется в советской науке и может вообще вызвать возражения лишь со стороны представителей реакционной патриархальной теории. Серьезные возражения вызвала в нашей литературе гипотеза кровнородственной семьи. Но если то основание, на котором Морган построил эту гипотезу, а именно гавайская система родства, оказывается порочным, то это еще не ниспровергает данную гипотезу полностью: остается открытым вопрос о том ограничении брака, «которым кровнородственная семья связывается, а именно, об исключении из брачного общения предков и потомков, родителей и детей. В этом вопросе необходимо учесть указание Энгельса на иное основание гипотезы кровнородственной семьи. Говоря о необходимости признания кровнородственной семьи, Энгельс писал: «признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени»⁷. Говоря ниже о возникновении двухклассового деления, группового брака и экзогамии, Энгельс высказывает предположение, что «половое общение между родителями и детьми было уже воспрещено обычаем, когда возникли [брачные] классы, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи». Упомянув тут же еще раз о половом общении между родителями и детьми, Энгельс вновь повторяет, что «более поздняя форма экзогамии, род с материнским правом, ... молчаливо предполагает запрещение такого общения, как нечто уже существовавшее при возникновении рода»⁸.

Таким образом, в приведенных высказываниях Энгельс подчеркивает ту черту кровнородственной семьи, которая состоит в недопущении брака между родителями и детьми, считает эту форму ранней формой экзогамии и полагает, что эта норма существовала до возникновения родовой экзогамии, которую Энгельс называет «более поздней формой экзогамии». Как известно, эта последняя форма экзогамии исключает из брачного общения братьев и сестер, а равно матерей и сыновей, но не препятствует сама по себе брачному общению между отцами и дочерьми. Таким образом, не без основания подчеркивал Энгельс, что этой более поздней форме экзогамии должна была предшествовать более ранняя, для того, чтобы норма исключения из брачного общения отца и дочерей существовала вообще и действовала уже на этой стадии в общем порядке родовой экзогамии.

Итак, опровергающие гипотезу кровнородственной семьи не должны забывать о связанной с ней экзогамной норме и, опровергая данную гипотезу, должны взять на себя обязанность в таком случае установить происхождение и историческое место этой ранней формы экзогамии — исключения из брачного общения родителей и детей.

Проблемой, и весьма сложной, остается весь вопрос о происхождении и значении экзогамии. Можно сказать, что Энгельс отнесся к теории экзогамии, выставленной Морганом, скорее сдержанно, говоря о «неясном», «без ясного сознания цели», «стремлении ограничить кровосмешение»⁹.

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 37.

⁸ Там же, стр. 43.

⁹ Там же, стр. 43, 44.

В советской науке были сделаны попытки иного объяснения экзогамии, однако вопрос этот еще далек от нового удовлетворительного решения, вследствие чего мы должны пока оставаться на той позиции, которую в данном вопросе занял Энгельс.

По разделу истории брака и семьи надлежит еще отметить, что позиции о групповом и парном браке остаются для нас совершенно незыблемыми в том именно виде, в каком они истолкованы Энгельсом.

Учение о роде составляет основное содержание и основной стержень первобытной истории. Не приходится напоминать о том, какое крупное место уделил роду Энгельс и какое значение гентильной организации придавал Ленин. Учение о роде, в трактовке которого русская наука имеет приоритет, составляет важнейший предмет внимания советской науки. Далеко, однако, не все еще сделано для разработки этой темы. Существенное значение имеет здесь выдвинутое в советской науке положение о структуре рода и о патронимии как одном из звеньев этой структуры, однако и этот вопрос требует дальнейшей разработки. В ряде вопросов, составляющих многообразную проблему рода, выделяется своей особой сложностью вопрос о происхождении родового строя вместе с непосредственно с этим связанным вопросом о дуальной организации. Эти вопросы были поставлены Энгельсом как в известном смысле дискуссионные, они продолжают исследоваться в советской науке и в свою очередь требуют более углубленной специальной разработки.

Соединив высказывания Моргана и Бахофена и глубоким образом их переработав, Энгельс впервые в истории мировой науки дал матриархату широкое и глубокое истолкование в качестве универсально-исторической стадии в развитии человеческого общества и первого этапа развития родового строя, давши и ряд важнейших частных толкований на эту тему. В таком понимании матриархат получил признание и со стороны Сталина еще в 1906 г. в работе «Анархизм или социализм?». Признание матриархата, составляя резкое отличие советской науки от современной буржуазной науки, господствует в нашей среде совершенно бесспорным образом.

Совершенно по-новому по сравнению со всей предшествующей историей данного вопроса разработал Энгельс вопрос о переходе от матриархата к следующей стадии развития родового строя — патриархату, дав широкое изображение основных движущих сил этого диалектического превращения первобытно-общинных отношений, указав здесь особо на изменение роли женщины и мужчины в общественном производстве как наиболее наглядное выражение этого перехода. Блестящее изображение того же момента дал Сталин в работе «Анархизм или социализм?», ярко и наглядно сопоставив главенство женщины в производстве при матриархате и господствующее положение в производстве мужчины при патриархате. Изучение перехода от матриархата к патриархату привлекло к себе особое внимание в советской науке, выразившись, после того как основы этого перехода были даны Энгельсом и Сталиным, в исследовании преимущественно тех разнообразных, специфических конкретных форм, в которых этот переход протекает.

Важнейший этап в истории первобытного общества составляет эпоха патриархата. Особое значение имеет при этом изучение сохраняющегося в условиях классового строя патриархального уклада и патриархальных пережитков, той «патриархальщины», о которой неоднократно говорил Ленин. Приходится сказать, что эти темы, в особенности изучение эпохи патриархата, не привлекали еще к себе в советской науке достаточного внимания, вследствие чего в данной области у нас существует некоторая недоговоренность. Вопрос этот должен быть поставлен в порядок дня нашей ближайшей коллективной работы.

Большое внимание уделил Энгельс основной ячейке патриархального общества — большой патриархальной семье, используя здесь положение

ния М. М. Ковалевского. Эта тема вызвала специальное внимание в нашей литературе, однако заслуживает и дальнейшего освещения.

Крупнейший и важнейший вопрос, которому Энгельс дал замечательное, глубочайшее истолкование,— вопрос о возникновении частной собственности. Приходится здесь с крайним сожалением констатировать, что после Энгельса тема эта не получила нового исследования, которого она, однако, требует. Отметим, в частности, вопрос о возникновении частной собственности на стада. «Как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем»,— писал Энгельс¹⁰, вопрос этот остается и сейчас в том же состоянии.

Трудно переоценить то значение, которое имеет не только для первобытной истории, но и для ранней истории классового общества проблема военной демократии. Проблема эта неоднократно освещалась в советской науке, однако далеко не в достаточной мере. Важность этой проблемы требует того, чтобы она была подвергнута исследованию и разработке во всей ее широте, с особым учетом развития на этой стадии производительных сил. Одновременно требует дальнейшей разработки вопрос о соседской общине; в этом вопросе мы обладаем важнейшими установочными положениями Маркса, Энгельса и Ленина.

Наконец, широкая и глубокая тема о возникновении классов и государства после того, как она получила гениальное решение в марксистско-ленинской науке, все же в частности должна находиться в поле исследования советской научной мысли, привлекая к себе серьезное внимание не только историков, в частности историков первобытного общества, но и юристов, философов и экономистов.

130-летняя дата со дня рождения Энгельса заставляет нас еще раз напомнить о необходимости для советских этнографов изучать и разрабатывать наследие великого основоположника марксизма в свете нового этапа в развитии этнографической науки.

Наряду с этим всегда и неизменно стоит перед нами задача разоблачать враждебные марксизму-ленинизму взгляды и «теории» реакционной буржуазной этнографии, этнологии, социологии, разоблачать и беспощадно отмечать беспочвенные, невежественные и легкомысленные попытки ревизии основных положений Энгельса.

¹⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 166, 167.



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. П. ГОРБАЧЕВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДЕЖДЫ*

1. Введение

Для истории материальной культуры история одежды имеет важное значение. Однако она еще мало изучена. Буржуазная наука, преимущественно этнография, в течение почти ста лет тщетно пыталась решить вопрос о происхождении одежды. Споры сводились к обсуждению трех основных причин, вызвавших по предположению исследователей появление одежды: 1) стыда (мотивы морали), 2) украшений (эстетика) и 3) защиты.

Первые две причины были явно идеалистическими. Третья причина — защита от холода — вносила материалистический элемент. Поскольку попытки отрицания этой последней причины были явно несостоятельны, исследователи из идеалистического лагеря вынуждены были признать ее для объяснения происхождения «северной» — наплечной одежды, придерживаясь какой-нибудь из двух остальных «причин» для истолкования появления «южной» — набедренной. Но сторонники «защиты» доказывали, что и такая одежда могла произойти вследствие необходимости защиты от укусов насекомых и уколов колючек. Поэтому идеалистическая реакция на рубеже XIX и XX вв. стала бороться с такой точкой зрения добавлением множества вариантов к первым двум гипотезам (ревность мужчин, падение нравственности, стремление нравиться или выдвинуться из окружающей среды, «символика» украшения и одежды и т. д.), а также ссылками на биологию, физиологию, «свойства рас» и прочее.

Искали и новых идеалистических причин для лучшего объяснения происхождения одежды. Но новые «причины», большей частью сексуального и анимистического характера (например, взаимное влечение полов, охрана от злых духов, обряды первобытной магии), касались только женской юбки и оказывались столь нежизнеспособными, что вскоре умирали естественной смертью. Идеалистическому лагерю приходилось возвращаться к старым «причинам» и обсуждать их вновь, не подвигаясь вперед и не приходя ни к какому единству. К 1920-м гг. в зарубежной этнографии заговорили даже о полной невозможности разрешить вопрос о происхождении одежды.

Эти неудачи объясняются тем, что все «причины» были только априорными домыслами, опиравшимися в лучшем случае на произвольно

* Статья печатается в порядке обсуждения.

взятые этнографические примеры, приводимые без всякой исторической связи. Кроме того, о каких бы причинах происхождения одежды ни шла речь, но движущей силой (или фактором) при этом всегда оставалось сознание первобытного человека, руководившее будто бы им в то время, когда он «изобретал» или «придумывал» одежду или «нападал на мысль» о ней. Таким образом, все гипотезы, даже гипотеза «защиты», по существу решались идеалистически и были бессильны подметить закономерность и обусловленность культурных явлений. Идеалистический фактор (сознание), неизменный во всех буржуазных гипотезах, скрывался за внешне эффектными рассуждениями о «причинах» и оставался неразоблаченным.

Даже в Советском Союзе появились по вопросу о происхождении одежды совершенно чуждые теоретизирования, претендовавшие на марксизм. Наиболее развернутой из них была выдвинутая в начале 30-х гг. теория Гринковой — Супинского, по которой русская понева выводилась из украшения, а в качестве фактора ее возникновения фигурировала первобытная магия. Идеалистическая сущность этой теории была скрыта под поверхностным социологизированием и «лингвистическим анализом» в духе Н. Я. Марра. На деле же проводились взгляды Леви-Брюля и других реакционных зарубежных авторов¹.

Однако подобные взгляды в настоящее время — исключение. Советская исследовательская мысль в основном шла по другому направлению. Высказываемые в этнографической и археологической литературе мнения поддерживали гипотезу «защиты». Советские этнографы не могут считать сознание движущей силой развития. В некоторых советских работах стремление к защите именуется уже не причиной, приводящей к изобретению одежды, а фактором, содействующим образованию ее. Но при такой формулировке окружающая природа, вызывающая это стремление к защите, оказывается активной силой, руководящей человеком при создании одежды. Такая точка зрения неверна, потому что природа может непосредственно влиять на живые организмы и содействовать их перестройке и приспособлению к суровому климату, может вызывать и в человеке потребность согреться, но дать ему средство удовлетворить эту потребность и создавать конструкцию одежды она не может. Ведь главной силой в системе материальной жизни общества является не географическая среда, а **«способ производства материальных благ** — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»².

Поэтому вполне закономерны попытки некоторых советских исследователей выяснить роль труда в процессе создания одежды. Но как определить эту роль? Каким образом человеческий труд породил одежду? Некоторые искали разгадки в производственных отношениях, другие хотели установить связь между усовершенствованием техники орудий труда и покроем одежды³. Все эти попытки не привели еще пока к удовлетворительным результатам.

Вопрос о происхождении одежды только тогда получит надлежащее разрешение, когда процесс ее создания будет тесно увязан с процессами ее дальнейшего развития, при учете влияния географической среды и всех общественных и культурно-хозяйственных условий. Построение такой теории дело нелегкое, но в Советском Союзе вполне возможное,

¹ Н. П. Гринкова, Очерки по истории развития русской одежды, «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 66—94; А. К. Супинский, Понева и вставка в белорусской одежде, «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 102—136.

² И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.

³ См. А. Я. Брюсов, Первобытная община, Путеводитель Гос. исторического музея, М., 1938, стр. 9.

так как накоплен большой фактический материал по одежде народов СССР и созданы кадры исследователей. Проблема происхождения одежды это не только узко специальный вопрос; правильное решение его будет иметь большое значение для всей истории материальной культуры.

Настоящая статья представляет собой краткое изложение взглядов исследователя, посвятившего многие годы изучению данной проблемы и желающего поделиться своим опытом с другими с целью привлечения внимания к мало еще разработанной теме⁴.

2. Определение понятия «одежда»

До сих пор нет четкого определения понятия «одежда». Каждый толкует его по-своему. Ю. Липперт, например, после нескольких вариантов признает «настоящей одеждой» только «нижнюю», т. е. домашнюю, и при этом шитую одежду или «платье»⁵. Анна Левин-Дорш пишет: «Мы, может быть, затруднились бы признать одеждой шнурок, носимый вокруг бедер дикарем, или кольца на ногах и руках первобытного человека, а между тем все это подходит под понятие одежды в широком смысле слова», и дальше признает окрашивание тела и татуировку за «начало одежды»⁶. Б. Ф. Адлер, наоборот, утверждает, что жители Огненной Земли «не носят одежды, а голые ежась у своих костров, от времени до времени прикрываясь шкурой»⁷, следовательно, он шкуру не считает одеждой. Г. Мютцель говорит, что «фиговый листок не одежда и даже самая пышная гирлянда из роз — только украшение тела, но далеко еще не продукт искусства одеваться. Такое искусство начинается лишь там, где есть платье, есть для тела покров из шкуры или ткани»⁸. Иначе говоря, Мютцель понятие «одежда» ставит в зависимость от материала, не объясняя, почему набедренник из необработанных растительных волокон, постоянно носимый на теле, менее заслуживает названия «одежды», чем звериная шкура, лишь изредка набрасываемая на плечи.

Слово одежда употребляется и в более широком, и в более узком значении. В дальнейшем будет разбираться вопрос только об одежде в узком смысле этого слова, т. е. о тех покровах, которыми человек одевает свое туловище и верхние части конечностей. Если речь пойдет об одежде в более широком смысле слова, т. е. о совокупности покровов для всего человеческого тела, мы будем условно применять слово костюм, как давно вошедшее в употребление в русском языке.

Сужение термина и сужение самой темы исследования необходимы потому, что обувь и перчатки (или рукавицы) появились значительно позже, чем одежда, и упоминания о них в настоящей работе излишни. Происхождение головного убора более сложно, чем одежды, и должно быть рассмотрено особо. Но история одежды представляет собой генеральную линию в истории развития костюма, и выяснение ее происхождения поможет нам впоследствии при расшифровке происхождения всех остальных его частей. Сужение термина, кроме того, дает возможность с самого начала устранить из исследования смешение одежды с посторонними предметами и в первую очередь с украшениями. Боль-

⁴ Настоящая статья доводит исследование до порога возникновения одежды. Следующая будет посвящена самому процессу этого возникновения.

⁵ Ю. Липперт, *История культуры*, Л., 1925, стр. 87—90.

⁶ А. Левин-Дорш и Г. Кунов. *Первобытная техника*, М.—Л., б. г., стр. 403—404.

⁷ Б. Ф. Адлер, *От наготы до обильных одежд*, Берлин, 1923, стр. 6.

⁸ H. Mützel, *Vom Lendenschurz zur Modetracht*, Berlin, 1925, стр. 5.

шинство тенденциозно-идеалистических объяснений происхождения одежды построено именно на таком совершенно необоснованном суждении.

Украшения нетрудно отделить от одежды. Л. Я. Штернберг еще в 1902 г. писал: «Украшения — термин, под которым в этнографии понимаются все те объекты и приемы убранства человеческого тела, которые, независимо от своего первоначального генезиса, либо с самого начала, либо с течением времени стали предназначаться для того, чтобы вызывать у других благоприятные для украшаемой личности эмоции — эстетические, эротические, удивления, уважения, страха и т. п.»⁹

Далее Л. Я. Штернберг отметил, что «материалами, из которых готовятся украшения, у первобытных народов, на самых ранних ступенях, служат камни, зубы, когти, кости, волосы животных и людей, раковины, железо, стекло, бусы, кораллы и жемчуг»¹⁰.

Хотя далеко не все указанные Л. Я. Штернбергом материалы (например, железо, стекло, бусы) можно считать свойственными первобытной эпохе, но все-таки его перечисление в основе правильно и помогает выделить одну общую характерную черту: материал, используемый для целей «этнографического» украшения, всегда выбирается твердый или во всяком случае прочный и устойчивый, или же украшение фиксируется на самом теле человека. В противоположность этому одежда делается с самого начала из травы, лыка, шкур и т. п., т. е. не из столь прочного, но сравнительно мягкого и облегчающего материала.

Насколько можно проследить, уже у самых первобытных народов украшения, как правило, связаны с заслугами (охотничьими или иными) или с событиями в жизни данного человека, с достижением им определенного возраста, с вступлением в брак, у женщин — с рождением детей; украшения служат также племенными и родовыми отличиями. По мере того как та или другая из названных функций отпадает, «этнографическое» украшение изменяет свой характер, превращаясь в украшение в современном смысле этого слова или же в талисман.

Каково бы ни было назначение первичных украшений, но ни один твердый предмет, прикреплен ли он к шнурку на шее или на бедрах или в ином месте, а также ни татуировка, ни рубцы на теле ни от чего человека не защищали и не защищают (автор имеет в виду, конечно, реальную практическую защиту, а не сомнительную роль пресловутых «магических оберегов»). Назначение же одежды — изоляция человеческого тела от грубого и непосредственного воздействия внешней среды и, следовательно, защита его. А поскольку ни по материалу, ни по назначению украшения и одежда на заре своего появления не совпадают, то происхождение этих предметов различно, и они могут исследоваться независимо один от другого.

- ✓ Пояс, из которого, по мнению многих авторов, будто бы «разрастается» одежда, не является одеждой. Появление пояса было вызвано, вероятно, стремлением сдвинуть или стянуть живот, чтобы уменьшить мучительное чувство голода в периоды недостаточного питания, сменяющие периоды наедания до отвала, во время которых живот растягивается¹¹. Во всяком случае это применение пояса широко распространено у самых отсталых народов, во всех частях света, даже там, где одежда употребляется непостоянно или где преобладает привычная нагота. Первобытный пояс наряду со своим основным назначением используется для подвешивания украшений или служит своего рода «карманом» для затыкания и переноски различного рода мелких предметов, которые

⁹ Л. Н. Штернберг, Украшения, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Спб., 1902, т. 68, стр. 638.

¹⁰ Там же, стр. 639—640.

¹¹ См. И. Ранке, Физические различия человеческих рас, СПб., 1902, стр. 20.

нужно иметь всегда при себе, но неудобно носить в руках¹². Одним словом, пояс — предмет вспомогательный.

Охотничьи маскировки и ритуальные наряды первобытного человека тоже должны быть исключены из понятия «одежда», что облегчит борьбу с остатками «магических» или «культовых» истолкований происхождения одежды, которые ничем нам не помогут.

Охотничьи маскировки, ритуальные наряды защитного характера не имеют. Они служат для лучшего подкрадывания к добыче или же целям перевоплощения в олицетворяющего тотем зверя или позднее в «духа», надеваются в исключительных случаях или применяются при магических церемониях и плясках, т. е. в необычной обстановке. Формы бытовой одежды складываются в условиях повседневного труда и зависят от него, а потому никак не могут быть «вдохновляемы» магией. Встречающееся иногда чисто внешнее сходство одежды и костюмировок объясняется тем, что оба эти вида, различные по назначению, зависят от форм человеческого тела и так или иначе должны к ним приспособляться.

В функции первобытной одежды не могла входить защита в случае опасности от человека или от зверя, потому что материал, из которого она изготовлялась, не соответствовал этой цели. Броня, панцырь, кольчуга, латы изобретены были много позднее и относятся к доспехам, а не к одежде. Бытовая одежда защищает человека не от случайной опасности, но от постоянных или периодически повторяющихся неблагоприятных воздействий окружающей природной среды.

Даже исследователи-идеалисты вынуждены признать значение температурных условий для наплечной одежды, а следовательно, и защитный ее характер. В противоположность этому, набедренную одежду они избрали опорным пунктом для построения своих гипотез. Некоторые из этих исследователей считали набедренную и наплечную одежду возникшей в разных широтах и от разных причин.

В поисках материалистического объяснения происхождения набедренной одежды некоторые авторы отмечали, что широкое распространение ее под тропиками объясняется тем, что область бедер там особенно нуждается в защите от укусов насекомых или от укусов и царапин во время продвижения сквозь тропические джунгли. Но нижняя часть туловища также нуждается — особенно при сидении — в защите от непосредственного соприкосновения с сырой или загрязненной почвой, вызывающего неприятные ощущения или даже простудные заболевания и воспалительные процессы. Ревматизм — одна из древнейших болезней. От него страдали и в палеолите, как это установлено по находкам патологически разросшихся костей, пещерные обитатели — и люди и медведи¹³.

Сыро и холодно бывает не только в пещерах и не только на севере, но и на юге. Простудные заболевания так же часты под тропиками, как и под прочими широтами, потому что ощущения холода и тепла зависят не столько от абсолютных температур, сколько от реакций и приспособленности человеческого тела к окружающей среде. Резкая смена дневных и ночных температур в тропическом климате хорошо известна. Миклухо-Маклай во время своего пребывания на Новой Гвинее, в ноябре 1876 г., записал в своем дневнике: «Когда температура по утрам опускается до +21°, то я положительно ощущаю холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом»¹⁴. К резкой смене температур надо прибавить проливные дожди экваториальной зимы, по-

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, т. I, М.—Л., 1940, стр. 20.

¹³ См. Обермайер, Человек в его прошлом и настоящем, СПб., 1913, стр. 151 и 176.

¹⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, т. I, стр. 168.

стоянную сырость тропических лесов и свирепствующую там и вызывающую сильный озноб малярию. Все это дает право утверждать, что ощущения холода, сырости и всевозможные, связанные с этими явлениями, страдания знакомы людям под всеми широтами.

С другой стороны, иссушающее и раздражающее действие солнца, ветра и песка в условиях жарких и сухих пустынь вызывает не меньшую потребность в защите тела одеждой, чем ощущения холода и сырости. Так, туареги ради предохранения от сухости воздуха не только закрываются полной одеждой и покрывают голову, но даже закутывают лицо, чего не делают и арктические народы. А пышный набедренный «наряд» из листьев в экваториальных странах служит не целям украшения и не вызывается чувством стыдливости, как это утверждают исследователи идеалисты. Такой наряд хоть отчасти предохраняет тело от изнуряющей жары.

Наконец, укулы колючек и укусы насекомых вовсе не составляют привилегии жаркого климата. Вспомним сибирский «гнус» и то обстоятельство, что арктические оленеводы вынуждены каждую весну откочевывать к берегам Ледовитого океана, где свежий морской ветер разгоняет тучи мошкеры, от которой неимоверно страдают не только люди, но и олени. Следовательно, основные условия, вызывающие у человека стремление защитить свое тело, имеются во всех широтах, лишь изменяясь по местностям. А потому противопоставлять наплечную одежду набедренной как типы северной и южной одежды — нельзя. И та, и другая нужны во всех климатах и возникают, как мы это увидим дальше, во всех уголках земного шара.

Таким образом, в любых широтах, при всяком климате и наплечная и набедренная одежда может служить — и служит действительно — защитой от всяких внешних постоянно действующих или периодически повторяющихся неблагоприятных явлений, изолируя человеческое тело от грубого соприкосновения с окружающими температурными и механическими раздражителями. А раз назначение одежды под всеми широтами одно и то же, то, значит, и возникновение ее всюду обусловлено едиными законами.

Исходя из сказанного, мы можем дать следующее определение понятию «одежда».

Одежда представляет собой главную основу костюма, покрывающую полностью или неполностью туловище и верхние части конечностей человека. Она изготовляется из мягкого, не раздражающего кожу материала растительного или животного происхождения, обработанного или необработанного, и форма ее зависит от формы человеческого тела. По своему назначению одежда — одно из тех средств, к которым прибегает человек в поисках защиты от постоянно действующих или периодически повторяющихся неблагоприятных воздействий окружающей среды. Главное принципиальное отличие одежды от других предметов общего с ней назначения заключается не в форме и не в материале, а в характере ее употребления, всегда связанном с какой-либо деятельностью человека.

Это еще далеко несовершенное определение указывает, во-первых, на связь одежды с движением и трудом человека, а значит, на необходимость нового метода исследования, которое не ограничивалось бы статическим изучением типов и форм одежды, но искало бы разгадку их возникновения и развития в характерных движениях и положениях тела работающего человека, прослеживая изменения их на разных ступенях культуры. Во-вторых, если отбросить ряд посторонних одежды предметов (украшения, костюмировки, пояс и др.) и подчеркнуть основное назначение одежды как защиты, то точное понятие слова одежда ясно указывает на тесное родство ее с жилищем, постелью и одеялом, почему и корни ее происхождения следует искать там же, где находятся

корни названных трех предметов материальной культуры. В-третьих, это определение понятия позволяет более или менее точно установить момент возникновения одежды. Она возникла тогда, когда человек впервые достаточно прочно укрепил на своем теле материал, употреблявшийся им прежде для постели и одеяла, чтобы иметь возможность пользоваться им во время движения или работы. Поскольку этим материалом в первобытные времена служили лишь шкуры и необработанные волокна, травы и листья растений, то укрепляться на теле эти материалы могли только посредством завязок, заколок или застежек, а потому время первого появления одного из этих предметов и есть время, с которого нужно начинать историю одежды. Остается выяснить, на какой ступени развития общества это происходит, т. е. определить древность одежды.

3. Древность одежды

Буржуазная наука распределяет современную одежду народов мира, представляющую собой пестрое многообразие различных типов и форм, в соответствии с зональностью на «арктическую», «тропическую» и на «одежду умеренного пояса» и считает это деление существовавшим всегда. У большинства народов земного шара в настоящее время дифференциация по зонам безусловно существует: одежда разных зон различается как по материалу, так и по форме. В арктике носят шитую меховую одежду, а под тропиками многие народы еще недавно довольствовались набедренниками из растительных материалов. Помимо чисто зональных различий, материалы и конструкция одежды специализированы и в зависимости от других особенностей географической среды: от поверхности и рельефа местности, от флоры, фауны, от климата (сырого или сухого), резкой смены дня и ночи и т. д. Одежда современных народов, как правило, хорошо приспособлена ко всем особенностям окружающей географической среды.

Кроме того, одежда дифференцируется по племени, полу, возрасту, по классовой принадлежности, хозяйственным условиям, характеру занятий населения и профессиям, по уровню техники, а также делится на зимнюю и летнюю, будничную и праздничную, специальную и домашнюю. Все это мы имеем в настоящее время, но это не значит, что такая сложная дифференциация и высокая степень приспособленности к окружающим природным и социальным условиям возникла сразу и что с самого начала под тропиками появился один тип одежды (нешитый), а в арктике — другой (рубашка и штаны). На таких неправильных позициях — одновременности возникновения различной в разных зонах шитой и нешитой одежды — стояла «школа культурных кругов».

Как бы ни стремились люди каменного века лучше укрыть свое тело от холода и сырости, но одного стремления было далеко не достаточно. Первичная одежда была одинаково неудобной и скудной всюду, где бы она ни возникала, но, конечно, в холодном климате ее скудость давала себя сильнее чувствовать. Современного совершенства и приспособленности к условиям окружающей географической среды одежда достигла только в результате многовекового опыта и длительного исторического развития, пройдя через ряд последовательных этапов.

Зависимость одежды от культурного развития народов не требует доказательств. Но правильно, однако, и то, что в настоящее время при разных климатических условиях отсталая народность может носить более совершенный тип одежды (на севере), чем сравнительно более высоко развитая (под тропиками). В последнем случае задержку в развитии типа и незначительное количество покровов легко объяснить тем, что и такой тип одежды удовлетворяет потребность в ней в жарком

климате. Но одной зональностью не объяснишь появления высоко развитого типа одежды у эскимосов и ительменов. В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Нельзя упускать из виду и взаимных влияний народов.

Передача опыта от одной народности к другой бесспорно существует. Она ускоряет или несколько видоизменяет развитие одежды в каждом отдельном случае, но не нарушает общего хода исторической закономерности, выражающегося везде и всюду в определенной исторической последовательности появления различных типов одежды с тенденцией к постоянному усовершенствованию их.

В западном полушарии в доколумбовские времена, если исключить поздних переселенцев из Сибири — эскимосов и, может быть, племена Северной Канады, только мексиканцы и перуанцы уже носили рубашку. Все остальное — достижение позднейшего периода. Прочие живущие на юг от экватора племена обоих полушарий поражают примитивностью типов своей одежды, уменьшением ее разнообразия и ее оскудением, несмотря на то, что климатические условия здесь сильно колеблются. Все это происходит вследствие большей удаленности этих племен от передовых стран и большей самобытности их развития. Но это дает возможность легче проследить историческую последовательность развития одежды и возникновения древнейших ее типов. Наиболее культурные народы и в южном полушарии обладают более развитой одеждой по сравнению с отсталыми соседями. Но на первый взгляд это подметить трудно, а так как зональные условия здесь все-таки себя проявляют, задерживая развитие типов одежды, то может показаться, что разницы, например, между одеждой полинезийцев и папуасов никакой нет. Однако это далеко не так. У папуасов Новой Гвинеи нельзя встретить утонченности полинезийской одежды. У них женщины ходят в юбках из травы, примитивно украшаемых разноцветными поперечными полосами. Из тапы делают только мужские «мали», и она далеко не достигает качества полинезийской тапы. Даже и между самими полинезийцами можно при пристальном наблюдении найти различия в одежде. Каждый остров имеет свои особенности. На Таити, например, вплотную подошли к созданию шитой одежды совершенно самостоятельным путем. Здесь, как и на ряде других островов, еще до появления европейцев начало сказываться в одежде классовое расслоение. Не только трудящиеся классы менее покрывали тело, особенно во время работы, но и «придворные» не смели в присутствии «короля» покрывать плечи, хотя делали это в обычное время¹⁵. Тонкость обработки материала, искусное его оформление, изготовление, например, замечательных плащей из перьев на Гавайских островах¹⁶ — все это говорит о том, что в исторически конкретной обстановке архаический тип одежды еще не доказательство ее примитивности. Надо учитывать утонченность формы или приемов драпировки, а также степень развития технической и художественной обработки материала.

У бушменов, ведда, огнеземельцев нет даже тех незначительных попыток художественного оформления одежды, которую можно наблюдать у папуасов. Материал и форма варьируются, но тип одежды сводится к плащу и к крайне скудной набедренной одежде. Огромная разница в климатических условиях обитания этих трех народностей почти не отразилась на одежде. Особенно поражает скудость одежды огнеземельцев, но она объясняется именно тем, что на такой низкой ступени развития самостоятельно создать более высокий тип одежды невозможно.

¹⁵ См. O. Forster, *Das Idyll von Tahiti*. Приведено по W. Bölsche, *Neue Welten*, Berlin, 1917, стр. 52.

¹⁶ См. О. Е. Коцебу, *Путешествия вокруг света*, М., 1948, стр. 121, 131—132.

В еще большей степени все сказанное касается и австралийцев, которых принято относить к средней ступени дикости, согласно периодизации Энгельса — Моргана. До появления европейцев они знали лишь самые примитивные виды одежды: аморфные плащи с завязками и небольшой лоскут из шкуры или пучок травы, прикрепленный к поясу. Плащи носили лишь более развитые восточные племена, преобладала же привычная нагота. Все это происходило не от недостатка технических средств для изготовления одежды. Австралийцы умели уже прясть нити¹⁷ и выделывать костяные иглы¹⁸, которыми сшивают мелкие шкурки в большие плащи, что, однако, нельзя назвать шитой одеждой. Шьют мешки, нанизывают ожерелья, чинят сети, плетеные предметы¹⁹, словом то, что никакого отношения к одежде не имеет. Таким образом, хотя техническая база уже имеется, но шитой одежды нет, и, как это видно из предыдущего обзора, еще очень далеко до ее создания.

Археологический материал дает подобную же картину. Около начала нашей эры, судя по изображениям современников и находкам в погребениях, у разных народов Европы были разнообразные типы одежды. При рассмотрении ее в совокупности оказывается, что в этот период все основные типы покровенной и шитой одежды уже имеются даже у варваров (высшей ступени), правда — в самой простейшей форме. Чем дальше в глубь времен, тем больше оскудевает и упрощается одежда. В период бронзы шитых типов одежды очень мало. В неолите можно точно зафиксировать только набедренники, а в верхнем палеолите назадники и «хвосты» (если исключить изображения замаскированных под животных людей, что к бытовой одежде отношения не имеет). Огромное большинство верхнепалеолитических изображений показывает нагих людей, представленных с замечательной реальностью: это не оставляет сомнений, что первобытные художники действительно каждый день могли наблюдать нагое тело и, следовательно, в этот период преобладала привычная нагота. Многочисленные находки иголок в верхнем палеолите ничуть не противоречат сказанному. На примере австралийцев мы видим, что иметь иголки могут и люди, не знающие шитой одежды, и что в этом случае игла используется при работах, не связанных с изготовлением одежды. Верхний палеолит это та же средняя ступень дикости, а потому сопоставление этой культуры с австралийской вполне закономерно и широко применяется в науке. Из всего этого можно сделать вывод, что на этой ступени развития возможны лишь аморфные плащи, далеко не всегда носимые и крайне скудные начатки набедренной одежды.

Совсем иначе принято изображать одежду неолита и верхнего палеолита в буржуазной археологии. Находки иголки используются как непреложное доказательство существования шитой одежды у кроманьонца. Игнорируя свидетельство огромного большинства скульптурных или иных изображений человека, ясно показывающих его нагим, пускаются на всякого рода ухищрения, чтобы заставить читателя увидеть на изображениях и в другом археологическом материале верхнего палеолита то, чего там не было, да и быть не могло, т. е. рубашку и штаны, как у современных арктических народов.

Буржуазные археологи преследуют при этом явно реакционные цели. Они или доказывают «застойность» культуры и общую недоразвитость народа, остановившегося будто бы на уровне каменного века (например, в тех случаях, когда речь идет о славянских древностях), либо, наоборот, — извечность человеческой культуры, уже на такой ранней

¹⁷ См. П. И. Борисковский, Начатки текстильной техники у австралийцев, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 8, стр. 18—25.

¹⁸ См. Н. К. Kunike, Australische Märchen, «Erdball», 1928, № 11, стр. 415.

¹⁹ См. П. И. Борисковский, Указ. раб. стр. 21 и сл.

стадии, как верхний палеолит, создавшей якобы вполне современный тип покровенной одежды.

Даже некоторые советские археологи идут по тому же пути. П. П. Ефименко, например, нарисовал подробную картину шитья «раскроя» одежды в верхнем палеолите, списав ее прямо с этнографических данных об эскимосах²⁰. А. П. Окладников, борющийся против отождествления мадленской культуры с эскимосской и убедительно доказывавший это на примерах буретинских жилищ и других предметов культуры²¹, — не только увидел меховой комбинезон с капюшоном на крайне схематичной статуэтке из Бурети, но и вывел отсюда широкие идущие заключения о полной доказанности такой «арктической» одежды для всего мезолита и даже палеолита²², хотя графическое изображение «капюшона» совпадает с встречающимся в широко известном австралийских наскальных росписях изображением волос²³, а отделанные точки на статуэтке не могут изображать шитую меховую одежду, да еще комбинированную. А. П. Окладников, кстати, стоит на точке зрения неизменяемости типов одежды со времени неолита. В одной работе он, например, утверждает, что одежда эвенков не изменялась с неолита и что 3000 лет назад эвенки (или их предки) выглядели такими, как и сейчас²⁴. Однако одного анализа украшений для таких утверждений мало; чтобы судить о древней одежде, нужно прежде всего изучить историю одежды.

Для того чтобы положить основание историческому исследованию происхождения одежды, надо раз и навсегда покончить с гипотезой «шитой одежды палеолита». Она не могла появиться на такой ранней стадии культуры и не могла быть создана сразу. Развитие одежды — гораздо более сложный процесс, чем это обычно себе представляют. Между первичной аморфной и шитой одеждой были промежуточные звенья. Без них рубашка никогда бы не появилась. Нужен был длительный и упорный труд многих поколений для создания даже самого примитивного покрова в одежде.

Если принять все сказанное во внимание и отбросить все антиисторические натяжки, то окажется, что данные археологии и этнографии в отношении средней ступени дикости полностью совпадают. Они показывают, что одежда на этой ступени, хотя и была, так как существовали завязки, но настолько примитивная и, по видимому, неудобная, что преобладала привычная нагота. Более примитивной одежды найти нельзя. А потому среднюю ступень дикости следует признать историческим моментом возникновения одежды. По данным археологии, на низшей ступени дикости не было даже умения привязывать орудия труда к рукояткам, т. е. не существовало искусства завязывать узлы, никакой одежды быть не могло. Но так как у мустьерского человека имелось уже скребло и, значит, началась обработка шкур, то допустимо говорить о предпосылках для создания одежды в этот период и о наличии прототипов ее²⁵.

²⁰ См. П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, Л., 1939, стр. 337—338.

²¹ См. А. П. Окладников, *Палеолитические жилища в Бурети*, «Краткие сообщения ИИМК», X, 1941, стр. 30.

²² См. А. П. Окладников, *Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре*, «Советская археология», т. V, стр. 292.

²³ См., например, у Г. Кюн, *Искусство первобытных народов*, М.—Л., 1933, табл. 10, рис. 21.

²⁴ См. А. П. Окладников, *Неолитические памятники, как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока*, «Краткие сообщения ИИМК», т. IX, 1941, стр. 9—11.

²⁵ Утверждение автора, что в эпоху верхнего палеолита еще не было шитой одежды, — весьма спорно, а приводимые им аргументы не вполне убедительны. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. — *Ред.*

4. Прототипы одежды: шалаш — постель

На низшей ступени дикости одежды еще не было, но в течение этого периода происходил подготовительный процесс, в результате которого были выработаны прототипы одежды и, таким образом, заложено основание для ее создания. Но археология, этнография и лингвистика бессильны помочь найти эти прототипы одежды. Приходится обратиться к зоологии — не смогут ли помочь данные о «строительном искусстве» человекообразных обезьян?

Брэм в «Жизни животных» подчеркивает, что человекообразные обезьяны в отличие от всех других умеют в разветвлениях деревьев устраивать себе мягкое ночное ложе. Такие их приюты путешественники называют то помостами, то койками, то платформами, а среди туземных племен нередко существует убеждение, что обезьяны строят себе хижины. Это, конечно, неверно. Более подробно о технике строительства у шимпанзе говорит Кёлер в своем «Исследовании интеллекта человекообразных обезьян», написанном на основании длительных наблюдений над ними на Антропоидной станции о-ва Тенериф. Кёлер утверждает, что все шимпанзе с самой ранней молодости, строили гнезда, похожие на гнездо аиста. Шимпанзе Антропоидной станции устраивали гнезда не только ночью, но и днем, как только им попадался подходящий для этой цели материал, такой который можно загибать и скручивать, а в сырые и холодные ночи стремились покрыться сверху листьями²⁶.

Эти данные, а также сведения, сообщаемые Уоллесом²⁷, дают нам некоторое право предполагать, что человек с первых шагов своего становления уже обладал предварительным опытом в строительстве «жилищ», которые были постелями, а не жилищами, так как в них не жили, а только спали. Они служили недолго, строились быстро и непрочно; в основе их техники было заложено свивание и переплетание ветвей. Жилища-постели, предназначенные для сна и согревания одной-двух особей, неизбежно были малых размеров, а листовая «крыша» их очень низка, так как иначе она не могла бы одновременно выполнять и функции одеяла.

В устройстве таких «жилищ» или, лучше сказать, «шалашей-постелей» вначале едва ли могли быть устойчивость и определенность. По мере расселения человека из областей его первоначального становления, в зависимости от местных условий, материал и техника их выполнения становились все разнообразнее, но назначение у всех было одно.

В связи с переходом человека к наземному образу жизни условия работы «строителей» изменились. Земля представляла собой готовую опору, какой раньше не могли дать деревья, но зато над головой теперь уже не было густой массы листвы, дополнявшей предкам человека подобие кровли над гнездом. Поэтому техника устройства «шалаша-постели» начинает развиваться в сторону усовершенствования «крыши-одеяла». Это вполне соответствует хорошо известному в этнографии факту, что встречающиеся и ныне у отсталых народов низкие шалаши представляют собой по существу только одну крышу. Эта конструкция жилища сохраняется довольно долго, даже после увеличения его размеров на более высоких ступенях развития. Стены появляются поздно и, повидимому, ведут свое происхождение от заслонов, устраиваемых женщинами в целях защиты разложенного костра от ветра. Но это происходит уже после разделения путей развития жилища и одежды, а потому к настоящей теме отношения не имеет.

²⁶ См. В. Кёлер, Исследование интеллекта человекообразных обезьян, 1930. стр. 73—75.

²⁷ См. А. Р. Уоллес, Малайский архидеял, СПб., 1872, стр. 56—57 и 65.

До полного овладения искусством поддержания огня шалаши-постели с их низкой кровлей были особенно необходимы человеку для защиты от холода и непогоды. В. К. Арсеньев рассказывает, как его проводник по дебрям Уссурийского края гольд-охотник Дерсу Узала сплел хижину и себе и Арсеньеву, устроив или, вернее, связав из травы низкий шалаш, когда их внезапно застала на озере Ханка снежная буря, причем у них не было ни спичек, ни куска сухого дерева, чтобы разжечь огонь. Шалаш, который устроил Дерсу Узала, был только постелью для двух человек, лежавших, плотно прижавшись один к другому, а низкая травяная крыша его сыграла роль одеяла, согрев замерзавших путешественников²⁸. И так, в некоторых случаях шалаши-постели бытуют в качестве временного приюта и в настоящее время. Сведений о применении подобных шалашами можно найти множество. Особенно часто они встречаются у племен, ведущих охотничий или пастушеский передвижной образ жизни. Стенли рассказывает о сторожевых шалашах негрителл (пигмеев) Африки: «В расстоянии примерно пятидесяти сажен от лагеря, на каждой из тропинок, ведущих к нему, ставит шалаш, в котором едва могут поместиться двое карликов; этот шалаш отверстием своим обращен к тропинке». Настоящие хижины негрителл устраиваемые в лагерях, хотя тоже низкие, но все же значительно поместительнее. Стенли говорит, что они «состоят из низкого шалаша овальной формы, вроде половинки яйца, перерезанного вдоль; две трети вышиной от двух до трех футов помещаются на обоих концах»²⁹. И другим источникам строительство этих хижин таково: «Для устройства хижины они нарезают или наламывают веток, втыкают их вокруг и в бранном для хижины места и сплетают верхушки их сводом, накрыв верх листьями фринии или калатеи. Вход в хижины, представляющий отверстие в 50 см высоты, остается открытым; против него на куче земли в виде гнезда горит огонь»³⁰. Судя по этому описанию и фотографии³¹, на которой входное отверстие занимает приблизительно треть хижины, высшая точка ее не превышает полутора-двух метров. Огонь разводится снаружи и потому можно думать, что эти хижины — только усовершенствованные и увеличенные в размерах шалаши-постели, хотя, принимая во внимание низкорослость их строителей, высоту их можно считать достаточно нормальной. В прошлом же они, подобно сторожевым шалашам, были, вероятно, значительно меньше.

Конечно, нужно остерегаться связывать каждый бытующий временный шалаш с шалашом низшей ступени дикости, особенно если он встречается у народов с высокоразвитой культурой. Вовсе не обязательна непосредственная преемственность от времен седой древности. Даже там, где подобные шалаши давно вышли из употребления, они могут появиться опять, когда обстоятельства вызывают их к жизни. Принцип устройства их так несложен, что на высших ступенях развития они могут многократно создаваться и по миновании надобности забываться вновь. Только техника устройства и формы их будут каждый раз уже иными, более усовершенствованными, чем это было в эпоху дикости.

Высказанное мною здесь предположение о том, что древнейшее и созданных руками человека убежище было таких малых размеров, что не вмещало в себе больше одного или двух человек, не должно быть истолковано как попытка изобразить первоначальных людей индивидуально бродящими дикарями. Напротив, как указывал еще Энгельс, это не только человек, но и его ближайшие предки были общественными

²⁸ См. В. К. Арсеньев, Дерсу Узала, М.—Л., 1936, стр. 49—52.

²⁹ Г. Стенли, Обитатели лесов центральной Африки, сб. «Африка», составл. А. Крубера и др., 1905, стр. 322—328.

³⁰ Ал. Острогорский, Народы земли, СПб., т. II, стр. 132.

³¹ Сб. «Африка», фотогр. на стр. 324.

животными. Малые размеры шалаша легко объясняются недостаточностью технического умения у «строителей», которым конструкция большого дома была еще не по силам. Низкая же форма шалаша была вначале жизненно необходимой и имела чисто практическое назначение.

Не противоречит это положение и утверждению Моргана о том, что первое жилище человека носило коллективный характер. Утверждение это совершенно правильно, потому что жилище в полном смысле этого слова появилось только тогда, когда человек овладел уже искусством делать сооружения достаточно больших размеров для включения в них очага, помещения утвари или вмещения некоторой группы людей, которые могли в нем не только лежать или сидеть, но стоять и передвигаться и, следовательно, жить. С этого момента такое сооружение, не теряя своего прежнего назначения защиты, приобретает еще новые функции и новый социальный смысл как центральное место пребывания, приготовления пищи и ведения совместного хозяйства целой родовой группы. Но это происходит много позднее описываемого периода.

Разумеется, на низшей ступени дикости первобытные шалашы выполнять столько разнообразных функций не могли, они были только защитой и приютом во время сна. Иногда и в представлении современных отсталых народов низкий шалаш теснее связан с постелью, чем с домом. Об этом говорят записанные Н. Н. Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее сведения о диалектах деревень Горенду и Бонгу. Большая мужская хижина называется буамбрамра, хижина вообще — таль, тааль, маленькая хижина — таль-до, а низкая хижина — барла. Но словом барла обозначаются также бамбуковые нары для сна и сиденья-помост, на котором происходят пиры. Кобум-барла — платформа на пироге, на которой лежат и под которой укрываются во время дождя (кобум — пирога)³². Если сами строители таких жилищ называют их «постелью», то имеется основание утверждать, что первобытный шалаш послужил прототипом не только для жилища, но и для постели, а кровля его представляла зачаточную форму, с одной стороны, — крыши, с другой, — одеяла.

Следовательно, существование шалаша-постели не прошло бесплодно, так как процесс его изживания и отмирания начался только после того, как он дал новые жизнеустойчивые производные формы, имевшие огромное значение для развития материальной культуры человеческого общества.

5. Прототипы одежды: одеяло и покрывало

Низкий шалаш представлял собой недифференцированный еще общий прототип и жилища и постели, но в дальнейшем и то другое должно было пойти своим путем развития. Для этого прежде всего было необходимо, чтобы произошел отрыв крыши от одеяла. Первичный материал для кровли шалашей первобытных людей был тот же, которым пользовались еще их животные предки, — растительный. Такой материал годился и для постели, и возможно, что уже в упомянутый период внутри шалаша иногда устраивалось ложе из листьев или травы. Но растительный материал не был пригоден для настоящего одеяла, в которое можно было бы закутаться, потому что изготовлять из него плетеные циновки люди еще не научились, отдельными же листьями можно было только прикрыться сверху. В несколько углубленном гнезде обезьяны так и делают, но на плоской земле человеку это было неудобно. Некоторые исследователи полагали, что первыми жилищами были землянки, но это невероятно. Руки первобытного человека не были приспособлены для копания, и вряд ли он своими аморфными орудиями

³² Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, М.—Л., 1940, т. 1, стр. 275.

или палками выкапывал из земли что-нибудь, кроме корней и других пригодных в пищу предметов. Вернее всего, что шалаши-постели были только наземными убежищами. В опровержение этого нельзя ссылаться на костенковские землянки. По сравнению с глубокой древностью синантропа и гейдельбергского человека верхний палеолит — это вчерашний день. Костенковцы были уже опытными строителями. В начальной же низшей ступени дикости построить нечто подобное их жилищу было невозможно. Здесь огромную роль предстояло сыграть естественным убежищам, т. е. пещерам и навесам скал. К ним от открытых стоянок люди начали постепенно переходить — как свидетельствуют данные археологии — уже в эпоху ашеля и мустье, в последующие эпохи роль пещер как человеческих обиталищ еще более увеличилась³³. В этих убежищах крыша (вернее, потолок пещеры) перестала греть человека и фактически отделилась от одеяла. С момента освоения естественных убежищ пути развития жилища и постели разделились. В сознании же человека еще долго не было ясного разграничения между понятиями «крыша» и «одеяло», и следы этого дошли до нашего времени. Даже в современном русском языке такие слова, как «крыша», «укрываться», «покрыть», «кровля», «покров», «покрывало», имеют общее происхождение.

Вторым условием, необходимым для усовершенствования изолированного от крыши одеяла, было наличие материала, пригодного для целей укутывания в него. Таким материалом могли быть только шкуры, и притом большие по размерам, потому что не было еще технических средств для сшивания мелких шкурок. Поэтому только с переходом человека к охоте на крупных зверей открылась перспектива для появления настоящего одеяла.

Но этого было еще недостаточно. Мало было добыть шкуру, надо было научиться хотя бы грубо ее обрабатывать, а такое искусство, конечно, не могло прийти сразу. Синантроп жил в пещере, а шельский человек переходил уже к охоте на крупных зверей, но ни тот, ни другой не извлекали пользы из добываемых ими шкур животных, потому что не имели орудий для их обработки. Наличие соответствующих орудий есть третье условие, необходимое для появления одеяла, изготовленного из шкур.

Естественные убежища и крупные звери встречаются не везде. Вот почему и одеяло создается не везде на одной и той же ступени развития общества. Раньше всего оно появляется там, где совпадают указанные три условия для его создания. Таковы именно они были в Европе и в Средней Азии в среднем палеолите в конце низшей ступени дикости.

Мустьерский человек, или неандерталец, как правило, жил в пещерах, охотился на крупных зверей и обладал специальным орудием, главным назначением которого, по заключению археологов, была очистка шкур от мездры. Трудно допустить, чтобы эта очистка применялась с самого начала вполне сознательно для изготовления постели или одеяла. Более вероятно, что очистка шкур производилась первоначально только в целях снятия с них съедобных остатков. Лишь длительный опыт показал человеку, что шкура после очистки от последних съедобных остатков годится для иного употребления и, конечно, в первую очередь для вполне уже понятных целей, т. е. для постели и одеяла. При самом зарождении техники обработки шкур не могла тотчас же появиться и одежда. Неандерталец «придумать» ее не мог.

Археологи, правда, считают одежду в среднем палеолите уже «несомненным» фактом³⁴ и допускают существование одежды из «простой»

³³ См. А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, М., 1947, стр. 9, 12 и др.

³⁴ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, ч. 1, Л., 1939, стр. 180.

шкуры животного, закреплявшейся на теле человека ремешками³⁵. Но никаких ремешков в среднем палеолите быть не могло. Появлению ремней должна была предшествовать сложная техника обработки кож, чего в указанный период не было. Неандертальцу не могли даже прийти в голову «мысль» о преднамеренном снятии волос со шкуры, да еще и о выкраивании из такой шкуры узких ремешков, а если бы пришла, то он не сумел бы ее осуществить. Чтобы выкроить узкий и прямой ремень, нужно предварительно обладать умением проводить прямые линии. Мустьерцу еще не приходилось встречаться с такого рода работами, которые могли бы его научить этому. Изготовление каменных орудий этого не требовало. Ни обработка шкуры, ни сами шкуры на понимание прямой линии его не наталкивали. Деревья и травы были единственными примерами прямых линий, которые мог видеть древний человек, но прямые линии этих предметов в процессе своего труда он не использовал. Ветви и травы он гнул, переплетал и свивал, всегда в практической работе имея дело с изогнутыми линиями, кругами и овалами или близкими к ним формами. Единственное исключение — это копье, однако не человек придавал копью прямую форму, — он получил ее уже готовой. Следовательно, производственный опыт древнего человека не мог помочь ему приобрести технику выкраивания прямых ремней. Но если человеку в то время и удалось бы выкроить такой ремень, то завязать им он все равно ничего бы не смог. «Кожа животных, как известно, содержит клеевые вещества (белки), — пишет советский археолог С. А. Семенов. — Необработанная, высохшая кожа превращается в морщинистую хрупкую пластинку»³⁶. Разумеется, ремень из подобного материала для завязывания не годился, а шкуры неандертальца и представляли собой такой недолговечный, быстро ссыхающийся и быстро портящийся материал. К смазыванию их жиром и разминанию человек пришел далеко не сразу. Даже находящиеся на высшей ступени дикости современные отсталые народы очень грубо обрабатывают шкуры и, не зная выделки кожи, мало пользуются ремнями, а если и пользуются, то для прочности соединяют их с другими материалами. Из этого следует, что мустьерские ремни нужно отнести к числу археологических мифов.

С. А. Семенов полагает, что ремни непременно должны были быть в палеолите. В доказательство этого своего положения он приводит сравнения из практики современных северных народов с их высоко-специализированной культурой, древнерусских ремесленников XI—XIII вв., современных кустарей. Он сам признает, что его исследование было произведено «не на материале каменного века»³⁷. С. А. Семенов стремится доказать, что техника разминания ремней всегда была одна и та же, нисколько не совершенствуясь в течение тысячелетий, а поэтому приходит к выводу, что «изготовление пошивных и всяких других ремней, безусловно, имело место и на более ранних стадиях хозяйственной деятельности человека. Особенно в палеолите, в арктических условиях, когда использование волокнистых растений было невозможно, человек, наряду с сухожилиями, очевидно, употреблял и ремни для одной и той же цели — сшивания»³⁸.

В свете разобранного выше материала со всей очевидностью выступает ошибочность концепции С. А. Семенова. Она представляет собой

³⁵ П. П. Ефименко, указ. раб., стр. 280.

³⁶ С. А. Семенов; Костяные разбивники из Роданова городища, «Краткие сообщения ИИМК», XV, 1947, стр. 141.

³⁷ Там же, стр. 138.

³⁸ Там же, стр. 142.

предрассудок, унаследованный еще от старой археологии и влекущий за собой целую серию недоразумений³⁹.

Так, мифические ремешки положены в основу легенды о неандертальских боласах, которую вслед за Обермайером некритично повторяют не только буржуазные, но и советские археологи. А между тем, этнографическим данным, боласы орудие очень позднее. Даже птичья лапа эскимосов недавнего происхождения, не говоря уже о патагонских орудиях, типично наезднических, появившихся уже в послеколумбовское время в связи с распространением в Америке лошади и переходом патагонцев к наездническо-охотническому образу жизни. Разумеется, ничего подобного не могло быть у неандертальца, хотя Обермайер, вслед за ним многие другие развивали картину «погони» с боласом в руках за убегающим животным.

Из сказанного ясно, на какую шаткую базу опирается «гипотеза ремней», а с нею вместе и утверждения о существовании одежды мустьерского человека. В основу тенденции во что бы то ни стало доказать, что у неандертальца была уже одежда, легло в свое время убеждение о невозможности для человека пережить ледниковый период без нее. Убеждение это опиралось когда-то на давно устаревшее опровергнутое новейшими данными геологии⁴⁰ представление о климате ледникового периода как об арктическом. Такая точка зрения, как это видно из приведенных выше слов С. А. Семенова, имеет еще и в настоящее время своих приверженцев. Но вопрос о климате ледникового периода подвергнут советскими археологами серьезному пересмотру: ныне преобладает мнение, что в период «великого рисского оледенения» мустьерский человек жил в климатических условиях, близких к современным условиям Огненной Земли.

Новое мнение улучшило взгляды на одежду древнего человека с точки зрения развития историзма, но не окончательно исправило их, потому что стали проводиться упрощенные параллели между одеждой огнеземельцев и мустьерцев. Такие параллели неправильны, потому что те и другие стоят на совершенно различных ступенях культуры. Правда, огнеземельцы представляли собой не единое целое, а ряд племен с различными градациями культурного развития. В соответствии с этим у одних племен преобладала привычная нагота, а у других уже была настоящая и наплечная, и набедренная одежда, укрепляемая завязками или на поясе. Приписывать это максимальное достижение огнеземельца в развитии одежды человеку среднего палеолита никак нельзя, хотя сравнивать климатические условия Огненной Земли с условиями Европы ледникового периода можно и должно. Такое сравнение необходимо для принципиального решения вопроса, мог ли древний человек пережить великое оледенение без одежды или нет.

Способность человека закалять свое тело и приобретать невосприимчивость к холоду очень велика, при умелой тренировке. Невосприимчивость к холоду и приспособляемость к климатическим условиям у некоторых отсталых племен еще более изумительны. Например, огнеземельцы, как взрослые, так и дети, могут часами находиться голыми под хлопьями падающего снега⁴¹. Но обитатель Огненной Земли — это современный человек и по устройству организма ничем не отличается

³⁹ Как уже указывалось выше, аргументация автора не представляется здесь убедительной. Первобытный охотник мог вырезать ремни, хотя бы и не прямые, а изогнутые, мог непреднамеренно или преднамеренно смазывать их жиром, делая более мягкими. Сверх того, для завязывания могли служить и естественные узкие концы кожи, снятые с лап животного. Но спорность утверждений автора в этой части не мешает основной его концепции быть очень интересной. — *Ред.*

⁴⁰ См. А. И. Мазарович, Историческая геология, М.—Л., 1937, стр. 388—389, 391.

⁴¹ См. Дарвин, Путешествие натуралиста вокруг света, М.—Л., 1941, стр. 183.

от европейца. Если же долговременная тренировка поколений выработала у него привычку к холоду, то тем более привычен был к нему и древний житель ледниковой Европы. Он был, повидимому, аборигеном Европы, и его предки пережили в ней все изменения и ухудшения ее климата, а также похолодание, связанное с наступлением льдов. Значит, организм мустьерского человека приспособлялся к новым условиям в процессе самого похолодания, и он должен был еще лучше переносить холод и сырость, чем переносят его современные огнеземельцы в тех же условиях. Он безусловно мог обходиться без одежды во время движения на воздухе или во время работы, ибо движение и работа способствуют согреванию тела. Следовательно, одежда не была вопросом жизни и смерти для человечества даже в ледниковый период. Но это не значит, что люди в то время совсем не ощущали холода и не страдали от него.

При определении понятия «одежда» уже указывалось, что, несмотря на все приспособление к климату, страданиям от холода и сырости и мучительным простудным заболеваниями человек подвержен во всех широтах и был им подвержен уже с глубокой древности. Приспособление к климату, конечно, покупалось тяжелой ценой и поглощало огромное количество физических сил и энергии первобытного человека. Вопрос о лучшем согревании тела был вопросом сохранения и накопления энергии, избытки которой могли бы быть с большей пользой направлены на другие цели. Поэтому создание одежды было необходимо для стимулирования и облегчения процесса дальнейшего культурного развития человеческого общества.

Из всего сказанного совершенно ясно вытекает, что потребность в согревании тела существовала и у мустьерца, особенно когда он находился в неподвижном состоянии. Лежа, древний человек имел возможность согревать себя не только огнем костра, но и постелью, и одеялом из шкур. Но этого было мало. Нужно было согреться также сидя и стоя. Здесь сказалось все преимущество шкуры перед растительными покровами. Ею можно покрываться не только лежа, но и в ином положении; для этого приходилось ее накидывать на спину и придерживать на груди руками. Такой прием родился, повидимому, чисто рефлекторно. Появлению этого рефлекса могло содействовать именно то обстоятельство, что шкура хорошо согревала человека во время сна и при пробуждении контраст между теплой постелью и окружающим воздухом был так велик, что человек неосознанным движением схватывал края одеяла и стремился натянуть его на свое тело. Средняя часть шкуры неизбежно должна была прикрывать спину, потому что края ее сблизить удобно руками только спереди. К тому же сидели и стояли у костра, повернувшись к огню лицом, и поэтому спина нуждалась в лучшем укрытии, чем передняя часть тела.

Таким образом, появилось нечто среднее между одеялом и одеждой — то, что удобнее всего назвать условным термином «покрывало». Это уже нечто большее, чем одеяло, потому что функции покрывала более разнообразны и применение его шире. Но это еще не одежда, так как пользоваться покрывалом человеку можно только в неподвижном положении или же при медленном, размеренном передвижении (вряд ли свойственном мустьерскому человеку), но только не во время работы. Одежда же всегда тесно связана с деятельностью человека.

Появление покрывала было вызвано стремлением лучше согреть свое тело, стремлением к защите. Покрывало действительно было защитой от внешних неблагоприятных условий — стоило только поплотнее в него закутаться. Задача защиты тела созданием покрывала была бы решена окончательно, если бы рукам не нужно было делать ничего другого кроме постоянного удерживания его на теле. Но руки нужны были древнему человеку ежеминутно, а при каждом движении

рук неуклюжая шкура неизбежно соскальзывала с плеч. В огромном большинстве случаев она падала сперва с правого плеча, а затем с левого, так как и в те времена правая рука играла в работе преобладающую роль. Она была лучше развита, и человек пользовался чаще, чем левой. Эта особенность появляется очень рано — она заложена уже на костях синантропа⁴² и на орудиях шельда⁴³.

Покрывало не вышло из употребления и после появления настоящей одежды и продолжало с нею сосуществовать вплоть до настоящего времени. Такой прием накидывания шкуры на плечи широко распространен у австралийцев, у тех же огнеземельцев, у патагонцев, у североамериканских индейцев и др.

Прием набрасывания покрывала не исчез с появлением тканей. Он встречался и у древних египтян и у древних греков — всюду, где несли плащи или шали на плечах как верхнюю одежду; он не вышел из употребления даже у современных народов — испанцев, шотландцев и др. Ношение пальто «в накидку» — последний отголосок первобытного способа употребления покрывала. Плащ из ткани и покроемная шитая пашная одежда имеют только то преимущество перед грубой шкурой, что при стоянии или медленном движении человека лежат на его плечах без придергивания руками. Но стоит только сделать более быстрое движение, как плащ, кафтан или пальто упадет или человек непроизвольным движением сбросит его сам, причем, как правило, сперва с правого, а потом с левого плеча. Подкроенный плащ или распашная одежда можно еще приноровиться удерживать на одном плече некоторое время. Отсюда появился прием ношения верхней одежды на одном плече, он типичен и для русского крестьянина. А. С. Пушкин метко характеризует его в «Истории села Горюхина», говоря про его жителей, что «тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения».

Прием накидывания на спину, удерживания покрывала руками и сбрасывания его с плеч проходит через все эпохи и равно свойственен всем народам. Но в настоящее время это только один из многих способов ношения шали, плаща и распашной одежды, применяемый временно и сравнительно с другими способами уже редко, а в мустьерскую эпоху он был единственным приемом обращения со шкурой. Появление покрывала зависит не от зональности или климата. Стадия оно возникает прежде всего там, где рано появляется одеяло и шкура, и, следовательно, создание его зависит от тех же условий.

Потребности человека растут по мере их удовлетворения. Поэтому после создания покрывала у человека появилась новая потребность — согревать и защищать тело во время движения и работы. Однако технически это сделать было еще невозможно, так как отсутствовали все необходимые средства. Мы уже отметили невероятность изготовления ремней неандертальцами. Техника свивания и переплетания ветвей в своей зачаточной форме, правда, существовала и раньше и, конечно, должна была в течение среднего палеолита совершенствоваться. Климатические условия, как мы видели, далеко не были арктическими, и древний человек вряд ли испытывал недостаток в растительном материале, по крайней мере летом. П. П. Ефименко предполагает даже, что древний человек должен был лучше строить жилища, чем современные австралийцы или тасманийцы. Во всяком случае он имел основания и возможность затрачивать на постройку жилища больше старания. Об этом свидетельствуют находки в мустьерских слоях каменных настилов и очажных ям. Но как ни совершенствовалась техника свивания и пере-

⁴² Г. Петров, Новое подтверждение теории Энгельса о происхождении человека, «Вестник знания», 1936, № 4, стр. 260

⁴³ П. П. Ефименко, указ. раб., стр. 170

плетания растительного материала, вряд ли мустьерец умел так хорошо обрабатывать и размягчать его, чтобы появилась возможность завязывать его узлами, без чего создание настоящей одежды немыслимо. Против наличия такого умения в мустьерскую эпоху говорит то обстоятельство, что орудия человека тогда были еще ручными и не привязывались к рукояткам, а также отсутствие просверленных предметов. То и другое появляется крайне редко только в самых поздних мустьерских слоях. Если же искусство завязывать узлы не было известно неандертальцу и возникло уже при переходе к верхнему палеолиту, то никакой — ни растительный, ни животный (ремни, кишки, сухожилия) материал не мог быть им использован для завязывания одежды. Застежки и заколки, судя по этнографическому материалу, появляются позднее завязок, следовательно, мустьерский человек не имел никаких средств для укрепления шкуры на своем теле и не был в состоянии создать одежду. Но стремление к этому у него уже было. Непосредственная, осязательная выгода, к которой он бессознательно стремился, была, как уже говорилось, — добиться лучшей защиты и согревания своего тела при работе и движении. Поэтому руки упорно продолжали хвататься за края покрывала в надежде удержать его на теле. Но оно мешало процессу работы и связывало движения, а потому те же руки сбрасывали его с плеч. Таким образом, завязалась борьба между двумя противоположными стремлениями: 1) прикрыть свое тело и 2) дать свободу рукам для работы. Борьба эта совсем не осознавалась человеческим мозгом. Здесь «мыслили», творили, искали решения задачи исключительно только руки. Борьба эта длилась тысячелетиями, но древний человек так и не дождался ее разрешения и дальше создания покрывала пойти не смог.

Но и это было огромным продвижением на пути к возникновению настоящей одежды. Имея покрывало, человек обладал уже достаточной опорной базой для создания одежды на следующем этапе культурного развития общества, когда технические достижения, производственный опыт и навыки к труду должны были обеспечить удовлетворительное решение стоявшей перед человеком задачи.

А. Ф. АНИСИМОВ

СЕМЕЙНЫЕ «ОХРАНИТЕЛИ» У ЭВЕНКОВ И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КУЛЬТА ПРЕДКОВ

Путь к раскрытию и познанию земных материальных корней первобытных верований как надстроечного общественно-исторического явления указан товарищем Сталиным в его гениальном произведении «О диалектическом и историческом материализме».

«Если природа, бытие, материальный мир является первичным, сознание, мышление — вторичным, производным, если материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности, то из этого следует, что материальная жизнь общества, его бытие также является первичным, а его духовная жизнь — вторичным, производным, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия»¹.

Отсюда ясно, что марксистское исследование первобытных верований, показ и раскрытие земных, материальных корней этих верований имеют не только познавательное значение, но и актуальны, как методологическая проблема, как проблема конкретно-исторического изучения и конкретизация на этнографическом материале вопроса об отношении мышления к бытию, который для этнографа, изучающего первобытные верования, встает как вопрос о происхождении и развитии первобытной религии, о возникновении и развитии отдельных ее форм.

В рамках настоящей статьи нами рассматривается всего лишь один вопрос, наиболее сложный и менее всего разработанный, — вопрос о семейных «охранителях» у эвенков и культе предков, который думается нам, способен привести к раскрытию генезиса изучаемого явления. Необходимо особо при этом подчеркнуть, что верования, о которых идет речь в данной статье, для эвенков ныне являются уже пройденным этапом. В результате культурной революции и социалистической реконструкции хозяйства и быта эвенков существовавшие у них до Советской эпохи различные формы верований и культа отошли теперь в область преданий, как и другие архаические элементы старых форм жизни. В прошлом культурно и экономически отсталые племена исконных обитателей сибирской тайги — эвенки ныне стали равноправными строителями коммунистического общества. Атеистическое мировоззрение стало составной частью их идеологии.

* * *

Среди материальных святынь эвенкийского культа существенный интерес представляют существовавшие в прошлом у них изображения

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 545.

духов — «охранителей» семьи и рода. К. М. Рычков, обследовавший этот культ на материалах северных енисейских эвенков (современного Илимпейского района Эвенкийского национального округа), по поводу этих идолов писал, что «они имеют большею частью изображение человека из дерева, рога дикого оленя, железа и меди»². В подобных изображениях, сообщает указанный исследователь, «пребывают духи-предки, слившись с самими предметами»³. По свидетельству К. М. Рычкова у северных енисейских эвенков указанные идолы носили название *мухды*.

Описывая связанные с ними представления эвенков, К. М. Рычков говорит: «Всякие благополучия, все, что дает природа в борьбе за существование путем различных промыслов,— не без участия *мухды*. Таким образом, *мухды* выполняют роль истинных помощников — кормильцев семьи и рода. Эти домашние божества, вложенные в мешок или ящик, хранятся всегда на санках, покрытых оленьей шкурой, снятою нередко с копытами с дикого оленя. Такие санки по форме и устройству походят на женские и всегда стоят в отдалении от жилища, передком на запад. При перекочевках они всегда находятся в середине аргиша, причем под идолов впрягают чистых оленей, преимущественно белой масти, посвященных верховному божеству *маину*»⁴.

Идолы эти были окружены соответствующим культом: идолов время от времени кормили (мазали кровью, жиром, костным мозгом) или окуривали дымом горящего жира, что воспринималось так же, как кормление духов — охранителей семьи и рода. Подобные кормления совершались всякий раз, как возвращались охотники после удачной охоты. «По возвращении с удачной охоты,— пишет К. М. Рычков,— *мухды* кормят кровью, салом или мозгом убитой дичи, обмазывая идолу лицо или окуривая его дымом от сожженного жира дикого оленя или [жира] рыбьего». «Независимо от этого, идолов кормят таким же способом ежемесячно, на каждое новолуние, при этом указывают им, что нужно от них для благополучия семьи или рода»⁵.

Не менее существенно в комплексе представлений об этих духах и другое — отчетливо выраженный патриархальный колорит. «Являясь помощниками, кормильцами и охранителями семьи и рода, идолы,— пишет о них К. М. Рычков,— естественно требуют к себе известного уважения, в противном случае они мстят всеми зависящими от них способами»⁶. К этому следует добавить, что идолы эти «переходят из рода в род по наследству и ни в коем случае не могут переходить в чужой род»⁷. А так как родовая основа эвенков была агнатной, то и наследование этих идолов совершалось, как правило, по мужской линии, при том в строго определенных степенях патриархального старшинства. «*Мухды*,— констатирует К. М. Рычков,— передаются по наследству из рода в род, по преимуществу старшему из сыновей, при чем *мухды* покровительствуют семье и способствуют единению рода. Честь хранения и ухода за ним принадлежит старшему в семье»⁸.

Судя по материалам К. М. Рычкова, у северных енисейских эвенков были, помимо семейных, также и общеродовые *мухды*, которые хранились у шаманов родов и осмыслились как идолы духов-предков шаманов. «Имеющиеся у потомков шаманов идолы,— пишет по этому

² К. М. Рычков, Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II (Приложение), 1922, стр. 104.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, кн. III—IV (Приложение), 1922, стр. 130.

поводу указанный исследователь, — суть не что иное, как олицетворение души предков шаманов»⁹. Среди прочих духов-предков эти шаманские духи-предки занимали главенствующее положение. Подобно тому, как шаман в общественной жизни рода стоял всегда над родом, закрепощая за собой социальные привилегии религиозного руководителя рода, подобно этому и духи-предки шамана рисуются стоящими во главе рода, над прочими духами-предками и выступают в роли родовых духов-предков. Относительно их К. М. Рычков отмечает: «Являясь олицетворением предков шаманов-предков, *мухды*, в свою очередь, имеют духов-помощников умерших сородичей, талисманы и пр.»¹⁰. Повидимому, К. М. Рычков подразумевал их, когда писал: «Изображения *мухды* имеют толщину шаманы или потомки их. В каждом роде имеется столько *мухды*, сколько в них имелось шаманов»¹¹. Тот же исследователь говорит в другом месте: «Изготавливают их исключительно шаманы, вселяя в какой-либо предка-шамана»¹². Впрочем, в этой части сообщения К. М. Рычкова не отличается большой четкостью. В ряде случаев к тому же существенно важных, трудно бывает установить по тексту, какую из этих категорий духов указанный автор имеет в виду, когда пишет о них в своем сочинении.

Сказанное К. М. Рычковым относительно этого культа применительно к северным енисейским эвенкам может быть распространено и на другие группы этой народности, в частности эвенков р. Подкаменной Тунгуски (нынешнего Байкитского и Чунского районов Эвенкийского национального округа), обследованных нами во время экспедиции 1929—1931 гг. и 1937 г. Судя по нашим наблюдениям, этот культ эвенков р. Подкаменной Тунгуски полностью совпадал с тем, что нам известно из описаний К. М. Рычкова. Подобно северным енисейским эвенкам у них также существовало разграничение помянутых «охранителей» на семейных и общеродовых. Они представляли собой зооморфные и антропоморфные идолы из рогов дикого копытного зверя (лось, олень) или сучков дерева с какими-нибудь зооморфными чертами, из звериных шкур, пластинчатой меди и разноцветных тканей (грубошерстного сукна). Эти идолы, как и у северных енисейских эвенков, почитались как «защитники», «охранители» и «кормильцы» семьи и рода, осмысливались как вместилища соответствующих духов-предков: общеродовые идолы, хранившиеся у шаманов родов, — как вместилища родовых духов-предков, семейные — как вместилища духов-предков семьи. Первые изображались зооморфно (в форме лоса, дикого оленя, медведя), вторые — антропоморфно и почитались в тесной связи с воззрениями о покойниках: во время обряда «кормления» покойников антропоморфных идолов мазали кровью жертвенного оленя, «угощали» жиром, а также лакомством северян — костным мозгом; помимо того, каждое новолуние их как духов-предков семьи — обитателей мира мертвых «кормили», окуривая дымом горящего на углях или раскаленном камне (а иногда и на сковородке) жертвенного жира. Всякий раз, когда добывали крупного копытного зверя (лоса, дикого оленя), указанных идолов «кормили» тем же путем (мазали кровью, жиром, костным мозгом, окуривали дымом горящего жира), выпрашивая при этом у них удачу на промысле и благополучие в жизни семьи и отдельных ее членов. При болезнях и неудачах на промысле, при падеже оленей и т. д. к ним обращались за помощью и защитой, для чего их «кормили» таким же образом и окуривали, «угощая» жиром, приносили в жертву идолам цветные бусы, нитки бисера, лоскутки цветного моlessкина и просили «охранителей» заступиться и помочь в беде. Тем же путем шаман рода

⁹ К. М. Рычков, указ. раб., Землеведение, кн. I—II (Приложение), стр. 104.

¹⁰ Там же, стр. 105.

¹¹ Там же, кн. III—IV (Приложение), стр. 130.

¹² Там же, кн. I—II (Приложение), стр. 104.

выпрашивал «помощь» и «заступничество» у родового духа-предка, совершая перед родовым идолом аналогичный обряд «кормления» духа-предка и принесения ему богатых, на его взгляд, даров (вешал на идола одну-две бусины, нитку бисера, несколько узких полос цветного молескина). Совершая камланье, шаман обращался к этому духу-предку, охранителю и заступнику рода, прося у него помощи в предстоящих шаманских странствиях, а также совета и его непосредственного участия в изгнании причины несчастья (болезни сородичей, падежа оленей и т. п.). Когда наступало время менять ту или иную часть шаманского облачения на новую (шаманский плащ, бубен и другие части костюма шамана через известный срок заменялись новыми), шаман давал знать сородичам, чтобы те убили для него одного или нескольких диких оленей. Каждый раз, когда сородичи добывали шаману копытного зверя, шаман совершал перед родовым идолом тот же обряд, что и его сородичи, совершавшие обряд «кормления» семейных «охранителей» после каждой удачной охоты.

В отличие от северных енисейских эвенков у их южных соседей — эвенков р. Подкаменной Тунгуски — родовые и семейные идолы «охранители» хранились и перевозились не в нартах, а в особых кожаных мешках, которые при перекочевках с одного стойбища на другое навьючивались вместе с другими предметами культа на священного оленя белой масти и в таком виде «ехали» посреди аргиша (связанных за повод в один ряд вьючных оленей), «схраняя» в пути людей и оленей.

Пытаясь понять и расшифровать данные представления, мы обращаем внимание на то, что они не совпадают по времени возникновения. Не беря на себя смелости заранее утверждать, что в этом комплексе представлений следует считать первичным и что вторичным, мы попытаемся рассмотреть каждый из элементов этого комплекса в отдельности и лишь потом, следуя данным палеонтолого-этнографического анализа, высказать некоторые общие выводы.

Перед нами как будто обычный культ предков, в котором духи-охранители являются духами-предками. При этом, если судить по общему патриархальному колориту, в котором выступают обряды этого культа и связанные с ним представления, содержанием их служит превратное отражение реальных отношений людей эпохи патриархального общества. К подобному выводу исследователь склоняется тем более, что многие из характерных патриархальных черт культа предков имеют место и у эвенков. Здесь также семейные духи-охранители понимаются как духи-предки семьи, а так как родовая основа эвенков агнатная, то эти духи всегда остаются в семье и переходят из поколения в поколение по мужской линии. При этом порядок наследования, как мы видели выше, всегда был строго определенным — по старшинству и существовал в общественном быту как общепризнанная норма обычного права: семейные «охранители» наследовались всегда старшим из мужчин семьи, а после его смерти — ближайшим из его кровных родственников: старшим из его братьев, а если не было таковых — старшим из сыновей. У эвенков р. Подкаменной Тунгуски с этим связано было также закрепление за этим лицом прав главы семьи. Если иметь в виду, что при этом порядке наследования семейные «охранители» считаются «пребывающими» в семье, а нормы обычного права не допускают под страхом религиозного запрета передавать их за пределы ближайших агнатных родственников в другую семью, если иметь в виду это, а также вышеописанный порядок наследования, выдержанный в строгих границах патриархальной иерархии, то нельзя не признать, что в истоке этих явлений лежат отношения патриархальной семьи. В данных представлениях и обрядах культа эти реальные социальные отношения, отношения патриархальной семьи, являвшейся хозяйственной единицей патриархально-родового общества, выступают в

форме превратного отражения, поставленными с ног на голову. Отсюда понятным становится и то, почему эти «охранители» считаются повластными хозяевами семьи, от воли которых зависит благополучие жизни ее членов. Понятным становится и тот принцип, на котором строятся отношения между семьей и ее «охранителями». Последнее полагали эвенки, «требуют» к себе со стороны подчиненных им членов семьи подчеркнутого уважения, заботы, явного почитания. Имея это в виду, члены семьи, а из них прежде всего старший из мужчин, «кормят и чествуют «охранителей» семьи (см. выше). В том случае, когда члены семьи недостаточно внимательны и почтительны к своим «охранителям», последние наказывают виновных, насылая на них различные несчастия, лишая удачи на промысле и в личной жизни. Поэтому считалось хорошим тоном не только не забывать о своих семейных благодетелях, но и «советоваться» с ними во всех сколько-нибудь значительных случаях жизни: ведь они — *экишэн* (от *экишин* — благополучие), говорили в случае эвенки Подкаменной Тунгуски.

Эвенк, желая «посоветоваться» по тому или иному случаю жизни с семейными «охранителями», обращался, как правило, всегда к старшему в семье, к главе очага. Он садился поближе к очагу чума, подбрасывал в огонь сушки тонко наколотых дров и начинал рассуждать про себя или вслух об интересующем его вопросе. Рассказывая таким образом духу огня о своих желаниях и намерениях, он все время прислушивался к «голосу» духа огня (потрескиванию дров, пощелкиванию угольков) и пытался определить, что «говорит» ему дух огня. Сообразуясь с этим, как реагировал огонь (потрескивал, пощелкивал) при том или ином повороте мысли, эвенк, наконец, начинал «понимать», как ему казалось, «голос» духа огня и узнавал от него решение духов-охранителей семьи: духов-заступников и кормильцев.

Итак, духи, о которых говорилось в нашем изложении, являлись центральной фигурой семейного и родового культа. Кто же такие эти духи? Почему они не могли, как мы видели выше, переходить из одной семьи в другую, из одного рода в другой? Оказывается, эти духи являются духами-предками и за пределы рода (а в семье — семьи) выходить не могут. Итак, семейные и родовые духи-охранители, защитники и кормильцы есть духи-предки. Оставляя пока что в стороне вопрос о родовых духах-охранителях, напомним, что семейные «охранители», понимаемые как духи-предки семьи, несут на себе совершенно отчетливые следы патриархально-родового общества, представляя собой превратное, фантастическое отражение в форме религиозных представлений реальных отношений патриархальной семьи как экономической единицы этого общества. Теперь мы узнаем, что эти «охранители» почитаемые как духи-предки семьи и соответствующие функционально и семантически (как превратная форма отражения действительности) реальным отношениям патриархальной семьи, имеют тесную связь с культом огня и почитаются в неразрывной связи с ними. Более того, дух огня (очага) выступает среди них центральной и наиболее значимой фигурой: через него общались с духами-предками «охранителями и кормильцами семьи, к нему обращались непосредственно во всех случаях с просьбами, от него получали указания и советы.

Нам думается, что эта связь с огнем, очагом не случайна. Связь эта проходит красной нитью через все обряды культа духов-охранителей (духов-предков). Всюду, где фигурируют эти духи, выступает дух огня: когда совершали обряд «кормления» идолов духов-охранителей, «кормили» и духа огня; когда чествовали «защитников» и «кормильцев» семьи по случаю удачной охоты, прежде всего «угощали» дух огня. Словом, во всех случаях почитания духов-охранителей (духов-предков) и духа огня (очага) совпадают, выступают в неразрывном единстве, как две стороны одной и той же медали.

Что же представляет собой этот дух огня (очага)? В повседневной жизни эвенков дух огня (очага) окружен был неустанным вниманием, заботой и подчеркнутым почитанием. Разводя огонь (всюду, где бы это ни пришлось ему делать, — в чуме, в пути или в тайге на промысле), эвенк говорил: «Благополучие дай!» Сядясь есть, эвенк обязан был первый и притом лучший кусок отдать духу огня (бросить в огонь). Хозяйка чума, прежде чем кормить семью, «кормила» духа чумового огня, бросая в огонь наиболее лакомые кусочки и приговаривая: «на, ешь, сыта будь, зверя дай, чтобы сыто было!». Это обращение к духу огня, как к женщине, не случайно. Дух огня действительно мыслился женщиной и в обращении именовался всегда и всюду — *энэкэ*, дословно — бабушка. В существовавших о ней представлениях и образах, связанных с ее культом, бабушка — дух огня — выступала двояко: с одной стороны, хозяйкой и главой чума, домашнего очага, хозяйства, с другой — хранительницей душ семьи и рода, местом перевоплощения душ рода в новые поколения потомков-сородичей. Первая черта наиболее отчетливо проявлялась в обряде «переноса» очага и в обряде встречи оленьего стада, вторая — в воззрениях об инкарнации одной из душ.

Обряд «переноса» очага совершается всякий раз, когда семья переехала с одного стойбища на другое. После того как все вещи навьючены на оленей, хозяйка снимала покрывку чума, свертывала ее в трубку и навьючивала на одного из оленей. На месте прежнего стойбища еще оставался конусообразный остов чума из жердей, а на земле, посередине прежнего чума, — догорающий костер. Затем хозяйка брала какой-нибудь из предметов домашнего обихода, вышедших за ветхостью из употребления (старую одежду, обувь, кусок старой оленьей шкуры, старую берестяную коробичу и т. п.) и вешала неподалеку на сук дерева как жертву духу — хозяйке места (земли). Затем хозяйка входила внутрь остова чума, склонялась над глеющим очагом, брала щепоть золы и просила «бабушку-огонь» переехать на новое стойбище. При этом хозяйка мазала слегка руки золой и совала по щепотке золы под обшлаг рукава. После этого она садилась на своего верхового оленя и трогалась в путь. За нею, связанные уздами друг за друга, шли длинной цепочкой навьюченные олени. Придя на место новой стоянки, развьючивали оленей, вырубали шесты для остова чума и ставили их конусообразно по кругу. Низ устилали хвойной подстилкой, оставляя посередине небольшой круг для костра, а верх (деревянный остов чума) покрывали равдужной или берестяной покрывкой (тремя длинными полостями, налегающими сверху вниз одна на другую). После этого хозяйка входила в чум, склонялась над местом будущего очага и вытряхивала на него (или делала вид, что вытряхивает) золу из прежнего очага, приглашая «бабушку-огонь» устраиваться на новом стойбище. Затем разводился огонь и начиналась обычная жизнь в чуме.

Столь же отчетливо образ «бабушки огня» как хозяйки и главы семьи и чума проступает и в обряде встречи оленьего стада. Когда собранное пастухом оленье стадо подгоняли к чуму, навстречу стаду выходила хозяйка чума и заклинала его головешкой, взятой из костра чума. От той же головешки разводили летом — дымокуры, зимой — костер, подле которого грелись люди и бродили олени. Обращаясь к духу огня, хозяйка при этом говорила: «Стереги лучше, сделай так, чтобы больше стало».

С другой стороны, «бабушка огня» считалась имеющей непосредственное отношение к инкарнации души, а очаг — местом, где обитает эта хранительница и мать рода и где совершается переход душ из мира духов в мир людей. По прежним воззрениям эвенков считалось, что у каждого человека имеются телесная душа (*бэен*, дословно — тело), душа-тень (*ханян*, дословно — отражение) и душа-судьба (*маин*, дословно — счастье). Последняя из этих душ, представляя собой явление до-

вольно позднее, характерное для позднейших стадий развития анимизма, непосредственной связи с реинкарнацией не имеет, и от нее, по крайней мере, эвенки, не зависят ни явления жизни, ни явления смерти. Что касается первых двух душ, то здесь дело обстоит с вопросами инкарнации. Душа-тело считается неотделимой от тела человека и потому признается уходящей после смерти людей в мир мертвых. Душа-тень, наоборот, считается способной отделяться от тела человека еще при жизни и потому явления смерти на нее не распространяются. Признавая, что после смерти она уходит от тела и, приняв иную субстанцию, черкнув ее новым названием *оми* (от *о*—*ми*, что значит стать, возникнуть, появиться, образоваться, настать, притти, наступить, сделать, исполнить, производить), уходит на вершину мифической родовой реки и там поселяется в родовом хранилище душ *омирук* (от *оми* и *рук* фикса *рук* служащего для образования названий вместилищ). Спустя некоторое время дух предков *манги* (о нем несколько ниже) приходит из нижнего мира (с устья мифической родовой реки, где живут отдельные телесные души умерших сородичей) и уводит с собой в родовое вместилище душ душу *оми*. По пути в нижний мир (в обитания телесных душ умерших сородичей) душа *оми* превращается из антропоморфного существа в зооморфное (зверя или птицу) и уходит от духа предков *манги* обратно в свой родовой *омирук* (родовое вместилище душ *оми*). Спустя известное время душа *оми* покидает *омирук* и проникает через дымовое отверстие в чум, по-эвенкийски *харанду бурурэн* (от *харан*, означającego костер в чуме, место очага, площадь, где стоит чум, место для чума, стойбище, поселение; суффиксально-местного падежа *ду* и глагола *буру-ми*, взятого в третьем лице — *бу* ~ *бурэн*, означającego упасть, свалиться, зайти). Из *харанды* (костра||очага||места чума) душа *оми* попадает незаметно в чрево женщины и дает начало новому потомству. Вот почему бабушка *ту мушун* (дух огня||очага) мыслилась эвенками хранительницей рода, творящей (рождающей), давней (старой, бабушкой) женщиной (матерью) рода, матерью||родом||местом рождения в значении рождающей||рождения||начала рода.

О чем говорит этот образ духа огня? Какие социальные мотивы звучат в его культе и связанных с ним представлениях? Как объяснить несомненное противоречие, имеющееся между данными представлениями, и тем, что уже известно нам о семейных охранителях из предыдущего? Теперь перед нами другой мировоззренческий пласт и притом, судя по всему, гораздо более древний. Оказывается, среди пантеона семейных «охранителей», которые осмысляются как духи-предки семьи и существуют в представлениях с подчеркнутыми патриархальными чертами, центральное место принадлежит духу огня (очага). Дух этот представляется женщиной и понимается как общеродовой, а не семейный.

Родовой характер *того мушун* (духа огня) достаточно отчетливо определился уже по предыдущему материалу. Родовой характер этого духа подчеркивается еще и тем, что огонь у эвенков считался символом родового единства, а общность огня — признаком принадлежности к одному и тому же роду. О том же свидетельствуют представления согласно которым считалось предосудительным одолжать огонь от члена другого рода или пользоваться очагом чужеродца. Наиболее наглядно общность родового огня как символа родового единства и связь этих представлений с образом наиболее пожилой и уважаемой женщины выражена в следующем обычае долган (в прошлом — эвенков, позднее ассимилированных якутами). Согласно устному сообщению А. А. Попова, обстоятельно изучавшего этнографию долган, у них в прошлом существовал обычай, согласно которому родовой огонь всякий день в утру разводился в чуме самой старой и уважаемой женщины стойбища и от нее разносился по остальным очагам. Так как родовой огонь

прещалось передавать чужеродцу, то в стойбищах, где проживали представители нескольких родов, огонь добывался каждым родом в отдельности, но в том же порядке, т. е. самая старая женщина каждого рода в отдельности добывала по утрам у себя в чуме огонь и от ее очага огонь разносился по остальным чумам сородичей. К этому следует добавить, что у долган, как и у эвенков, дух огня представляется «охранителем» семьи и почитался как самое благожелательное существо. Дух огня у долган представляется также в образе женщины и при обращении назывался матушкой. Обращаясь к очажному крюку, на котором висит котел с пищей, долгане говорили: «Матушка, познания свои сложившая со времен возникновения вселенной и неба, выскажись, помоги!»

О чем свидетельствует этот цикл представлений? Не говорят ли они о том, что патриархальным чертам культа предков в прошлом предшествовали матриархальные? Об этом убедительнее всего свидетельствуют следующие социальные мотивы. Огонь как символ родового единства признавался у эвенков единым для всего рода. Род как основная ячейка их прошлого общественного строя представлял собой группу лиц, связанных между собой отношениями кровного родства, а символом этого единства было наличие общего для всего рода огня || очага. Об этом красноречивее всего свидетельствует обычай, запрещающий передачу огня чужеродцу. Однако, если сейчас огонь выступает только как символ родового единства, то в прошлом он был реальной формой выражения его: род имел один общий очаг, а общий очаг и связанное с ним общинное домохозяйство были материальной основой древнего рода. Об этом наглядно свидетельствует отмеченный выше обычай долган, по которому родовой огонь добывался каждое утро в чуме старой женщины рода. Добытый этой женщиной огонь почитается общеродовым и символизирует единство рода, а ее чак — общим для сородичей и символом их былой общинной жизни. Этот родовой огонь и родовой очаг как символы родового единства и общности материальной жизни связаны с образом духа огня, представляемого в образе женщины и почитаемого главой и хозяйкой не только семьи, но и рода. Все это убедительно свидетельствует, что истоки этих воззрений лежат в реальных условиях того общественного бытия, при котором экономической основой общества являлось общинное домохозяйство, а во главе последнего стояли женщины. Только материнский род с его матрилокальным браком и матрилокальным характером поселений родов, с его системой общественных и личных отношений, при которых главенствующее положение в семье и обществе принадлежало женщине, мог породить подобные воззрения, ибо эти воззрения являются не более как превратным отражением реальных отношений эпохи материнского рода. О том же свидетельствуют и памятники эвенкийского языка. По материалам Г. М. Василевич, эвенкийское слово *харан* означает: 1) площадь, место для юрты, место очага; 2) костер в юрте; 3) стойбище, стоянка¹³. Таким образом, стойбище, очаг и место для очага и жилища некогда воспринимались как некое нерасчлененное единство и выражались одним и тем же словом. Это вполне понятно, ибо очаг был общим, жилище — общинным, а общественная и домашняя жизнь была организована на общинных началах. В этом случае образ духа огня, мифической хозяйки очага и главы чума и рода есть лишь рефлекс матриархального общинного домохозяйства, которое находилось, как известно, в руках женщин и составляло экономическую основу их почетного положения в семье и обществе.

Если это так (а в этом нет, на наш взгляд, сомнений), то образ духа

¹³ Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь, М., 1940, стр. 152.

огня, являющийся центральным среди пантеона духов-охранителей, нимаемых и почитаемых как духи-предки и притом в их специфиче патриархальном колорите, является образом женских духов-предков соответственно этому выражением материнского родового начала и материнской линии кровного родства. Огонь считается символом родо единства и соответственно этому — символом кровного родства. символ родового единства огонь считается общим для всего рода; члены рода — людьми одного огня || очага. Общность эта мыслится как общность по крови, а родовой очаг и связанное с ним общее домохозяйство, составляющее экономическую основу этой общности как общность кровнородственных связей, начала или корня рода. Наконец, как мы видели, персонифицируется в образе женщины — огня и представляется как постоянная инкарнация родовых душ. из душ умершего сородича (инкарнирующая душа *оми*) возвращается через известное время обратно на родовое стойбище, проникает в дымовое отверстие внутрь чума, к матери — духу огня, а от матери в чрево женщины, — дух огня осмысливается как хранительница рода, а очаг — как место инкарнации душ предков и будущих поколений рода. А так как дух родового огня мыслится в образе женщины и в обращении называется то матерью рода, то бабушкой, то хранительницей рождения рода, то символизируемое образом этого родо единство кровного родства должно пониматься как родство по материнской линии. Это доказывают нижеследующие обычаи до исторически зафиксированные А. А. Поповым. У долган при совершении обряда лечения больного с помощью родового огня последний добывался, по матери, высекавшим над больным с помощью кресала искры из березового, по их мнению, родового огня. Еще более отчетливо когнатные элементы этого культа выступают в обрядах перехода невесты в дом жениха, когда она перед входом в женихово жилище зажигает луч, взятые с собой от родового огня, и с помощью их зажигает огонь в очаге, говоря: «Первоначальный *саран* (место, где разводят огонь) — матушке, новый огонь устроив (засветив), новый *саран* устроил. Пусть в ней огонь мой не перестает гореть».

Из изложенного следует, что патриархальные черты в эвенкийском культе предков являются более поздними, вторичными, что древнейшую основу этого культа составляют не агнатные, а когнатные черты. Истоки его древнее отцовского рода, ибо вскрытые нами в эвенкийской древнейшие когнатные черты не только не соответствуют, но прямо противоположны системе отношений отцовского рода с его патриархальным строем жизни. Следовательно, в условиях патриархального родового строя, сохраняя в женских образах духов-охранителей специфические когнатные черты, этот культ продолжал существовать в модернизированном на патриархальный лад виде. Блестящим подтверждением этому служат нанайские (гольдские) *джюлин*'ы. «Почти в каждом доме, — пишет о нанайцах Л. Я. Штернберг, — имеется большое деревянное изображение, иногда одно, иногда — два, — мужчина и женщина *джюлин* в форме человека с большими грудями. То обстоятельство, что почти все *джюлин*'ы, хотя бы и мужчины, изображаются женскими грудями и сложенными на груди руками служит указанием на то, что первоначально *джюлин*'ами считались только родоначальницы, и лишь впоследствии, с изменением положения женщины, *джюлин*'ы, хотя и мужчины, все же продолжали изображаться в первоначальном виде, в форме женщины, из страха нарушения традиции». К этому следует добавить, что нанайские *джюлин*'ы, подобно эвенкийским духам-охранителям, считаются духами предков и почитаются к

покровители семьи и рода¹⁵. Нанайским *джуолин*'ам соответствуют негидальские *маси*. К ним обращаются негидальцы с просьбой: «Сделай, чтобы было хорошо, чтобы не болели, сделай, чтобы зверя много было»¹⁶.

Если образ духа огня и связанные с этим образом воззрения отражают превратно отношения материнского рода, то, стало быть, эвенки эту стадию общественного развития прошли? В противном случае трудно было бы трактовать указанные представления как превратное отражение реальных отношений материнского рода. Вопрос вполне законный, и на него нетрудно ответить, ибо существование материнского рода у эвенков доказано и не вызывает сомнений. Четко прослеживаемые по материалам эвенкийской этнографии матримониальные связи родов, двусторонний кузенный брак, особая роль в общественной жизни эвенкийских родов представителей рода зятя, которые при данных матримониальных связях и двустороннем кузенном браке оказывались также родом матери, особая роль в общественной и семейной жизни дядей по матери, следы матрилокальных поселений, сохранившиеся в брачных обычаях, а также ряд других свидетельств не позволяют сомневаться в существовании у эвенков в прошлом материнского рода¹⁷. В одном из преданий эвенков р. Подкаменной Тунгуски, повествующем об общинном домохозяйстве и общинных началах жизни предков современных эвенков, говорится о родовом общинном жилище *мэнээн*¹⁸. Помимо содержания текста, не оставляющего сомнения в том, что рассказывается именно об общинном домохозяйстве и общинном жилище древнего материнского рода, на это же указывает и сама семантика слова *мэнээн*. В эвенкийском языке *мэнэ* означает жить оседло, жить долго на одном месте; *мэнэдек* — стойбище безоленных, «сидячих» охотников-рыболовов; *мэнэдери* — оседлый; *мэнэкэн* — сам, само, сама. В других языках тунгусско-маньчжурской группы это слово имеет аналогичные значения. В удэйском языке *мэнэ* означает сам, сами, свой, *мэнгдэ* — вместе¹⁹. Эвенское *мэнэ* значит оседлый эвен²⁰. Таким образом, сама семантика слова исчерпывающе показывает как хозяйственно-производственные черты [стойбище || поселение || оседлое жилье безоленных («сидячих») охотников-рыболовов], так и социальные функции этой древнейшей формы общежития предков современных нам эвенков (тождество *мэнэ* с возвратно-притяжательными формами — сама, само, сам; свой, свои, а также с понятиями совместности и давности — вместе с..., так как было). О том же сигнализирует и археологический материал. Памятники прибайкальского неолита исаковской и серовской стадий раскрывают сходную с этнографическим материалом картину жизни древних предков эвенков, живших в Прибайкальской тайге за 3—4 тысячелетия (а то и более) назад. Женские захоронения серовской стадии, обильные разнообразными вещами, в число которых входит также и лук со стрелами, свидетельствуют, по мнению автора этих раскопок А. П. Окладникова, о почетном положении женщины и ее активном участии в хозяйственной и общественной жизни материнского рода²¹. Решающее значение в этом отношении имеют установленные археологией следы больших

¹⁵ П. П. Шимкевич, Материалы для изучения шаманства у гольдов, Записки Приамурского отдела Русского географического общества, вып. 2, 1936, стр. 56; И. И. Козьминский, Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов, «Известия КИПС», 1929, № 3, стр. 44.

¹⁶ Л. Я. Штернберг, Негидальцы, Сборн. «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны», стр. 535.

¹⁷ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), изд. Научно-исслед. Ассоциации Института народов Севера, Труды по этнографии, т. I, Л., 1936.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Е. Р. Шнейдер, Краткий удэйско-русский словарь, Учпедгиз, 1936, стр. 50.

²⁰ В. И. Левин, Краткий эвенско-русский словарь, Учпедгиз, 1936, стр. 73.

²¹ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, «Вестник древней истории», 1938, № 1 (2), стр. 251.

общинных жилищ, прослеживаемые, как сообщает об этом А. П. Окладников, в виде больших постоянных очагов и кое-где в виде мало еще изученных остатков прочих больших жилищ — землянок²². Суммируя данные археологических раскопок, А. П. Окладников приходит к выводу, что памятники серовского комплекса древней неолитической культуры Прибайкалья принадлежали людям материнского рода в эпоху расцвета²³.

Возвращаясь после этого к образу родового духа огня (*того мушу*), отметим, что если все остальные духи-охранители семьи, — почитаемые как духи-предки, связывались в представлениях и обрядах с культом покойников и осмыслялись как духи покойных мужских предков, то дух огня наоборот, представлялся общеродовым духом и непосредственной связи с культом покойников не имел. Дух родового огня, представляемый в образе женщины — хранительницы душ рода и места рождения, — не имеет пластических изображений (идолов) и в отличие от аниматных духов-предков мыслится как давний женский дух рода — бабушка (*энэкэ*) в смысле древней матери рода. Не говорит ли это о том, что патриархальный культ предков как своеобразная форма поклонения человека человеку является превратным отражением социальных отношений отцовского рода, а не вообще культа покойников? Не указывает ли это на то, что в развитии этих представлений лежали определенные социальные отношения, а не биологическое чувство страха перед мертвым? Не сигнализирует ли это, что истоки культа предков следует искать в условиях социального бытия, а не в культе покойников, как обычно трактуется в этнографической литературе? Если это так, то не следует ли рассматривать культ предков в его историческом развитии как явление многостадийное, а не одностадийное? Изложенное нами выше дает на эти вопросы положительные ответы.

Судя по тому, как изображались отношения живых людей к покойникам в религиозных воззрениях эвенков, эти отношения — отрицательные. Перед тем как выносить труп из чума, ему говорили: «Иди, куда пошел! Назад не оглядывайся! Назад не возвращайся!» С тем, чтобы покойник не смог вернуться назад, труп выносили не в дверь, а между боковых шестов чума. Покидая могилу, пятились задом и стреляли из лука по направлению могилы. После погребения тотчас снимались с прежнего стойбища и уходили на новое место, подальше от места погребения. Соорудив чум на новом месте, вырубали ольховую палку и клали ее на порог поперек двери, чтобы усопший не мог переступить порог и войти в чум. Позднее шаман рода совершал особый обряд (камлание), отводя телесную душу умершего в страну мертвецов-сородичей (*буни* или *букит*). Последняя, полагали эвенки, находится в нижнем мире (*хэргу буга*), а путь туда лежит по мифической родовой реке (*мумонги хокто бира*). Возвращаясь обратно, шаман загораживал вход в этот мир и ставил подле него стражу из своих шаманских духов-помощников, чтобы умершие не могли выйти на среднюю землю (мир) к живым людям. Если покойникам, полагали эвенки, удастся пройти через эту заставу и выбраться на среднюю землю к людям, они превращаются в злых духов *неви* (от *невими*, дословно искать взглядом), которые преследуют людей и причиняют им смерть (уводят с собой в мир мертвых).

Эти представления эвенков о покойниках мало согласуются с тем, что нам известно о семейных охранителях как духах-предках. Если охранители как духи-предки семьи признаются защитниками и кормильцами, то души покойников, обитающие в мире мертвых, мыслятся как существ-

²² А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, «Вестник древней истории», 1938, № 1 (2), стр. 248.

²³ Там же.

ва вредоносные. Если первые окружаются почитанием, то в отношении мертвых принимаются меры предосторожности и ограждения. О каких же духах-предках как объектах поклонения может идти речь? Ведь подразумевается же такая категория «светлых», «добрых» духов-предков, «защитников» и «кормильцев» семьи, если семейные идолы-«охранители» мыслятся как вместилища духов-предков? Эвенкийский материал дает вполне определенный ответ, указывая, что этими духами были духи избранных предков: в роде — духи-предки шаманов, в семье — агнатные предки главы семьи. То и другое, как мы видели выше, связано с разложением рода, с установлением патриархальной семьи как экономической единицы общества, с выделением социальной верхушки — шаманов и родовых вождей, с закреплением их социальных привилегий и отличного от других социального положения.

Как же следует понимать образ духа огня с его ярко выраженными когнатными чертами? Этот образ духа огня по своей социальной семантике, несомненно, восходит к эпохе материнского рода. Нет сомнений и в том, что истоки его возникновения лежат в условиях социального бытия материнского родового строя. Очевидно, и то, что образ этого женского родового духа выступает как обобщенный образ более древних форм представлений о женских духах-предках. Неясно лишь одно: в каком социальном значении бытовали в сознании людей материнского рода эти представления как древняя форма воззрений о духах-предках? Где в таком случае искать истоки этой древнейшей формы? Ответ на это дан в самом содержании образа духа родового огня. Последний, как мы видели выше, представляется эвенкам как хранительница душ рода и места рождения. В этом случае образ духа родового огня совпадает функционально с образом мифической праматери рода, от которой вел свое происхождение материнский род. Ответ на второй вопрос дает семантика слова *мушун*. Дух родового огня, как указано выше, носит название *того мушун*. Первое слово *того* дословно означает огонь, второе — *мушун* — переводится в русско-эвенкийских словарях, как дух-хозяин явлений природы (*му мушун* — дух-хозяин воды, *урэ мушун* — дух-хозяин горы и т. п.).

Наше внимание не может пройти мимо того факта, что слово *мушун*, служащее для выражения понятия «дух-хозяин», употребляется у эвенков только применительно к явлениям природы. В отношении хозяйства и предметов хозяйственного значения, преимущественно оленеводства и его материальной части, у эвенков для выражения того же понятия «дух-хозяин» существует другой термин — *эден* (от *эдэ* ~ *эды*, что значит муж, *эден*, означающий хозяин, глава, владетель || обладатель). К остальным предметам, которых анимистическое мировоззрение наделило духами, употребляется с той же целью термин *ичи* (от *ин*, означающего — жизнь, и суффикса обладания — *чи*; *ичи* дословно обозначает — одухотворенный, имеющий духа). Как показывает термин *эден* трактующий понятие хозяин как понятие муж || хозяин, муж || глава и т. д., эта дифференциация терминов, служащих для обозначения одного и того же понятия дух-хозяин, не случайна. Тот факт, что термин *эден* применяется лишь к явлениям и предметам хозяйства и оленеводства преимущественно, служит тому убедительным свидетельством. Данный факт доказывает, что подмеченная нами выше связь термина с соответствующими четкими границами его бытования не случайна, а дифференциация их — явление стадийного порядка, обусловленное стадийным процессом развития общества.

Итак, если эта связь не случайная — а в этом, повидимому, нет сомнений, — то как должно трактовать происхождение слова *мушун*? Ключ к решению этого вопроса лежит в том слове, которое служит у эвенков для понятий природа, явления природы, а также в нормах

мировоззрения, связанных с этим словом. Мы имеем в виду эвенческое слово *буга*. Г. М. Василевич указывает следующие значения *буга*: 1) небесный свод; небо); 2) вселенная; мир; 3) родина (рождения); 4) погода; 5) бог; 6) черт; 7) гром; 8) полярная звезда. Добавим, что слово *буга* в языке эвенков имеет значительно больший ряд значений, например, *буга* в значении «мир» дает семантический ряд: верхний мир (*угу буга*, от *угу* — верхний), средний мир (*ду, дулугу буга*, от *дулу ~ дулугу* — средний), нижний мир (*хэргу ~ буга*, от *хэргу ~ эргу* — нижний)²⁵. Для нас в данном случае важно отметить то, что *буга* означает, с одной стороны, природу и ее явления, с другой стороны, — родовое божество и ассоциируется с рождением (в значении места рождения).

Если иметь в виду ту причинную связь, которая нами была раскрыта на примере анализа слова *эден* в значении дух-хозяин, то факт употребления слова *мушун* в том же значении, но применительно лишь к явлениям природы, дает нам основание предполагать наличие возможной нетической близости между словами *мушун* и *буга*. Наличие в эвенческом языке слов: *бука*, означающего пороз, олень-производитель, *бу* (вин. *букува*), означающего сильный зверь, *бугу* (вин. *бугува*), означающего олень²⁶, а также факт наличия в эвенкийском языке фонетических чередований — *г ~ к*, *к ~ х*, *х ~ с ~ ш* — дают нам основание предположить наличие в прошлом одновременно с формой *буга* та и *бугу ~ буку ~ буху*. Наличие в маньчжурском языке слов: *буга* в значении изюбрь; *буха* — зверь; в монгольском: *буга ~ бугу* в значении олень, изюбрь, *буха ~ буку*, означающих бык, — делают такое предположение вполне вероятным. Имея в виду наличие в эвенкийском языке ассимиляции согласных на расстоянии типа: *би — мин, бу — мун*, заодно можно предположить образование из *буху* интересующего нас слова *мухун ~ мусун ~ мушун* (в тех говорах, где *ш || с*, это слово в современном эвенкийском языке звучит, как *мусун*, в говорах, где *ш || х*, *с* звучит, как *мухун*).

В этом плане отметим, что среди родовых духов-покровителей у эвенков фигурирует также *буга ~ бугады* (*ды* — суффикс прилагательных по признаку отношения: *бира* — река, *бирады* — речной, относящийся к реке)²⁷. В представлениях эвенков р. Подкаменной Тунгусы этот дух — покровитель рода *буга ~ бугады* мыслится женщиной и почитался хозяйкой рода, главой и владычицей, от которой зависит успех сородичей в жизни и в добывании средств к жизни, прежде всего охоте, в промыслах. Однако этим антропоморфным формам представлений о *бугады* не соответствуют формы изображений этого духа (идолы). Хранившиеся у шаманов родов идолы этого духа — покровители охранители рода, хозяйки главы сородичей, кормилицы и подательницы средств к жизни, как ее мыслили себе эвенки, как правило, имели зооморфный характер: изображались в виде лося или дикого оленя.

Принятая у эвенков форма изображения *буга ~ бугады* в виде лося или дикого оленя, разумеется, не случайна. Об этом говорит нам прежде всего семантика слов, близких генетически к слову *буга*: эвенкийских — *бука*, означающего пороз, бык-производитель, *буку* — сильный зверь, *бугу* — олень, *бугу ~ буга ~ бэга*, означающих изюбрь; маньчжурских — *буга* — изюбрь, *буха* — зверь; монгольских — *бугу ~ буга* — олень, изюбрь, *буха ~ буку* — бык; бурятского *бугу* — изюбрь, маральского *буга* — бык; алтайского *бука* — бык; киргизского *бугу* —

²⁵ Г. М. Василевич, Указ. словарь, стр. 23.

²⁶ См. нашу монографию «Семантика эвенкийского слова *буга* в ее историческом развитии» (рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР).

²⁷ Г. М. Василевич, Указ. словарь, стр. 23—24.

²⁸ Там же, стр. 195.

олень, лось²⁸. Еще более отчетливо эта причинная связь форм изображения *бугады* с образом зверя (лося, дикого оленя) проступает и раскрывается в нормах мировоззрения, связанных с данным словом.

В представлениях эвенков р. Подкаменной Тунгуски указанный родовой дух-охранитель *бугады* осмыслялся ими не только как глава и хозяйка рода, но и как глава и хозяйка тайги, мифическая мать и хозяйка зверей. В отличие от *того мушун* — духа родового огня, хранительницы душ сородичей и хозяйки места рождения, обитающей в костре (огне || очаге) чума, — родового духа *бугады*, который эвенки представляли себе главой рода, хозяйкой тайги и матерью зверей, мыслился обитающей в тайге, в материальных святынях родового культа — священных родовых деревьях и скалах *бугады*; последние функционально и семантически во многом были подобны тотемическим центрам, хорошо известным читателю по австралийским материалам. К этому следует добавить, что эти материальные святыни эвенкийских родов, осмысляемые эвенками как места обитания их родовых *бугады*, с давних пор (со времен неолита) были местами их родового культа и центрами, вокруг которых группировалась вся религиозная жизнь рода. Примером этому может служить скала на р. Мархе и найденные при ней жертвенные предметы, описанные подробно А. П. Окладниковым. По свидетельству указанного исследователя, самый нижний слой жертвенного места этой скалы, если судить о нем по типу найденных в нем каменных изделий, «может быть отнесен к концу местного средненеолитического неолита»²⁹. Подобные родовые святыни, судя по словам эвенков Подкаменной Тунгуски, были у них и в недавнем прошлом также местом родового культа, возле которых род совершал массовые родовые религиозные обряды *шингкэлэвун* и *гиркумки*, имевшие целью обеспечить удачу на промысле. Подробнее об этих обрядах и местах родового культа — священных деревьях и скалах *бугады* читатель может узнать из нашей работы, посвященной анализу этих обрядов³⁰.

Бугады, обитающая в этих материальных святынях рода, мыслилась эвенками двояко. В одном случае (когда речь идет о *бугады* как хозяйке рода) ее представляли антропоморфно, живущей под землей неподалеку от бабушки *дуннэ мушун* (дословно духа-хозяйки земли), в других случаях (когда дело идет о *бугады* как хозяйке тайги и матери зверей) ее мыслили в образе зверя (лося или самки дикого оленя, матери и вожака звериных табунов). Понять этот двойственный характер образа *бугады* помогает следующая, крайне примечательная черта: *бугады* наделялась в представлениях о ней всеми признаками материнства, но мыслилась не как родящая мать, а как хозяйка-владычица зверей. Эвенки ее называют *бугады энинтын* (от *эни* ~ *энин* — мать, *тын* — лично-притяжательный и личный суффикс 3-го лица мн. ч.). С другой стороны, в эвенкийско-русском словаре Г. М. Василевич слово *энин* (с притяжательным суффиксом) дается как имеющее два значения: 1) мать, 2) лосиха³¹. Между тем в рассказах эвенков о *бугады* как родовом божестве о самом материнстве говорится очень мало и глухо по сравнению с тем, что говорится о ней как владычице — хозяйке зверей и тайги.

Однако если до недавнего времени этот образ продолжал существовать в представлениях с атрибутами материнства, а *бугады* называлась

²⁸ Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы, Труды Института этнографии, т. II, 1947, стр. 217; ее же. Указ. словарь, стр. 23—24.

²⁹ А. П. Окладников, Исторический путь якутского народа, Якутск, 1943, стр. 34—35.

³⁰ А. Ф. Анисимов, Представления эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, XII, 1949.

³¹ Г. М. Василевич, Указ. словарь, стр. 187.

«матерью» зверей (*энинтын*), то отсюда следует, что в эпоху господ материнского рода этот мотив материнства как важнейшей общественной функции по представлениям того времени, был, повидимому, одной существенных черт этого образа. Отсюда вытекает вывод, что об матери-зверя первоначально распространялся не на всех зверей, а на определенный вид зверя-тотема. Этот вывод полностью подтверждается тем, что нам известно о шаманской *харги*, представляемой также образе лосихи или самки дикого оленя и осмысляемой как «мать-зверя шамана, его главный дух-помощник, звериный двойник шамана. Существенно в образе *харги* и другое: *харги* понимаются как духи-предки, мыслятся существами двойной природы — полулюди-полузвери. Из этого следует, что образ *бугады*, восходя своими истоками к тотемизму, оказывается очень близким образу мифических духов-предков, которые рисуются как образ женского духа, мифической праматери — зверя.

В свете вышеизложенного образ *бугады*, хозяйки — владычицы зверей и тайги, почитаемой матерью зверей, но фактически сохраняющей лишь атрибуты материнства, встает как более обобщенный слитный образ первичных представлений о мифических прародительницах — зверей-тотемах. Оказавшись в диаметрально-противоположной среде социального бытования — отцовском роде, основанном не на материнском, а на отцовско-правовом начале, первичный образ прародительницы — зверя-тотема постепенно утерять черты материнства, поскольку исчисление родства в отцовском роде велось не по линии матери, а по линии отца. Как результат поражения материнского родового начала и женской линии исчисления родства этот образ с потерей функции материнства утратил и другое — значение мифической праматери, предка тотемного рода. Поскольку в новых социальных условиях эта черта не только утратила свой прежний смысл, но и противоречила сути отцовского рода, прежний образ мифической матери — тотема || зверя — стал образом матери — владычицы зверей.

На тотемические истоки культа предков указывает и другой факт — связь духов-охранителей с тотемическим характером культа медведя. Последнее наиболее отчетливо проявлялось в том, что, когда убивали медведя, идолов духов-охранителей не только не «кормили», обмазывали кровью, жиром и костным мозгом, как это делали при возвращении с удачной охоты на других зверей, но даже старались всячески это скрыть от духов-охранителей. Это стремление охотников и их сородичей скрыть от духов-охранителей факт добычи медведя, по мнению К. М. Рычкова, объясняется опасением охотников, «что убит какой-нибудь предок сородич, превратившийся в животное»³².

Если к этому добавить, что тотемический характер и тотемические истоки культа медведя ныне являются общепризнанными, а также то, что в высшей степени важный факт, что дух предков, хозяин нижнего мира и духов-помощников шамана, так называемый *манги*, представлялся эвенкам существом двойной природы (*манги* на языке эвенков означает: 1) дух предков; 2) медведь) и на шаманских ковриках (*дэтур*) изображался в образе человека-медведя, то эта связь духов-охранителей с древними духами-предками — тотемами становится тем более убедительной и мотивированной.

В эвенкийском культе «охранителей», почитавшихся как духи-предки, существенно важно и то, что духи эти почитались в неразрывной связи со всем олицетворением сил природы: в сумку, где хранились идолы духов-охранителей, эвенки клали шкурки мелких пушных зверьков, шерсть животных, части скелета животных и птиц, зубы, когти и перья. Это указывает на то, что образы культа предков родились в борьбе че-

³² К. М. Рычков, Енисейские тунгусы, Землеведение, кн. I—II (Приложение), стр. 105.

ловека с природой как результат превратного, фантастического отражения чувства бессилия перед природой, ощущавшегося первобытным человеком на отдельных этапах этой борьбы. Наиболее древний образ культа предков — образ прародительницы — являлся, как мы видели, одновременно и образом помощницы в охоте, на промысле, в борьбе с могущественными силами природы.

Эти воззрения не могли, разумеется, появиться в оформленном виде ранее того, как возникли представления о душе. «...признавши существование души, люди, в силу общей ограниченности, никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела»³³. Здесь видит Ф. Энгельс начало представлений о бессмертии души, в силу которых человек населил природу миром душ наряду с миром духов. Когда появились эти представления о душах умерших людей, тогда только на их основе и мог возникнуть обобщенный образ души предка, духа-предка — помощника, тот образ, который мы застаем в более поздних слоях верований эвенков.

³³ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1948, стр. 350.



ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ*

Одним из наиболее сложных и неразработанных вопросов древней и ранне-средневековой истории СССР является вопрос о происхождении народов нашей страны. Буржуазная наука, исходившая при решении этногонических вопросов из расистских представлений и националистических тенденций, чрезвычайно усложнила и запутала этот вопрос. Советская историческая наука решает его совершенно заново, накапливая соответствующие фактические материалы и рассматривая их в свете марксизма-ленинизма, в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина теории национального вопроса.

Советская наука исходит при этом из того основного теоретического положения, что процесс образования народностей и национальностей является процессом историческим. Он определяется прежде всего внешними социально-экономическими условиями, зависит от уровня развития.

Характер этногонического процесса зависит также и от конкретной исторической обстановки. Вместе с этническими традициями, значение которых не следует преуменьшать, конкретно-исторические условия в значительной мере определяют специфическую (национальную) форму культуры того или иного народа, той или другой национальности.

Выдающееся значение для исследований в области происхождения народностей и наций имеют работы И. В. Сталина, посвященные вопросам языка и языкознания, явившиеся новым крупнейшим вкладом в теорию исторического материализма. В этих работах И. В. Сталин показал, что взгляды акад. Н. Я. Марра на язык, как надстройку, как явление классового порядка, его взгляды на развитие языка, получившие значительное распространение в среде не только советских языковедов, но и представителей исторических дисциплин, не имеют ничего общего с марксизмом. В своей работе И. В. Сталин широко раскрыл основы марксистской теории языка, как орудия общения людей, общественно-исторического явления, непосредственно связанного с производственной и иной деятельностью людей в обществе, но порожденного отнюдь не тем или иным экономическим строем общества, не той или иной степенью общественной жизни. «Язык порожден не тем или иным базисом, старым

* Публикуемые здесь исследования по этногенезу чувашского народа представляю собой доклады, прочитанные авторами на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 30—31 января 1950 г. Статьи находились уже в наборе, когда были опубликованы работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам», ценнейшие указания которых авторы постарались учесть.

или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹.

Известно, что язык является одним из важнейших признаков, определяющих племя, народность, нацию. Он составляет национальную форму их культуры. Поэтому взгляды Н. Я. Марра на развитие языка, некритически воспринятые историками и археологами, занимающимися вопросами происхождения народов нашей страны, привели к ряду ошибочных построений и в этой области. Характерным примером является вопрос о происхождении чувашского народа, который рассматривался Н. Я. Марром, как народ в своей основе яфетический, сохраняющий в своем языке черты яфетической стадии.

И. В. Сталин показал, что «теория» стадиального развития языка, из которой исходил Н. Я. Марр, не соответствует действительному ходу развития языка, является немарксистской теорией. Тем самым внесена ясность и в вопрос о происхождении чувашского народа, и перед исследованиями в этой области открылись широкие научные перспективы.

1

Теория происхождения чувашского народа, принятая в настоящее время большинством советских историков и лингвистов, представляет полную противоположность существовавшим ранее буржуазным концепциям. Согласно последним, чувашский народ рассматривался как осколок некогда якобы существовавшего тюркского мира. Его непосредственными предками, по мнению буржуазных ученых (А. А. Куник, А. А. Шахматов, Н. И. Ашмарин и др.), являлись волжские болгары, народ, пришедший на Волгу из приазовских степей и основавший Волжскую или Камскую Болгарию. Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах территории Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось.

Шаткость фактических данных, на основании которых была построена болгарская теория, является совершенно очевидной. В свете известий древних авторов бесспорно, что Волжская Болгария не отличалась от всех других государств древности — была государством отнюдь не национальным, а включавшим в свои границы ряд различных племен.

Волжская Болгария являлась несомненно лишь незначительным шагом вперед по сравнению с государствами Цезаря или Карла Великого, которые И. В. Сталин характеризует как «военно-административные объединения», «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². В Волжскую Болгарию входили как местные, так и пришлые племена, в болгарских городах звучала разная речь. Собственно болгары, т. е. население, пришедшее в Волго-Камье из приазовских степей, также отнюдь не составляли единую в этническом отношении группу. На основании, главным образом, археологических, а также исторических данных, в настоящее время устанавливается, что население восточноевропейских степей во второй половине первого тысячелетия н. э. представляло собой весьма сложное в этническом отношении образование. Его основу составляли различные сармато-аланские племена, смешавшиеся с тюркскими элементами, представленными,

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании, Изд. «Правда», М., 1950, стр. 5.

² Там же, стр. 11.

во-первых, в гуннских ордах IV—V столетий н. э. и, во-вторых, в ордах аварских, проникших в Европу в VI столетии н. э. Такое сочетание сармато-аланских и тюркских элементов прекрасно выявляется по материалам северокавказских, донских и донецких (салтово-маяцких) курганов и могильников. Таковую же точно смешанную сармато-аланско-тюркскую материальную культуру принесли болгары Аспаруха на Дунай, она, судя по материалам раскопок в древних болгарских городах Плиске и Преславе, сохранялась в течение двух-трех поколений, прежде чем раствориться в местной славянской среде.

Таким образом, вопрос о происхождении чувашского народа болгаской теорией отнюдь не решался. Утверждение, что чуваша являлись болгарами, было равносильно попытке построить уравнение из двух одинаково неизвестных величин.

При характеристике болгарской теории происхождения чувашского народа нельзя, однако, ограничиться указанием на слабость ее фактического основания и теоретическую порочность. Теория эта возникла, получила широкое хождение, прежде всего, как теория националистическая, отвечающая интересам пантюркистов, с одной стороны, и чувашских националистов, с другой. Болгарская теория являлась неотъемлемой частью пантюркистской легенды о древнем тюркском народе, сыгравшем якобы исключительную роль в историческом процессе; миф о великодержавном государстве болгар — чувашей, господствовавших над всеми другими народами Поволжья. Недаром враги советского народа в первые годы после Октября широко пропагандировали теорию, пытаясь посеять национальную рознь между тюркоязычными народами и великим русским народом, между чувашским народом и другими народами Поволжья.

2

Известно, что почти все народы Поволжья состоят из двух или большего числа частей. Таковы две основные группы мордовского народа — мокша и эрзя, к которым добавляются тюрюхане, каратаи и шоки. Марийцы сохранили отчетливое деление на горных и луговых. Чувашский народ также состоит из двух основных частей, отличающихся друг от друга по языку и материальной культуре. Речь идет о верховьях чувашах — «вирьял», занимающих северо-западную часть Чувашии, и низовых — «анатри», обитающих в юго-западной половине чувашской земли. Третья чувашская группа — «анат-енчи», находящаяся между первой и второй, большинством этнографов рассматривается не как самостоятельная часть чувашского народа, а как результат смешения вирьял и анатри. Надо полагать, что в сложном составе народов Поволжья сохраняются следы древних племен, их изучение может пролить яркий свет на вопросы этногонии. Особенно интересно при этом, что этноделение чувашского народа на две части имеет длительную предисторию, восходящую к II тысячелетию до н. э.

Для характеристики древних племен северо-западной Чувашии мы располагаем в настоящее время следующим археологическим материалом.

1. Около Козловки у деревни Баланово был открыт и исследован обширный могильник³, а в Ядринском районе вблизи деревни Атлюкасы — курган⁴, относящиеся к середине второго тысячелетия до н. э. и принадлежащие к группе археологических памятников, распространенных в Верхнем Поволжье и получивших наименование фатьяновских.

³ О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ деревни Баланово в Чувашии, «Советская археология», т. VI, 1940.

⁴ П. Н. Третьяков, Из материалов Средневожской экспедиции, Сообщения Гос. акад. истории материальной культуры, 1931, № 3.

по имени могильника у деревни Фатьяново Ярославской обл. Фатьяновские племена были первыми в Верхнем Поволжье скотоводческими племенами, возможно, знакомыми также и с земледелием. Это были первые в этих местах племена, познакомившиеся с металлом — медью и бронзой. Предположение Т. А. Трофимовой о южном, кавказском происхождении населения, оставившего Балановский могильник⁵, которое еще требует проверки, даже в том случае, если оно окажется справедливым, не меняет существа дела. Культура балановцев — их хозяйство и быт — имели отчетливый северный, лесной характер.

2. В этой же части Чувашской АССР известны многочисленные курганы второй половины второго тысячелетия до н. э., называемые абашевскими по имени с. Абашево Цивильского района Чувашской АССР, где они были впервые исследованы в 1925 г. В. Ф. Смолиным⁶. Как показали исследования последующих лет, абашевские племена обитали не только на территории северных и центральных районов Чувашии, но и далеко за их пределами (в северном, северо-западном и северо-восточном направлении). Абашевские курганы известны на Нижней Оке около Муром⁷, в бассейне Верхней Оки у с. Огуби⁸ и на берегу Плещеева озера⁹. В виде клада характерные абашевские вещи — бронзовые орудия и украшения из бронзы и серебра были найдены в Приуралье около Верхнего Кизила. Там же известны места древних поселений, принадлежавших, как предполагают, или абашевцам, или близким им по культуре племенам¹⁰.

3. В пределах Чувашской АССР, по берегам Волги и Суры, известно несколько древних поселений первого тысячелетия до н. э., характеризующихся так называемой «сетчатой» или «текстильной» керамикой, такой же, какая известна на многочисленных городищах и селищах в бассейне Оки и Верхней Волги.

4. Около с. Иваньково на Нижней Суре¹¹ и вблизи деревни Криуши на берегу Волги в устьи р. Аниш¹² были исследованы могильники начала и середины первого тысячелетия н. э., близкие хорошо известным древнемордовским, муромским, марийским и мерянским могильникам того же времени. Вблизи с. Яндашево в низовьях р. Цивиль найдены бронзовые украшения пьяноборского облика¹³, распространенные на рубеже и в начале нашей эры у племен Прикамья и Повелужья.

5. В этих же северных и северо-западных районах Чувашской АССР, принадлежащих чувашам-вирьял, известно несколько десятков городищ середины и второй половины первого тысячелетия н. э.¹⁴ Городища представляют собой миниатюрные укрепления, расположенные обычно на мысах высокого берега. При раскопках на них была найдена глиняная посуда, вылепленная без помощи гончарного круга, грузила от сетей и кости домашнего скота. По общему облику эти городища и сделанные на них находки близко напоминают аналогичные памятники соседней мордовской земли.

6. Наконец, следует указать на многочисленные киве-сава — язы-

⁵ См. Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3.

⁶ В. Ф. Смолин, Абашевский могильник в Чувашской республике, Чебоксары, 1928.

⁷ Раскопки Б. А. Куфтина. Гос. Эрмитаж.

⁸ Раскопки В. И. Городцова. Гос. Исторический музей.

⁹ Раскопки Я. В. Станкевич и автора настоящей статьи 1939 г. Ярославский обл. музей.

¹⁰ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», 1941, стр. 131—136.

¹¹ См. П. П. Ефименко, Средневожская экспедиция 1925—1927 гг., Сообщения Гос. академии истории материальной культуры, т. II, 1929.

¹² См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948, стр. 55—56.

¹³ См. там же, стр. 53.

¹⁴ См. там же, стр. 46 и след., 65 и сл.

ческие кладбища XVI—XVIII вв., повсюду известные в земле чувашей-вирьял. Изучение остатков женского костюма, происходящих с киве-сава, выявляет некоторые особенности, сближающие древний костюм вирьял с марийским. Такой деталью костюма является, в частности, подвешенная сзади к головному убору кисть из толстых шерстяных, шнуров, унизанных бронзовыми трубочками — пронизками. По сообщению Т. А. Крюковой, один такой чувашский убор имеется в коллекции Государственного этнографического музея в Ленинграде. Известны также, параллельно с древними памятниками марийцев являются также и многочисленные чувашские «кереметища» XVI—XVIII вв., как и киве-сре повсюду известные в земле чувашей-вирьял.

В итоге сделанного выше обзора археологических памятников северо-западной части Чувашской земли можно сделать вывод, что в этой части Чувашии с глубокой древности обитали племена, тесно связанные по своей материальной культуре с соседним, более северным, западным и восточным поволжским населением — населением лесных пространств Среднего и Верхнего Поволжья. Можно утверждать также, что с этим населением генетически связывается та часть чувашского народа, которая называется «вирьял» и которая по сей день сохранила в своем быту многие черты, сходные с культурой соседнего марийского, а также части мордовского и удмуртского народов. Дать более определенную картину этногенетического процесса в этой части Чувашии при настоящем состоянии источников не представляется возможным. Нам известно, в каком отношении друг к другу стояли племена, оставившие перечисленные выше группы археологических памятников, — составляли ли они непрерывную цепь автохтонного развития или же это были племена разного происхождения, сменявшие друг друга на территории Чувашии. Вероятно также, что далеко не все группы археологических памятников северо-западной Чувашии нами в настоящее время выявлены и изучены. Однако трудно допустить, чтобы будущие открытия смогли поколебать основной вывод — вывод о местном происхождении чувашских племен, входящих в состав чувашей-вирьял, и о том, что их предки были тесно связаны с другими лесными племенами.

3

Археологические памятники южной части Чувашской республики, принадлежащей чувашам-анатри, известны значительно хуже, чем древности в области чувашей-вирьял. Однако и то немногое, чем мы располагаем в настоящее время, позволяет утверждать, что, начиная с отдаленного прошлого, здесь обитало население, заметно отличающееся от описанного выше. Здесь издавна жили племена, связанные с более южными областями, со степным Средним Поволжьем.

В то время, когда во втором тысячелетии до н. э. в северной части чувашской территории обитали абашевские племена, на юге были распространены племена с иной культурой, хорошо известные по исследованиям, произведенным советскими археологами в Куйбышевской и Саратовской областях и получившие наименование хвалынских¹⁵. Два таких хвалынских кургана были исследованы П. П. Ефименко в 1927 г. в с. Байбатырево Ялчикского района на берегу р. Булы. В одном из них оказалось 16 могил, содержащих погребения, сопровождаемые характерной глиняной посудой и другими предметами, в другом — одна могила¹⁶. В отличие от абашевских курганов, хвалынские курганы име-

¹⁵ П. С. Рыков, К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье «Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском ин-те», т. II, 1927.

¹⁶ П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 40.

ют значительные размеры, расплывчатые очертания и не образуют больших групп. Такие курганы известны в ряде пунктов по Буле, Кубне и другим рекам южной Чувашии. Рядом с курганами на территории южной Чувашии имеются остатки поселений хвалынских племен. Одно из них, находящееся в урочище Ветяхва-сырми около с. Байбатырева, подверглось в 1927 г. небольшим исследованиям, во время которых были найдены обломки глиняной посуды и кости домашних животных: коровы, лошади, овцы и свиньи.

Исследования последних лет, произведенные в различных частях Среднего Поволжья, показали, что хвалынские племена, занимавшие во втором тысячелетии до н. э. огромную область по обеим сторонам Средней и отчасти Нижней Волги, должны рассматриваться в качестве предков двух обширных групп населения, известных в Поволжье в последующее время — в первом тысячелетии до н. э. Одной из них являлись оседлые скотоводческо-земледельческие племена, оставившие хвалынские, саратовские и куйбышевские городища. Их рассматривают обычно в качестве древнейших мордовских, а может быть и буртасских племен. Другую группу составляли савроматские — сарматские племена, кочевое скотоводческое население, возникшее в степном Поволжье на основе местных племен эпохи бронзы в условиях широкого контакта с населением, обитавшим на восток от течения Волги.

Какими путями шел в этот период этногонический процесс на территории южной Чувашии, — пока неизвестно, так как никаких археологических памятников первого тысячелетия до н. э. там не обнаружено. Представляется, однако, бесспорным, что процесс сарматизации близко коснулся населения чувашского Поволжья.

Вопрос этот приобретает особый интерес в связи с тем, что сармато-аланские племена восточноевропейских степей в середине первого тысячелетия н. э., как известно, подверглись тюркизации. Это произошло в результате проникновения в Европу сначала гуннских кочевых орд, затем аваров и др. Большинство из них являлось кочевым населением территории современного Казахстана, родственным европейским сарматским племенам. Они несли с собой, однако, тюркский язык, превращающийся в этот период — период военной демократии, союзов племен и «великого переселения народов» — в господствующий язык кочевнического населения евразийских степей.

Отсюда можно сделать предположение, что тюркизация некоторых племен Волго-Камья — явление очень старое, начавшееся в середине первого тысячелетия н. э. Болгары, появившиеся в Волго-Камье в VII—VIII вв. н. э. и представлявшие собой тюркизованное сармато-аланское население Приазовья, отнюдь не были этнической группой, совершенно чуждой многим местным племенам. Их приход не вызвал, вероятно, принципиальных изменений в ходе этногонического процесса в Волго-Камье, а лишь усилил и завершил то, что началось значительно раньше.

Именно этим, повидимому, объясняется то различие в судьбах болгарских племен — племен завоевателей — в Дунайской и Волжской Болгариях. На Дунае болгары Аспаруха очень скоро растворились и бесследно исчезли вместе со своим языком в местной славянской среде. На Волге, где они, как и на Дунае, составляли, несомненно, меньшинство по сравнению с местным населением, тюркский язык победил. Это произошло, во-первых, потому, что процесс тюркизации уже затронул племена Поволжья, а, во-вторых, потому, что здесь болгары встретились с целым рядом различных племен, тогда как на Дунае они попали в однородную славянскую среду, стоящую на более высокой ступени исторического развития.

Серьезное влияние на развитие культуры и языка всех местных племен оказало возникновение в Волго-Камье ряда крупных торгово-ремесленных городов, связывающих Восточную Европу со странами Средней

Азии. Именно на этом этапе исторической жизни племен Поволжья должен был завершиться как процесс тюркизации, так и процесс консолидации древних племен в более крупные этнические образования.

Интересно при этом отметить, что культура, свойственная Болгарскому царству, была представлена на территории не всей Чувашской Республики главным образом в ее южной части — в земле чувашей — анатри. Там в бассейне р. Булы и Кубни, известны болгарские городища — остатки больших обнесенных высокими валами городов и небольших, но сильно укрепленных замков. Примером городища первого типа может служить огромное болгарское укрепление у деревни Деушевой на Свиной р. имеющее в окружности около двух километров. Феодалными замками являлись городище у деревни Большая Тояба на р. Буле, городище около т. Тигишево на р. Большой Буле, Япончино городище в низовьях р. Кубни и др. Вокруг них известны многочисленные сельские поселения болгарской поры. В этих же местах, связывая городища и сельские поселения в единую систему, вдоль рек тянутся на десятки километров мощные земляные валы, такие же, как и в других местах Волжской Болгарии. Они предназначались для защиты владений болгарской знати от вражеских вторжений¹⁷.

В северных районах Чувашской АССР остатки болгарской культуры почти не известны. В настоящее время возможно назвать лишь один пункт — небольшое поселение сельского характера в устье р. Ангары около Козловки, где была найдена характерная болгарская посуда и некоторые другие вещи X—XIII вв.¹⁸, и город Чебоксары, где обнаружены подобные же находки. Никаких городищ болгарского характера и валов на земле чувашей-вирыял не имеется. К этому же времени относятся городища совсем иного характера, отмеченные выше в перечислении археологических памятников северо-западной Чувашии под пунктом 5.

Отсюда можно сделать вывод, что в болгарское время чувашский народ как единое целое еще не сложился. Древние различия между северным и южным населением были еще достаточно сильны. Несмотря на это, однако, что болгарское время с его классовым обществом и государственностью, с городской жизнью, торговыми связями и другими своеобразными чертами экономики и быта должно было создать благоприятные условия для культурно-этнического сближения отдельных частей волго-камского населения.

Можно думать, что последующие XIV—XVI столетия явились временем, когда процесс сложения народов Волго-Камья, в том числе чувашского народа, в основных чертах достиг своего завершения. Древние различия при этом не исчезли бесследно; они сохранялись и в языке и в материальной культуре, сохраняются они и в настоящее время. Но они уже давно отошли на второй план, заслонились теми явлениями культуры, которые становились общими для всего чувашского населения. Так исподволь сложились чувашский язык, территория и культурная общность — элементы чувашской нации.

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический», — указывает товарищ Сталин. «Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»¹⁹.

В дальнейшем история чувашского народа протекала в тесной

¹⁷ См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 58—61.

¹⁸ См. там же, стр. 62.

¹⁹ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

взаимодействии с историей русского народа. Здесь имеется в виду до-революционное время, когда экономическая жизнь чувашского народа, являвшегося одной из угнетенных национальностей царской России, развивалась в рамках общероссийской экономики, чему способствовало местоположение Чувашии на берегах Волги — важнейшей экономической артерии страны. Особенно же здесь имеются в виду годы Великой Октябрьской социалистической революции, когда чувашский народ вместе с великим русским народом поднялся против общего врага, и советское время, когда в результате победы социализма в СССР чувашский народ сложился в социалистическую нацию.

4

Вопрос о происхождении чувашского народа может получить удовлетворительное решение лишь в том случае, если он будет рассматриваться в неразрывной связи с вопросом о происхождении всех других народов Волго-Камья и в первую очередь с вопросом о происхождении татарского народа.

В результате работ советских археологов, этнографов, антропологов и лингвистов в настоящее время установлено, что пути этногенеза казанских татар в основных чертах были теми же, что и пути чувашского этногенеза. Татарский народ сложился в итоге длительного развития местных племен и смешения их с тюркоязычными болгарскими элементами, проникшими в Волго-Камье в последней четверти первого тысячелетия н. э. Известную роль в татарском этногенезе сыграло, несомненно, также и татаро-монгольское завоевание, особенно образование на развалинах Волжской Болгарии Казанского ханства. В этот период в местную среду проникли кипчакские (половецкие) элементы, составлявшие основную массу населения европейской части Золотой Орды²⁰.

Устанавливая значительную общность этногонических судеб чувашского и татарского народов, необходимо ответить и на другой вопрос: как же следует объяснять различия между этими народами, почему в области Волго-Камья на месте Болгарского государства сложился не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский? Разрешение этого вопроса далеко выходит за рамки археологических данных и может быть дано преимущественно на основании этнографических и лингвистических материалов. Поэтому мы несколько не претендуем на решение этого вопроса и останавливаемся на нем лишь потому, что здесь наметилась некоторая тенденция, с которой никак нельзя примириться.

Речь идет о попытках некоторых исследователей превратить болгарское наследство в объект дележа между татарским и чувашским народами, тогда как очевидно, что оно является таким же общим достоянием обоих народов, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов. Попытки эти имели место, в частности, на научной сессии, посвященной вопросам происхождения татарского народа, состоявшейся в Москве в 1946 г.

Так, А. П. Смирнов, давший на основании археологических данных очень убедительную картину этногенеза татарского народа в указанном выше плане, усматривает разницу между татарами и чувашами в том, что татары — это потомки якобы собственно болгар, тогда как чуваша — потомки болгарского племени суваров²¹. Такой вывод, поддерживаемый некоторыми другими исследователями, находится, однако, в противоречии с концепцией самого А. П. Смирнова. Противоречие это заклю-

²⁰ Сборн. «Происхождение казанских татар», Казань. 1948.

²¹ См. там же, стр. 148.

чается не только в том, что пришельцы — болгары — снова оказывались здесь главным предком татарского и чувашского народов, что не соответствует фактическим данным, сколько в том, что сами болгары бражаются по сути дела в качестве двух монолитных этнических групп, чего в действительности не было. Как указывалось выше, болгарские племена Приазовья представляли собой в этническом отношении весьма пестрое образование. Предполагать, что в пределах Волжской Болгарии с ее оживленной торговой жизнью существовали болгары и сувары — две различные этнические группы, конечно, не приходится.

Нельзя не остановиться также на попытках некоторых татарских лингвистов рассматривать татарский народ в качестве прямых потомков волжских болгар, а чувашей — лишь как одно из племен, входивших в состав государства Волжской Болгарии. «Казанский татарский язык является прямым продолжением болгарского языка», — говорит А. Б. Латов. «Нельзя сделать вывод, — здесь же заявляет он, — о чувашах, что они являются прямыми потомками болгар»²². Археологические данные решительно протестуют против представлений такого рода. Мы видели выше, что на территории Чувашии находились болгарские города, мощные земляные валы, тянувшиеся на десятки километров, и замки болгарской знати. В южной Чувашии находился центр одного из болгарских княжеств; это отнюдь не была глухая провинция Волжской Болгарии. На территории Татарии также располагались подобные городские и сельские феодальные центры, где местное население смешивалось с болгарским. В некоторых областях Татарии, как и на севере Чувашии, имеются места, где болгарских городов и феодальных владений не было. Жившее здесь население, несомненно, сохраняло долгое время свои древние специфические черты культуры. Какое же основание ставить чувашский народ в иное отношение к болгарскому наследству, чем народ татарский?

По мнению тюркологов чувашский язык является самым старым среди тюркских языков²³. На этом основании некоторые лингвисты делают заключения о какой-то особой древности чувашского народа. По мнению Р. М. Раимова, чуваша — это остаток какого-то древнего народа, болгары — потомки чуваш, а татары — потомки болгар. В качестве аргумента в пользу этого фантастического взгляда Р. М. Раимов приводит данные этнографии. Культура, быт и язык чувашского народа послеболгарского периода, по его мнению, стояли якобы на более низкой ступени развития, чем культура, быт и язык Волжской Болгарии²⁴.

Все это, несомненно, глубоко ошибочно и теоретически несостоятельно. Никакого древнего чувашского народа, предшествующего Волжской Болгарии в эпоху первобытно-общинного строя, не было и не могло быть. Нельзя сравнивать культуру чувашской деревни послеболгарского времени с культурой болгарских торговых городов, а также с культурой феодальной болгарской знати и на этом основании делать выводы о том, что чуваша стояли на более низком культурном уровне, чем болгары. Когда Р. М. Раимов говорит, что чуваша могли бы рассматриваться в качестве потомков болгар лишь в том случае, если бы «уровень культуры, который был достигнут в Болгарской период, сохранился у чувашского народа», он всецело находится в плену пресловутой теории единого потока и идеализирует болгарское прошлое. То не самое, что нам известно о деревне болгарского времени, свидетельствует о весьма примитивном патриархальном быте, уровень которого был сравнительно ниже старинного чувашского быта, который нам позво-

²² Сборн. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 142.

²³ См. там же, стр. 117.

²⁴ См. там же, стр. 144.

восстановить археология, этнография и фольклористика. При обсуждении вопроса о происхождении татарского народа совершенно прав был Ш. П. Типеев, когда он говорил следующее: «Булгарское государство являлось культурным государством в прошлом. Я верю в это условно. Да, старый Булгар и новый Булгар-Казань — являлись культурными центрами в Поволжье. Но являлась ли вся Булгария культурным центром?... Мне думается, Булгария не была культурно цельным образованием. Старый Булгар и новый Булгар (г. Казань), преимущественно с населением из булгарских племен, выделялись как пышно развившиеся торговые центры среди варварских племен, входивших в это государство»²⁵.

Как же возможно объяснить различие между культурой и языком чувашского и татарского народов? Почему в Волго-Камье возникло два тюркоязычных народа, а не один? Наши предположения относительно этого вопроса в самых кратких чертах сводятся к следующему.

В середине первого тысячелетия н. э. в Волго-Камье, на границе лесной и степной зон, обитали различные племена, южная (условно сарматская) группа которых начала подвергаться тюркизации. В болгарское время, когда сюда проникли обитатели степного Приазовья, когда здесь возникли классовое общество и государственность и появились торговые города, связанные с Востоком, процесс тюркизации значительно усилился, захватывая более широкий (уже не только условно сарматский) круг местных племен. В языковом и этническом отношении все волго-камские племена развивались в этот период в общем направлении, в известной мере подобно тому, как в эпоху Киевской Руси развивались в общем направлении все восточнославянские племена.

Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог не разворачиваться здесь более энергично. И в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Болгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Болгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в европейской части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среду предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, повидимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский.

²⁵ Там же, стр. 146

Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШЕЙ

Введение

Разработка проблем этногеографии народов нашей страны, как показывает ряд исследований советских ученых, только тогда дает плодотворные результаты, когда привлекаются данные различных источников: письменные исторические сведения, данные археологии, этнографии, языковедения и антропологии.

Обычно антропологические материалы при наличии других данных используются в качестве вспомогательного исторического источника, но бывают отдельные конкретные случаи, когда палеоантропологические материалы приобретают решающее значение.

При использовании антропологических материалов как исторического источника, особенно в борьбе с расистскими концепциями этногеографии, одним из основных для советских ученых является положение об отсутствии причинной связи между антропологическим составом населения и его культурой, которая определяется историческим процессом, а не расовыми особенностями населения. Положение о том, что не существует «высших» и «низших» рас, «способных» и «неспособных» к созданию культуры народов, как это пытаются утверждать расисты всех мастей, являются незыблемым не только для советской науки, но и для всей советской общественности. Все народы, независимо от того к каким они относятся расам, способны к созданию высокой культуры, как это прекрасно доказано практикой социалистического строительства. У нас, в СССР, все народы, в том числе и ранее культурно отсталые, успешно перестраивают свою жизнь по пути создания коммунистического общества.

Необходимо иметь в виду, что, поскольку антропологический состав исследуемой группы обычно является следствием исторических процессов, для этногенетических исследований возможно, а часто и необходимо, идти путем восстановления причины по следствию, привлекая антропологические материалы.

Хотя антропологические типы и изменяются с течением времени, но эта изменчивость не такая значительная, как изменчивость общественных форм и особенностей культуры. Благодаря тому, что направления эпохальной изменчивости постепенно выясняются, для исследователя сохраняется возможность установить морфологическое сходство современного населения с древнейшим населением нашей страны, что и дает основание использовать антропологические материалы в качестве исторического источника.

Для изучения формирования чувашского народа по данным антропологии имеются материалы, полученные на основании исследования современного антропологического состава чувашей, и данные палеоантропологии, относящиеся к различным эпохам жизни людей на территории современной Чувашской АССР и некоторых смежных областей, начиная с эпохи неолита.

1

Чуваши в настоящее время по своему антропологическому составу — народ сильно смешанный, состоящий из различных европеоидных и монголоидных типов и их смешанных форм. По данным экспедиции Института антропологии Московского университета, проведенной под руководством П. И. Зенкевича в 1936 г. при моем участии в Моргаушском, Аликовском, Калининском и Красноармейском районах (по современному районированию), чувашаи характеризуются ростом ниже среднего, обладают удлинённой формой головы (головной указатель 79,3), среднешироким (140,1 мм), но удлинённым лицом (128,4), преобладанием темных волос и темных и смешанных оттенков глаз.

Ослабленный рост бороды, развитая складка верхнего века, встречающийся эпикантус, уплощенное лицо, пониженное переносье — указывают на монголоидную примесь и позволяют характеризовать исследованных нами чувашей по их антропологическим признакам как промежуточную группу между европеоидами и монголоидами. От татар Татарской АССР чувашаи отличаются главным образом более удлинённой формой головы и более низким ростом, более высоким лицом и более узким носом, при этом со значительно чаще встречающейся у них вогнутой спинкой носа; последние два признака сближают их с мари. По общей суммарной характеристике, по преобладающему антропологическому типу чувашаи могут быть отнесены к «средневожскому» или «субуральскому» типу (Бунак), представляющему собой, по всей вероятности, результат древнего смешения европеоидных типов с каким-то длинноголовым монголоидным компонентом (уральским)¹.

Проведенное мной во время работ экспедиции при обследовании чувашского населения визуальное определение антропологических типов позволило констатировать, что среди обследованных 63,5% могли быть отнесены к субуральскому типу, причем почти в половине случаев из этого числа отмечены более или менее выраженные европеоидные черты. Около 21,1% составляли представители различных европеоидных типов как темноокрашенных, так и русоволосых и светлоглазых. Первые из них преобладали. Всего 5,1% обследованных можно было отнести к сублапоноидному типу, отличающемуся относительно низким лицом и широким носом, при ослабленной выраженности монголоидных признаков. Этот компонент у татар встречается значительно чаще. Наконец, 10,3% наблюдений было отнесено к монголоидным типам и их смешанным с европеоидными формами. Только 1/3 из этого состава, т. е. около 3,5% на всю группу обследованных, могла быть отнесена к относительно «чистым» монголоидным формам. Повидимому, среди этих монголоидных типов основным монголоидным компонентом должен быть отмечен длинноголовый тип с высоким и широким лицом, который в наиболее яркой форме выявлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов Северной Азии.

Имеющиеся антропологические данные позволяют утверждать, что рядом антропологических типов чувашаи связываются с населением Марийской, Татарской, Удмуртской и Мордовской АССР, а также частично с соседним русским населением².

¹ Возможно, этот компонент был близок к тому, который в настоящее время отчетливо выступает среди манси, хантов, западносибирских татар, башкир, а дальше на восток на Алтае — среди шорцев. Длинноголовый же резко выраженный монголоидный тип с крупными размерами лица, сильно развитым эпикантусом, слабым ростом бороды, встречающийся среди прибайкальских эвенков и некоторых других народов Северной Азии, получил название байкальского или палеосибирского и должен рассматриваться в качестве особого варианта.

² Необходимо при этом отметить, что как состав антропологических типов, так и концентрация их различны у разных соседних народов и, в частности, среди обследованных.

Антропологическое изучение современного чувашского населения должно быть продолжено; в особенности необходимо поставить раб

в юго-восточных на
нах Чувашской АССР
в местностях, в пре
лом относившихся
территории б. Бую
ского государст
Дальнейшие исслед
нения могут внести уг
нения в наметенн
антропологическую
характеристику чув
ского народа.

2



Рис. 1. Женщина культуры ямочно-гребенчатого неолита лапоноидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Караваяхе (Вологодская область)

Переходим к
смотрению палеоан
пологических матер
лов, которые, взяты
самой тесной связ
данными археолог
несмотря на ряд п
белов, могут прол
свет на историю ф
мирования племен
шедших с течени
времени в состав
вашского народа.

По дошедшим
нас немногочисленн
костным остаткам
ловека, жившего
эпоху неолита и в
лее позднее время
территории Средн
Поволжья, можно
дить о неоднородно
антропологическо
става этого населен

относящегося к племенам охотников и рыболовов. Так, на территории Среднего Поволжья для этой эпохи с большой вероятностью могут быть установлены отчетливо различающиеся между собой три антропологических типа: а) европеоидный, 2) лапоноидный и 3) третий тип, сочетающий в строении лица такие особенности как резкий прогнатизм и широкость; эти черты в строении лицевого скелета морфологически напоминают малайские или негроидные формы³.

К первому, европеоидному, типу относятся два черепа из Володарской неолитической стоянки Горьковской области. Оба черепа небольших размеров. Один череп хорошей сохранности характеризуется высоким лицом, сильно выступающим носом и некоторыми своеобразными особенностями строения лицевого скелета и отличается от хороших

дованных мной же татар ТАССР. (См. Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949).

³ Констатируя определенное морфологическое сходство, из-за отсутствия фактических данных пока приходится воздержаться от установления места и времени происхождения этих антропологических типов.

известного населения европеоидного типа с территории Восточной Европы⁴ позднейших эпох. Черепа лапоноидного типа известны в погребениях неолитической стоянки возле Каравайхи Вологодской области; близкие формы отмечены также в неолитической стоянке Южного Оленьего острова на Онежском озере, в более поздней Языковской стоянке Калининской области; наконец, к значительно более позднему времени — концу II — началу I тысячелетия — относятся черепа из раскопок в Среднем Поволжье (рис. 1). Так, к лапоноидному типу относятся: один череп из раскопок Высоцкого 1870 г. близ с. Ново-Мордово б. Спасского уезда Казанской губ. и два черепа из раскопок Штукенберга 1901 г. из урочища Пустая Морквашка близ с. Моркваши б. Свияжского уезда. Г. Ф. Дебец относит эти погребения к волжско-камскому энеолиту и считает их, по всей вероятности, более или менее синхроничными Карташихинской стоянке. Но в настоящее время есть основания датировать эти погребения более поздним временем. Так, погребения у Ново-Мордово следует относить к концу II тысячелетия, а у с. Моркваши — к началу I тысячелетия до н. э. На основании короткоголовости в сочетании с малыми абсолютными размерами их Г. Ф. Дебец считает возможным отнести эти черепа к лапоноидным формам⁵. Широкое распространение лапоноидных форм в неолите на территории Восточной Европы дает основание рассматривать черепа людей лапоноидного типа из Среднего Поволжья как потомков местного неолитического населения.



Рис. 2. Женщина балахнинской неолитической культуры с некоторыми „малайскими“ или „негроидными“ чертами в типе лица. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Гавриловской стоянке (Горьковская область)

Третий тип представлен пятью фрагментными черепами из Гавриловской стоянки балахнинской культуры, раскопанной И. Цветковой в Дзержинском районе Горьковской области. Люди этого антропологического типа характеризовались небольшими размерами головы, удлинённой формой лица, прогнатизмом, широким носом, выпуклым нависающим лбом. М. М. Герасимов, сделавший реконструкцию лица женщины по черепу из этой стоянки, пишет в своей книге: «Я затруднен в этнической диагностике этого нового неолитического типа; несомненно, что в данном лице наличествует некоторый элемент малайских черт...»⁶ (рис. 2).

3

В середине II тысячелетия до н. э. в эпоху бронзы на правобережье Волги — территории современной Чувашской республики — появляются

⁴ Черепа из раскопок И. К. Цветковой Володарской неолитической стоянки в Горьковской области.

⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 83.

⁶ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 91.

племена скотоводов-кочевников. Население этой эпохи, относящееся к племенам фатьяновской культуры, известно нам по погребениям Балановского могильника, находящегося в Козловском районе Чувашской АССР.

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры до сих пор является предметом дискуссий. Если в зарубежной литературе в связи с развитием «нордической расовой теории» делались настойчивые попытки вывести фатьяновскую культуру из Прибалтики (Тальгрэн, Косси



Рис. 3. Мужчина балановской (фатьяновской) культуры восточно-средиземноморского типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Балановском могильнике (ЧАССР)

и др.) и рассмотрели носителей ее как «ариев», то у нас, в советской литературе, преобладала точка зрения восточноевропейского происхождения фатьяновской культуры (Готье, Бадер, Кривош-Грабова и др.), хотя вопрос о развитии последней на местных неолитических охотничье-рыболовских культурах большинством исследователей решался отрицательно. Русские исследователи Спицын и Городовиков связывали происхождение этой культуры с Северным Кавказом.

Из Балановского могильника был получен благодаря раскопкам Бадера и Акимовой значительный костный материал хорошей сохранности. В результате изучения черепов из Балановского могильника М. С. Акимова пришла к выводу, что длинноголовый европеоидный антропологический тип относительно узко- и высоколицый из Балановского

⁷ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Труды Института этнографии, т. I, М.—Л., 1947, стр. 282.

⁸ Там же.

ской культуры юга Швеции»⁹. Основной же вывод, к которому приходит Акимов в результате своего исследования, что «вследствие того, что полного сходства антропологического типа фатьяновцев с отмеченными типами Западной Европы не наблюдается, вопрос о миграции фатьяновцев на имеющемся материале решать преждевременно»¹⁰.

Против выводов Акимовой о сближении антропологического типа балановцев с типами населения Прибалтики и Средней Европы в 1949 г. в печати выступили, независимо друг от друга, два автора — М. М. Герасимов¹¹, давший реконструкции балановцев, и автор настоящей статьи¹². Мы оба защищали южное происхождение антропологического типа балановцев, относя их к так называемому средиземноморскому антропологическому типу. М. М. Герасимов указывал на юго-западное происхождение пришельцев скотоводов-кочевников, погребенных в Балановском могильнике; я постаралась обосновать их родственные связи с племенами восточного Закавказья, обитавшими в ту эпоху на территории современных Армении и Грузии и связанных своим происхождением с племенами Месопотамии (рис. 3).

Не имея возможности более подробно останавливаться на рассмотрении моей аргументации о связи по происхождению антропологического типа населения племен фатьяновской культуры с современной территории Чувашии с Закавказьем и Месопотамией, ограничусь приведением некоторых выводов из моей опубликованной работы «Об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры»¹³:

«...следует предполагать не только культурное влияние, но и переселения групп людей из областей Закавказья в III—II тысячелетиях до н. э. на территорию Среднего Поволжья, в частности, — в область современной Чувашской республики.

Эпоха II тысячелетия до н. э. в Передней Азии и Закавказье была эпохой крупных социальных сдвигов в связи с развитием классового общества, эпохой войн и военных походов. Это была также эпоха острой борьбы между скотоводческими племенами за пастбища, что должно было вызывать поиски новых областей для освоения.

На основании антропологических данных можно предполагать, что в образовании фатьяновской культуры приняли участие местные степные скотоводческие племена, проникавшие в области Верхнего Поволжья по рекам как с юго-запада из Поднепровья, так и с юго-востока из Среднего Поволжья, среди которых преимущественно был распространен кроманьонидный массивный широколицый тип. При этом вероятнее, что днепровский путь играл большую роль. Этот вопрос на антропологическом материале не решается, но локализация памятников собственно фатьяновской культуры свидетельствует в пользу этого предположения.

Другая группа скотоводческих племен, принявшая участие в формировании восточного крыла фатьяновской культуры (Баланово), представляется на территории современной Чувашской республики пришлой, связанной своим происхождением с Закавказьем и Передней Азией, с ярко выраженным восточносредиземноморским типом».

Повидимому, уже в середине II тысячелетия до н. э. фатьяновские племена пришельцев-скотоводов на освоенной ими территории начинают сливаться с местным лапоноидным населением. На это указывает, по

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 282.

¹¹ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 93—98.

¹² Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 37—73.

¹³ Т. А. Трофимова. Указ. раб., стр. 72—73.

данным Акимовой, наличие на двух-трех черепах из Балановского гильника некоторой примеси лапоноидных черт.

Выводы о связи балановцев с Закавказьем подтверждаются также некоторыми археологическими данными, на рассмотрении которых я имею возможности останавливаться в этой работе. Они были рассмотрены в цитированной выше моей статье и еще, несомненно, нуждаются в пополнении¹⁴.

Племена абашевской культуры были неоднородны по своему антропологическому составу, как это показали исследования Г. Ф. Дебеца



Рис. 4. Мужчина абашевской культуры европеоидного широколицего типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Алгашинского могильника (ЧАССР)

анализ палеоантропологических материалов и реконструкция М. М. Герасимова¹⁶ (рис. 4). Так, два мужских черепа из Алгашинского могильника и из кургана № 9 Абашевского гильника характеризуются длинным, высоким европеоидным типом, массивным, относительно широколицым, несущим на себе черты пережиточно кроманьонского типа; женский же череп кургана в Катергино-Бишево отличается прогнатизмом, слабо выступающим и очень широким носом, напоминающим по этим признакам негроидные или малайские формы и сходен с женским неолитическим черепом из Гавриловской стоянки.

В формировании абашевской культуры, представлявшей собой поздний этап эпохи бронзы конца II — начала I тысячелетия до н. э. на территории современной Чувашской АССР, как показал ряд исследователей (Байбатов, Кривцов-Граков, Герасимов и др.), помимо позидимов, приняли участие более древние местные племена и племена балановской культуры; имеются также следы связей с более южными степными племенами срубно-хвалынской и андроновской культур. По антропологическим материалам, связь абашевской культуры с более южными степными скотоводческими культурами может быть подтверждена, так как европеоидный широколицый тип, представленный в погребениях абашевской культуры, хорошо известен как по погребениям хвалынской культуры на территории Чувашии (Байбатырево) так и в более южных погребениях совершенно срубной культуры и среднего племени андроновской культуры. Может

быть прослежена также связь населения племен абашевской культуры с неолитическим населением балахнинской культуры. Я имею в виду сходство строения женских черепов из Катергино-Бишево и Гавриловской

¹⁴ См. также статью О. Н. Бадера «К вопросу о балановской культуре», Советская Этнография, № 1, 1950, стр. 58—81. Примечание сделано в корректуру.

¹⁵ Г. Ф. Дебеч, Указ. раб., стр. 83—86

¹⁶ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 98—101.

ской стоянки (Герасимов). Связь европеоидного типа населения абашевской культуры с балановцами пока недостаточно доказана. Таким образом, начиная с неолита и кончая концом эпохи бронзы, среди племен правобережья Волги, в пределах области современной Чувашской АССР и смежных районов обитало население различных антропологических типов. Можно думать, что, смешиваясь, эти компоненты вошли позднее в состав сложившегося чувашского народа.

В палеоантропологических материалах с территории Чувашской АССР после данных по абашевской культуре следует перерыв более двух тысяч лет — до XII—XIII вв. нашей эры.

4

Коротко остановлюсь на палеоантропологических материалах, характеризующих население племен левобережья Волги и Волго-Камья в конце II и начале I тысячелетия до н. э., конца эпохи бронзы и времени начала появления железа.

Череп срубно-хвалынской культуры из погребений в Полянках и Маклашеевке III¹⁷ с левобережья Волги у Камского устья характеризуются длинноголовым, относительно широколицым европеоидным типом с некоторой примесью лапоцепоидных черт на отдельных черепках (Дебец, Трофимова)¹⁸. Позднее на этой же территории в эпоху появления железа (Маклашеевка II) население состоит из двух отчетливо различающихся антропологических типов: длинноголового европеоидного, встречающегося среди населения племен срубно-хвалынской культуры, и более короткоголового с нерезко выраженными монголоидными признаками, возможно, связанного с древним местным неолитическим населением¹⁹.



Рис. 5. Мужчина ананьинской культуры монголоидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Луговского могильника (ТАССР)

¹⁷ А. В. Збруева, Маклашеевские могильники. «Краткие сообщения ИИМК», XXIII, М.—Л., 1948, стр. 22—30.

¹⁸ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 85—86; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М., 1949, стр. 128—134.

¹⁹ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 151—153; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 128—134.

В более поздних погребениях ананьинской культуры из Луговской могильника в Прикамье преобладает ярко выраженный монголоидный тип, относительно низко- и широколицый, с незначительной примесью европейских форм»²⁰ (рис. 5). Последние, повидимому, принадлежат населению, родственному европейскому населению срубно-хвалынской культуры.

Вопрос о том, является ли население монголоидного типа племя ананьинской культуры прямыми потомками местного древнего неолитического населения или оно может быть связано с позднейшими переселенцами из Западной Сибири, — пока не ясен. Палеоантропологических материалов, относящихся к этой эпохе, с территории Чувашской республики нет.

5

Переходим к палеоантропологическим материалам с территории Чувашской АССР, относящимся к XII—XIII вв. н. э. Палеоантропологические материалы, относящиеся к этой эпохе, пока не опубликованы. По предварительным данным М. С. Акимовой, черепа из могильника Сюмси (Большая Тояба) характеризуются небольшими абсолютными размерами, короткоголовостью, очень низким и узким лицом и слабо выступающим носом. Их можно считать принадлежащими к потомкам местных лапоноидных неолитических форм.

Для характеристики антропологического состава населения булгарской эпохи необходимо значительное количество палеоантропологического материала, чтобы выявить те антропологические компоненты, которые могли быть занесены на территорию Чувашской АССР в результате оседания здесь гунно-булгарских племен.

Булгарская эпоха благодаря ряду раскопок, произведенных частью еще в 70-х гг. прошлого столетия и в особенности А. П. Смирновым последние годы, значительно лучше освещена палеоантропологическими материалами на левобережье Волги. Палеоантропологические материалы, относящиеся частично к булгарской дозолотоордынской эпохе более поздней — золотоордынской, разработаны в прошлом А. П. Бодановым, в советское время — Г. Ф. Дебецом и мной.

Палеоантропологические материалы дают основание для установления в составе булгарского населения из погребений на левобережье Волги в Суваре и Булгарах нескольких краниологических типов: двух европеоидных и трех монголоидных²¹.

Длинноголовый европеоидный тип, установленный в составе булгарского населения, может быть связан с местным степным населением в состав которого он входил еще в срубно-хвалынскую эпоху; можно также предположить и вторичное его напластование в Среднем Поволжье в связи с оседанием там кочевников из состава булгарского племенного объединения²². Короткоголовый европеоидный тип известен в сарматскую эпоху в Нижнем Поволжье и там же в составе населения эпохи Золотой Орды. Проникновение его на территорию Среднего Поволжья возможно было с булгарами или позднее с золотоордынскими татарами.

²⁰ Т. А. Трофимова, *Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии*, стр. 134—136.

²¹ Там же, стр. 138—143.

²² Об этом позволяет говорить широкое распространение в настоящее время сарматского населения Татарской АССР подлинноголового темнопигментированного выпуклым носом антропологического типа, имеющего специфические черты сходства с антропологическими типами Северного Кавказа (например, с черкесами и др.).

Из трех монголоидных типов два могут быть связаны с местным средневожским населением: первый — короткоголовый, среднешироколицый и широконосый — может относиться к потомкам монголоидов Прикамья, известных здесь в эпоху ананьинской культуры; место формирования второго — подлинноголового, узколищевого и относительно высоколицевого монголоидного типа — недостаточно выяснено, но, повидимому, он имеет местное происхождение (Дебеч)²³. Для более поздней эпохи XVII—XVIII вв. этот тип был констатирован Г. Ф. Дебечом на черепах из погребений старого чувашского могильника, находившегося возле деревни Базарные Матаки б. Спасского уезда Казанской губ.²⁴

Третий монголоидный тип, короткоголовый с крупными размерами высоты и ширины лица, может быть связан с кочевническим населением степи — предположительно кипчаками.

С территории Чувашской АССР имеется палеоантропологический материал из раскопок М. С. Акимовой могильника XVII—XVIII вв. под названием Тубах-Мазар Козловского района. Палеоантропологические материалы из этого могильника еще не опубликованы. Над ними в настоящее время работает М. С. Акимова.

Краниологический тип, установленный на черепах из чувашского могильника XVII—XVIII вв. возле деревни Базарные Матаки на левобережье Волги и известный также по раскопкам в Бабьем бугре в Булгарах, о котором мы уже говорили выше, часто встречается среди современного населения Чувашии и известен в антропологической литературе под названием средневожского, или субуральского.

6

На основании имеющегося палеоантропологического и антропологического материала, рассмотренного в связи с данными археологии и истории, можно заключить, что формирование чувашского народа произошло на основе местного аборигенного населения, состоявшего из различных европеоидных и древних лапоноидных компонентов и их смешанных форм, известного на территории Среднего Поволжья со времени неолита и эпохи бронзы. Эпоха и место формирования средневожского (субуральского) типа еще не ясны, но можно думать, что формирование этого компонента среди населения Среднего Поволжья происходило, еще начиная с эпохи неолита, так как этот компонент широко представлен не только среди чуваш, но и среди мари, а также был установлен на черепах из рязанских могильников VII—XI вв. и среди вятических черепов XI—XIII вв. (Трофимова, Дебеч). Этот факт не может быть объяснен только поздними связями этих народов.

Пограничное положение территории современной Чувашской республики между лесом и степью, расположенной по течению крупной водной магистрали — Волги, между устьями Оки и Камы, приводило к тому, что еще во II тысячелетии здесь, на окраине степи, оседали отдельные волны кочевников, происходившие как из отдаленных степных или горно-степных районов Кавказа (Баланово, фатьяновская культура), так и из ближайших поволжских степей (абашевская и хвалынская культуры).

²³ Г. Ф. Дебеч, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропологический журн. М., 1932, № 1, стр. 57—58.

²⁴ Необходимо, однако, отметить, что этот антропологический тип первоначально был установлен на черепах из так называемого «Бабьего бугра», той части этого могильника, которая по всей вероятности являлась братской могилой золотоордынской эпохи (А. П. Смирнов), но в других погребениях болгарской эпохи, а также среди современного татарского населения он не прослеживается. См. также Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 262—263.

Оседание на территории современной Чувашской республики бол поздних кочевников — гунно-булгар, прослеженное на археологическом материале, не освещается антропологическими материалами из-за отсутствия. Однако весьма вероятно, что длинноголовый монголоидный тип с высоким и широким лицом, устанавливаемый в некотором количестве в составе современного чувашского населения, мог быть занесен на территорию Чувашской АССР осевшими там кочевниками из состава гунно-булгарских племен. Вероятность такого предположения подтверждается тем, что черепа гуннов из Суджинского могильника в Ильмово-пади в Забайкалье²⁵, а также из раскопок гунно-аварских погребений в Венгрии, по данным Бартуца²⁶, характеризуются как раз таким же длинноголовым монголоидным типом. Среди современных народов Северной Азии этот тип, как мы уже указывали, в наиболее яркой форме представлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов. Иначе трудно объяснить у чувашей в настоящее время присутствие ярко выраженного длинноголового монголоидного типа с большими высотными и широтными размерами лица. Можно предположить, что его участие в формировании антропологического состава чувашского населения подтвердится на палеоантропологическом материале. Смещение этого типа с европеоидными, по всей вероятности, образует формы, также сходные с субуральским типом.

Необходимо также отметить, что на левобережье Волги как среди современного татарского населения, так и на палеоантропологическом материале из хорошо датированных погребений в раскопках в Суваре и Булгарах в дозолотоордынскую эпоху этот тип установлен не был.

Таким образом, в состав позднее формировавшейся чувашской народности, начиная с неолита, вошли следующие основные антропологические типы: 1) лапоноидный (энеолит); 2) европеоидный восточно-средиземноморский (фатьяновская культура, Балановский могильник); 3) европеоидный относительно широколицый тип (абашевская и хвалынская культуры); 4) широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями (абашевская культура, Катергино-Бишево, а раньше неолите на смежной территории Горьковской области — Гавриловская стоянка); 5) монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом (уральский), который был, вероятно, распространен в составе племен Среднего Поволжья в древности, начиная с эпохи неолита, и вошел в состав марийского народа, возможно, также летописной муромы²⁸ вятичей, а также и некоторых других групп Среднего Поволжья Приуралья.

Палеоантропологически в Среднем Поволжье этот тип хорошо прослежен пока только на материалах из поздних чувашских и марийских могильников.

Нужно допустить также и вторичное включение в состав чувашского народа длинноголового монголоидного типа в другом его варианте — «палеосибирском». Время и этническая группа, занесшая на территорию

²⁵ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Суджинское доисторическое кладбище, М. 1899.

²⁶ L. Bartucz. Über die Anthropologische Ergebnisse der Ausgrabung von Mesonszentjános, Skythika, 2, Prague, 1929; L. Bartucz, Die Anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Jutas und Öskü, Skythika 4, Prague, 1931; L. Bartucz, Die Geschichte der Rassen in Ungarn und das Werden des heutigen ungarischen Volkskörpers, Ungarische Jahrbücher, Bd. XIX, H. 2—3, 1939.

²⁷ Раскопки А. П. Смирнова в Суваре и Булгарах.

²⁸ Черепа плохой сохранности, один — из Борковского финского могильника (окрестности Рязани, I-я половина I тысячелетия н. э.) и два черепа из Подболотского Рязанской обл. (б. Муромский уезд, VII—XI вв.) могут быть отнесены к длинноголовому типу со слабо выраженными монголоидными признаками — уральскому.

Чувашской АССР этот тип, не установлен, но можно предположить его появление здесь в составе гунно-булгарских племен.

И, наконец, в состав чувашского народа вошли смешанные формы, потомки местного лапоноидного неолитического населения и различных европеоидных и монголоидных компонентов, в разное время бывших в составе племен, позднее включившихся в формирование чувашской народности.

Среди этих смешанных антропологических компонентов образовались новые, особые антропологические типы, в частности, и широко распространенный в настоящее время среди чувашского народа средневолжский, или субуральский, тип (результат смешения уральского с европеоидными типами). Сложный антропологический состав чувашского народа, в котором до настоящего времени еще отчетливо устанавливаются различные антропологические компоненты, свидетельствует о сложности его этнического формирования.

Несмотря на неполноту палеоантропологического и археологического материала, по имеющимся данным уже можно сказать, что первоначально чувашская народность (в предбулгарский и булгарский период), а позднее чувашская нация, как и все другие нации, сложилась «из людей различных рас и племен» (С т а л и н).

Настоящая статья может рассматриваться лишь как введение к изучению этногенеза чуваш в свете данных антропологии. Необходимо накопление новых палеоантропологических материалов и дополнительное антропологическое обследование чувашского населения из южных районов. В особенности большой интерес представляют: а) палеоантропологические материалы из фатьяновских могильников типа погребений у Атли-Касы; б) продолжение изучения погребений племен абашевской культуры; в) изучение палеоантропологического материала, относящегося ко времени от конца I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.; среди этого материала безусловный интерес представляют могильники ранней булгарской эпохи.

Н. И. ВОРОБЬЕВ

ЭТНОГЕНЕЗ ЧУВАШСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

Среди ряда народностей, живущих на территории Среднего волжья, в большинстве принадлежащих к финноугорской языковой группе, два народа — поволжские татары и чуваши — являются тюркскими. Вопрос об их происхождении был объектом многочисленных исторических построений и догадок. Особенное внимание привлекают поволжские татары, сыгравшие значительную роль в истории края, не мало занимались и чувашами.

Литература о чувашах состоит из многих сотен названий. Это в основном образом мелкие статьи, посвященные описанию отдельных сторон быта народа в разных местах его обитания, но имеются и крупные труды, излагающие преимущественно личные наблюдения автора. К таковым относятся вышедшие еще до революции работы: Миллера¹, Лепехина², Фукса³, Сбоева⁴, Магницкого⁵, Золотницкого⁶, Ашмарина⁷, Никольского⁸, Комиссарова⁹, Прокопьева¹⁰ и др. Уделялось внимание чувашам в дореволюционных работах и чисто сводного характера, например Георги¹¹, Риттиха¹², Лаптева¹³, Спасского¹⁴ и др. Вышел ряд работ и в советский период. Из них отметим работы: В. В. Егерев¹⁵, Н. В. Никольского¹⁶, Т. А. Акимовой¹⁷.

¹ Гер. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов..., СПб., 1791.

² Ив. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, СПб., 1771—1805.

³ А. А. Фукс, Записки о чувашах и черемисах, Казань. 1840.

⁴ В. А. Сбоев, Исследования об инородцах Казанской губ., Казань, 1856.

⁵ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской Казань, 1881.

⁶ Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь.

⁷ Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваш, Казань, 1902.

⁸ Н. В. Никольский, Кракий конспект по этнографии чуваш, Казань, 1903.

⁹ Г. И. Комиссаров, Чуваш Казанского Заволжья, «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (в дальнейшем ИОАИЭ). т. XXVII, вып. 5, Казань, 1911.

¹⁰ П. Прокопьев, Брак у чуваш, Казань, 1903; его же, Похороны и погребения у чуваш, ИОАИЭ. т. XIX, вып. 1.

¹¹ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов..., СПб., 1799.

¹² А. Ф. Риттих, Материалы для этнографии России. Казанская губерния, Казань, 1870.

¹³ М. Лаптев, Казанская губерния. Материалы для геогр. и статист. Р. Казань, 1861.

¹⁴ А. Н. Спасский, Очерки по родноведению. Казанская губ., Казань, 1903.

¹⁵ В. В. Егерев, Самобытное расселение народностей Казанского края. В Научном об-ва татароведения, Казань, 1928, № 8.

¹⁶ Н. В. Никольский, Краткий курс по этнографии чуваш, вып. 1, Казань, 1929.

¹⁷ Т. А. Акимова. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш, Труды Нижне-Волжского обл. об-ва краеведения, вып. 35, ч. 5, Саратов, 1928.

Авторы XVIII и начала XIX в., особенно иностранцы, интересовались бытом нерусских народностей края как своеобразной экзотикой, достойной удивления «просвещенных европейцев». Однако факты ими нередко приводились весьма ценные. В литературе же второй половины XIX и начала XX в. господствовало великодержавно-миссионерское направление, а позднее — националистическое. Идея христианизации и руссификации нерусских народов края являлась ведущей. Правда, многие авторы дали ценные фактические материалы по быту народности, которые могут быть использованы для выяснения истории этого быта, но освещение давалось крайне тенденциозное.

Идея равенства всех народов, стремление помочь чувашам поднять их экономику и культуру заложены в некоторых работах, вышедших в течение первого десятилетия после Октябрьской революции, но их слишком мало, и они тонут среди работ националистических или таких, где национализмом подкрашены те же миссионерско-великодержавные тенденции. Позднее по быту чувашей работ почти не издавалось.

Вопросы этногенеза чувашей ставили Георги, Фукс, Сбоев, Ашмарин и некоторые другие исследователи, но все они допускали в своих построениях ряд ошибок. Прежде всего, по традиции буржуазной исторической науки, они стремились отыскать прямых предков чувашей в лице какой-то конкретной народности, совершенно не учитывая того, что каждый народ формировался в результате длительного исторического процесса и культура его создавалась путем сближения и переработки культурных форм различного происхождения. Далее, они считали, что чувашаи пришли на место своего современного обитания со стороны и в уже окончательно сформировавшемся виде. Родину всего народа, а не только составных его элементов, искали на Северном Кавказе, в Передней Азии, в степном Заволжье. При этом, если о кавказской и переднеазиатской родине чувашей говорили на основании преимущественно языковых данных, то на степное Заволжье указывали как на место, где и сейчас живут якобы остатки этих древних чувашей, хотя исторически точно известно, что в эту часть Заволжья чувашаи переселились в XVII—XVIII вв., когда царское правительство закрепляло эти земли за собой и населяло их русскими и другими народами Поволжья (татарами, чувашами, марийцами, удмуртами и т. п.). Наконец, существенной ошибкой было и то, что этногенез народа пытались решать на основании одного какого-либо элемента культуры, чаще всего — данных языка. На основе лингвистических материалов строили свои теории происхождения чувашей А. Фукс, считавшая чувашей потомками хазар, В. А. Сбоев, искавший их предков среди буртас, Н. И. Ашмарин — один из основателей болгарской теории происхождения чувашей. При этом только Н. И. Ашмарин дал серьезные доказательства близости языка чувашей к языку древних болгар, остальные же опирались на случайные домыслы и догадки. Все указанные авторы не учитывали других элементов культуры народа, что, несомненно, вызывало целый ряд серьезных противоречий между их построениями и реальной действительностью. И. Г. Георги, в отличие от лингвистов, подошел к вопросу происхождения чувашей со стороны их быта, но только одного его. Поэтому, видя, что в быту чувашей, особенно верховых, имеется много общего с соседними финноязычными народностями, он считал и чувашей народностью финноугорской, не обращая внимания на данные языка.

Естественно, что такой односторонний подход к вопросу о происхождении народа не мог привести к правильному его решению. И. В. Сталин в своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» четко и ясно формулирует, что «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, прояв-

лящегося в общности культуры». Далее он подчеркивает, что «Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»¹⁸. Отсюда ясно, что вопрос о происхождении народа надо решать комплексно, привлекая различные материалы, среди которых не последнее место должны занимать и данные по быту.

Однако если лингвисты занимались и занимаются изучением происхождения чувашского языка, то этнографы в большинстве случаев делали только простое описание быта и не проводили анализа его происхождения. Например, весьма важный вопрос о разделении чувашей на группы, имеющие некоторые бытовые отличия, изложен сколько-нибудь удовлетворительно только у Г. И. Комиссарова, тогда как в работе Н. В. Никольского, обобщающих значительный материал по быту и родности, и даже в вышедшем в 1929 г. «Кратком курсе по этнографии чуваш» об этом разделении чувашей не сказано ничего, кроме мелких замечаний о том, что те или иные факты имеются у вирьял¹⁹ и анатри²⁰.

Ввиду этого этнографу весьма трудно ответить на вопросы о происхождении тех или иных бытовых форм у чувашей. Хотя сложность быта бросается в глаза даже при поверхностном обзоре, но все элементы его за длительный период так тесно между собой переплелись, нередко так затусовались, что анализ их происхождения представлял огромные трудности. Для этого прежде всего необходимо весьма тщательно изучить все уже собранные материалы, отбросить неправильное толкование происхождения некоторых форм там, где оно было, а где собрать новые материалы, пользуясь современной методологией и методикой этнографических исследований. Все это быстро сделать невозможно, и в настоящей статье мы отнюдь не претендуем на абсолютную правильность всех наших выводов — многое, возможно, придется пересмотреть после более глубокого изучения быта народа, но все основные контуры происхождения чувашского быта уже намечались и могут сыграть некоторую роль в решении сложного вопроса об этногенезе чувашского народа.

Анализ быта чувашей, как и археологические материалы, дают возможность говорить о том, что чуваша не пришли на место своего современного обитания как уже сформировавшийся народ, что они не имели каких-либо единых предков. Имеется достаточно данных говорить совершенно определенно, что чувашский народ, как и все другие народы края, формировался здесь на месте из различных как местных, так и пришлых компонентов, которые, тесно сближаясь между собой, претерпевали сложные изменения в процессе развития народа, и дали современную культуру чувашей.

Можно с достаточной уверенностью говорить, что в основе быта чувашей, прежде всего, лежат чисто местные корни — культура издавна обитавших в крае племен, а также не менее древние бытовые формы пришельцев из южных степных пространств. На эти древние корни позднее наслоились влияния восточнофинские (марийские и мордовские) и тюркские (от татар Поволжья). Не малое значение имело также влияние сначала славянских племен, а затем русского народа.

Археологические данные, изложенные в вышедших в 1948 г. сводных работах П. Н. Третьякова²¹ и А. П. Смирнова²², показывают, что территория современной Чувашской АССР была населена с самых дальних времен, когда человек находился еще на средней ступени

¹⁸ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296—297.

¹⁹ Верховые чуваша.

²⁰ Низовые чуваша.

²¹ П. Н. Третьяков, Памятники древней истории Чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948.

²² А. П. Смирнов, Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948.

дикости. С этого времени здесь живут племена, тесно связанные в культурном отношении с населением соседних местностей. Наибольший интерес представляют первобытные племена эпохи бронзы, носители так называемой абашевской культуры, центр распространения которой находился на территории современной Чувашии, а затем, вероятно, смешавшиеся с абашевцами племена так называемой городецкой культуры, которые расселялись в начале нашей эры на значительном пространстве от Верхней Оки до Средней Волги. Из этих племен впоследствии сформировались мещерские и мордовские племена. Некоторые из них, обитавшие в Среднем Поволжье по обоим берегам Волги, легли местной основой формирования чувашского народа, а также камских булгар. Эти племена были обитателями южных лесных пространств и соприкасающейся с ними лесостепи. Они занимались скотоводством и мотыжным земледелием по поймам рек и лесным полянам, а также частично охотой и лесными промыслами. Городища и селища племен городецкой культуры довольно часто встречаются на месте современного обитания чувашей.

Кроме городецкой культуры, на правобережье в период конца высшей ступени варварства и перехода к классовому обществу имелись влияния культур более северных (дьяковской) и восточных (пьяноборской), связи с носителями которых устанавливались и путем мирных сношений и военными столкновениями.

Издавна, еще с I тысячелетия до н. э., а может быть, и раньше, в Среднее Поволжье начинают проникать и кочевые племена из южных степей. Уже среди материалов ананьинской культуры появляются скифские вещи. Позднее в лесостепных частях края, особенно в Заволжье, отмечается присутствие алано-сарматских племен. Влияние этих степных племен на местное население было незначительным, но оно все же имело. Сильные влияния в крае южных племен стали выявляться с середины I тысячелетия н. э., со времени появления в лесостепных частях края по обоим берегам Волги булгарских племен. Булгарские племена, принеся в край свою в основном кочевническую культуру, стали быстро сближаться с местным населением, особенно с носителями городецкой культуры, и переходить к земледелию как основному занятию. Археологические памятники, изученные на левом берегу Волги, ясно показывают сближение племен городецкой культуры и булгарских, намечая даже отдельные этапы этого сближения²³. Шло сближение булгар с местными племенами и на месте обитания современных чувашей, особенно на территории юго-восточной части Чувашской АССР, по данным П. Н. Третьякова²⁴, до линии современной границы между верховыми и низовыми чувашами.

Сближение булгарских племен с местными на территории современных анатри и влияние их на всех остальных предков чувашей стало особенно значительным после монголо-татарского завоевания. Как показывают археологические данные, в период завоевания большая часть населения закамского центра Булгарского государства, в том числе и сельского, покидает его, переселяясь частью в районы к северу от Камы, а частью в бассейны Нижней Свияги и Цивили. Исследования, проведенные на левом берегу Волги, показывают, что значительная часть этого населения уже не возвращается обратно, а начинает создавать новые экономические центры, сближаясь с местным населением. Для территории Предкамья этот процесс достаточно ясен — здесь в результате сближения булгар с предками современных мари и удмуртов начинается формирование казанских татар. Тот же процесс, несомненно, шел и на правом берегу Волги. При этом сюда могла перейти значи-

²³ Материалы археологических исследований Казанского филиала АН СССР, собранные под руководством Н. Ф. Калинина.

²⁴ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 69.

тельная часть представителей болгарского племени сувар и дать та свое имя формирующемуся народу, название которого лингвисты склоны выводить из наименования племени сувар.

Процесс переселения болгар на правый берег Волги продолжался позднее, в течение всего периода монголо-татарского владычества. На это селение, ограбляемое монголо-татарами, стремилось уходить подальше в лесные дебри, где гнет чувствовался слабее. Эту картину мы наблюдаем опять-таки в Предкамье, где число болгарских поселений все более увеличивается и они из районов, близких к Каме, проникают дальше на север, вплоть до бассейна р. Ашита²⁵. Следующим резким толчком для переброски болгарского населения из Закамья был разгром Булгарии ордынским князем Булат Тимуром в 1361 г., после которого закамские земли начинают быстро пустеть, превращаются даже в место кочевий башкир и ногайцев, а население Булгарии почти целиком уходит в Предкамье и на правый берег Волги.

Таким образом, в период XII—XIV вв. и смогло произойти то тесное сближение местных племен с булгарами, которое привело к созданию чувашского народа, с его в основном тюркским языком, со значительным количеством южных бытовых форм. Но, несмотря на это, у него осталось также немалое число древних местных элементов, сближающих чувашей с финскими народами.

Дав картину формирования чувашского народа из местных племен и степняков, преимущественно болгар, постараемся привести доказательства по материалам быта чувашей.

Труднее всего выделить древние местные формы в занятиях чувашей. Хозяйство народа, особенно со стороны его техники, в процессе своего развития, повидимому, не раз подвергалось изменениям. От древней охоты в настоящее время не сохранилось ничего. Пчеловодство — определенно местное занятие, оно овеяно многими преданиями и поверьями. Сами чуваша считают его древним, а раньше считали даже священным. Земледелие, несомненно, имело место и у первобытных предков чувашей, но плужное оно стало уже в болгарский период их существования. Так же трудно сказать что-либо и о составе земледельческих культур. Разведение огородных культур, вероятно, наследие местных предков, ибо оно как раз типично для финских народов края. В частности, весьма старым, повидимому, является разведение на огородах хмеля, так как с ним связаны очень древние поверья. Чисто местным и очень древним также является разведение технических культур, особенно льна. Лен — типичное растение для влажных лесных районов, культура его известна в крае со времен бронзы. Конопля появилась, возможно, позднее. Из домашних занятий и промыслов чисто местными являются ткачество и изготовление изделий из дерева. Ткацкий инвентарь чувашей в своих наиболее древних формах близок к таковому же у местных финнов, а деревянная утварь в большом количестве встречается у верховых чувашей, где меньше вообще южных влияний.

Самобытная планировка чувашских поселков с характерным разделением на околотки, как указывает В. В. Егоров²⁶, является определенным пережитком родовых отношений, но трудно говорить, от каких предков она сохранилась, ибо подобная планировка имеется и у всех народов, не так давно утеревших родовые отношения. В планировке усадьбы у вирьял больше чувствуется лесной тип — компактного двора, а у анатри, как и у казанских татар, имеется стремление разбросать постройки по усадьбе и во всяком случае не соединять их с жилым домом. Такая планировка усадьбы характерна для степняков-кочевников.

²⁵ Исследования сотрудников Казанского филиала АН СССР: Н. И. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова и Г. В. Юсупова в 1947—1949 гг.

²⁶ В. В. Егоров, Указ. работа.

Типичным же наследием местных предков является стремление к озеленению усадеб, улиц, свободных пространств в деревнях, превращающее чувашские деревни в рощи. При этом в юго-восточных районах поселения чувашей, где более чувствуется влияние предков-степняков, это стремление меньше и там нередко деревни озеленены весьма слабо.

Жилой дом, его постройка, планировка, частое соединение с клетью, устройство в печи очага с подвесным котлом — все это типично для местных народов. Того же происхождения и двухэтажные амбары, которые, кстати сказать, чаще встречаются у верховых чувашей, и клетки со своеобразным навесом и широким крыльцом, имеющие выход не в сени, а на двор, или и туда и сюда.

Определенно о местных корнях говорит своеобразный пережиток древнего жилища чувашей — лась, легкая бревенчатая постройка без окон и потолка, с отверстием в крыше, в котором устроен примитивный очаг из камней. Лась у современных чувашей, особенно у вирьял, имеется почти на каждом дворе и служит летней кухней, а также местом для варки пива. В нем иногда устраивается низкий стол, и хозяева здесь принимают пищу. Сторонники чисто южного происхождения чувашей стремились выставлять лась как пережиток прежнего переносного жилища «южных предков» чувашей, но против этого необходимо решительно возражать. Лась действительно является пережитком древнего жилища, но именно их местных предков. Аналогом его являются широко распространенные кудо марийцев и куала удмуртов. Только последняя имеет иногда характер полуземлянки, близкой к тем, которые известны в крае со времен бронзы (ананьинская культура); кудо марийцев, тиличного лесного народа края, весьма близко к чувашскому.

Происхождение старинной белой рубахи, которую раньше носили низовые чувашки, пока неясно, и мы на этом остановимся ниже, но определенным наследием от местных предков является обязательное стягивание ее поясом, наличие ряда поясных украшений и постоянное ношение передника. То же происхождение имеет обычай расшивания ворота рубахи, грудного разреза, края рукавов, подола, а также швов или хотя бы нашивание здесь полосок кумача. Этот древний обычай имеется у всех местных народов, но его нет у степняков.

К местным же относятся все верхние одежды в талию, начиная с легкого шобыра и кончая меховой шубой — типа русской поддевки. Таково же происхождение обуви — лаптей и онуч, которые имеют в крае очень большую древность. Местного же происхождения значительная часть украшений — нагрудные: ама и шульгеме, своеобразные наушные украшения в виде подвесок (халха сякки), а также витые браслеты, имеющие распространение в крае со времен раннего железа. Местного же происхождения заплетание девушками волос в одну косу, так как у южных народов обычно заплетается не менее двух кос.

Близкими ко всем народам края являются деревянная утварь и посуда чувашей, широко распространенная особенно у вирьял. Наиболее типичны круглые короба или долбленые кадки для хранения холстов и одежды (супсе), тогда как у кочевников их заменяют кожаные сумы или четырехугольные сундуки из кожи или войлока, как, например, у казахов.

В питании чувашей также имеется ряд черт, характерных для их местных предков. Сюда можно отнести довольно значительное употребление овощей, дикорастущих трав, грибов, ягод и т. п., чего в кухне степняков нет, а также употребление пива. Таким же местным напитком надо считать и медовую брагу, хотя многие авторы считают ее заимствованной от болгар. Вопрос этот неясен, и мы на нем остановимся еще несколько ниже. Более детально о пережитках чисто местных форм в питании чувашей сказать невозможно из-за отсутствия надежных материалов.

Много общего с соседними финноугорскими народностями имеет чувашей в старинных общественных и семейно-родственных отношениях, в частности, в свадебном обряде. Сюда, например, можно отнести сравнительно высокое положение женщины у чувашей. Хотя на их возлагалось очень много работ, но с ней (особенно со старшей в доу) считались и муж, и все остальные мужчины в семье. Типичными для древнеземледельческих народов края, у которых долгое время сохранились большие семьи, являлся выбор невесты родителями, ранняя и нитьба юношей и поздняя выдача замуж девушек.

Большинство языческих верований, как поклонение кереметям (злым духам), моления в священных рощах, принесение в жертву животных на общественных молениях, употребление каши и пива в качестве ритуальных блюд у чувашей близки к соседним породам. К старинным местным земледельческим верованиям можно отнести и распространенный раньше у чувашей культ земли. Сюда относятся такие представления, как «брак земли», оплодотворение земли, период беременности земли, когда не разрешалось производство никаких земляных работ, а также кража земли.

К местным же пережиткам необходимо отнести старинный чувашский календарь с названиями месяцев по явлениям природы и по сельскохозяйственным работам, в отличие от календаря степных народов связанного с животноводством.

Близкими к соседям являются у чувашей мотивы орнамента вышивок, где наравне с геометрическими фигурами широко используются сильно геометризованные изображения растений и животных. У чувашей совершенно нет доминирующего у степных тюркских народов растительного орнамента в виде изгибающихся стеблей и стилизованных листьев и цветов. Техника чувашской вышивки своего разным настилом или крестом близка к таковой у марийцев, мордвы других местных народностей. У них нет типичного для степняков очертания древнего тамбурного шва²⁷, а также весьма редко применяется аппликация. В резьбе по дереву, особенно в украшении ковшей для пива широко применяется издревле известный в крае так называемый «звериный стиль» — сильно стилизованные изображения животных, особенно лошадей и птиц.

Таким образом, в быту чувашей даже при беглом ознакомлении с ним, сразу бросается в глаза так много чисто местных черт, каких не могли бы приобрести чуваша, если бы их единственные предки пришли в край с юга даже в весьма отдаленные времена. Многие бытовые вещи и формы чувашей имеют в крае древность со времен первобытно-общинного строя и не могли бы так полно освоиться пришельцами. Сюда относятся многие части одежды, в частности, обязательное употребление женщинами пояса, древние верования чувашей и ряд других бытовых форм.

Одновременно с большим числом форм чисто местного происхождения в быту чувашей имеется много форм и типично степных, полученных от других предков, особенно булгарских. Однако выяснение именно булгарских черт в быту чувашей представляет большую трудность ввиду того, что сама культура поволжских или камских булгар, как мы уже отмечали, представляла результат смешения степных форм с теми же местными, в частности с формами городищенской культуры. Кстати сказать, мало известна культура сельского булгарского населения, которое теснее соприкасалось с местными племенами. Мы уже упоминали о медовой

²⁷ Он употребляется только при расшивке концов сарпанов у апатри юго-восточных районов Чувашской АССР, но это можно скорее объяснять влиянием соседних татар.

браге у чувашей, которую многие авторы и не без основания считают булгарским наследством. Об ней упоминает ибн-Фадлан в своем описании путешествия в Булгарию²⁸. Не отрицая этого факта, все же приходится ставить вопрос, откуда этот напиток появился у булгар, ибо у степняков меда нет. Не от тех ли местных предков самих булгар, от которых этот напиток перешел и к чувашам?

То же и со старинной женской белой рубахой анатри и анатенчи. Внешне она сходна с рубахой финноязычных народов Поволжья (марийцев, мордвы), а по покрою близка к старинным рубашкам степных народностей (башкир, казахов, каракалпаков и др.). Возможно, эта рубашка попала к чувашам от булгар, ибо наличие ее в старину отмечается некоторыми авторами и для казанских татар, для которых булгары являются также одними из предков. Об этом говорит Георги²⁹: «в летнюю пору ходят они (казанские татарки.— Н. В.), как черемиски и пр. в белых или крашенных по большей части узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах». Правда, Георги не локализирует своих данных. То же отмечает татарский историк Марджани³⁰ для татар Симбирской губернии, объясняя это заимствованием у финнов. Мы не знаем сельской одежды булгарок — возможно, рубашки у них тоже были белые и расшитые. Опять-таки, если булгарки носили белые рубашки, то откуда они их взяли? Возможно, этот тип рубашки создан у булгар в результате смешения в их быту степных кочевнических и местных лесных форм, но говорить об этом утвердительно пока нельзя,— необходимо вопрос более тщательно изучить.

Однако, не говоря именно о булгарских формах в быту чувашей, а только вообще о древних степных, полученных из разных источников, можно видеть большое количество их в быту современных чувашей, особенно анатри, местные предки которых больше соприкасались не только с булгарами, но вообще со степными племенами.

В планировке усадьбы определенно пережитком, заимствованным от пришлых кочевых предков, является стремление низовых чувашей отделить дом от надворных построек, оставляя в соединении с домом иногда только клеть. От них же взят головной убор чувашских женщин в виде полотенца (сарпан), которым покрывается голова, шея и значительная часть спины. Этот убор аналогичен старинному казанско-татарскому тастару и близок к головным повязкам казахских женщин. Характерно, что по мере движения к северо-западу сарпан постепенно уменьшается и начинает закрывать только шею в области горла и спину, поддерживаясь на голове особым приспособлением — масмак. Подобной головной повязки нет ни у одной современной финноязычной народности, кроме горных и части луговых марийцев (Сотнурский район Марийской АССР), которые, несомненно, заимствовали ее от чувашей. Определенно не местным является женский твердый убор хушпу, который почти в таком же виде имеется у башкир³¹, а в несколько измененном и у казахов. Был близок к этому твердый головной убор и у казанских татарок³². К той же группе надо отнести и девичий головной убор — тухья. Характерно, что хушпу на северо-западе (у вирьял) становится ниже и превращается почти в головную повязку, а тухья почти исчезает. Вероятно, степного же происхождения и перевязь (теветь), которая имеется у татар, башкир и некоторых других тюркских и монгольских народностей.

²⁸ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, Под ред. И. Ю. Крачковского, Л., 1939.

²⁹ И. Г. Георги, Указ. раб., ч. 1, стр. 12.

³⁰ Ш. Марджани, Мустафад-уль ахбар... (на арабском языке), т. 2, стр. 32.

³¹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1926.

³² К. Ф. Фукс, Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении, Казань, 1844.

В питании, вероятно, занесены со стороны запускание в бульон крохотных кусочков теста (*şâmâx*), чаще распространенное у анатри, а также изготовление особых сортов домашней колбасы (шартан и тултармаш), аналоги которых имеются у степных народов. Широко распространены у всех кочевых народностей напитки айран в виде растворенного в воде сыра или кислого молока, а у полуоседлых, изготавливающих масло, и в виде пахтанья. Пахтанье, под названием уйран, является обычным напитком и у чувашей.

В утвари унаследованы от кочевников кожаные сумы и мешки (хаман и такмак), которые раньше употребляли для перевозки муки, других зерновых продуктов. Сюда же можно отнести и старинный обычай чувашей богато украшать сбрую, распространенный именно у степных народностей.

Несомненно, немало пережитков, принесенных с юга форм имеются и в общественных, а также семейно-родственных отношениях у чувашей, в обрядах и верованиях, но они пока слабо изучены со стороны их генезиса. Можно только уверенно сказать, что в брачных отношениях к таковым относится обычай уплаты определенной суммы за девушку (холым). То же происхождение имеет и чувашский праздник ага-тун, аналогичный сабан-тую кочевых народов, перешедших к земледелию (казанских татар, башкир и др.), а также старинное сказание о великанах, в котором как бы отражается встреча степных богатырей-воинов с земледельцами. Не местными пережитками являются отмечаемый этнографами старинный обычай ставить дома входом на восток и молену на восток.

Полученным от булгар и также, возможно, принесенным последними в край считается обычай для выражения особой почтительности снимать головной убор и класть его себе подмышку. Этот прием описан Ибн-Фадланом у древних булгар по отношению к их правителю, а Ашмариным³³ отмечается у чувашей во время языческих молений по отношению к божеству.

Приведенные данные, конечно, далеко не исчерпывающие все бытовых форм народа, ясно показывают, что основой быта современных чувашей являются древние местные и древние же принесенные степными формами. При этом наиболее ясно выступают, особенно в быту верховых чувашей, именно местные формы, близкие к таковым же современных финноязычных народностей края. Эта близость, несомненно, является результатом развития местных предков чувашей и соседей в одинаковых условиях существования.

Вполне возможны также весьма древние культурные связи предков чувашей и славянских племен. Славянские культурные формы могли попадать к ним и через булгар, живших в Приазовье в непосредственной близости со славянами (Тмутараканское княжество), и через связи установившиеся здесь на месте. Мы знаем, что интерес Киевской Руси к Поволжью возник еще в очень отдаленные времена. Славянские купцы ездили в Булгары в X в. По Волге они проезжали и дальше. Так в Повести временных лет говорится: «Из Руси можно идти по Волге в Болгары и Хвалисы и на восток дойти в жребий Симов»³⁴. Во времена Святослава и Владимира Киевская Русь играет большую роль в политической жизни Поволжья. Поэтому непосредственные связи предков чувашей со славянами вполне возможны. Трудно говорить о конкретных влияниях славян того времени, но возможно, что в те времена предки чувашей заимствовали у славян некоторые сельскохозяйственные культуры, как рожь, некоторые культурные элементы, также музыкальный инструмент гусли (*kёсле*) и т. д.

³³ Н. И. Ашмарин, Булгары и чуваше, Казань, 1902.

³⁴ Лаврентьевская летопись, изд. 1897, стр. 1.

Исходя из изложенного, можно сказать, что быт чувашского народа в основном сформировался к XV в., но и позднее отдельные группы чувашей продолжали сближаться с соседними народностями, создавались перекрестные культурные влияния, которые значительно затрудняют выделение древних бытовых форм. Некоторые из них, как марийское и татарское, имеют значение в быту лишь отдельных групп чувашей, а другие, как мощное влияние русского народа, отражаются в быту всех чувашей, входя в состав их национальной культуры.

Верховые чувашы (вирьялы), истари имевшие в своем быту больше форм, сближающих их с соседними финскими народностями, в самых северо-западных районах своего расселения и позднее сохранили тесную связь с горными марийцами, которая закрепляется даже довольно частыми перекрестными браками. В результате у них произошла настолько сильная нивелировка быта, что, например, русские исторические источники в XVI в., знакомые с народами Поволжья еще поверхностно, обычно верховых чувашей называли «горными черемисами».

Углубленный анализ перекрестных культурных влияний данной группы чувашей и горных марийцев также еще не проводился, но даже при поверхностном наблюдении сразу видны эти влияния, например, в женском костюме. Женские рубашки вирьялок стали шить несколько длиннее, как у мариек, и выдергивать из-за пояса, создавая пышную пазуху, а также стали покрывать их вышивкой с преобладанием черной расцветки вместо красной у других чувашей. Марийским же является обычай вирьялок толсто обвертывать ноги, но кто у кого воспринял черные онучи, сказать трудно. Женские лапти вирьялок определенно марийские. Почти одинаковы с марийскими и женские украшения. С другой стороны, и марийки восприняли у чувашек старинный степной головной убор — сарпан, но, совместно с ними, изменили его.

Не менее тесные отношения установились у юго-восточных анатри с казанскими татарами, с которыми они имеют общих древних предков — болгар. Соприкоснувшись в XV—XVI вв. с чувашами, казанские татары начали весьма сильно на них воздействовать как в бытовом, так и в языковом отношениях. Уже в период после присоединения края к русскому государству имеется значительное число фактов так называемого «отатаривания» чувашей, когда последние принимали татарский язык, а затем постепенно и почти всю культуру татар. Примером может служить группа так называемых молькеевских кряшен, которая вклинивается в восточную границу расселения чувашей. Здесь в ряде деревень живет оригинальная группа с татарским языком, но с чувашским бытом, которая себя чувашами уже не называет.

Но, оставляя в стороне вполне «отатарившихся» чувашей, и в быту остальных анатри мы видим ряд чисто татарских элементов. Сюда необходимо отнести способ вмазывания котла в очаг, а не подвешивания его, как это типично для абсолютного большинства чувашей, в том числе и анатри. Отсутствие подвешиваемого котла и постановка его на камни, или вмазывание в очаг, типичны именно для кочевников. Этот способ получен и татарами, вероятно, относительно поздно, ибо наличие специальных цепей для подвешивания котлов, находимых в болгарских поселениях, показывает, что болгары, хотя возможно и не все, подвешивали котлы над очагом, как это делают лесные народы. Характерно, что и в языке у татар сохранился термин подвешивания котла. Например, когда хотят сказать, чтобы приготовили пищу, говорят «казан ас» — подвесь котел, хотя татарки уже с очень давних времен котла не вешают, так как он вмазан в очаг.

Вторым показателем татарского влияния является сравнительно недавняя замена низовыми чувашками белой рубахи пестрядинной и главное — появление у нее оборки, создающей широкий подол. Рубашка

татарских женщин, как показывают наши исследования, является своеобразной комбинацией узкой в подоле рубахи финских народов и широкой — степняков тюрков. При этом финская рубашка, укоротившись, превратилась в верхнюю часть татарской рубашки, а снизу к ней стали пришивать на уровне бедер, иногда ниже или выше, широкую оборочку, создающую пышный подол. Такая рубашка лучше сохранилась у чувашей, заменившись у мусульман уже в капиталистический период рубашкой из ситца, у которой широкая часть стала пришиваться на высоте нижней и даже средней части груди. К чувашам перешел именно более старинный вариант татарской рубахи, пришедший между пестрядинной рубахой и старинной белой имеют переход, когда к белой рубахе пришиваются хотя бы неширокие оборки из пестряди, делающие подол не более широким, но более пышным³⁵.

От татар же чувашаи заимствовали ношение с лаптями, вместо специальных белых суконных чулок, хотя чувашаи и несколько упростили их покрой.

Взаимные влияния татар и чувашей не ограничиваются приведенными примерами, но они также слабо изучены, и мы останавливаемся только на наиболее ясных.

Бытовые связи мордвы-мокши и юго-западных анатри также имеются, но они пока совершенно не изучены, и мы воздержимся от приведения примеров.

Влияние русского народа на быт всех чувашей начинается так же, как и у всех народов края, с древних времен. Древние славяне (если даже не принимать во внимание воздействие древних славян как на лесных предков чувашей, так и на болгар). Влияние постепенно все увеличивается и затрагивает самые различные стороны чувашского быта. Мы не будем специально останавливаться здесь на вхождении в обиход чувашей форм социалистического быта, общих с русскими, а коснемся более старых влияний периода феодализма и, особенно, капиталистических.

Прежде всего, как и у всех народов края, огромное влияние русские оказали на хозяйство чувашей. Соприкоснувшись с чувашами на западной границе расселения еще до присоединения края, а после присоединения появившись и в районах поселения их, русские принесли более высокую технику земледелия. Русские принесли в край веселое прогрессивное для XVI в. трехполье. Вместе с русскими появились в крае соха, более простая и удобная в обращении, чем местный сабля, появился русского образца серп, коса вместо горбуши, цеп вместо разминания колосьев ногами лошадей или волокущимися камнями и т. д. Все это было быстро освоено чувашами.

В результате совместной жизни с русскими чувашаи стали увеличивать размеры и число окон в своих избах, от русских же позднее усвоили и топку изб по-белому. Под русским влиянием, особенно в связи с принятием чувашами христианства, в их избах появились красный угол со столом и лавками. Это сначала уменьшило на характерные в древности для всех народов края, очистив от них переносный угол. Позднее нары были вытеснены окончательно или сохранились только у двери в виде русского коника и перед отверстием печи, они заменяют кухонный стол и лавки. Не без воздействия русских в чувашских избах появились, хотя далеко и не везде, полати. Вообще во внутренней обстановке чувашского дома русские влияния весьма велики.

Обычай украшать дома снаружи богатой резьбой по фризам, углублять надевать резные наличники на окна также появился, вероятно, не

³⁵ Подобные рубахи мы наблюдали в 1949 г. у анат-енчи в Цивильском районе Чувашской АССР.

участия русских. Трудно сказать что-либо о раскраске фронтов домов и наличников. Здесь наблюдается полихромия, которая могла быть получена чувашами от булгарских предков или позднее от татар.

На одежде русское влияние заметно сказалось позднее, именно в XIX в., когда мужчины стали носить русского образца рубахи, штаны, пиджаки, фуражки, сапоги. При этом больше сказалось влияние русской городской одежды, вероятнее всего через отходников: чувашей, уходящих на заработки в русские районы, и русских, появившихся среди чувашей преимущественно в качестве ремесленников. Женского костюма русское влияние коснулось меньше, и здесь оно наиболее ясно только в ношении чувашками головного платка по-русски, складывая его на угол. Возможно, под русским же влиянием довольно широкое распространение получили у низовых чувашек вязанные чулки.

Освоили чуваша и более удобный русский ткацкий станок с дугами для крепления ниченок, но навой у них все-таки редок и чаще замечается свиванием основы особым жгутом, как у всех народов края.

В питании, возможно под русским влиянием, появились у чувашей закрытые пироги с начинкой, а также и хлебопечение караваем на поду, но этот вопрос неясен и требует дополнительного изучения. На возможное заимствование хлебопечения у русских указывает следующее: когда чувашка испечет особенно удачный хлеб, то говорит, что этот хлеб не стыдно показать майре (русской женщине). Этим чувашки как бы считают себя ученицами русских женщин.

Совершенно не исследован вопрос о роли русских трудовых масс в области изменения общественных и семейно-родственных отношений у чувашей, хотя изучение его имеет весьма большую актуальность.

В области духовной культуры особенно велико было в прошлом влияние русских через религию. Приняв от русских в XVIII в. православие, чуваша восприняли вместе с ним много обычаев, русский сельскохозяйственный календарь со счетом по церковным праздникам и т. п. В области искусства к чувашам проникла, хотя и не получила широкого распространения, русская техника вышивания простым крестом, а также и некоторые мотивы орнамента, как изображение человеческой фигуры, всадника и т. п. Попали к чувашам и широко распространенные у русских музыкальные инструменты — гармонь и скрипка.

Влияние русской, как сельской, так и городской, культуры постепенно все усиливалось. Мы не будем подробно говорить о том, что при помощи русских чуваша получили во второй половине XIX в. собственную письменность, что чувашская литература начала строиться по лучшим русским образцам, которым чувашские писатели сумели придать национальные формы, в частности, используя богатейшее народное творчество чувашей.

В целом, несмотря на слабую изученность генезиса бытовых форм чувашского народа, можно сказать, что сам народ и его быт, как и вся культура, формировались на месте своего основного обитания на территории Чувашской АССР, а не где-то в Передней Азии и даже не в заволжских степях, куда некоторая часть чувашей переселилась позднее. Формирование шло на базе культуры древних местных племен, к которым в разное время прибавилось много форм, характерных для быта степных кочевников. Наиболее крупное участие в формировании чувашей приняли камские булгары, особенно после монголо-татарского завоевания, когда большое число булгарского, особенно сельского населения, принуждено было перейти на правый берег Волги и скрыться в лесах бассейна Цивилия, Нижней Суры и Нижней Свияги. Здесь булгары тесно сблизилась с древними аборигенами этих мест, уже и ранее культурно связанными с теми же булгарами и другими южными народами, передали им в значительной степени свой язык и ряд бытовых черт. При этом с булгарами сильнее сблизилась юго-

восточные племена, которые позднее и оформились как чуваши низ (анатри), в то время как у северо-западных племен — верховых чув (вирьял) булгарские черты больше сказались в языке, чем в культуре. Однако, несмотря на значительную примесь элементов булгарской культуры, быт даже низовых чувашей сохранил большее количество местных элементов, чем степных, как булгарских, так и еще более древних — возможно скифских, сарматских, хазарских.

Процесс формирования чувашского народа, как и других народов края, наиболее интенсивно протекал в течение XII—XV вв. и к XV в. в основных чертах закончился.

Позднее (начиная с XVI в.) низовым чувашам пришлось достаточно тесно соприкоснуться с также к этому времени сформировавшимися казанскими татарами и мишарями, и часть их восприняла ряд татар бытовых форм. Верховые чуваше, особенно северо-западная часть (трудно сказать, с какого времени), также тесно соприкоснулись с мари и получили ряд бытовых черт от них.

Несмотря на всю сложность происхождения бытовых форм современных чувашей, культура их вполне сложилась. Отдельные составные части ее так тесно сплелись между собой, что весьма часто очень трудно выяснить происхождение того или иного элемента. Создавшаяся культура, присущая именно чувашскому народу, в деталях несколько отличная у разных групп чувашей, но в основном общая для всего народа. Чувашский народ, как и «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает» (И. В. Сталин). Эта весьма сложная, веками создававшаяся культура устояла и против попыток татаризации, которую пытались проводить господствующие классы казанских татар, и против сильнейших нажимов православных руссификаторов. Народ сумел сохранить свою самобытную культуру до Великой Октябрьской социалистической революции. После нее чувашский народ, в дружной семье братских народов СССР, под руководством большевистской партии и ее вождя — Ленина и Сталина, при помощи великого русского народа, получил возможность развивать свою культуру по новому, социалистическому пути. В настоящее время идет бурный подъем культуры, постепенно стираются различия между отдельными группами, быстро расцветает культура чувашского народа, как и культура всех советских народов, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

В заключение еще раз повторим, что генезис культуры чувашей к настоящему моменту изучен весьма слабо, и мы не претендуем на абсолютную точность всех наших данных, но основные все же достаточно точны и могут помочь в разрешении сложного и во многом сознательно запутанного буржуазными учеными, особенно миссионерского направления, вопроса о происхождении чувашского народа. Дальнейшие исследования, несомненно, расширят эти данные, а совместные дружные усилия советских ученых разных специальностей дадут возможность еще более четко разобраться в данном вопросе.

³⁶ Из речи на приеме финляндской правительственной делегации, см. газ. «Пресса» от 13 апреля 1948 г.

В. Г. ЕГОРОВ

ЭТНОГЕНЕЗ ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Решение вопроса о происхождении чувашей и этнической принадлежности их представляет большие трудности ввиду полного отсутствия древних памятников чувашского языка и свидетельств древних историков и путешественников о чувашах и их языке. История была крайне немилостива к чувашам. В течение многих веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени. Обошел их полным молчанием готский историк VI в. Иордан, отметивший в числе народов, плативших дань готскому королю Германариху, сопредельные с чувашами народности Поволжья — мордву и черемис; ничего не говорит о чувашах и хазарский каган Иосиф в своем известном письме к испанскому сановнику, еврею Хасдаю ибн-Шафрута, перечисляя живущих на р. Волге (Итиль) буртас, болгар, сувар, арису (эрзя), цармис, венентит, север, славииун (Х в.); умалчивает о них и Начальная летопись, где под 859 г. мы читаем: „А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва“; не упоминают о чувашах и арабские писатели и географы ибн-Фадлан, Мукадесси, Истахри, Якут и др.

Чуваши становятся известными в истории только с XVI в. в связи с военными действиями Русского государства против Казанского ханства. Такое позднее упоминание историков о чувашах объясняется тем, что в древнее время чувашей, живших в соседстве и даже смешанно с черемисами и по антропологическому типу и по внешнему виду (по одежде и обуви) мало отличавшихся от них, принимали за черемис. В период Булгарского царства и Казанского ханства, поскольку чувашаи входили в состав этих государств, их относили к болгарам и татарам. Но и после присоединения чувашей к Русскому государству их часто смешивали с черемисами или с татарами. Например, в „Сказании о взятии Казани“, памятнике XVI в., мы читаем: „Егда же переплывишася Суру реку, тогда и Черемиса горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пятисот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию“.

Вопрос о происхождении чувашей интересовал многих историков и этнографов. Академик Георги и все писавшие о чувашах на основании его „Описания путешествия“ видели в чувашах одно из финских племен. Казанская писательница А. Фукс, автор книги „Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии“ (1840), и мадьярский ученый Hunfalvy¹ считали чувашей потомками древних хазар, казанский этнограф В. Сбоев относил их к буртасам.

Первую более или менее близкую к истине, но несколько смутную догадку о происхождении чувашей мы находим у историка Татищева,

¹ См. Hunfalvy, Die Ungern oder Magyaren, 1881.

который в своей „Истории российской с самых древнейших времён“ признает чувашей за потомков волжско-камских булгар. „Вниз по Волге, — пишет он, — чувашаи, древние болгары, наполняли весь Казанской и Синбирской“². Позднее лектор Восточного факультета Петербургского университета Хусеин Фейзханов первый обнаружил чувашские слова в болгарских надгробных надписях. В опубликованной им в 1863 г. статье „Три надгробных болгарских надписи“ загадочные слова „джиати джюр“, встречавшиеся на многих памятниках и служившие камнем преткновения для других ученых, расшифровал очень легко и просто как чувашские слова „сичё сёр“ — семь, т. е. семисотый год мусульманского летосчисления. До него профессор И. Н. Березин, ошибочно приняв их за арабские слова, переводил как „пришествие угнетения“. „Ясно, — писал он, — что этот год обозначен каким-то особенным событием и притом не в одной Болгаре, но и во всех болгарских владениях... Сложив буквы анаграммы جيات جور по численному их значению, мы получим 623-й

гиджры или 1226 г. нашего летосчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов...“⁴ Эта ошибка нашла себе место и в надписи у проф. А. В. Арциховского в „Введении в археологию“, где читаем: „На надгробиях часто встречается одна и та же странная надпись „год пришествия угнетения“. Это год монгольского завоевания. В данном случае мы имеем прекрасный пример недостаточности одних лингвистических данных при решении серьезных научных вопросов. Пример того, что лингвистические материалы необходимо увязывать с данными других источников.“

Точку зрения Фейзханова поддержали Н. И. Ильминский⁶, академик Куник⁷, проф. Н. И. Ашмарин⁸, академик А. А. Шахматов⁹ и др. После этого теория болгарского происхождения чувашей постепенно приобретает в науке общее признание. Теория эта, понятая узко и односторонне, позднее подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами, и она породила у них мечты о возрождении былого могущества и величия болгарского государства в лице вновь возникавших тогда автономных национальных республик: у татар — Татарской республики, у чувашей — Чувашской республики. Некоторые чувашские националисты не прочь были даже переименовать Чувашскую республику в болгарскую.

Такая односторонняя теория, порочная в методологическом и политическом отношениях, не могла удовлетворить советских ученых. Они стали искать новых путей к разрешению вопросов, связанных с этногенезом народов Поволжья. В поисках этих путей ими широко привлекались археологические и антропологические материалы.

Исходя из того, что процессы этногенеза в жизни племен и народов протекают на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных отношений и культурных влияний, можно установить, что

² В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен, 1761 г. стр. 317.

³ Хусеин Фейзханов, Три надгробных болгарских надписи, «Известия Академии наук», т. IV, 1863, стр. 395—404.

⁴ И. Н. Березин, Булгар на Волге, Ученые записки Казанского университета, 1852 г., кн. III, стр. 74—160.

⁵ А. В. Арциховский, Введение в археологию, 1947, стр. 166.

⁶ Н. И. Ильминский, О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками, «Известия Археол. об-ва», т. V, 1865, стр. 80—84.

⁷ Куник, О родстве хазаро-болгар с чувашами..., Записки Академии Наук, 1879 г., прил. № 2, стр. 118—161.

⁸ Н. И. Ашмарин, Болгары и чувашаи, 1902.

⁹ А. А. Шахматов, Заметка о языке волжских болгар. Сборн. Музея антропологии и этнографии при Академии Наук, т. V, вып. 1, 1918, стр. 395—397.

чувашский народ формировался на нынешней территории постепенно путем смешения аборигенов местного края с пришлыми, более культурными булгарами. Местное автохтонное население, с незапамятных времен обитавшее в Волжско-Камском крае, повидимому, состояло из разнородных и разноязычных лесных племен скифо-сарматского, отчасти, быть может, и пришедших сюда позднее степных племен тюркского происхождения. В своем тюркском слое оно очень легко поддавалось смешению с пришлыми булгарами-тюрками. Весьма возможно, что к IX — X вв. из смешения их образовалось довольно сильное и многочисленное племенное объединение сувар с одноименным большим торгово-промышленным городом. О крупном экономическом значении г. Суvara говорит уже факт собственной чеканки им монет, из коих известны монеты, чеканенные в X в. в период времени между 931 и 992 гг. По всей вероятности, болгарский этнический элемент отложился в чувашской народности довольно мощным творческим пластом, он и языку чувашскому сообщил тюркский строй речи и тюркскую лексику.

В пользу того, что в этнический состав чувашского народа позднее вошли булгары (сувары), красноречиво говорят следующие языковые факты.

1. Болгарские надгробные надписи, в которых хорошо отражается типичный для чувашского языка „р“ и „л“ диалект в противоположность „з“ и „ш“ диалекту других тюркских языков. Например, мы здесь имеем слова: тухур طهر — девять, саккар سكر — восемь,

вутур ووتر — тридцать, джур جور — сто, джирем جيرم — двадцать, хир هير — дочь, девушка, арня кун ايرنه كون — пятница, айх

ايخ — месяц, биалем بيلم — пятый и т. д. Эти слова в других

тюркских языках звучат, как тугыз, секиз, отуз, йүз, егерме, кыз, атна кон, ай, бишенче и т. д.

2. В русских летописях (в Троицкой) под 1230 г. встречается болгарское слово турун в форме множественного числа *трунове* в значении высшего сословия, высших должностных лиц болгарского царства. В Чувашии до сего времени несколько селений носит название Туруново: Тăран, Тăрам. В древних тюркских языках (в енисейско-орхонских надписях) слово, соответствующее турун, имеет форму *турдун* (с интердентальным *д*). Интердентальному же *д* орхонских надписей в современном чувашском языке систематически соответствует звук *р*: адак — чув. ура — нога, айдү — ырь и др. Кроме слова турун, в чувашском языке известны и другие слова заведомо болгарского происхождения. Например, в словаре Махмуда Кашгарского, в памятнике XI в., указаны в качестве болгарских слова, которые бытуют теперь в чувашском языке: *авус*, чув. аёас — носок, *күбе* — кольчуга, чув. кёпе (произносится кёбе) — рубашка. Нужно также заметить, что в 1945 г. во время раскопок близ древней болгарской столицы Преславы найдена была гранитная колонна со старинной надписью, где четыре раза повторяется слово „кюпе“ в значении кольчуги¹⁰. Повидимому, производство *күбе* сильно распространено было у болгар

¹⁰ Софийская газ. «Изгрев» от 5 сентября 1945 г., № 282, стр. 4.

не только в период пребывания их на Северном Кавказе, но поз и на Волге. Известно, что в древнее время в Хорезм кольчуги возились из Волжско-Камской Булгарии¹¹.

3. В чувашском языке сохранился ряд слов, общих с древнеармянскими, древнегрузинскими и с осетинскими словами. Не приходится сомневаться, что слова эти могли появиться только на Кавказе в аланской, армянской и грузинской среде. Наличие их в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и исключительное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей, тем более, что история не знает культурных взаимосвязей между чувашами и указанными кавказскими народами. Здесь приходится принять во внимание то, что вторым этническим компонентом чувашской народности явились булгары-сувары, которые до прихода сюда на Волгу в течение долгого времени (со II в. до н. э. до VI—VII вв. н. э.) жили на Кавказе в соседстве с аланами, армянами и грузинами. Армянский историк VIII в. Моисей Хоренский пишет: „Во дни царствования Аршака I (127—114 г.), сына Вах'аршака, возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказской в земле болгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и поселились в низовьях Ках'а — в плодоносных и хлебородных местах, в продолжение долгого времени“¹².

В течение 7—8-векового пребывания булгар на Кавказе естественно и неизбежно могли иметь место процессы взаимодействия различных этнических и культурных элементов, т. е. могло иметь место не только культурное влияние местных аборигенов на булгар, но и частичное смешение их между собой. С Кавказа и вывелись булгарские слова, являющиеся теперь в чувашском общими то с армянскими, то с грузинскими, то с осетинскими. Сюда относятся: чув. *кăвар* — горящие угли, у древних халдов *куар* — бог огня¹³; в грузинских песнях слово это повторяется в форме *квара*; *вёре*, арм. *варел* — кипеть; *серр* — летучая мышь: чув. *сер* — ночь; груз. *си*, *сер* — птица; *йвâ*, груз. *авел* — трут, в скиф. *табити* — бог огня; *очаг*; *Атâл*, древнегруз. *Атала* — Волга, в осет. нарских сказаниях *Адыл* — имя владетеля неизвестной страны; *чйкът*, осетинск. *чигт* — сыр; *каврâс*, осет. *кърз* — ясень; *кёп* — рубашка, груз. и осет. *каба* — женская рубашка (заимств. от булгар. *кил*, кюринск. *кел*, азербайдж. *гил* — дом, семья и т. д.).

Современное чувашское слово *сăкăр* — хлеб, представляющее собой нетипичный вариант слова *джугара*, обязано своим происхождением булгарам. Хотя растение это культивируется главным образом в Средней Азии, но поскольку в исторических памятниках нет никаких сведений о пребывании булгар в Средней Азии, то, повидимому, усвоили это слово на Кавказе же от других народов, возможно, хорезмийцев, с которыми они находились в близких взаимоотношениях и на Северном Кавказе, и на Волге.

4. Этническая общность чувашей и булгар подтверждается также наличием булгаро-чувашских заимствований в мадьярском языке. Мадьяры, повидимому, долгое время (V—VII вв.) находились под культурным влиянием древних булгар. В мадьярском языке сохранилось до 200 булгарских слов, всецело совпадающих, за исключением незначительных фонетических изменений, с нынешними чувашскими словами. Слова эти относятся к области скотоводства, земледелия, домашнего быта и хозяйства. Мадьярские лингвисты, этнографы и историки давно обращали внимание на чувашские элементы в

¹¹ См. С. И. Толстов, Древний Хорезм, 1949, стр. 14.

¹² Моисей Хоренский, История Армении. Перев. Эмина, 1858, стр. 87.

¹³ См. Леман, Армения, т. II, стр. 46.

языке, но окончательно систематизировал их Гомбоць в своем труде „Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache“ (1912).

Приведем часть культурных терминов из указанных им:

мадьярск.	еке	чув. ака	— плуг
»	ik	» ак	— сеять
»	kender	» кантър (т-д)	— конопля
»	sarló	» сурла	— серп
»	komló	» хамла	— хмель
»	borsó	» парса	— горох
»	arpa	» урпа	— ячмень
»	gyom	» сум	— сорная трава
»	tiló	» тыла	— мялка, льномялка
»	ökör	» вакър	— бык
»	ünő	» ёне	— корова
»	borjú	» пъру	— теленок
»	disznó	» сысна	— свинья
»	szam	» сум	— счет, число
»	söprő	» сөпре	— дрожжи
»	bolcső	» пелче	— люлька, зыбка
»	gyűrű	» сөрё	— кольцо и т. д.

5) О преобладании болгарского элемента в чувашской народности и языке говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. бѣлѣгъ — знак, знамя, чув. паллă, палăк — знак, надгробный столб, памятник, на болгарских надгробиях белюк . знак памятник, у современных болгар белег — знак, метка; тикръ, тикъръ, тикра, чув. тѣкѣр, тѣкѣр — зеркало; самъчи — кассир, казначей, чув. сум < сам — большое число, счет, позднее рубль = 100 копеек; осохъ, чув. осă — польза: совр. болг. капъ (капище) — идол, чув. кап — форма, фигура, силуэт, внешний вид, подобие; чавка в чув. и болг. означает галку (слово это, возможно, ономатопоэтической природы); болг. кѣтъ, кѣтъ, русск. кут, чув. кѣт-ес — угол; древнеболгарск. тепе — род серебряного головного украшения женщин, чув. тевет — широкая лента, украшенная монетами и бисерами, надеваемая женщинами через левое плечо (пример взят из статьи проф. Н. П. Гринковой)¹⁴; болг. белтек, чув. пелтек — заика, старослав. вѣрѣти, чув. вѣре — кипеть и т. д.

6. При сближении чувашей с болгарамн нельзя проходить и мимо того общеизвестного этнографического факта, как выражение почтительности держанием шапки под мышкой. Ибн-Фадлан пишет, что болгары при встрече с царем и со старшими снимают шапку и держат ее под мышкой. То же самое наблюдалось у чувашей. Держание шапки под мышкой составляло непрременную особенность чувашских молений, хотя бы они происходили летом в жаркую погоду. При общественных и домашних молениях чувашин обязательно снимал свою шапку и держал ее под мышкой.

Таким образом, приведенные данные языка не оставляют сомнений в том, что в этническом составе чувашской народности болгарский элемент оставил наиболее толстый и мощный пласт. Он густо отло-

¹⁴ См. Н. П. Гринкова, Монографическое изучение диалектов как материал истории языка, Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. XX, 1936, стр. 100.

жился и в лексике чувашского языка и сыграл преобладающую, а не исключительную роль в истории его формирования¹⁵.

Можно с уверенностью сказать, что современная лексика чувашского языка в своей тюркской части в основном почти вся болгарская. В период Казанского ханства хотя сюда и проникали татарские слова, но сравнительно в незначительном количестве. Несмотря на то, что основной тюркский фонд лексики татарского и чувашского языков считается одинаково болгарским, но все же весьма часто названия одних и тех же предметов в том и другом языке не совпадают. Например, для названия первобытного плуга, серпа, коровы, кобылы, ягненка, свиньи и пр. у татар слова сабан, урак, сыер, бия, бундунгыз, а у чувашей ака, сурла, ёне, кёсре, пукте, сысна и пр. То самое нужно сказать и о словах: человек, женщина, рука, волк, рубашка, голос и пр.: в татарском кеше, катын, кул, буре, килмек, тавыш, а в чувашском: сын, арём, ал, кашкар, сакар, касак. Аналогичные с чувашскими названия для указанных предметов мы находим только у тюркских народов, живущих теперь далеко от чувашей, у киргизов, туркмен, азербайджанцев, алтайцев и др., которые в древнее время, повидимому, тесно соприкасались с болгарскими. У казанских же татар в административном управлении тон задавали, вероятно, не болгары, а пришлые ногайцы, куманы, крымские татары и др. Они же, видимо, играли решающую роль и в окончательном формировании татарского языка. Нельзя также забывать того, что и болгары являлись весьма сложным этническим образованием, язык их мог иметь некоторые диалектальные особенности.

Для показа того, насколько болгарское лексическое наследие в чувашском языке, мы распределим соответствующие слова следующим группам: I. Человек и части его тела. II. Родство. III. И вещи в доме. IV. Домашние животные и птицы и использование в хозяйстве. V. Земледелие и продукты его: хлебные злаки и технические культуры. VI. Деревья и плоды их, травы и ягоды. VII. Водный мир. VIII. Пища и напитки. IX. Счет, число и мера. X. Металлы. XI. Одежда и обувь. XII. Оружие, орудия и инструменты. И во всех этих группах будут превалировать слова болгарского происхождения.

I. Человек и части его тела

Чувашские названия

Болгарские (тюркские) названия

этем, сын	адам, чон	человек
этем ывăлĕ-хĕрĕ	адам огланы	род человеческий
ар, арсын	ир, эр	муж (vir), мужчина
пуç	баш, паш, бас	голова, начало
пуç тўни	баш тўбăси	верхушка головы (темя)
куç	кўз, кōз, кōс,	глаз
куç папакки	кōзбебегі	зрачок
куç харши	каш, кўз кашы	бровь
сăвар	авыз, ауыз, агыз	рот
сăлеке	силекей	слюна
тута	тодак, дудак	губа
пит	бит, бет, пит	лицо
сұç	чăç, сач	волос
сухал	сакал	борода
май	мойн, муен, бой, бойун	шея
ёнсе	энсе, инсе	затылок

¹⁵ Хотя в чувашском языке имеются кыпчакские (половецкие) элементы, но, повидимому, проникли сюда позднее из татарского языка в период Казанского ханства. Болгары, начиная приблизительно с XII в., имели более тесные связи с татарами, а в XIV в. после разгрома болгарского государства они в своей основной массе смешались с ними, образуя смешанные этнические группы, вошедшие потом в состав казанских татар и башкир.

хулпусси, анпусси	кулбаш, инбаш	плечо
какар	күкрек, көкүрөк, гөгүс	грудь
ал, ала	эл, элик	рука
хул рука от локтя до плеча	кол, кул	рука
ывăç	авуч, авыч, ауч, авуш	горсть
пилёк	бел	поясница, талия
аяк	як, жак	бок
ура	аяк, адак, азак	нога
ура тупанё	аяк табаны	ступня
пурне	бармак, пармак	палец
пуç пурне	баш бармак	большой палец
вата пурне	орта бармак	средний палец
ятсар пурне	атсыз бармак	безымянный палец
чёрне	тырнак	ноготь, коготь, копыто
чёр, чёркусси	тиз, тизă, тис	колено
шăмă	сөнăк, сёйбк, сынăк, сёбк	кость
шăнăр	сингир, синир	сухожилие
пӹ, пёв	бой, буй, пой	стан, рост
пыр	богаз, богуз, пауз	горло
хырăм	карын	живот
чёре	йӹрек, йӹрек, дьӹрек	сердце
ӹпке	ӹпкă, опке	легкое
пёвер	багыр, баур, бавыр	печень
пӹре	бӹре, бӹбрек, бугрăк	почка
ват (вачё)	ӹт, ӹд, ӹт	желчь
юн	кан	кровь
кăмăл	кӹнел, гӹнӹл	сердечное расположе- ние, сердце
миме	ми, миэ, мăйă	мозг
тир	тер, тире	кожа
тар	тер	пот, испарение и т. д.

II. Родство

Булгарский элемент сильно преобладает в чувашском языке и в названиях родственных отношений, например:

Чувашские названия	Тюркские названия	
атте	ата	отец
анне	ана	мать
атте-анне	ана-ата, ана-баба	родители
упăшка — муж	абушка	муж, старик
ывăл, диал. ул	огул, оул, ол, ул	сын
хёр	кыз	дочь, девица
кёрӹ	княӹ, кӹйбӹ	зять (муж дочери)
йисна	жизнă, йăсна, йизнă	зять (муж старшей сестры)
кин	келин	сноха (жена сына)
инке	йенкăй, жинге йăнгă	невестка (жена старшего брата)
хуньам, хунё	кайн, кайын, кадын	тесть
хуняма, хунеме	кайнана, кайын, эне	теща
хуньакам, хунекем	кайнигăч	свояченица (старшая сестра жены), свояченица (младшая сестра жены), золовка (младшая сестра мужа)
хёр пултăр	балдыз	свояк
пусана	бажа, бажанак	родной брат, родственник
таван	туган	единоутробный брат, сестра
хурайташ родственник	карындаш	сват
хăта	кода, куда	сваха
йевчё	яучы, жуучу	старуха
карчăк	карчык	вдова
тăлăх арăм	тол катын, дул кадын	гость
хăна	кунак	знакомый
пелёш	билиш, пилиш	жениться
авлаң	аӹлян (аӹ, эв, ӹй-дом)	родиться и т. д.
ту, тăв родить	тог, ток	

Точно так же болгарский элемент преобладает и в остальных десяти группах, а потому нет нужды их перечислять.

Что касается чувашей до ассимиляции с болгарами, то о них мы имеем никаких сведений и не можем определенно сказать, какие племена входили в их состав, что это были за племена и каков их культурный уровень. Никто также не пытался выяснить, какие отложения они оставили в лексике и грамматике чувашского языка. Вообще вопрос этногенеза чувашей является одним из наиболее сложных и трудным. На основании археологических данных можно предположительно сказать, что это были аборигены края, объединившиеся местные и породные и разноразличные лесные племена скифо-сарматского происхождения с охотничьим и рыболовным хозяйством.

Несколько позднее, вероятно, явились к ним и осели скотоводы-тюрки, с которыми они смешались и образовали добулгарское племенное объединение с преобладанием тюрков и языка их, поскольку скотоводство в первобытном хозяйстве играло решающую роль. Когда же потом пришли на Волгу болгары-тюрки, то чувашское племенное объединение в силу общности языка и некоторых бытовых особенностей легко ассимилировалось с ними. Этим только и можно объяснить, почему именно соседи чувашей, как марийцы, удмурты, отча и мордва, наравне с чувашами входившие в состав Булгарского царства, несколько не поддались ассимиляции с пришельцами, в чистом сохранили свой язык, ограничились только заимствованием нескольких десятков булгарских слов, а чувашаи окончательно тюркизировались.

О занятиях чувашских племен в добулгарское время имеются прямые указания в фольклоре. Отсюда мы узнаем, что они в течение долгого времени жили охотой и бортничеством, а потом перешли к мотыжному земледелию: начали обрабатывать землю кривой палкой, т. е. суком. Название этого первобытного земледельческого орудия и само орудие это в значительно усовершенствованном виде дошли до нас. Это *хусак* (тюрк. кадак — кол), диалектически *шөпён*, *карлав*. Оно представляет собой теперь узкую дубовую лопату шириной в 2—2,5 вершка. Им копают картофель. Культура же плужного земледелия в Поволжье складывалась, повидимому, под непосредственным влиянием болгар (при раскопках найдены лемехи от булгарских плугов). Сельскохозяйственные орудия чувашей и хлебные культуры их носят на себе следы булгарского (тюркского) происхождения. Например: *ак* — сеять, *ака* — плуг, *урпа* — ячмень, *сёлё* — овес, *пар* — полба, *сурла* — серп, *выр* — жать, *сал* — косить и т. д.

Отсутствие определенных исторических материалов о добулгарском периоде существования чувашей частично возмещается лингвистическими данными. Тщательное рассмотрение и глубокий анализ языковых материалов дают нам возможность заключить, что указанные первобытные доисторические разнородные племена, которые предшествовали эпохе формирования современных народов и языков Поволжья и составили основной этнический компонент чувашского народа, вместе с тем, повидимому, частично послужили основой, на которой возникли и финноугорские и восточнославянские народы. Об этом можно судить по уцелевшим в означенных языках единичным общим словам.

1. В чувашском языке сохранились в более или менее архаичном виде некоторые древние слова: *калём кун* — пасха (среда страстной седмицы), посвященная поминовению усопших. По верованиям чувашей, в этот день мертвецы оставляли свои могилы и шли к своим родным невидимо погостить у них до праздника *сёрен* или *вирём*; ср. финск. *калмо* — могила, г. Холмогоры < Калмо + кар — могильный город, т. е. город, построенный на кладбище; в чувашском и финском языках древнее слово *кар* обозначал город, ср. у коми Сыктывкар, у чувашей *Шубашкар* (Чебоксары).

2. В чувашском языке имеются также общие с отдельными финскими языками грамматические формы: препозитивная отрицательная частица *ан* (удм. *эн*), употребляемая только в повелительном наклонении: *ан кай* — не ходи; аффикс *-са, -се* в деепричастии (в чув., удм. и в яз. коми): *кайса кил* — сходи; аффикс *-ла, -ле* для образования прилагательных и наречий; *вырăсла юрă* — русская песня, *вырăсла калаçать* — говорит по русски; аффикс инфинитива *-ас, -ес* в чувашском, *-аш, -еш* в марийском: *ёслес пулатъ* — нужно работать; аффикс *-скер* в обособленных прилагательных и причастиях в чувашском языке и слово *ўжгăр, ўзгăр* — предмет, вещь в марийском языке: *мана, чирлĕскере, штабра тытса тамарĕç* — меня, больного, в штабе долго не держали. Можно привести и еще целый ряд древних общих в чувашском и восточнофинских языках слов, но все они будут говорить нам о доисторических связях между чувашами, с одной стороны, и восточными финнами, — с другой. Буржуазные ученые Вихман, Рясänen и др. наличие общих слов в указанных языках склонны были объяснить исключительно позднейшим культурным влиянием чувашей на финнов¹⁶. Такое объяснение можно считать состоятельным только в отношении одной части общих в этих языках слов, а другая часть общих слов, как мы видим, явно представляет наследие от доисторических первобытных племен до формирования их в финскую и чувашскую народности.

3. Слово *кепе*, повидимому, тоже относится к дотюркской лексике чувашского языка. Именем *кепе* называлось у чувашей языческое божество, которому приписывалось назначение человеку при рождении того или иного удела — одним счастье, другим страдания. Свою горькую участь, свою судьбу чуваша приписывали этому божеству и старались умиловить его принесением в жертву гуся. В марийском языке ему соответствует *кава юмы*, в удмуртском — *каба инмар*. Н. И. Ашмарин в имени этого божества видел название мусульманской священной *каабы* в Мекке. Но с таким пониманием трудно согласиться: чуваша были язычниками, а не мусульманами. Кроме того, *кепе* часто называлась матерью, которую ни в коем случае нельзя огорчать. В более же поздние времена уже обращались к ней, как к мужскому божеству, и вместе с ней в своих молитвах призывали и мать ее. Отсюда можно заключить, что слово *кепе*, как и *киреметь*, появилось в отдаленные матриархальные времена еще в среде местных доисторических племен, вошедших частично в этнический состав и чувашской и финских народностей.

4. Некоторые фонетические особенности современного чувашского языка нам хочется также объяснить как пережиточное наследие от первичных этнических групп, составивших подоснову чувашской народности. Например, типичное для чувашского консонантизма отсутствие звонких шумных согласных в абсолютном начале слова, в абсолютном конце слова и перед всеми согласными — явление, имеющее характер глубокой древности, мы склонны отнести к добулгарскому периоду развития чувашского языка. Возможно даже, что в ту эпоху в чувашском языке шумные звонкие отсутствовали во всех позициях слова. Слабая озвонченность их в двух положениях, а именно между двумя гласными и между сонорными и гласными, явление, сильно усилившееся в последние 30 лет, повидимому, могло возникнуть в чувашском языке только через несколько времени после окончательного смешения их с булгарами.

¹⁶ См. V. Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFOu, XXI, 1903; M. Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen MSFOu, XLVIII, 1920.

5. Совпадение в современном чувашском языке дательного и тельного определенного падежей, не наблюдаемое в наше ни в одном из тюркских языков, повидимому, представляет также пережиток древнего нетюркского элемента в языке. Эта особенность свойственна языкам на более ранних стадиях развития между прочим, известна в древнеисландском и пережиточно продолжает существовать в современном грузинском языке.

6. Благодарный материал для историка и этнографа представляет названия чувашских селений и урочищ. Некоторые селения известны здесь под тремя названиями, большинство под двумя, толы многие под одним названием. Три названия—это отложения трех ально-политических периодов исторической жизни чувашей. Од этих названий, в большинстве случаев теперь непонятное для восходит к добулгарскому времени, и в булгарское время, повидимому, оставалось без изменения. Второе название присвоено было в период Казанского ханства по имени владетеля или наместника данной области. С приходом русских и построением церкви в данном селении последнее получало новое название в зависимости от какому церковно-историческому событию или святому посвящена церковь. Например: добулгарское название *Куснар*, татарское *Куслово*, русское село *Троицкое* или Троицкое-тож, Шёнерпус—рино—Воскресенское-тож, Кёчкей—Тимирчи—село Покров—Тёмшер—Решетниково, Йёршер—Мартыново, Пёрмас—Атти—Муркар—Уразметево, Тупах—Тансарино, Кинчер—Янситово, Кё. Муркаш, Нарваш, Ураваш, Илебар, Ишек, Ишлей, Тимёш, Авруй и др. То же нужно сказать и о названиях разных урочищ, они тоже в преобладающей своей части восходят к добулгарскому времени, получили свое название от доисторических племен, составивших этническую подоснову чувашской народности. Слова эти давно утратили свое вещественное значение. Например: реки Сявал—Цивиль, Иш. Шутнер, Пёчер, Ара, Унка (произносится Унгя), ключи: Упуй (У. Паташ и т. д.).

Вообще на территории Чувашии много селений и урочищ с добулгарскими названиями. Из указанных топонимических названий с аффиксами *-мас*, *-мес*: Тёрлемес, Ителмес, Пёрмас, Кайшмас Туца и др., *-геш*, *-ваш*, *-вайш*: Алгаш, Тигеш, Кёлгеш, Кушлаваш, Яваш, Нарваш и др.—мы склонны считать древнейшими племенными названиями чувашей. Имена с аналогичным аффиксом имеются и в удмуртском языке, например, *калмес* является названием отдельного племени удмуртов, отличное от другого племени—*ватка*. Наличие аффикса *-мас* в названиях племенных названий подтверждает и хорошо известное нам племенное название *сармас* (мари). Аффикс же *-кар* в словах Шулашкар, Муркар, Шошкар и др. восходит к названию населенного пункта, селения, города, а предшествующая ему часть слова относится к названию племени или рода.

Аналогичные названия селений, рек и озер, в большом количестве встречающиеся и у восточных финнов, особенно у марийцев, подтверждают наше предположение о том, что одни и те же доисторические племена, в силу ли местных географических условий или вследствие покорения, в одной своей части вошли в этнический состав чувашей, а в другой—в состав восточнофинских народностей.

Топонимия населенных пунктов, рек и озер, как мы видели, является одним из важнейших источников для изучения прошлых судеб народов, особенно при отсутствии других письменных источников. Поэтому приходится сожалеть, что чувашская топонимика не нашла себе исследователя.

7. Что касается чувашской ономастики, то она тоже может несколько помочь решению вопросов этногенеза чувашей. В. К. Магницкий

зарегистрировано 10 587 чувашских языческих имен¹⁷. По нашему мнению, одни из этих имен восходят к добулгарским племенным и родовым названиям чувашей и в виде фамилий (тавраш) сохранились до настоящего времени. Другие, видимо, появились в булгарское время и в период Казанского ханства, а третьи представляют собой заимствованные от русских христианские имена с небольшими фонетическими изменениями.

К добулгарскому времени мы склонны отнести имена:

- а) на *-мас, -мес*: Арзамас, Атмас, Сармас, Иремес, Ирчемес и др.
- б) на *-гаш, -геш*: Алгаш, Олгаш, Тайгаш, Иленгеш, Тигеш, Тюгеш и др.
- в) на *-ман, -мен, -ван*: Араман (ср. авестийско-иранское Ариман < Ангро-Майнью), Арзаман (ср. эрзя), Кузман, Ахтаман, Ильмень (ср. озеро Ильмень), Эльмень, Альмень, Севан, Селиван и др.
- г) на *-мар, -мер, -дер*: Самар, Самарка, Идимер, Кизимер, Ендимер, Семендер, Имендер, Ишедерь, Сюдарь и др.
- д) на *-мат, -мет*: Ахмат, Самат, Сурмат, Сармет, Ирметь, Кальметь, Карметь, Ильметь, Шеметь, Семеть, Кнеметь и др.

Не приходится сомневаться, что имена эти первоначально являлись названиями добулгарских чувашских племен и родов. Возьмем хотя бы имена на *-мар, -мер, -мат, -мет*. Например, мы хорошо знаем с этим аффиксом древних шумеров, финское племя *меря*, современную народность *мари*, а также исторических *сарматов*, известных со II в. до н. э. С последним племенным названием несколько созвучны наши имена Сармет, Сурмат и название злого духа Киреметь. Упомянутое выше Кнеметь частично напоминает нам древнерусское кьметь, восходящее к доисторическому времени.

В списке древних чувашских имен большой интерес представляют имена: Кострома, Кострумша, Литва, Литвей, Литвин, Калуга, Калук, Разан (ср. Рязань), Разанеша, Арзамас, Менделей, Смерт (ср. древнерусск. смердъ), Хорс, Хорсак, Хорсей, Ахила, Ахилка, Ахилыч, Баск, Балахна, Иберка и т. д. Трудно поверить, чтобы эти имена заимствованы были чувашами от русских в последнее время. Скорее можно предполагать, что они в чувашском, как и в русском языке, восходят к глубокой доисторической старине.

Мне кажется, что имеющиеся в книге Магницкого чувашские имена *Арибей, Архипей* можно связать с геродотовскими архиппеями. Тогда с некоторой вероятностью можно заключить, что в первоначальный этнический состав чувашской народности вошли и древние архиппеи, хотя не исключена здесь возможность случайного звукового совпадения указанных имен.

В числе зарегистрированных чувашских языческих имен имеются также имена Булгар, Савир, Савирка, Саврик, Саврила, Чуваш, Канга (печенег?), Ахван (вм. Агван), Аварин, Авер, Козар, Хосар, Касар и др. Эти имена также заслуживают серьезного внимания при решении вопросов, относящихся к этническому составу чувашской народности. Указанные имена, счастливо пережив многие столетия, пронесли для нас историческую истину о том, что древние булгары, с которыми по приходе их на Волгу произошло массовое смешение местных чувашских племен, представляли очень сложную в этническом отношении группу. В этногонии их принимали участие и савиры, и кангюи, и агванцы, и авары, и хазары, и гунны и др. Отсюда приобретает особый интерес и глубокий смысл заявление Т. А. Трофимовой, сделанное ею в докладе, что „чувашаи по своему

¹⁷ См. В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена, Казань, 1905. Отд. отт. из журн. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI.

антропологическому составу — народ сильно смешанный, состоящий из различных европеоидных и монголоидных типов и их смешанных форм¹⁸.

8. Доисторическую частичную этническую общность чувашей восточных славян трудно отрицать. Об этом говорят и некоторые языковые данные. В чувашском и русском языках имеются общие слова древнего происхождения, повидимому, унаследованные от доисторических племен, вошедших частично в этнический состав и чувашского и восточнославянских народов. Сюда относятся: чув. *вирём* — обряд (праздник), связанный с проводами в могилу пришедших в калам кун мертвецов, с гнанием духов, насылающих болезни, очищением себя от злых духов прыганием через огонь, русск. *верба* и суеверные обычаи, связанные с праздником вербного воскресенья; *кавраç* (кавар + йавас) — ясен, русск. *явор* (случай древнего чередования звуков *к* и *й* имеются в чувашском языке); *хана-вёрле* — гости в собирательном значении (вёрле — первоначально коллектив, общество, здесь придает слову хана собирательное значение), древнерусск. *вьрвь* — семейная община, позднее поземельная община; чув. *сенкё*, *шанка* — хворост, древнерусск. с *ж* *къ* и др.

Имевшиеся в числе чувашских языческих имен указанные выше имена Ильмень, Кнеметь (ср. *къметь?*), Смерт (ср. *смердь*), Костро Хорс (скифское?), Ериле (ср. Ярила) и название трех селений *Шемитен* (ср. русск. Смердино) также красноречиво говорят о том, что доисторических племен, имевших в своей лексике эти слова, вошли в состав чувашской народности, а другие — в состав русского народа.

Чувашские языковые материалы частично подтверждают также доисторические встречи чувашей со скифо-сарматским миром. Например, в скифском языке мы имеем *тан*, дан в значении воды, русск. слова *Дон*, *Дан-уб*, *Тан-аис* — это скифские названия рек; в чувашском языке *тан* — вода, появляющаяся весной и осенью на льду рек и озёр.

О древнейших связях чувашей со скифами говорит отчасти и существовавшее от старых времен чувашское слово *асар-нисер* — демоническое существо, страшный на вид, бешеный. Оно имеется и в некоторых финских языках: в эрз. *азоро*, мокш. *азыр* — властитель, господин, хозяин, в удм. *узыр* — господин, божество. Повидимому, слово это иранское, восходящее к авестийской форме *ahura* или санскритской *asura* — демон(?). В указанные поволжские языки оно могло проникнуть через скифов.

В чувашском фольклоре имеется прямое указание на то, что „скутавы“, „шкудавы“, т. е. скифы, научили их устраивать в домах двери и окна. По просьбе оклеветанной сестрами и заключенной в трехстенный сруб ханской жены проезжие торговые скифы (скутавы) первый раз прорубили ей дверь и окна, а во второй раз устроили крыльцо. Знаменательно и то, что в позднейших вариантах этой сказки вместо шкудавов выступают уже русские.

Таким образом, чувашский народ формировался и язык его вырабатывался на нынешней территории в течении многих столетий в процессе взаимодействия различных этнических и культурных элементов. Первоначально, быть может до нашей эры, в период абашевской культуры, происходило смешение доисторических разноразличных местных племен, с охотничьим и рыболовным типом хозяйства, и несколько позднее осевших здесь тюрков-скотоводов, давшее в результате этническую подоснову чувашской народности. Потом, с приходом на Волгу более культурных болгар-тюрков начинается тесное сближение чувашей

¹⁸ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей (см. настоящий номер журнала).

шей с булгарами, особенно с отдельным племенем их — суварями, вместе с которыми они образуют крупное племенное объединение с главным городом Сувар и даже с чеканкой своей монеты. После же завоевания Булгарского царства монголо-татарами (1236) и окончательного разорения его Булат Тимуром (1361 г.) часть булгар, преимущественно сельское языческое население, переходит к родственным чувашам, другая, главным образом городская, мусульманская часть объединяется в отдельную народность и позднее составляет основное ядро населения Казанского ханства.

В период татарского ханства чувашский народ испытывал тяжелое угнетение со стороны татарской администрации и духовенства. Пропаганда ислама была настолько велика, что целые чувашские селения переходили в мусульманство и „отатаривались“. Например, в Арском районе не осталось ни одного селения с чувашским населением. Стремление к татаризации чувашей было со стороны мулл и отчасти администрации настолько велико, что оно угрожало самому существованию чувашской народности. Но, к счастью, приход русских во-время остановил это движение.

Татарский хан с установленным им административным строем сильно импонировал чувашам. Все порядки и церемонии ханского двора они перенесли на своих богов и стали представлять их в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих его и прислуживающих ему. Например: тавам ыра — добрый дух, заседающий в диване (государственное учреждение, судебный трибунал), хум керекесё — кравчий хана, тавам суретекен — дух, ведущий дела дивана, ман турра алак усакан — отворяющий двери жилища божия, чёлпёр тытса сурен ыра — дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога), и т. д. Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана¹⁹. Празднование пятницы, продолжавшееся у чувашей вплоть до XX в., также началось, вероятно, в период татарского ханства.

Из позднейших этнических элементов, влившихся частично в состав чувашской народности, нужно указать локальные скращения верховых чувашей с горными марийцами. В настоящее время в Чувашии имеется до десятка селений с наименованием „Сармăс“ (черемисы): Туҫи Сармăс, Хураңсур Сармăс, Чăваш-Сармăс, Сармăскасси или просто Сармăс. Все эти селения чувашские, ни одного марийца в них нет. Предание гласит, что некогда здесь жили марийцы, что они потом слились с чувашами. Культурные взаимодействия между чувашами и марийцами, имевшие некогда место, не остались без последствий. Они сказались в повседневном быту их: в одежде, обуви, в домашней обстановке и пр. Местами и антропологический тип чувашей одинаков с марийским.

Своим культурным подъемом чувашаи всецело обязаны великому русскому народу. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на чувашей начинается с древнейших времен. В чувашском языке мы находим слова *кăмпа* — гриб, *кёнчеле* — сверток очищенной кудели, приготовленной для пряжи. Слова эти, вне всякого сомнения, проникли сюда от восточных славян раньше X в., когда у последних в языке еще были носовые гласные юс большой и юс малый. Ср. *гѣба*, *кѣдель*. И в последующие времена не прекращался приток новых русских слов в чувашский язык в связи с широким культурным воздействием русских на чувашей. Хотя чувашаи, повидимому, очень рано оставили кочевой быт и, осев на постоянных местах

¹⁹ Н. В. Никольский, Этнографический очерк Милюковича, писателя конца XVIII в., о чувашах. Отд. оттиск из журн., «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 4, 1905; Н. И. Ашмарин, Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, «Известия Северо-вост. археол. и этнограф. ин-та», т. II, Казань.

жительства, занялись земледелием, но все же применением более ранних приемов в области сельского хозяйства они обязаны русским. Например, основное земледельческое орудие соха (чув. *сухапуç*) переходит к ним от русских довольно рано, возможно в болгарский период или немного позднее, так как их примитивный плуг (ака, *акапуç*) более пригоден был для поднятия нови. Видно, в эту же эпоху, если только не раньше, чуваша научились от русских возделывать озимую рожь (ср. чувашское название *ыраш*). Раньше у них излюбленными культурами были только яры культуры: полба — *пӑри*, пшеница — *тула*, ячмень — *урпа*, горох — *парса* и др. Название крупы — *кӗрне* у чувашей также русское. Система овинной сушки снопов чувашами перенята также от русских (ср. слова *авӑн* — овин, *авӑн карти*, *анкарти* — гумно).

И в области пчеловодства русские явились учителями чувашей. Они раньше оставили первобытную бортевую систему и перешли к более усовершенствованным приемам разведения пчел — к применению переносных колодных ульев и пасечной системе. Об этом красноречиво говорят чувашские слова *вӗлле*, *утар* (=удар) — пасека, представляющие собой очувашенные названия русских слов улей и изгородь. Теперь одр — примост к дереву в лесу, куда ставили ульи колоды²⁰. Из музыкальных инструментов гусли — *кӗсле*, несомненно перешли к чувашам от русских.

О восприятии русских слов в позднейшие периоды истории чувашей, с момента присоединения к русскому государству и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции и не приходится говорить. Мы не найдем ни одной отрасли хозяйства, где не чувствовалось влияние передовой русской культуры. Благодаря последовательному проведению партией и правительством ленинско-сталинской национальной политики чувашский народ входит равноправным членом в содружество народов Советского Союза и строит свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. За последние 30 лет в условиях советской власти Чуваши сделали большие достижения в области социалистического переустройства своего хозяйства, своей культуры, быта, а также в отношении перестройки общественного сознания. В настоящее время Чуваши уверенно идет вперед к светлому коммунистическому будущему.

²⁰ Даль. Словарь, П., 3-е изд., стр. 1686.

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЧУВАШИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

История присоединения Чувашии к России почти не изучена, хотя она имеет большой и принципиальный интерес для истории СССР. Чуваша были первым крупным по численности народом, вошедшим в состав Русского государства в середине XVI в., если не считать коми-зырян и некоторых других малочисленных народов Севера. Таким образом, присоединение чувашей к России положило начало появлению на Востоке обширного многонационального государства. «И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»¹. Таким смешанным государством, состоявшим из нескольких народов, сделалось и Русское государство с середины XVI в., после присоединения к нему областей Среднего Поволжья, населенных чувашами, татарами, марийцами, удмуртами и мордвой.

В момент присоединения чувашей к России внутренние экономические связи в среде самих чувашей были слабыми, у чувашей не существовало своего государства, и они подчинялись вместе с другими народами Среднего Поволжья Казанскому ханству. Даже национальное имя чувашей не было известно соседним народам, которые знали чувашей под собирательным именем «черемисов». К условиям, при которых произошло присоединение Чувашии к России, вполне применимы слова И. В. Сталина о появлении многонациональных государств на востоке Европы: «Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»². Присоединение Чувашии к России произошло в момент ожесточенной борьбы Русского государства с Казанским ханством, которое господствовало над «горной стороной» Волги, где жил чувашский народ. Но в этой борьбе чуваша принимали только подчиненное участие, так как в Казанском ханстве чуваша занимали положение одной из «оттертых на задний план национальностей». На смену татарским феодалам, оседавшим в Чувашии, пришли русские помещики. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»³.

¹ И. Сталин, Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 34.

² И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 304.

³ Там же.

Трудность изучения истории чувашского народа заключается в разительной скудости источников, говорящих о чувашах. Само имя вашей становится впервые известным в русских источниках с 1521¹. До этого времени чувашаи выступают перед нами под другими именами: чаще всего под именем черемисов, иногда буртасов и мордвы; между тем нет никакого сомнения в том, что чувашаи жили на занимаемой ими территории с давних времен, в непосредственном соседстве с русскими. Поэтому есть все основания предполагать, что сношения русских с чувшами начались с очень раннего времени, по крайней мере с IX в.

Так, уже Начальная летопись указывает в числе соседей Русской земли «черемисов» («черемись» или «черемиса»), отмечая, что они говорили на своем языке. Впоследствии под именем черемисов на Руси были известны не только чувашаи, но также марийцы и удмурты. Однако Начальная летопись под черемисами, повидимому, понимала именно чувашей, так как называет их в непосредственной связи с мордвой Муромой⁴. Знает черемисов и Слово о погибели Русской земли, помещая их между буртасами и мордвой. По Слову о погибели Русской земли, «буртасы, черемисы, вада и мордва» были данниками русских князей, бортничали на них, т. е. платили им дань медом и воском. И в этом источнике под черемисами или под буртасами надо понимать в первую очередь чувашей.

После основания Нижнего Новгорода (в 1221 г.) и продвижения границы русских поселений к реке Суре чувашаи вошли в непосредственное соседство с русскими, так как чувашские поселения издавна примыкали к нижнему течению Суры. По статистическим сведениям о численности чувашей, относящимся ко второй половине XIX в., из общей цифры в 539 тыс. чувашей, живших в России, почти половина (256 тыс.) приходилась на уезды Ядринский (100 тыс.), Цивильский (98 тыс.), Чебоксарский (58 тыс.)⁵. Кроме того, чувашаи составляли заметную группу населения в Курмышском уезде, расположенном в непосредственном соседстве с Ядринским на нижнем течении Суры. В Курмышском уезде насчитывалось 23 тыс. чувашей, которые занимали «сплошные пространства на правой стороне Суры, сопредельные Цивильскому уездом, и жили в 96 селениях»⁷. Замечательнее всего то, что в том же Курмышском уезде в указанное время насчитывалось всего лишь 4 тыс. мордвы, хотя Курмышский уезд в нашей исторической литературе считается обычно мордовским. Следовательно, в XIX в. примерной границей чувашских поселений на западе надо считать нижнее течение Суры. Нет никаких оснований предполагать, что статистические сведения о чувашах второй половины XIX в. не могут быть приложимы к более раннему времени, так как известия XVI в. прямо указывают на то, что чувашаи жили за Сурой, имея своим основным центром реку Цивиль.

В XIV в. русские поселения стали продвигаться на юг и восток от Нижнего Новгорода, в бассейны Суры и ее притока Пьяны, следовательно, стали приближаться непосредственно к границам Чувашской Республики. Нижегородскому князю Константину Васильевичу приписывается основание бассейна Кудьмы, правого притока Волги, откуда была вытес-

⁴ «А по Оце реде, где втечет в Волгу, Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Мордва свой язык». Различные варианты слова: черемиси, черемиса, черемисы (Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб., 1872, стр. 10).

⁵ Н. Серебрянский, Древнерусские жития святых, приложения, стр. 109.
⁶ П. Семенов, Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V, СПб., 1885, стр. 726.

⁷ Там же, т. II, СПб., 1865, стр. 864.

на мордва. Князь «повеле русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме рекам и на мордовских селищах, где кто похощет»⁸. При сыне его Борисе русские села появились еще далее на востоке в бассейне реки Сундовика. Об этом узнаем из летописного известия о набеге ордынского князя Булак Тимура, который в 1367 г. «пограби уезд даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы»⁹. Летопись не сообщает, о каком уезде идет речь, но указание на Волгу и реку Сундовить позволяет думать, что речь идет о Нижегородском уезде, так как река Сундовик, правый приток Волги, течет с юга на север и впадает в Волгу у села Лыскова¹⁰.

При знакомстве с топографией Среднего Поволжья становится вполне понятным и направление русской колонизации. Русские села на севере непосредственно прилегали к Волге, имея границей на востоке сперва реку Кудьму, позже Сундовик как защиту от набегов татар и мордвы.

Разорение сел по Сундовику не могло задержать дальнейшее русское продвижение на восток, которое было закреплено в 1372 г. построением Курмыша на Суре. По летописи, «князь Борис Константинович постави себе город на реце на Суре и нарече имя ему Курмышь»¹¹. Этот город возник на месте мордовского или чувашского поселения, так как на мордовском языке слово «курмыш» обозначает деревню. К этому времени, когда нижегородские князья прочно осели на нижнем течении Суры, относится и утверждение русского феодального землевладения, в первую очередь церковного, в стране чувашей. Строитель нового города на Суре подарил Благовещенскому монастырю в Нижнем Новгороде «все озера от речки от Курмышки вниз Сурою, источные и глухие, и роздерти и заводи и пески, и с падучими реками, и бобровые тоны, и стрежень по реку Волгу»¹². Тогда же в этом районе появились владения крупных русских землевладельцев, один из которых в 1399 г. отдал свою пустошь по речке Килюлсурме в Курмышском уезде тому же монастырю¹³.

Русское продвижение на восток не могло, естественно, происходить беспрепятственно и наталкивалось на ожесточенное сопротивление мордвы. Тем более неожиданным представляется нам отсутствие указаний на столкновения русских с чувашами, поселения которых, как мы видели, начинались тотчас же за Сурой. Отсутствие таких указаний отчасти может быть объяснено тем, что русские летописи смешивали чувашей с мордвой, как это иногда делалось и в более позднее время. В это время в Мордовской земле возникло уже феодальное татарское княжество с центром в Наручади. Попытку основать такое же княжество в Среднем Поволжье во время внутренних междоусобиц в Золотой Орде сделал ордынский князь Булак Тимур. В 1361 г. он занял Болгары «и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжеский путь»¹⁴. Следовательно, под власть Булак Тимура подпала территория Чувашии и Мордвы, примыкавшая к волжскому пути. Этим объясняется набег Булак Тимура на русские села по Сундовику в 1367 г., о чем говорилось выше. За Сурой и ее притоком Пьяной начинались мордовские земли, подчинявшиеся непосредственно князьям Золотой Орды. Поэтому возобновившаяся борьба русских князей с мордвой привела к

⁸ Нижегородский летописец, Изд. Гацисского, стр. 2—3.

⁹ Полное собрание русских летописей (далее цитируется как ПСРЛ), т. XVIII, стр. 106.

¹⁰ Так полагает и А. Е. Пресняков (Образование великорусского государства, Петроград, 1920, стр. 272, прим. 2).

¹¹ ПСРЛ, XVIII, стр. 112.

¹² Акты Археографической экспедиции, т. 1, № 12, стр. 7.

¹³ Макарий, Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния, СПб., 1857, стр. 153—154.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 101.

новому ордынскому набегу на русские земли под начальством царевича Арабшаха (Арабши) и несчастной для русских битвы 1377 г. на реке Пьяне¹⁵.

Повидимому, река Сура на длительное время сделалась границей русских и чувашских поселений. Отсутствие же указаний на враждебные отношения русских с чувашами свидетельствует, по крайней мере, о том, что особого обострения между русскими и чувашами не было. Во всяком случае летописный рассказ о походе русской судовой рати на Казань в 1469 г. не упоминает о каких-либо враждебных выступлениях чувашей, хотя русское войско останавливалось на ночевку в Чебоксари¹⁶, повидимому, у одного из чувашских городков или поселений на Волге, где впоследствии возник город Чебоксары.

Образовавшееся в первой половине XV в. обширное Казанское ханство подчинило своему господству почти все Среднее Поволжье. В его состав вошла и «горная сторона» Волги, населенная в основном чувашами и мордвой. Поэтому история чувашей в XV и первой половине XVI в. тесно связана с историей Казанского ханства. К этому времени относятся и первые письменные известия о чувашах, сперва еще называемых общим именем черемисов, а позже появляющихся под своим национальным именем или под названием «горных людей». Это дает нам возможность глубже заглянуть в хозяйственный и общественный быт чувашей накануне их присоединения к России.

2

Горная сторона Волги, которая была населена чувашами, представляла собой обширную и малодоступную область, изрезанную глубокими оврагами, рывтинами, речными долинами и холмами. Громадные смешанные леса, остатки которых сохранились до нашего времени, перемежались здесь с открытыми участками нераспаханной девственной степи, «дикими полями», как их образно называют русские сочинители XVI в. Чуваша жили здесь в оврагах и долинах, «промеж великих гор по удолиям»¹⁷. Основным занятием их давно уже стало хлебопашество и скотоводство. «Землепашцы и трудницы», — так характеризует Казанский летописец занятия жителей на горном и луговом берегах Волги в отличие от другой группы — «черемисы», жившей по Ветлуге и Кокшаге, которые «не сеют, не пашут, но промышляют звериною и рыбною ловлею»¹⁸. Князь Курбский в своем рассказе о походе на Казань подчеркивает резкую разницу между глухими мордовскими лесами Чувашией. В мордовских лесах и на великом диком поле русские войска шли «с нуждою мноюю», питаются рыбой и звериной. Совсем иначе встретили русские войска после переправы через Суру, когда им на встречу стала приходиться «черемиса горняя, а по их чуваша зовомыя язык особливый»¹⁹. Черемисский хлеб показался Курбскому вкусом дорогих калачей. «И ту уже нам привожено и по странам ездя доведено купити хлеба и скотов. Аще и зело дорого плачено. Но нам бы

¹⁵ В очень интересной и содержательной статье Х. Г. Гимади. «Народы Среднего Поволжья, в период господства Золотой Орды» (Материалы по истории Татарского края, вып. 1, Казань, 1948, стр. 213, прим.) Булак Тимур считается разорителем Булака, хотя летописное слово «зая», т. е. занял, не дает для этого основания. Наоборот, можно говорить о том, что Булак Тимур сделал попытку основать свое княжество, опираясь на старую государственность Великих Болгар, являясь в этом отношении предшественником основателей Казанского ханства.

¹⁶ ПСРЛ, XVIII, стр. 221.

¹⁷ ПСРЛ, XIX, стр. 60 и 304.

¹⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 60.

¹⁹ А. М. Курбский, История о великом князе Московском, СПб., 1900, стр. 17—18:

яко изнемоглим от гладу, благодарно», — вспоминает о чувашском хлебе тот же Курбский.

О том, что «черемиса и мордва» продавала проходящим русским жам «хлеб и мед и говядаы», рассказывает и Царственная книга, ечая, что царское войско на всем своем пути от Мурома к Свияж- не имело недостатка в припасах. Путь же русских войск, после их цинения у Борончеева городища на Суре, проходил в основном по итории, населенной чувашами²⁰.

Вскоре же после завоевания Казани все земли, принадлежавшие на юй стороне Волги казанскому хану и его князьям, были разделе- — «и пахати учали на государя и на все русские люди и на ново- щены и на чювашу»²¹. Писцовые книги Свияжского уезда за 5—1567 гг. рисуют перед нами картину уже вполне установившего- чувашского земледельческого хозяйства. К каждой чувашской дерев- были приписаны пашня и луга, которую иногда чувашаи пахали есь по полосам» с соседнею мордвой или посаженными на землю скими полоняниками. Что такой порядок восходил к очень давнему мени, видно из ссылок на более ранние годы, предшествовавшие взя- Казани. Например, в писцовой книге находим указание на по- жую землю в татарской и чувашской деревне Нурдулатове, «что ла царевская Магмед Аминовская». «Да в той же деревне порозжая земля, что была мордовская, а пахали прежде сего те обои земли, еву и мордовскую, с татарскими и чувашскими землями смесь по лосам»²². Ссылка на Магмед Аминя ведет нас к концу XV — началу I в., когда жил этот казанский царь.

Некоторые пахотные земли чувашаи обрабатывали наездом. Особо минаются луга, которые принадлежали чувашским деревням. Все в достаточной мере убеждает в том, что чувашаи действительно гаты «хлебом и говядой»²³, как об этом говорит Царственная книга. прочем, постоянное упоминание в писцовых книгах о «диком поле», писанном к той или иной деревне в Свияжском уезде, показывает, о и после завоевания Казани на горной стороне пустовало немало мель, годных для пашни. Даже во второй половине XVI в. наряду с мледелием и скотоводством в хозяйстве чувашей немалую роль имели ртничество, охота и рыбная ловля. Чувашаи славились как отличные релки из лука и охотники. Кроме того, Чувашаи еще в начале XVI в. авились своими пушными богатствами, в особенности беличьими курками, наравне с Пермью и Вяткой. Герберштейн особо отмечает, что чувашаи отличаются и знанием судоходства»²⁴. Чувашаи жили отдель- ами поселениями, которые стояли в укромных местах и едва были зметны даже для тех, кто близко от них проходил. По выражению урбского, чувашские деревни «при великих крепостях ставлены и езримы, аще и поблизку ходящим». Выражение «при великих крепо- гях» не вполне понятно; неясно, идет ли речь об укромных местах, ле скрывались чувашские деревни, или о городищах, местах, в насто- щем смысле этого слова. Кажется, что первое понимание приведенно- о выражения более правдоподобно. «В тех местах николи воинские юди не бывали, пришли крепости и лесные места», — говорится о ря- анцах, спасавшихся от крымского набега²⁵.

²⁰ См. Л. Г. Бескровный, Атлас карт и схем по русской военной истории, Воениздат, 1946, л. 10, схема похода на Казань в 1552 г.

²¹ ПСРЛ, XX, стр. 583.

²² Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565—1567 гг., Казань, 1909, стр. 104.

²³ Там же, стр. 98, 102 и пр.

²⁴ Барон Сигизмунд Герберштейн, Записки о Московитских делах. Вве- щие, перевод и примечания А. И. Малеина, стр. 95 и 145.

²⁵ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IX, СПб., 1921, прим. 122 (в приложении, стр. 40).

Среди чувашей уже выделялась собственная знать, так называемые в летописи сотные и десятные князья, являвшиеся представителями чувашей в переговорах с московским правительством²⁶. Под сотными и десятными князьями надо понимать местных чувашских старшин, поэтому в перечислении людей Казанского ханства, от имени которых казанские послы вели переговоры с московским правительством, сотные и десятные князья мы не найдем²⁷. Что дело обстояло именно таким образом, видно из слов Казанского летописца о «старейшинах и сотниках» горной черемисы, в отличие от казанских князей и мурз: «и идоща з дари и обославшеся старейшины и сотники горныя черемисы и моляху царю и воеводам, еже не воевати их, князем бо и мурзасю оставльше их и в Казань в осаду бежавшим»²⁸. После бегства татарских князей и мурз в Казань представителями горных людей являлись их старшины и сотники («сотные князья»).

Процесс феодализации Чувашии ускорился ее близостью к Татарии, где феодальные отношения были уже развиты. Казанские феодальные князья оседали в различных местах горной стороны, в том числе и в Чувашии, обзаводясь здесь крупными земельными владениями. Это и были князья и мурзы, которые бросали свои земли и бежали в Казань перед русскими войсками. Нет никакого сомнения, что некоторые чувашские старшины принимали ислам и быстро татаризировались, вступая в казанской знати. Яркую картину феодального землевладения на горной стороне, например в Свияжском уезде, который имел густое население и непосредственно примыкал к Казани. По течению Свияги среди чувашских и мордовских деревень были разбросаны владения татарских князей, перешедшие после завоевания Казани к русским служилым людям. Так, в писцовых книгах Свияжского уезда названы деревни «изменника Девлизера, села — Бурнашево, Муралеево»²⁹. Имена владельцев этих селений, как и многих других, найдем в числе казанских феодалов середины XVI в. Изменник Девлизер — это тот Девлетжер, который был послом казанского хана к Ивану Грозному; князь Бурнаш постоянно упоминается нашими летописцами середины XVI столетия. Муралеева полата и сам Муралеев хорошо известны русским летописцам³⁰. Изучение названий чувашских сел и деревень в сопоставлении с известными русскими летописей и другими документами, вероятно, установит картину распространения в Чувашии татарского землевладения во время самостоятельности Казанского ханства. Во всяком случае поразительные совпадения названий сел и деревень в Чувашии с родовыми и личными именами казанских феодалов XVI в. служат и сейчас бесспорным доказательством распространения татарского крупного и мелкого землевладения в Чувашии.

Татарские князья, имевшие свои земли на горной стороне Волги, нуждались особенно считаться с близостью их земель к Русскому государству. После основания Свияжска татарские князья, владевшие землями в его окрестностях, тотчас же принесли присягу московскому царю. Среди таких князей («князи, которые живут на Свияге») известны Чапкун и Бурмаш³¹. По имени последнего называлось несколько сел, известных на Свияге под названием Великого и Малого Бурмаша. Горная сторона Волги, населенная в основном чувашами и морд-
 вами, была особенно важна для татарского ханства, так как она служила ему естественным барьером от русских земель.

²⁶ ПСРЛ, XX, стр. 482.

²⁷ См. в ПСРЛ, XX, стр. 484, челобитную грамоту Казанской земли от «беглых улан в головах».

²⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 63.

²⁹ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565—1566 гг., стр. 68, 89, 94, 141 и пр.

³⁰ ПСРЛ, XX, стр. 478 (Девлетжер), стр. 468, 480, 490, 491, 492, 596 (князь Бурмаш), и пр.

³¹ ПСРЛ, XXII, стр. 490.

а у волжских берегов марийцами, была связана с Казанским ханством гораздо слабее, чем области на луговой стороне Волги, непосредственно примыкавшие к Казани и населенные татарами, попеременно с чувашами и марийцами. На горной стороне Волги татарские феодалы были пришлым элементом, и их господство было очень тяжелым для чувашей и других народов, подвластных Казанскому ханству.

Воспоминание о положении чувашей под господством татарских феодалов находим в народных преданиях чувашей. Таково, например, предание об Уразмеде, который попал в плен к казанскому царю и заслужил его милость. «За свою храбрость,— рассказывает предание,— он получил от царя поручение собирать кочующие народы. Жил Уразмедь в Чебоксарском уезде, в деревне Уразмедовой, которая от него и имя получила... Обязанность Уразмеда состояла в том, что он должен был собирать с народа подать и предоставлять царю, а также представлять ему девиц, которых он захватывал силой; за это народ не взлюбил Уразмеда и царя»³². О набегах и грабежах татарских феодалов говорят и другие чувашские предания. Они называют и народных чувашских героев, боровшихся с насильниками. Таков был чуваш Сарый, который «слылся между своими соплеменниками храбрым богатырем, был паттар». В предании о Сарые рассказывается о борьбе Сарыя против насильственного сбора ясака в казну казанского царя, против грабежа чувашского населения и увода в плен чувашских женщин³³. Таких преданий о грабительском собирании ясака татарскими феодалами сохранилось немало, и они достаточно говорят нам о том тяжелом положении, в котором находились чуваша под властью Казанского ханства.

Но у нас имеются не только поздние предания, но и современные известия, рисующие положение подчиненных народов в Казанском ханстве. Во время осады Казани русскими войсками казанский хан собрал «черемису ближнюю всю многу», т. е. людей, живших по близости от Казани, и заставил ее копать рвы и делать острог около города. Летопись так прямо и пишет о действиях казанского царя: «загна же черемису», не оставляя никакого сомнения в насильственном характере мероприятий казанского царя по отношению к ближней «черемисе»³⁴.

Сбор ясака с горной стороны Волги составлял важную статью поступлений в казну казанского царя. Поэтому хан Шигалей, посаженный на казанский престол из московских рук в 1551 г., очень заботился о том, чтобы царь «его пожаловал, придал ясаков з горные стороны»³⁵. К этому времени ясак с горной стороны поступал уже главным образом деньгами, как это видно из летописных слов об отказе Ивана Грозного отдать в пользу Шигалея хотя бы часть ясака, шедшего с горной стороны: «горные стороны х Казани ни одной денги не отдаывати»³⁶.

Тяжелой повинностью подчиненных народов в Казанском ханстве было участие в военном ополчении, которое собирали казанские ханы для войны с соседями и для набегов на русские окраины. По русским известиям, на горной стороне Волги после ее отпадения от Казани оказалось «40 000 луков гараздых стрельцов»³⁷. Напомним тут же, что Герберштейн также говорит о ловкости чувашей в стрельбе из лука и о большом значении «черемисов» в войске Казанского ханства. Тем не

³² «Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии», т. III. 1880—1882 гг., стр. 288—289.

³³ Предание о Сарые известно мне по материалам, предоставленным Чувашским научно-исследовательским институтом языка, истории и литературы, за что автор приносит благодарность директору Института тов. Григорьеву.

³⁴ ПСРХЛ, XIX, стр. 37.

³⁵ ПСРЛ, XX, стр. 487.

³⁶ Там же, стр. 488.

³⁷ Там же, XIX, стр. 63—64.

менее подчиненное положение в Казанском ханстве чувашей, маи и удмуртов, объединяемых под названием «черемисы», очень четко отмечено Казанским летописцем: «простыя земския люди, черемисанья, по русскому же чернь»³⁸. Таким образом, название «чер» отождествлялось в Казанском ханстве с понятием простых людей, подчиненной татарским феодалам.

3

В первой половине XVI в. в истории чувашей произошли важные перемены. Повидимому, именно к этому времени относится окончательное утверждение особого национального имени чувашей, которые начинают появляться в русских источниках все чаще и чаще под своим именем, а не под общим именем черемисов, как ранее. Казанский летописец (составленный во второй половине XVI в.) так поясняет, что народы понимались в его время под названиями «черемисы»: две черемисы были в Казанской области, а языка три, четвертый язык варварский владел ими, — читаем у летописца³⁹. Что это за три черемиских языка, тут же объясняется летописцем. Первый язык — горная черемиса, сидящая по эту сторону Волги, второй — луговая черемиса, живущая по другую сторону той же реки, третья — черемиса Кокшарская и Ветлужская; ими владеет четвертый варварский язык, т. е. немцы. Под тремя группами черемисов в данном случае понимаются три народа: чуваша (горная черемиса), марийцы и удмурты.

Само слово чуваша впервые появляется в наших источниках в 1521 г., а не в 1524 г., как это обычно принято считать. В этом году «все князи казанския и татарове и мордва и черемиса и чуваша» явились к великому князю Василию III и прогнали из Казани его старшего сына царя Шигалея⁴⁰. Таким образом, чуваша упоминаются как один из народов, входивших в состав Казанского ханства. Такого же упоминания нет в более позднем известии 1524 г., которое ранее признавалось первым известием, называвшим чувашей их национальным именем. В нем рассказывается о битве русских с казанцами на реке Свияге, когда русские войска «многих князей и мурз и татар и черемису и чувашу избил».

К первой четверти XVI в. относится и первое упоминание о Чувашии как о особой стране. Название страны *Schvuuaij* находим у Герберштейна⁴². Если принять во внимание особенности старой латинской орфографии, мы должны признать, что название страны чувашей дано Герберштейном очень точно, примерно в форме: «Чувай». Никакого сомнения, что речь идет именно о Чувашии, так как эта страна, по Герберштейну, находилась «недалеко от Казани», а чуваша он считал подчиненными казанскому царю. Нет оснований сомневаться и в точности сведений Герберштейна о народах, соседних с чувашами в первой четверти XVI в., так как эти сведения не были его собственным измышлением, а основывались на достоверных известиях русских путешественников. Герберштейном из осведомленных русских источников получено указание Герберштейна на Чувашию как особую страну чувашей как особый народ, ее населявший⁴³.

Одновременное появление в наших источниках названий чувашей и Чувашии нельзя считать чем-то случайным, оно было связано с установлением значения самих чувашей, как одного из наиболее многочисленных народов Поволжья.

³⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 69.

³⁹ «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварский владел ими» (ПСРЛ, XIX, стр. 60).

⁴⁰ ПСРЛ, XXIV, стр. 218.

⁴¹ ПСРЛ, VIII, стр. 270.

⁴² Барон Сигизмунд Герберштейн, Указ. раб., стр. 95.

⁴³ Там же, стр. 145.

народов в Среднем Поволжье, с которым должны были считаться и московские князья и казанские ханы. Как раз ко времени появления чувашей в русских источниках относится построение Васильсурска, основанного 1 сентября 1523 г. при впадении Суры в Волгу, несколько ниже Курмыша. Название Васильсурск утвердилось не сразу. Первоначальное официальное название города было Васильгород, в честь его основателя великого князя Василия III⁴⁴. Однако уже вскоре после основания Васильсурска его стали называть и просто Сурой («крепость, которая называется Сурою») ⁴⁵.

Построению города на Суре придавалось московским правительством большое значение. Для постройки города из Нижнего Новгорода пришли воеводы со многими людьми. «Они же шедша город срубиша и даша ему имя во имя великого князя Василья-город и оставиша в нем воевод многих да и людей с ними» ⁴⁶. Новый городок на Суре имел двойное назначение. Он был передовым русским оплотом на самой границе Казанского ханства, «от безбожных агарян затулием» ⁴⁷, т. е. защитой, и в то время базой для военных действий против казанских татар. Здесь собирались русские войска и касимовские татары во главе с каким-нибудь московским ставленником на казанский престол, как это было с Яналеем в 1531 г ⁴⁸.

В год построения Васильсурска русская судовая рать ходила войной под Казань и заставила казанцев подчиниться «на всей воли государя великого князя» ⁴⁹. От этого похода в первую очередь пострадала Чувашия, так как русские воеводы воевали «в Казанской земли до Цивили» ⁵⁰.

Построение Васильсурска было важной вехой в истории чувашского народа, так как тотчас же за Сурой начинались чувашские поселения. С этого времени в русских источниках перестают уже путать чувашей с мордвой или марийцами. Вопрос же о владении Чувашией становится одним из насущнейших вопросов русской политики на Востоке. К сожалению, наша историческая литература чрезвычайно слабо касается истории Чувашии, рассматривая ее в призме старого представления о «горной стороне» Волги, которая по неизвестным основаниям считается такой же татарской территорией, как и сама Татария. Эта точка зрения, как ни странно, нашла отражение и в современной советской литературе. «В течение пяти лет длилась упорная борьба с народами Среднего Поволжья — татарами, мари, чувашами и удмуртами», — читаем в учебнике «История СССР» для вузов, в рассказе о завоевании Казани ⁵¹. Таким образом, все эти четыре народа оказываются одинаково боровшимися с русским утверждением в Среднем Поволжье, что совершенно не соответствует действительности, так как татары имели свое государство, а чувашаи, марийцы и удмурты были в этом государстве народами подчиненными. В этом и была основная слабость Казанского ханства. Лишившись поддержки покоренных народов, Казань не могла выдержать натиска русских войск.

В настоящее время можно с полным основанием говорить, что отпадение чувашей от Казанского царства произошло ранее построения Свияжска и прихода царских войск в Чувашию. Следовательно, оно

⁴⁴ ПСРЛ, VI, стр. 264; XX, стр. 402.

⁴⁵ Барси Сигизмунд Герберштейн, Указ. раб., стр. 103.

⁴⁶ ПСРЛ, XXIV, стр. 222.

⁴⁷ Там же, VI, стр. 281.

⁴⁸ Там же, XX, стр. 410

⁴⁹ Там же, стр. 403.

⁵⁰ То есть до реки Цивили.

⁵¹ «История СССР», т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Изд. 2-е, ОГИЗ, 1947, стр. 319.

не было действием, вызванным чисто военными обстоятельствами явилось следствием длительных сношений чувашей с русскими.

В сентябре 1546 г. многие татарские феодалы покинули Казань, приехали «служить» великому князю. Это был массовый переход казанских феодалов на службу к русскому царю. Во главе перешедших оказались казанские князья Кулушъ, Бурнаш, Тереул, братья Чюры Нарыва, а всех перешедших князей насчитывалось 76 человек. Напомню тут же, что Бурнаш был тем самым князем со Свияги, которому принадлежали деревни в бассейне этой реки. Прямым следствием этого события был переход всей «горной черемисы» под главенство России. 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горная черемиса, Тугай с товарищи, дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят». Таким образом, на этот раз в Москве появились послы не только татарских феодалов, но и представители горной черемисы, под которыми наши источники, как мы видели это раньше, понимали и чувашей. Тот же зимой русские воеводы ходили воевать казанские места «по горным людям челобитью». Воеводы дошли до устья Свияги, повоевали «казанские места многие» и привели в Москву 100 человек черемисов»⁵².

Таким образом, в 1546 г. горная страна Волги уже отпала от Казани и перешла под власть России. В основном это был переход под власть России именно чувашей, отпадение которых от Казани произошло мирным путем, хотя и под давлением военной московской силы. Быстрое отпадение чувашей от Казанского ханства и переход их под власть России объясняются тем обстоятельством, что чуваша в Казанском ханстве занимали подчиненное положение и ничего не теряли, переходя под власть России. Дальнейшие события показали, что удачные действия против Казани были для русских войск обеспечены благожелательной поддержкой чувашей. В 1548 году русские воеводы встретились с войсками касимовского царя Шигалея на устье реки Цивиль, следовательно, в районе сплошных чувашских поселений, и отсюда повели наступление на Казань.

Переход чувашей и части татарских феодалов, владевших землями на горной стороне Волги, под власть России, был обеспечен, как далее мы увидим, жалованной грамотой и сохранением особого положения чувашских, мордовских и татарских земель. Интересно, что воспоминания о благоприятных отношениях чувашей к русским войскам сохранились и в народных чувашских преданиях. «Говорят, что когда Иван Грозный шел с войском разрушать Казань,— читаем в одной записке устного чувашского предания,— чуваша указывали ему путь-дорогу. Этих чуваш Иван Грозный будто бы награждал большими угодьями земли. Говорят, что в некоторых деревнях были и грамоты с указанием границ отведенных угодий»⁵⁴. Подобные чувашские предания отражают действительно, так как занятие «горной стороны» было бы крайне затруднено без помощи самих чувашей, которые получили от московского правительства ряд привилегий и были спасены от постоянных разорительных татарских экспедиций за ясаком. Действительно, чуваша и другие горные люди, признававшие главенство России, оказали большую помощь русским войскам во время их похода на Казань. Переход через дикое поле прошел благополучно, потому что горные люди «в потребная приношаху, хлеб и мед и говяды, ова же дарованием, инаже продаваху». Поэтому для русского войска «езде станы, стройны

⁵² ПСРЛ, XX, стр. 468.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Запись Семена Сергеева в Буинском уезде Казанской губернии в 1913 г. (общено Чувашским научно-исследовательским институтом языка, истории и литературы).

баху». Немалое значение имело и то обстоятельство, что горные люди заранее построили мосты для русского войска и служили для него проводниками⁵⁵.

4

Построение Свияжска было одной из самых замечательных страниц в деятельности Ивана Грозного и русских инженеров XVI в. До сих пор еще повторяется легенда о некоем немчине Розмысле и иностранных инженерах, которые будто бы были организаторами подкопа под стены Казани. В действительности, главными создателями инженерных работ под Казанью были русские инженеры, применявшие подкопы и взрывы задолго до ее осады. Свияжск был также построен русскими руками и под руководством русского инженера дьяка Ивана Выродкова. Место для новой крепости по совету татарских князей, перешедших на сторону московского правительства, было выбрано на Круглой горе поблизости от впадения реки Свияги в Волгу. Деревянный город в виде городских стен и церквей был срублен в Угличском уезде под наблюдением Выродкова и доставлен на речных судах к Свияге вместе с русскими войсками. Русская судовая рать прибыла в Свияжск 24 мая 1551 г. и в тот же день заложила новый город, который был поставлен в четыре недели. Привезенного города хватило только на половину Круглой горы, другая половина была сделана на месте, «велико бо быше место». Таким образом, в непосредственном соседстве с Казанью оказалась мощная русская крепость⁵⁶.

Построение Свияжска было поворотным моментом в истории русско-казанских отношений, но не могло осуществиться без помощи или, по крайней мере, сноровчателательного нейтралитета со стороны чувашей, составлявших основную массу населения «горной стороны». В наших летописях отсутствует какое-либо указание на враждебные действия чувашей против русских во время построения Свияжска. Наоборот, русские документы представляют дело так, как будто чувашаи стали бить челом, «видев то, что город царя православного стал в их земле». Но мы видели уже ранее, что горные люди били челом московскому царю еще задолго до построения Свияжска, которое только ускорило присоединение чувашей к Русскому государству.

Вскоре после построения Свияжска в Москву пришли послы «от всее горние стороны, от князей и от мурз и сотных князей и десятных, и чувашей и черемисы и казаков, чтобы государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжского города быти»⁵⁷. В ответ на посольство государь пожаловал, «взял их к своему Свияжскому городу». Смысл этой фразы заключается в том, что московское правительство признало «горную сторону» самостоятельной областью от Казанского ханства, центром которой сделался новый город Свияжск или Иван город, как его первоначально называли. Между тем такое признание возможно было осуществить только потому, что «горная сторона» в сущности не была татарской, а имела смешанное население, среди которого татары явно отступали на второй план по сравнению с чувашами, марийцами и мордвой. Что царское правительство ориентировалось именно на чувашей, видно из того, что в царском ответе на посольство «горной стороны» на первом месте, как мы это видели, были поставлены чувашаи, а не черемисы, тогда как о татарах даже не упоминается.

Поддержка чувашей и других народов, населявших горную сторону Волги, была обеспечена большими льготами, которые предоставило им

⁵⁵ ПСРЛ, XIII, стр. 496.

⁵⁶ Там же, XX, стр. 480—481.

⁵⁷ Там же, стр. 481.

московское правительство. Важнейшим из них было выполнение пр г бы, чтобы «государь в ясаках полегчил». Население горной стор З было освобождено от платежа ясака на три года. Послы горной ст к ны были осыпаны дарами, а царские пожалования горной стороне г тверждены жалованной грамотой за золотой печатью⁵⁸, после е горные люди приведены были к присяге на верность царю Ивану. лованная грамота горной стороне не сохранилась, но можно предп гать, что одним из ее условий было сохранение за чувашами и друг горными людьми их земель. По крайней мере, и после завоеван Казани бортные ухажай в лесах и бобровые гоны оставались во с дении только татар, черемисов и чувашей, а не принадлежали р ским крестьянам⁵⁹.

Московское правительство не жалело никаких средств для привл ния на свою сторону населения горной стороны. «Горние же лм ездили ко государю во все лето человек по пятисот и по шtisот, а г дарь их жаловал великим жалованьем, кормил и поил у себя за с лом, князей и мырз и сотных казаков жаловал шубами з бархаты з лотом, а иным чюваше и черемисе камчаты и атласные, а молок однорятки и сукна и шубы белии, а всех государь пожаловал доспех конми и деньгами»⁶⁰. Летописец добавляет, что царь жаловал горн людей «паче же своих воинов». Что в данном случае пожалова давались не только или, вернее, не столько татарским феодалам, п ишедшим на сторону русского правительста, сколько чувашам, видн того, что летописец всегда на первом месте упоминает чувашей. В эти замечательные места, показывающие истинное значение, ка придавалось русским правительством привлечению на свою сторону первую очередь чувашей. «И чювашу и черемису и мордву и можа и тарханов привели к правде», т. е. к присяге. В этом перечислен народов горной стороны, среди которых выделены и тарханы как о бая группа населения, впрочем, не этнического порядка, чуваша выс пают под своим национальным именем. «И горные люди, чюваша черемиса, дрогнули и побежали», — читаем далее о неудачном набс горных людей на Казань. «Чюваше и черемисе» давались дары, гов рится далее в рассказе о царских пожалованиях⁶¹. Замечательн всего, что это почетное положение чувашей подчеркивается и в док ментах, относящихся к самому Казанскому ханству. В челобитной гр моте, поданной Ивану IV от имени Казанского ханства, после длите ного перечисления различных казанских чинов названы и народы, по чинявшиеся Казани: «и чюваша и черемиса, и мордва и тарханы и ж жары и вся земля Казанская»⁶². Опять чуваша поставлены на перв место.

Таким образом, мы имеем право говорить не о завоевании Чуваш Россией, а о присоединении чувашей к Русскому государству, котор имело важное значение для истории всего Среднего Поволжья, прак чески решив судьбу Казанского ханства. Для чувашей вхождение в состав Русского государства обеспечило временное облегчение от тя ких ясаков, собираемых казанскими феодалами, а также относите ную безопасность от татарских набегов. Этим объясняется дальнейш участие чувашей на стороне русских в борьбе против Казани. В св очередь казанцы не могли примириться с потерей горной стороны и «

⁵⁸ ПСРЛ, XX, стр. 481.

⁵⁹ «Бортные ухажья в лесах и бобровые гоны в реках во всех Свияжском уе татарские и черемисские и чувашские, а за крестьяны бортных ухажьев и бобро гонов не было» (Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уе 1565—1567 г.г., Казань, 1909, стр. 65).

⁶⁰ Там же, стр. 482.

⁶¹ ПСРЛ, XX, стр. 482.

⁶² Там же, стр. 484.

горную сторону стали войною приходить и отводить их от государя». Эти попытки вызвали решительный отпор горных людей, разбивших казанские отряды⁶³.

Конечно, переход чувашей под главенство России не проходил вполне безболезненно. Уже в 1552 г., незадолго до взятия Казани, стали приходить известия, что горные люди волнуются и сносятся с Казанью, отряды горных людей появились даже под Свияжском и отогнали русские стада⁶⁴. Воеводы предприняли поход против «горных изменников» и разорили их села⁶⁵. Из летописи, впрочем, неясно, где находились села восставших горных людей и кого надо понимать под этим общим наименованием. Во всяком случае восстания горных людей не получили большого распространения. Наоборот, в числе русских войск, бравших Казань в 1552 г., найдем третий полк, в котором были многие горные люди, в том числе черемисы и чувашы⁶⁶.

5

После присоединения Казанского ханства к России новый город Свияжск получил значение основного центра на горной стороне Волги. Писцовая книга Свияжска и его уезда 1565—1567 гг. рисует перед нами очень большой для середины XVI в. русский город со значительной торговлей и ремесленным населением. Этот торгово-ремесленный характер становится понятным, если вспомнить, что Свияжск был фактической столицей всей горной стороны. Взаимоотношения обеих сторон, горной и луговой, были установлены Иваном Грозным вскоре после взятия Казани уже в 1553 г.: «горним людем всякую управу велел чинити в Свиязском городе, а луговым и Арским велел управу в Казани чинити». Таким образом, территория Казанского ханства была разделена на два равноправных воеводства. Эта равноправность свияжских воевод с казанскими была подчеркнута постановлением о совместном суде при столкновениях горных людей с луговыми: «а о смесных делах горним с казанскими государь велел ссылатися воеводам казанским с свиязскими и свиязским с казанскими»⁶⁷.

Особое положение горной стороны сохранилось, повидимому, до конца царствования Ивана Грозного. По крайней мере завешание Ивана Грозного рассматривает луговую и «нагорную» сторону Волги как особые владения. Грозный дает своему наследнику царевичу Ивану Ивановичу «город Казань с Арскою стороною и с побережною стороною и с луговою стороною... что было изстари к Казанской земле потягло при прежних царех». Что касается «горной стороны», то Иван IV рассматривал ее в том же завещании как особую землю. «А что есмь с божию помощию поставил город на Свиязе, на нагорной же поставил есьми на Чебоксаре город, и яз городом Свияжским и городом Чебоксарским благославляю сына же своего Ивана, и даю ему город Свияжский, город Чебоксарской, со всею горною стороною, и со всею Чувашею и Черемисою и с Мордвами, и с их вотчинами и с рыбными ловлями и со всеми пошлинами, как ми бог дал горную сторону к Свияжскому и к Чебоксарскому городу»⁶⁸.

Однако уже вскоре после завоевания Казани стало выясняться, что Свияжск как крупный торговый пункт не имеет будущности вследствие

⁶³ ПСРЛ, XX, стр. 493.

⁶⁴ Там же, стр. 495.

⁶⁵ Там же, стр. 512.

⁶⁶ Там же, стр. 514.

⁶⁷ Там же, стр. 533.

⁶⁸ Дополнение к Актам историческим, т. 1, № 222, стр. 384 (завешание Ивана Грозного). Это постановление, между прочим, доказывает подлинность завещания Грозного, его не мог выдумать позднейший подделыватель.

своей близости к Казани. К тому же после утверждения в Поволжской русской власти в Поволжье отпала необходимость иметь большую крепость в непосредственной близости к Казани. Новый город расположен в отдалении от главного сгустка чувашских поселений, группировавшихся в бассейне реки Цивили. Уже вскоре после построения Свяжска выяснилось, что жившие на реке Цивиле «верхние» не ездят в город на Свягу не ездят»⁶⁹. Поэтому между 1552 и 1557 гг. построен город Чебоксары, вероятно, на базе старого чувашского поселения, так как о Чебоксарах упоминается в летописи еще под 1469 г. Во всяком случае Чебоксары уже существовали в 1557 г., когда упоминаются рядом с Казанью и Свяжском. В дальнейшем Чебоксары и сделались тем центром, откуда шло управление Чувашией. На первых порах русские поселения группировались поблизости от Волги, в районах Чебоксар и Свяжска. Только в конце XVI в. был построен Ядринск, это был «город в Черемисе Цивилской»⁷¹. Его основание в 1590 г. было результатом большого строительства укрепленных городов в Среднем Поволжье, предпринятого в последние годы царствования Федора Ивановича.

Вслед за утверждением господства России в Поволжье в Чувашии стали проникать русские помещики. О том, как русские помещики начали утверждаться на новых землях в Среднем Поволжье, дает пописовая книга по Свяжску, составленная в 1565—1567 гг. Чувашские земли были оттеснены со своих земель на худшие земли, и в Чувашии устанавливались крепостные порядки, характерные и для самой России.

6

Оценивая положение Чувашии до и после ее присоединения к России, мы приходим к выводу, что присоединение чувашей к России было явлением прогрессивным. В качестве одного из народов, подчиненных Казанскому ханству, чуваша не имели путей для своего развития. Этот путь развития лежал перед ними только в союзе с русским народом. Тяжелый колониальный гнет, который испытывала Чувашия в царской России, был общей участью всех народов, подчинявшихся царизму. Чувашский народ совместно с русским боролся против царизма. «Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи», — указывает И. В. Сталин в своей работе «Об основах ленинизма»⁷².

⁶⁹ ПСРЛ, XX, стр. 494.

⁷⁰ Там же, стр. 280.

⁷¹ См. М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в. Исторические записки, т. 10, стр. 94. Возможно, что к этому же времени относится и построение Ядринска.

⁷² И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 147—148.



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

1

В составе современных социалистических наций есть два основных класса: класс рабочих и класс крестьян. Первая статья Сталинской Конституции гласит: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян»¹. Очевидно, что без глубокого знания культуры и быта рабочего класса нельзя составить полное представление о культурных особенностях любой социалистической нации. К русской социалистической нации это относится в первую очередь. Русский рабочий класс (как и рабочий класс СССР в целом) в настоящее время принципиально отличается от старого дореволюционного рабочего класса (пролетариата). Это — «совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества», класс, «утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма»². А изучение конкретных форм строительства коммунизма, изучение зримых черт коммунизма в жизни народов Советского Союза — это боевая, почетная и одна из самых важных задач советских ученых, в частности этнографов.

Институт этнографии Академии Наук СССР организовал в начале 1950 г. (январь — март) обследование культуры и быта русских, в частности московских рабочих.

Главной целью предпринятой работы было выявление новых культурно-бытовых особенностей русского рабочего класса, сложившихся в советскую эпоху на базе строительства социализма и закладки основ коммунистического общества. В связи с этим перед работниками Института этнографии встала задача изучения такого характерного явления нашей эпохи, как выработка творческого, социалистического отношения к труду на основе животворящего советского патриотизма. Работники Института должны были также показать коренную перестройку в совет-

¹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик, ст. I; ср. также И. Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1946, стр. 525—527.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 511.

скую эпоху всего производственного, общественного и семейного бытия рабочих, неуклонный подъем их материального благосостояния. В процессе этой перестройки и в быту, и в общественной жизни, и в культуре, в строительстве складывается новый, советский образ жизни, коренным образом отличающийся от пресловутого «американского» и вообще буржуазного образа жизни в странах загнивающего капитализма. Вместе с этим формируется и новое, социалистическое сознание, сознание активного строителя бесклассового общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Задача советских этнографов состоит, конечно, не только в том, чтобы зафиксировать и описать эти явления, но чтобы показать, изучая их, борьбу нового со старым, борьбу с пережитками умирающего буржуазного быта, с пережитками капитализма в сознании людей.

Хорошо известно, что товарищ Сталин указывал на борьбу старого и нового, как на одну из характернейших особенностей советской жизни. «Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не просто умирает просто, а борется за свое существование, отстаивает свое жившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а питается, кричит, отстаивая свое право существования.

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития»³.

Это сталинское положение стало руководящим и для практической работы советских этнографов. Не простая регистрация фактов, а анализ их с точки зрения вскрытия борьбы старого и нового и побед этого нового, не замалчивая, конечно, и существующих недостатков — так может быть сформулировано ведущее методическое положение, которым сотрудники Института этнографии руководствовались во время обследования культуры и быта русских рабочих.

В качестве объектов этого обследования были выбраны различные группы русских рабочих в Москве и в Ленинграде, в Московском угольном бассейне и на Урале, в Запорожской области УССР и в некоторых районах Башкирии. В самой Москве работа была развернута в первую очередь среди рабочих завода имени Сталина — одного из крупнейших автомобильных заводов Советского Союза, представляющего собой подлинное детище сталинских пятилеток. Завод этот, праздновавший в прошлом году 25-летний юбилей, ведет свою историю с 1924 г., когда были выпущены первые советские автомобили. То, что предшествовало, — так называемое «Автомобильно-моторное объединение» (АМО) на основе мастерских Рябушинского — не имеет ничего общего с современным заводом имени Сталина (ЗИС), которым с правом гордится вся наша страна. В настоящее время ЗИС представляет собой грандиозное комплексное предприятие, в состав которого входит свыше 80 различных цехов и филиалов. Другим объектом этнографических работ была Трехгорная мануфактура — Трехгорный текстильный комбинат имени Феликса Дзержинского, — одно из самых старых текстильных предприятий России, основанное еще в 1799 г. В прошлом году оно справляло свой 150-летний юбилей. Вся работа по изучению культуры и быта рабочих проводилась под общим руководством автора настоящей статьи. На московских предприятиях обследование вели сотрудники Института этнографии Д. В. Найдич, Н. М. Стова, Б. Г. Гершкович и И. В. Захарова.

Настоящая статья построена на материалах завода им. Сталина — комбината Трехгорной Мануфактуры.

³ И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Соч., т. 10, стр. 331.

2

Значительную часть своей жизни, всей своей деятельности советские рабочие проводят на производстве, с которым они теснейшим образом связаны и которое оказывает могучее влияние на их общественную и семейную жизнь. Пройти мимо изучения производственной жизни рабочих этнографы, естественно, не могут, хотя она интересует их не со стороны ее технологии, а со стороны ее общественного и идейного содержания, так как в процессе самого производства складываются новые, социалистические отношения между людьми. Большой интерес для этнографов представляет, конечно, и изучение условий и организации труда, производственных отношений в широком смысле слова.

Отношение рабочих к средствам труда, к средствам производства изменилось с первых же лет советской власти, когда рабочий класс стал хозяином страны, стал у горнила власти. «Наш рабочий класс,— указывает товарищ Сталин,— не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом»⁴. Эта характерная черта — хозяйское отношение рабочих к заводам и фабрикам, ставшим достоянием всего народа и его социалистического государства,— красной нитью проходит через всю деятельность рабочих коллективов советских предприятий, в том числе и завода имени Сталина и Трехгорной мануфактуры. Начало истории обоих этих предприятий в послеоктябрьскую эпоху связано с патриотическими мероприятиями рабочих, отражающими сознательное отношение к интересам производства, как к своему родному кровному делу.

На Трехгорной мануфактуре в тяжелые годы гражданской войны (1918—1921), когда молодое Советское государство было окружено врагами и испытывало большие экономические затруднения, по инициативе самих рабочих была проведена к фабрике железнодорожная ветка. Прохоров, владевший Трехгорной мануфактурой до Октябрьской революции, неоднократно пытался построить такую ветку, но так и не довел дела до конца. Рабочие же в исключительно тяжелых условиях первых лет советской власти без всякого принуждения проложили ветку. Это было подлинное патриотическое движение, охватившее текстильщиков Трехгорной мануфактуры, почувствовавших себя хозяевами страны, хозяевами своей фабрики, активными участниками строительства новой жизни. Большую роль в строительстве ветки (как и вообще в жизни Трехгорки того времени) сыграли общественные рабочие субботники, в которых В. И. Ленин видел первые «ростки коммунизма»⁵.

На заводе имени Сталина на заре его существования также развернулось патриотическое движение за выпуск первого советского автомобиля. Рябушинские, владевшие АМО до Октября, так и не смогли наладить в своих мастерских производство автомобилей. А простые русские рабочие, когда они стали хозяевами предприятия, в короткий срок подготовили выпуск первых 10 советских автомашин, которые на Октябрьской демонстрации 7 ноября 1924 г. торжественно прошли по Красной площади. Это — дата, с которой ЗИС ведет свою историю, хотя имя великого Сталина было присвоено ему позднее, когда в годы сталинских пятилеток он был дважды коренным образом реконструирован (в 1929—1931 и в 1935—1937 гг.).

Резко изменились и самые условия труда рабочих в советскую эпоху. Здесь сказалась в первую очередь повседневная забота партии и правительства об организации производственного быта. Законом стал восьмичасовой рабочий день. И на ЗИС и на Трехгорной мануфактуре работа проводится в три смены с еженедельным выходным днем. Заслу-

⁴ И. Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Вопросы ленинизма, стр. 511.

⁵ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 345.

живает внимания одна деталь: ночная смена работает не восемь, а семь часов. Таким образом, самый график рабочего дня построен с учетом более трудных условий работы в ночное время. Еженедельно происходит передвижка смен, так что больше шести дней подряд рабочие не работают. Рационально организованы обеденные перерывы. На заводе имени Сталина перерыв часовой; на Трехгорной мануфактуре 20-минутный. Однако на обоих предприятиях рабочие вполне успевают пообедать в это время, так как здесь же, при цехах, существуют столовые.

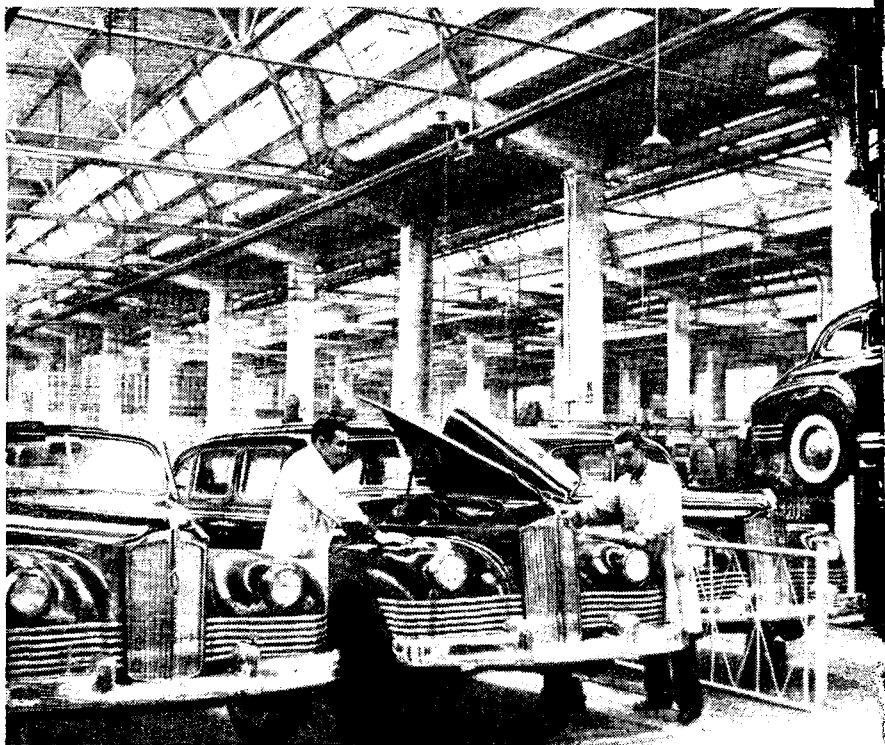


Рис. 1. В цехе сборки легковых автомашин завода им. Сталина

вые. На заводе имени Сталина в цехах работает 21 столовая и 46 кафетериев. Имеются отдельные столовые и на Трехгорной мануфактуре на каждой из трех основных фабрик: ткацкой, прядильной и отделочной или ситценабивной. В цеховых столовых светло, чисто и уютно. Столы покрыты белыми скатертями или клеенками. Нередко можно встретить здесь и цветы. Меню обедов разнообразно, оно рассчитано на различные вкусы и различные материальные возможности. Для рабочих горячих цехов и вредных производств (например, для красковаров и грунтовальщиков на Трехгорной мануфактуре) организована дополнительная бесплатная выдача молока.

Забота об условиях труда проявляется и в другом. Везде на предприятиях мы видим душевые установки. После работы рабочие могут принять душ и прийти домой чистыми, вымывшимися; существуют шкафчики для индивидуального хранения платья. Во многих цехах завода имени Сталина рабочий, придя на работу, снимает свое платье и надевает прозодежду. Особое внимание обращено на снабжение специальной одеждой из брезента, прорезиненных или хлопчатобумажных тканей, а также мылом для поддержания гигиены труда. Очень интересно, что в настоящее время в цехах сборки на ЗИС рабочие работа-

в белых халатах (см. рис. 1). Здесь ярко сказывается внимание к самой обстановке работы, забота о культуре производства.

Большую роль в непрерывном улучшении условий труда играет также медицинское обслуживание рабочих, происходящее частично на самом производстве. И на заводе имени Сталина, и на Трехгорной мануфактуре развернута сеть цеховых здравпунктов, находящихся под



Рис. 2. В читальне цехового профилактория завода им. Сталина

постоянным наблюдением специальных цеховых врачей. На ЗИС работают также 5 профилакториев санаторного типа. На Трехгорной мануфактуре в цехах существуют санитарные узлы, в состав которых, помимо умывальных, уборных и душевых, входят специальные женские комнаты, где работницы-текстильщицы могут найти все необходимое для поддержания личной гигиены женщины. Есть при предприятиях и центральные поликлиники, оборудованные по последнему слову медицинской науки: в поликлинике ЗИС, например, около 100 различных кабинетов, в которых работают 250 человек медперсонала (из них — 100 врачей). Имеется при заводе и больница на 110 коек.

Непрерывно производится также улучшение самих рабочих помещений, связанное с целым рядом переоборудований и перестроек. Здесь между заводом имени Сталина и комбинатом Трехгорной мануфактуры существует известное различие. ЗИС — детище советской эпохи, и просторные, светлые помещения его цехов сразу строились так, чтобы рабочим было удобно и безопасно работать. Трехгорка же получила в наследство от Прохоровых старые корпуса, лишенные вентиляции, тесные рабочие помещения с узкими проходами между станками, которые совсем не были ограждены. Здесь пришлось все коренным образом переоборудовать, так как самые фабричные здания остались старыми. Огромное внимание было обращено на переустройство вентиляции. Для текстильного производства характерны запыленность и повышенная влажность воздуха, вредно отражающиеся на здоровье рабочих. С первых же лет советского периода развернулась планомерная борьба с этими отрицательными явлениями. Во всех цехах были установлены мощные приточно-вытяжные вентиляторы, очищающие воздух. В последние годы (1948—1949) над отдельными машинами произведена установка специальных приспособлений для вытяжки пыли (так называемых «энегаустеров»). В проведении этих мероприятий активное участие принимали сами рабочие, по инициативе которых были внедрены многие рационализаторские предложения, связанные с усовершенствованием вентиляционной системы.

Неменьшее значение для улучшения условий труда на Трехгорной мануфактуре имеет также борьба с сотрясением полов, происходящим от ритмичного действия многих станков. Сотрясение это вредно отражается на состоянии здоровья рабочих, особенно на их нервной системе, вызывая всякого рода невроты и другие заболевания. В настоящее время происходит укрепление междуетажных перекрытий без остановки производства. В это дело тоже активно включились сами рабочие. В пробном, ткацком, печатном и некоторых других цехах, где при работе требуется значительное напряжение зрения, установлены в 1949—1950 гг. лампы дневного освещения. Большое значение имеет также работа по ограждению машин, которая вместе с другими мероприятиями по охране труда привела к тому, что в 1948—1949 гг. на Трехгорной мануфактуре не произошло ни одного несчастного случая в связи с производством. В настоящее время на ситценабивной фабрике заканчивается оборудование новой красковарки — просторного, светлого помещения с специальной вентиляцией и закрытыми чанами новой конструкции для варки красок. Новая красковарка, как небо от земли, отличается от старой — низкой и темной, насыщенной туманом едких испарений. Нечетвереди стоит коренное переоборудование других цехов комбината.

Большие работы по улучшению условий труда проводятся и на заводе имени Сталина. Только в 1949 г. здесь было осуществлено около 1400 различных мероприятий по усовершенствованию вентиляции, по установке подъемных механизмов для переноски тяжестей, по организации прожекторного освещения, по ремонту и переоборудованию бытовых помещений в цехах и т. д.⁶ Характерно, что на заводе имени Сталина мероприятия эти еще в большей степени, чем на Трехгорной мануфактуре, сочетаются с механизацией производственного процесса с разгрузкой рабочих от тяжелого физического труда. Особенно показателен в этом отношении главный конвейер завода, на котором производится окончательная сборка автомашин. Наблюдая работу конвейера, можно наглядно убедиться не только в торжестве передовой техники, но и в ритмичности и слаженности коллективного труда советских людей, овладевших этой техникой.

⁶ Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени автозавод имени Сталина. Коллективный договор на 1949 г., М., 1949, стр. 40—49.

Несомненно огромная роль перечисленных мероприятий в процессе перестройки всего производственного быта московских рабочих, в создании новых стимулов для творческой инициативы широких масс трудящихся. Очевидно, ведь, что когда работать удобно, то и сама работа идет лучше. Неуклонное улучшение рабочей обстановки занимает не последнее место в характерном для советского периода превращении руда из проклятия, которым он был при капитализме, в дело чести, доблести и геройства. Не случайно многие рабочие завода имени Сталина и Трехгорной мануфактуры идут на работу, как на праздник, стараясь чисто и опрятно одеться. Так, например, молодой мастер Клара Лебникова (ЗИС) всегда отправляется на завод в чистом, хорошем платье: в цех она приходит за 30—40 минут до начала смены, чтобы проверить состояние рабочих мест и помочь работницам наладить станки. В этих новых чертах производственного быта очень ярко сказывается сознательное, социалистическое отношение передовых советских рабочих к своему труду, их разносторонняя творческая инициатива.

3

Основной ячейкой производственной жизни рабочих в СССР является рабочая бригада, которая в том виде, как мы ее знаем в настоящее время, сложилась только в советскую эпоху и должна рассматриваться в качестве первичной организационной единицы крупного социалистического производства. Размеры бригад на заводе имени Сталина и на Трехгорной мануфактуре очень разнообразны и зависят главным образом от характера производства в тех или иных цехах, а также от производительности труда самих членов бригады. Так, например, на ткацкой фабрике комбината имени Дзержинского бригада по типовым уплотненным нормам должна обслуживать 44 станка. Если каждая ткачиха работает на 6 станках, то в бригаде оказывается 7—8 человек; если же работница обслуживает большее число машин, то и число членов бригады уменьшается. Бригады многостаночниц состоят всего из 3 ткачих и бригадира.

Отношения между рабочими внутри бригад строятся на основе товарищеской взаимопомощи, которая в бригадах стахановцев — передовиков производства — переходит в настоящее творческое содружество. Содружество это ярко проявляется в той повседневной помощи, которую оказывают более опытные рабочие молодежи, недавно пришедшей на производство. Лучшие стахановцы завода имени Сталина и Трехгорки уделяют много времени работе с молодыми членами своих бригад, способствуя их производственному, общественному и культурному росту. Содружество, возникшее в процессе труда, часто сохраняется и за пределами завода или фабрики, служа основой прочной и длительной дружбы. Ближайшие друзья или подруги нередко бывают членами одной производственной бригады. Знатная ткачиха Трехгорной мануфактуры, депутат Верховного Совета СССР, Александра Штырова, например, недавно обучила и подготовила молодую стахановку Клавдию Желтову, которая в настоящее время работает вместе со Штыровой в бригаде лауреата Сталинской премии Владимира Ворошина. Обоих многостаночниц связывает крепкая дружба.

Значительную роль в жизни бригады играет бригадир, планирующий и направляющий ее повседневную производственную деятельность, ведущий, как правило, большую воспитательную работу среди своих однобригадников. Велико также значение в этой работе мастеров и их помощников. Можно привести немало ярких примеров заботы низовых руководителей производства о трудовой подготовке своих младших товарищей. Так, например, т. Сударикова — наладчица цеха шасси

на заводе имени Сталина,— проработав 18 лет, подготовила около 20 квалифицированных шлифовщиц, многие из которых стали в настоящее время передовиками производства. В числе ее учениц Валентина Морозова, которая пришла на завод из деревни без всякой квалификации. Если в старое время мастера и квалифицированные рабочие большим трудом делились своими производственными секретами, держали их про себя, то в настоящее время они сами стремятся передать эти «секреты» молодым рабочим, гордятся количеством и качеством подготовленных учеников, заботятся об их дальнейших трудовых успехах. Один из знатных людей завода имени Сталина Кондратий Осипович Ласунин, работавший в мастерских АМО до 1917 года, рассказывает, с каким огромным трудом он учился. Мастер не открывал ему производственных секретов, и до всего ему приходилось доходить самому. В настоящее же время К. О. Ласунин сам стал мастером одного цеха, подготовил большое число молодых рабочих и с гордостью рассказывает об их производственном росте.

В самих бригадах под руководством коммунистов, комсомольцев передовиков производства ведется активная борьба с пережитками капитализма в сознании людей, с отношением к труду, как к своему частному, личному делу. Отстающим и не выполняющим плана бригады и мастера помогают наладить работу. Суровому коллективному осуждению подвергаются на совещаниях бригады еще встречающиеся иногда прогульщики, лентяи, вообще все недобросовестно относящиеся к труду. Воспитательная работа внутри бригады направлена, в частности, и на то, чтобы полностью уничтожить эти пережиточные явления, нетерпимые среди советских людей. Не следует, конечно, противопоставлять отдельные («свои») бригады всему рабочему коллективу, как это делают еще в единичных случаях отстающие рабочие. Бригада входит в состав фабрично-заводского коллектива, а не противостоит ему; интересы бригады всегда совпадают с интересами производства в целом, с интересами рабочего коллектива, что не мешает ей оставаться основной организационной ячейкой производственного процесса.

Огромную роль в производственной жизни предприятия играют передовики производства. Социалистическое соревнование, начавшееся в годы сталинских пятилеток, в настоящее время в самых разнообразных формах охватывает большинство рабочих. Относительное число соревнующихся на Трехгорной мануфактуре превышает 90 %, на заводе имени Сталина достигает 97 %. Формы социалистического соревнования разнообразны. К ним относятся: соревнование индивидуальное, бригадное, цеховое; соревнование между отделами фабрики или завода; соревнование между фабриками и заводами в целом, индивидуальное соревнование между стахановцами различных предприятий, основанное на персональных вызовах, и др. Можно смело сказать, что социалистическим соревнованием охвачены все производственные звенья с самого низу. И на заводе имени Сталина и на Трехгорке развертывается борьба за знамя передовиков производства, за знамя лучшего отдела, лучшего цеха, лучшей бригады. Немалую роль играет и соревнование за почетные звания, которые прочно вошли в производственный быт рабочих, в их трудовую жизнь. На Трехгорной мануфактуре — звание лучшей ткачихи, лучшей прядильщицы, лучшего раклеста в ткацком цехе ситценабивной фабрики и т. д. Аналогичные звания есть и на заводе имени Сталина. Весьма разнообразно и содержание социалистических обязательств. Однако ведущее место в них занимает борьба за повышение производительности труда, за прекращение использования устаревших норм, за культуру производства, за выпуск продукции только отличного качества.

С социалистическим соревнованием тесно связано и движение ударников, которое возникло еще в первую сталинскую пятилетку. Удар-

существуют и сейчас. Но вот, например, на заводе имени Сталина их только 19%. В чем дело? Эта цифра может показаться поразительно маленькой. А дело в том, что для большинства рабочих ударничество уже пройденный этап движения передовиков производства. Большинство рабочих перешло к высшей его ступени — к стахановскому движению. На многих предприятиях сложились даже своеобразные «показатели» для различения ударников и стахановцев. На ЗИС, например, если рабочий хорошо работает, перевыполняя план до 30%, его считают ударником, а если он перекрывает и эти 30%, ведет неуклонную борьбу за повышение производительности труда, за выпуск продукции отличного качества, он переходит в следующую категорию передовиков производства — в категорию стахановцев, которых на заводе 59% (на Трехгорной мануфактуре их немногим более 50%). Очевидно, что движение ударников и стахановцев могло возникнуть и развиваться только в процессе строительства социализма на основе небывалого размаха творческой инициативы самих трудящихся масс.

Еще в 1935 году И. В. Сталин указывал, что «стахановское движение является в основе своей глубоко революционным». «Его значение состоит еще в том, что оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму»⁷. На наших глазах слова вождя претворяются в жизнь. Строительство коммунизма в СССР действительно нельзя понять без глубокого изучения стахановского движения, пронизывающего всю производственную жизнь современных советских рабочих. В настоящее время оно вступает в новую фазу своего развития: осуществляется постепенный переход от индивидуального стахановского движения к коллективному. В 1949—1950 гг. переход этот стал одним из самых характерных явлений производственной жизни и на московских предприятиях, где в широких масштабах развернулась борьба за стахановские бригады, за стахановские цехи, за стахановские заводы и фабрики. На заводе имени Сталина первым добился звания стахановского литейный цех № 3. В настоящее время это звание присвоено также цеху «Мотор-1» и Карбюраторному заводу — филиалу. В дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР на коллективную стахановскую работу перешел и цех «Задний мост».

Существенное значение в стахановском движении имеют также стахановские вахты, которые организуются обыкновенно в дни подготовки к всенародным праздникам или большим общественно-политическим событиям в жизни страны. Особенно большой размах получила организация стахановских вахт в дни празднования 70-летия товарища Сталина и в дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, когда на определенный период времени не только отдельные бригады, но и целые цехи завода имени Сталина и Трехгорной мануфактуры переходили на стахановскую работу. Во время стахановских вахт обычно выявляются новые передовики производства, новые лучшие люди на предприятиях.

4

Конкретные виды и формы стахановского движения очень разнообразны. Большую роль играют здесь хозрасчетные бригады, которые все больше и больше внедряются в жизнь московских предприятий. На заводе имени Сталина таких бригад в начале 1950 г. было уже около 300; на Трехгорной мануфактуре перешли на хозрасчет все бригады ткацкой и прядильной фабрик. Не меньшее место в производственной жизни московских рабочих занимает движение за выпуск продукции отличного качества. Движение это, развернувшееся по почину

⁷ И. Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Вопросы коммунизма, изд. 11-е, М., 1946, стр. 494—495.

знатного мастера Краснохолмского камвольного комбината Александ Чутких, в настоящее время стало подлинно массовым. На заводе имени Сталина в начале 1950 г. было уже около 350 бригад отличного качества и 11 участков, имеющих такое же почетное звание. Все они регулярно перевыполняют производственный план, выпускают продукцию только высшего сорта и ведут борьбу за экономию металла и инвентария. Лучшие бригады завоевали право клеймить свою продукцию особым клеймом, которое представляет собой пятиконечную звезду с

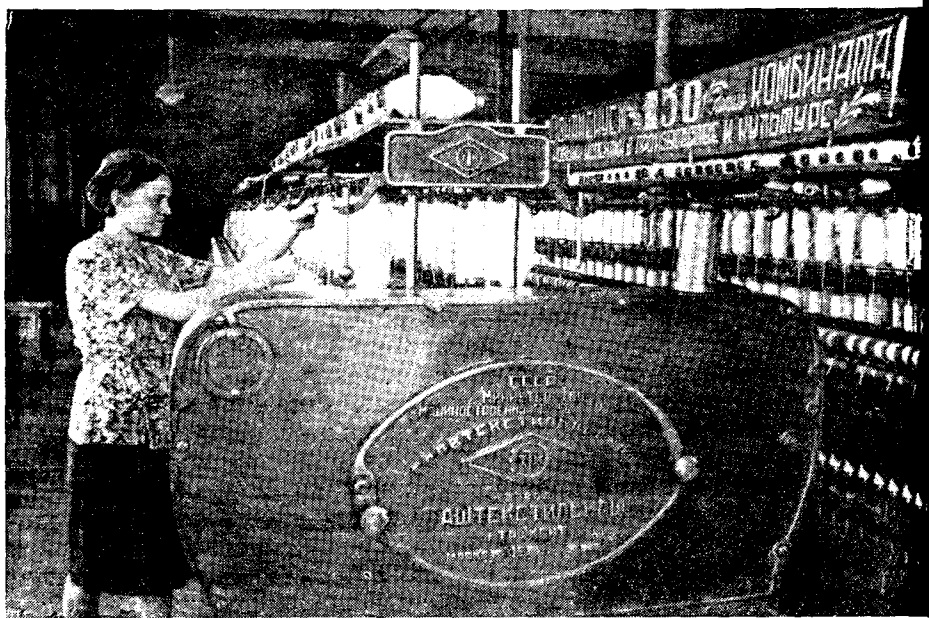


Рис. 3. На прядильной фабрике комбината Трехгорной мануфактуры. Знатная прядищица, депутат Краснопресненского районного Совета А. П. Смирнова за работой.

буквой фамилии бригадира. На Трехгорке звание бригад отличного качества за февраль текущего года было присвоено 148 коллективам, выпускающим максимальный процент тканей 1-го сорта (не менее 96—97 %).

Текстильщицы Трехгорки одни из первых подхватили также поручение ткачихи Марии Волковой — перейти на обслуживание большего, чем прежде, числа станков. Уже в 1946 г. А. Штырова и З. Мещерякова начали работу на 16 станках каждая (вместо 6, предусмотренных типовым уплотнением). По инициативе В. Ворошина была создана бригада многостаночниц, которая взялась обслуживать 48 ткацких станков вместо 44. В настоящее время в эту прославленную «воршинскую» бригаду, известную всему СССР, входят лучшие ткачихи комбината: А. Штырова, М. Графова и К. Желтова. По их примеру созданы другие бригады многостаночниц: на 16 станках уже работают в настоящее время 20 ткачих; прядильщицы берут 8 «сторонков» вместо 6, многостаночницы — 2 или 3 машины вместо одной. Главные принципы работы многостаночниц: строгое планирование труда, хорошее знание своей машины и ее технологических возможностей, быстрота и рациональность отдельных операций. Осуществление этих принципов возможно, очевидно, только при творческом, инициативном отношении к своей работе, при гармоническом сочетании умственного и физического труда, т. е. при тех качествах, которые характерны для активного строителя комму-

стического общества, для передового советского человека. Зримые черты коммунизма в производственной жизни выступают здесь очень ясно.

Огромный размах в настоящее время получило движение за культуру производства, развернувшееся по инициативе знатного стахановца Трехгорной мануфактуры, помощника мастера Владимира Ворошина, которому за его рационализаторские предложения была присуждена в 1949 г. Сталинская премия. Ворошин и его последователи объявили беспощадную борьбу с грязью и неряшливостью на производстве, с безалаберной организацией труда, с нерациональным расходом материалов. За две недели после выступления Ворошина на Трехгорке было внесено свыше 500 предложений, направленных на повышение



Рис. 4. Инициатор движения за культуру на производстве лауреат Сталинской премии Владимир Ворошин дает указания одной из лучших ткачих «Трехгорки» Зинаиде Чигарьковой

культуры производства. Коренным образом перестроено «масляное хозяйство», вызывавшее прежде большую загрязненность и причинявшее немало хлопот рабочим. Результатом этой перестройки была не только образцовая чистота в цехах, но и значительная экономия масла (8 т за 1949 г.). В борьбе за культуру производства было обращено внимание и на фабричный двор: его очистили от хлама, разбили скверы, насадив яблони, кусты сирени и жасмина, поставили скамейки для отдыха. Чище и уютнее стали выглядеть и сами рабочие помещения в цехах, цеховые красные уголки, столовые и буфеты. Повышенные требования предъявляют «ворошинцы» и к внешнему виду рабочих: к опрятности их одежды, к чистоте рук. Все эти меры способствуют, конечно, повышению производительности труда и выпуску продукции отличного качества. Борьбу за культуру производства следует рассматривать как одну из высших форм стахановского движения, представляющую еще один этап на пути ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, на пути «подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»⁸.

В последнее время с движением за поднятие культуры производства тесно переплетается борьба за культуру оборудования, развернувшаяся

⁸ И. Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 49.

по почину знатной зуборезчицы Уральского автомобильного завода Нины Назаровой. На заводе имени Сталина в специальных стахановских школах организовано изучение опыта Назаровой. Новейшим видом стахановского движения является, наконец, и борьба за комплексную экономию материалов, инициатором которой уже в начале 1950 г. выступила Лидия Корабельникова — бригадир молодежной бригады московской обувной фабрики «Парижская Коммуна». Еще и еще раз подтверждается на этих примерах правильность той оценки стахановского движения, которая была дана И. В. Сталиным еще в 1935 г. «Стахановское движение, — говорил он тогда, — зародилось и развернулось как движение, идущее снизу. И именно потому, что оно зародилось самопроизвольно, именно потому, что оно идет снизу, оно является наиболее жизненным и непреодолимым движением современности»⁹.

Не менее характерно для производственной жизни советских рабочих эпохи строительства коммунизма также развитие рабочего изобретательства и рационализации. Движение изобретателей и рационализаторов производства как на заводе имени Сталина, так и на Трехгорной мануфактуре в настоящее время приняло вполне четкие организационные формы. На ЗИС, например, в 1949 г. поступило около 11 000 рационализаторских предложений, из которых принято 4200 и внедрено в производство 3200. Деятельностью рационализаторов руководят администрация завода, партийная организация и завком. В 1949 г. было проведено несколько массовых общественных смотров по внедрению рационализаторских предложений. Во Дворце культуры периодически проводятся специальные технические конференции, на которых подробно обсуждаются результаты работы изобретателей и делаются информации о новейших достижениях науки и техники в области автомобилестроения. В таких конференциях принимают активное участие инженеры и техники, мастера и рабочие, стахановцы, лучшие люди завода — новаторы производства. Многие изобретения рождаются и совершенствуются в процессе творческого содружества между рабочими-автомобилестроителями и учеными, связанными с заводом имени Сталина.

На Трехгорной мануфактуре изобретатели и рационализаторы также организованы в особый коллектив, на 70% состоящий из рабочих (остальные 30% — инженерно-технические работники). Для облегчения работы изобретателей и придания ей плановости в начале производственного года утверждается ряд тем, которые должны направить творческую мысль рационализаторов по пути, наиболее нужном для производства. Главное место в этих своеобразных «памятках изобретателей» занимают вопросы охраны труда, облегчения тяжелой физической работы путем автоматизации и механизации, внедрения высокой культуры производства, снижения брака, повышения производительности труда оборудования. В 1949 г. рабочими комбината было внесено свыше 1000 рационализаторских предложений, из которых осуществлено 80%. За внедрением их наблюдает особая комиссия, в состав которой входят инженеры, рабочие, представители общественных организаций.

К услугам изобретателей специальная техническая библиотека, считающая около 300 тысяч книг. Советы рационализаторам дают специально назначенные консультанты при главном инженере (40-50 человек), которые дежурят при техническом кабинете в клубе. Для проверки внесенных предложений создан особый экспериментальный цех, в котором сам изобретатель может реализовать свое изобретение и установить его эффективность. Среди изобретателей и рационализаторов Трехгорной мануфактуры многие имеют уже многолетний стаж. Большой интерес, в частности, представляет творческий труд коллектива фабричных художников, работающего над созданием новых ори-

⁹ И. Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 498.

нальных рисунков для выпускаемых комбинатом хлопчатобумажных тканей. Художники производят зарисовки с натуры, собирают соответствующие материалы по народному изобразительному искусству в этнографических музеях, предпринимают специальные поездки для изучения национального художественного творчества в различных частях СССР (Горьковская и Рязанская области, Украина, Молдавия, республики Средней Азии). После войны ситценабивная фабрика выпускала первоначально ткани 30 различных рисунков, в настоящее время количество их достигло 1000. Только в 1949 г. было лушено в производство 100 новых рисунков. Работа художников-колористов находится под постоянным контролем рабочих — граверов, раклистов, копировщиков, прекрасно разбирающихся в узорах и красках.

5

Видное место в производственной жизни советских рабочих вообще, рабочих московских предприятий в частности, занимает подготовка молодых кадров. Новые рабочие приходят на фабрики и заводы различными путями. Основную роль, однако, здесь играют в наши дни ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. В ремесленном училище № 1 при заводе имени Сталина в настоящее время обучается свыше 1000 человек (в том числе 65 девушек). Производственную подготовку учащиеся проходят в мастерских учебного комбината, который занимает отдельное здание рядом с заводом. На самом заводе существует специальный учебно-производственный цех, в котором обучаются вновь принятые на работу молодые рабочие, еще не имеющие квалификации. Сроки обучения сильно колеблются в зависимости от сложности избранной профессии.

Много рабочих на ЗИС проходит обучение также непосредственно в основных цехах в специальных стахановских школах, которые представляют собой совершенно новое явление в производственной жизни завода, возникшее только в годы послевоенной сталинской пятилетки. Существует два вида стахановских школ — индивидуальные и коллективные. Индивидуальным обучением охватываются отстающие рабочие, не выполняющие нормы или дающие большой процент брака. В качестве преподавателей привлекаются мастера и лучшие стахановцы; между ними и обучающимися рабочими заключаются индивидуальные договоры, которые предусматривают передачу стахановского опыта передовиков отстающим в течение одного месяца. В 1949 г. таким путем было подготовлено 1910 квалифицированных рабочих. При коллективном обучении, которым также руководят передовики производства, состав-



Рис. 5. В художественной мастерской комбината Трехгорной мануфактуры. Работа над новыми рисунками для тканей

ляется определенная программа, предусматривающая ознакомление учащихся с основными достижениями лучших стахановцев как завода имени Сталина, так и других предприятий СССР, сходных с ЗИС по производственному профилю.

По вечерам сотни автозаводцев занимаются на вечернем отделении Автомеханического техникума. Около 33 человек являются студентами Института металлопромышленности. Кроме того, при заводе имеется вечерняя школа рабочей молодежи, в которой обучается свыше 500 юношей и девушек из числа молодых рабочих. Завком ежемесячно отпускает значительные суммы на приобретение книг и различных учебных пособий для учащихся — автозаводцев. В целом завод имени Сталина является отличной кузницей новых рабочих кадров — хорошо подготовленных технически и политически, высококультурных передовиков производства. Сотни автозаводцев, получивших производственное и политическое воспитание на своем родном предприятии, в настоящее время являются руководящими работниками как на самом ЗИС, так и на других крупнейших заводах СССР.

Большое внимание подготовке кадров уделяется и на Трехгорной мануфактуре. Школа фабрично-заводского обучения при комбинате существует уже около 30 лет. Поступают в нее подростки обоих полов в возрасте 16 лет, после окончания неполной средней школы (семилетки). Готовит школа ФЗО рабочих массовых профессий, ткачих, прядильщиц, ровничниц, браковщиц, раклстов и др. Срок ученичества — от 6 месяцев до 2 лет в зависимости от сложности профессии. Производственное обучение происходит непосредственно в цехах комбината на специальных ученических участках. Преподавателями являются главным образом лучшие мастера Трехгорки. Большую помощь учащимся оказывают также стахановцы. Большинство питомцев школы ФЗО — дети рабочих-текстильщиков. Как и везде, ученики обеспечиваются стипендией, бесплатным трехразовым питанием и полным обмундированием. После первых месяцев обучения они переводятся на сдельную оплату на общих для всех рабочих основаниях.

Организовано на комбинате имени Ф. Дзержинского также индивидуальное обучение новых рабочих. Этот вид обучения получил особенно широкий размах в годы Отечественной войны, когда на комбинат приходило (преимущественно из деревень) много взрослых работниц, не имеющих никакой подготовки. Новичков в таких случаях прикрепляют к передовикам производства, к лучшим стахановцам, которые ведут обучение по определенной программе, постепенно передавая ученикам свой опыт. Срок обучения — от одного до шести месяцев. По окончании срока ученичества молодому рабочему (или работнице) дают две недели проработать самостоятельно. Если он выполняет 100% нормы по типу вому уплотнению и выдерживает необходимый процент первосортной продукции, то работу его принимает квалификационная комиссия, состоящая из начальника цеха, мастера, старшего инструктора и методиста. Приемка работы носит характер настоящего производственного экзамена, к которому молодые текстильщики и текстильщицы готовятся как к большому событию в их жизни, определяющему в известной степени все направление дальнейшей производственной деятельности. В 1949 г. на Трехгорной мануфактуре таким путем было подготовлено 173 человека квалифицированных рабочих. Все лучшие стахановки-многостаночницы воспитали молодых учениц, которые в настоящее время быстро догоняют своих учителей. Здоровое социалистическое соревнование проникает, таким образом, и в процесс подготовки рабочих кадров, обогащает и ускоряет его, поднимает на высшую ступень производственное обучение, помогает складыванию новых отношений между учителями и учениками, между старшими и младшими товарищами по работе.

Существенную роль в повышении квалификации кадровых рабочих

Трехгорной мануфактуре играет периодическая сдача (примерно раз в пять лет) техминимума, программа которого рассчитана на 80 часов. Готовясь к сдаче техминимума, рабочие под руководством опытных инструкторов из числа инженеров, мастеров или лучших стахановцев знакомятся как с технологическим процессом в целом, так и с особенностями устройства и действия своих станков. В 1949 г. на комбинате была проведена массовая аттестация рабочих по типу аттестации инженерно-технических работников. Общественная комиссия проверяла, насколько хорошо рабочий знает свою профессию. Подготовка к аттестации сопровождалась массовым обучением. К каждому рабочему припляли инженера-производственника или стахановца, которые в течение нескольких дней тщательно знакомились с его работой и тут же учили его более рациональным производственным приемам, планированию своего труда, организации рабочего места. В случае необходимости инструкторы работали с аттестуемыми по две-три недели. Затем рабочий работал 20—30 минут под наблюдением аттестационной комиссии. Результаты работы оценивались по пятибалльной системе. В соответствии с оценкой выносилось решение о дальнейшем использовании рабочего. Так, например, молодая ткачиха Иванова, пришедшая на фабрику из школы ФЗО в 1947 г., получила отметку «отлично» и была переведена с 12 станков на 16. Браковщица готового товара Васильева же оказалась отличницей и была переведена с урочного задания в 100 кусков на 7300 кусков. Так перекрывались в процессе массовой проверки квалификации рабочих устаревшие технические нормы и на практике осуществлялся гениальный сталинский прогноз: «Новые люди, новые времена, — новые технические нормы»¹⁰.

Огромную роль в воспитании рабочих кадров, как и во всей производственной жизни советских предприятий, играют фабрично-заводские партийные организации. Как на заводе имени Сталина, так и на Трехгорной мануфактуре коммунисты всегда выступали, выступают и теперь в качестве инициаторов борьбы за выполнение и перевыполнение производственного плана, за отличное качество продукции, за экономию материалов, за культуру производства, за внедрение рационализаторских предложений, за смелое новаторство и пересмотр устаревших технических норм. Большинство знатных людей обоих обследованных предприятий, передовиков производства являются членами ВКП(б). Очень велико значение в производственной жизни низовых партийных организаций в цехах, отделах, фабриках. Так, например, когда в IV квартале 1949 г. кузовной цех № 2 завода имени Сталина оказался в исключительно тяжелом положении в связи с выпуском еще не освоенной продукции, цеховая партийная организация не только сумела мобилизовать весь коллектив на преодоление трудностей, но и помогла рабочим скрыть непроизводительные потери времени и технические неполадки производства. В результате четкой и слаженной работы коммунистов коллектив цеха успешно справился с задачей освоения нового вида продукции и уже к 20 декабря закончил годовую программу.

Коммунисты выступают также застрельщиками критики и самокритики, которая пронизывает все звенья производственной жизни советских предприятий — от низовой бригады до заводоуправления. В партийных комитетах завода имени Сталина и Трехгорной мануфактуры систематически проводятся совещания по основным вопросам организации производства. Руководимая коммунистами политическая агитация и пропаганда направлена в первую очередь на широкое разворачивание коллективного стахановского движения и социалистического соревнования. В качестве верного помощника партии выступает комсомол, организующий и возглавляющий всю рабочую молодежь. На заводе имени

¹⁰ И. Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 503.

Сталина существует 564 комсомольско-молодежных бригад, которые ведут успешную борьбу за экономию металла и выпуск сверхплановой продукции отличного качества. На Трехгорной мануфактуре в бригадных соревнованиях принимает участие около 90 комсомольско-молодежных бригад; многие из них завоевали почетное звание бригад отличного качества. Значителен процент комсомольцев также среди рабочих изобретателей и рационализаторов.

В короткой журнальной статье невозможно, конечно, исчерпать богатое содержание производственной жизни московских рабочих даже на двух обследованных предприятиях. Однако и приведенных выше фактов вполне достаточно, чтобы уловить основное направление глубоких и принципиальных изменений, которые произошли в этой жизни в советскую эпоху и которые свидетельствуют об успехах строительства коммунизма в СССР. Для этнографов, изучающих культурно-бытовые особенности отдельных народностей и групп населения, наибольший интерес представляют, естественно, не технологические достижения, но новые по содержанию и форме отношения советских людей к своему труду и друг к другу. В области отношения к труду русских (и вообще советских) рабочих эпохи строительства коммунистического общества наиболее характерна высокая степень сознательности и творческой инициативы, находящая свое выражение в различных формах стахановского движения и рабочего изобретательства. Согласно учению И. В. Сталина, источниками стахановского движения служат такие типичные явления советской действительности, как «коренное улучшение материального положения рабочих», «отсутствие эксплуатации», «наличие у нас новой техники» и новых кадров рабочих и рабочихниц, способных «стать во главе техники и двинуть ее вперед»¹¹. С движением стахановцев — передовиков производства — неразрывно связаны и постепенное стирание грани между физическим и умственным трудом, являющееся необходимым условием перехода к высшей фазе социализма.

В области отношений между людьми характерной чертой производственной жизни советских рабочих в наши дни является творческое содружество, которое гармонически сочетается с социалистическим соревнованием, с высокой требовательностью к себе и своим товарищам по работе, с принципиальной большевистской критикой и самокритикой. «Товарищ Сталин учит, что без самокритики мы не можем двигаться вперед, самокритика нам нужна, как воздух, как вода, что сила большевизма в том, собственно, и состоит, что он не боится критики и критике своих недостатков черпает энергию для дальнейшего продвижения вперед»¹². Положения эти для производственной жизни русского рабочего класса имеют такое же определяющее значение, как и для всей жизни советского общества в целом. От производственной жизни не может быть, конечно, резко отделен семейный и общественный быт русских рабочих, который складывается в значительной степени в тесной связи с производством. Однако этнографическое изучение этого быта представляет собой большую и самостоятельную задачу, которую автор настоящей статьи предполагает посвятить отдельный очерк.

¹¹ И. Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 499—500.

¹² Г. М. Маленков, Товарищ Сталин — вождь прогрессивного человека «Большевик», 1949, № 24, стр. 11.

Л. П. ПОТАПОВ

ШОРЦЫ НА ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

До Великой Октябрьской социалистической революции шорцы были малоизвестной и наиболее отсталой народностью Южной Сибири. Они жили разбросанно на огромной территории горной тайги в Кузнецком Алатау, в системах рек Кондомы, Мрассы и верхнего течения Томи. Культура большей части шорцев, обитавшей в глухих южных районах, куда не проникало влияние русских, имела настолько архаический облик, что этнографы считали ее реликтом древнеазиатской первобытной культуры.

Главными занятиями южных шорцев была охота на зверя и соби-
рание диких съедобных растений и частично земледелие. Охотились на зверя зимой и летом пешком (зимой на лыжах) с самодельными ловуш-
ками «черканами», луком и стрелами, с фитильным или кремневым
ружьем. Крупных копытных зверей промышляли летом самострелами,
осенью загородами, зимой гоняли их на лыжах по глубокому снегу,
пока животное не падало от изнеможения, и убивали его ножом.

Корни дикорастущих растений копали женщины деревянной корнеко-
палкой, снабженной железным наконечником. Сеяли ячмень небольшими
участками; землю вскапывали железной мотыгой, боронили суком.

При уборке урожая колосья выдергивали руками и обмолачивали
толстыми короткими палками. Хозяйственной отсталости соответствова-
ла и бытовая, культурная отсталость.

Жили южные шорцы либо в деревянных шалашах из колотых досок
и жердей (одаг), обогреваясь у костра, разводимого посередине жилья
на земляном полу, либо в низенькой срубной юрте (казым) с земляной
крышей, земляным полом, глинобитным очагом и маленькими окошечка-
ми, затянутыми брюшиной, реже со вставленным стеклом. Одеж-
ду зимой и летом носили из самодельного холста, пряжу для ко-
торого делали из волокон кендыря. Из холста же шили и голенище
обуви.

Грамотность, медицинская помощь у южных шорцев отсутствовали.
Шорцы не имели письменности; изобразительное искусство у них не
было развито. Широко были распространены приметы, жертвоприноше-
ния различным духам, суеверия, внушаемые невежественными шамана-
ми, выполнявшими также функции «лекарей».

Такой исключительно низкий культурный уровень южных шорцев
был обусловлен историческими условиями. До начала XVII в. они испы-
тывали многовековое господство монгольских и тюркских ханов, систе-
матически их грабивших и разорявших. С начала XVII в. шорцы триста
лет находились под игом русского царизма, жестоко эксплуатирова-
лись и царскими колонизаторами и собственной верхушкой в лице паш-
тыков (родовых старост), баев и шаманов. Все это дополнялось на-

циональным угнетением, характерным для колониальной политики царизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла угнетенным шорцам не только освобождение от двойной экономической эксплуатации, но и от национального угнетения. Революция привнесла, как и другим народам б. царской России, ленинско-сталинскую национальную политику, которая обеспечила возрождение и развитие даже самых отсталых национальных, этнографических групп. Коммунистическая партия и советское правительство организовали всестороннюю помощь отсталым в прошлом народам, в том числе и шорцам. Потрясающая экономическая и культурная отсталость, порожденная всем ходом исторического развития и колониальной политикой царизма, была основной причиной, мешавшей шорцам реализовать все возможности, предоставленные им Октябрьской революцией. Ликвидация отсталости составляла первоочередную, основную задачу, практическое решение которой взяла на себя партийная организация Западно-Сибирского края, куда входили в административном отношении шорцы. Программа советской национальной политики, разработанная И. В. Сталиным для ряда народов Советского Союза, была применена и к шорцам. Последовательное проведение этих принципов поразительно быстро дало положительные результаты, особенно с момента образования Горно-Шорского национального района в 1925 г. С этого времени была создана шорская районная партийная организация, которая, опираясь на решения партии по национальному вопросу, сплотила вокруг себя трудящихся шорцев на борьбу с шорскими и русскими эксплуататорскими элементами, организовала борьбу с великодушным шовинизмом и местным национализмом. В процессе борьбы развивалась творческая энергия рядовых шорцев, росли местные кадры.

Горно-Шорский национальный район охватывал огромную территорию (почти 30 тыс. км²), не уступающую по размерам Бельгии. Около 90% этой территории представляло горную тайгу, а плотность населения еще в 1931 г. была 2,2 человека на квадратный километр. На этой обширной территории шорцы являлись национальным меньшинством, вкрапленным в массу русского населения. Общая численность шорцев едва достигала 16 000 человек. В 1931 г. шорцы составляли 38,8% всего населения района, в 1938 г. — только 13%, причем этот процент в дальнейшем быстро снижался. Это объясняется исключительно быстрым ростом в Шории русского населения, под влиянием бурно развивающейся, грандиозной по размерам промышленности Кузбасса. Административный центр Горно-Шорского национального района находился вначале в с. Мысках (по-шорски Томазак), основанном еще в 1882 г. при впадении Мрассы в Томь. Это селение до революции было резиденцией шорских баев — торговцев, грабивших своих соплеменников при ростовщичестве и торговле.

С проведением железной дороги в глубь Шории в начале тридцатых годов XX в. районный центр был перенесен в с. Кузедеево (п. Кондоме), через которое проходила железная дорога, и находившимся там до упразднения национального района.

С установлением советской власти немногие удобные для земледелия и скотоводства земли, которые до революции были захвачены кулацко-байской эксплуататорской верхушкой, поступили в распоряжение трудящихся шорцев. Однако они в первое время не могли освоить эти земли в силу своей исключительной отсталости; так, например, в южной Шории обработка пашни и уборка урожая продолжала производиться старым, примитивным способом, а домашний скот был редкостью. Большинство шорцев добывало средства к существованию от таежных промыслов. Помощь шорцам со стороны государства денежными средствами

ми, снабжение их сельскохозяйственными орудиями, семенами, домашним скотом и особенно объединение шорцев в коллективные хозяйства быстро выдвинули на первое место в их жизни сельское хозяйство и укрепили их экономику. Горно-Шорский район получал ежегодно от Советского государства миллионы рублей только по государственному бюджету. Наряду с развитием сельского хозяйства у шорцев из года в год росла промышленность. Еще быстрее развивалась культура, ибо большая часть государственных ассигнований, полученных шорцами, направлялась на повышение у них культуры и в первую очередь грамотности. За первые же десять лет существования Горно-Шорского национального района партийным и советским организациям Шории удалось добиться в этом отношении существенных результатов. За короткий срок была создана шорская письменность, введено обучение на родном языке и издана учебная литература. Число шорских школ выросло с 8 в 1925 г. до 32 в 1935 г., в том числе были неполная средняя и средняя школы, а ежегодное число учащихся шорцев возросло за эти десять лет с 243 до 2645. У шорцев появились собственные учительские кадры: в 1935 г. уже работали учителями 64 шорца. В Кузедеево было открыто педагогическое училище, в котором училось много местных уроженцев. Наряду с развитием школьного дела велось обучение грамоте взрослых на пунктах ликбеза и в школах для малограмотных. Пункты ликбеза начали работать с 1925 г.; в 1935 г. их было 17 с 2120 взрослыми учащимися шорцами. Школа для малограмотных открылась в 1928 г., в ней было 30 шорцев. В 1935 г. таких школ было 16 с 712 учащимися-шорцами. За первое десятилетие существования Горно-Шорского района окончило ликбез 5782 шорца и школы для малограмотных — 1616 шорцев. Среди окончивших было много женщин. Повышение культурного уровня и просвещение шорцев происходили и по линии различных культурно-просветительных учреждений, впервые появившихся среди них с 1925 г. В эти же годы впервые была организована медицинская помощь.

Создание Горно-Шорского национального района, несмотря на то, что шорцы составляли незначительный процент всего населения района, сыграло огромную роль в поднятии культуры трудящихся шорцев до уровня, приближающегося к культурному уровню передовых советских народов.

Огромная территория Горно-Шорского района, мало пригодная для сельского хозяйства, обладает в своих недрах колоссальными богатствами для развития тяжелой индустрии. Возникновение здесь мощного индустриального центра вызвало большой приток населения, преимущественно русского, вследствие чего шорцы стали составлять ничтожный процент.

В 1939 г. Горно-Шорский национальный район, как не отвечающий изменившейся обстановке, был упразднен, а его огромная территория разделена в административном отношении на ряд районов вновь созданной Кемеровской области.

В настоящее время шорцы живут в трех районах Кемеровской области: Таштагольском, Мысковском и Кузедеевском, охватывающих бывшую территорию Горно-Шорского района. Большинство их обитает в южной части Шории, в Таштагольском районе. Следующим по численности идет Мысковский район. Еще меньше шорцев живет в Кузедеевском районе. Все три указанные группы живут разбросанно, перемежку с русским населением и только в некоторых отдаленных, расположенных в глухой горной тайге сельсоветах Таштагольского района (Челейсу-Анзаский, Усть-Кобырзинский, Усть-Анзаский и др.) шорцы преобладают. Часть их занимается сельским хозяйством и объединилась в колхозы, другая часть работает в промышленности. Довольно много шорцев служит в различных учреждениях, и только небольшая

часть их занимается охотой. Следующая таблица показывает распределение шорцев двух районов по основным видам занятий (на 1 июль 1949 г. в процентах):

Колхозники	49,1
Рабочие горной промышленности	28,0
Охотники—члены промысловых артелей	2,5
Служащие и прочие	20,4

Приведенные данные показывают глубокие сдвиги, происшедшие у шорцев. Они говорят прежде всего о том, что половина их занимается теперь земледелием и скотоводством, а не охотой, как прежде. Это означает фактическую ликвидацию их хозяйственной отсталости, вышедшей до революции в преобладании охотничьих промыслов, с низкой производительностью, неустойчивостью и малой эффективностью первобытной техники и т. д. Почти треть шорского населения занята в промышленности. Появилась совершенно новая социальная категория шорцев — рабочие. Наконец, среди шорцев образовалась еще одна новая социальная группа, охватывающая пятую часть населения, — интеллигенция и служащие.

Эти новые социальные группы шорцев отражают коренное изменение в их социально-экономической жизни, свидетельствующее о ликвидации их многовековой отсталости.

В экономике южных шорцев (Таштагольский район) первое место занимает сельскохозяйственный труд, второе — труд промышленный. Число лиц, занимающихся промыслами, меньше числа служащих. У северной части шорцев (Мысковский район) наиболее многочисленную категорию составляют служащие, их в два слишком раза больше, чем колхозников.

Господство социалистической экономики и систематическая помощь шорцам со стороны Советского государства неузнаваемо изменили труд и быт шорцев. Шорское население, живущее сельским хозяйством, объединилось в колхозы. В Таштагольском районе 38 колхозов, из которых 29 шорских, а 9 смешанных вместе с русскими. В Мысковском районе шорских колхозов семь.

Размеры колхозов не велики. Наиболее крупный колхоз им. Ворошилова Тугунского сельсовета объединяет 53 хозяйства. Исключением составляет только смешанный колхоз «Красный Шор Анчи», в котором насчитывается 84 хозяйства. В среднем по Таштагольскому району шорский колхоз объединяет 40 хозяйств, а в Мысковском районе 30 хозяйств. Такой состав колхозов объясняется характером горной тайги, где земли, пригодные для сельского хозяйства, встречаются небольшими, разбросанными участками.

Вместо нищенского земельного надела, которое ввело для шорцев царское правительство, шорские колхозы получили от советской власти в вечное пользование значительные территории пахотной земли, лугов, пастбищ, земли под огороды и др., исчисляемые для отдельных колхозов в сотнях и даже тысячах гектаров. В среднем по Мысковскому району на одно колхозное хозяйство закреплено земли 233 га, вместе 15 десятин на каждое хозяйство, которое отводили царские землеустроители. Колхоз им. Кирова Челейсу-Анзасского сельсовета Таштагольского района получил свыше 2336 га, из которых пахотной земли 125 га, лугов — 310 га, пастбищ — 186 га, хотя колхоз состоит только из 27 хозяйств. В самом маленьком колхозе «Шор-Тайга» (Усть-Анзасский сельсовет), состоящем всего из 12 хозяйств, имеется 679 га земли, в том числе пахотной 67 га, лугов — 153 га и пастбищ — 105 га. Сред-

няя обеспеченность одного хозяйства землей в шорском колхозе Таштагольского района составляет: пахотной — 4 га, лугов — 7 га, пастбищ — 3 га. По Мысковскому району цифры несколько выше: пахотной — 8 га, лугов — 12 га, пастбищ — 5 га, что объясняется иным характером природы в северной Шории, где меньше лесов и больше удобной земли.

Другим важным условием для развития земледелия у шорцев является наличие новой технической базы. В северной части Шории колхозы применяют тракторную вспашку, которую производит Мысковская МТС. В местах, недоступных для трактора, колхозники пахут легкими конными плугами. Боронят железными боронами (зигзаг), а сеют в некоторых колхозах своими сеялками (Таштагольский район). Машинный труд господствует и при уборке урожая, хотя доля ручного труда еще велика. Зависит это главным образом от невозможности применить наиболее распространенные в СССР уборочные машины в специфических горно-таежных условиях. Однако оснащенность шорцев сельскохозяйственными орудиями довольно высока. В упомянутых 38 колхозах Таштагольского района имеется 204 железных плуга, 233 бороны-зигзаг, 2 сеялки, жатки-самосброски, молотилки, веялки и др. Если вспомнить, что до революции здесь преобладало мотыжное, ручное земледелие, то прогресс земледельческой техники у южных шорцев становится особенно очевидным. В Мысковском районе, где плужное земледелие было усвоено шорцами еще до революции от русских переселенцев, но находилось на низком уровне, теперь, благодаря применению современных машин (через МТС), использованию в отдельных колхозах электроэнергии, техника земледелия усовершенствовалась. В шорских колхозах применяется агротехника, разработанная передовой советской наукой. В земледелии шорцы не только ликвидировали свою первобытную отсталость, но уже догоняют некоторые исстари земледельческие народы Советского Союза. Отличительной чертой современного земледелия у шорцев является высокая урожайность, служащая показателем того, что нынешнее поколение шорцев, отцы которых были исконными охотниками, овладело в короткий срок сложной техникой и приемами современного передового социалистического земледелия.

Второе основное занятие шорцев — животноводство. У шорцев южного, Таштагольского района удельный вес животноводства выше, чем земледелия, а доход от животноводства в несколько раз превышает доход от земледелия. В южной Шории, где до революции не видели никогда коров, животноводство имеет молочное направление. Содержание скота во всех колхозах — стойловое, за исключением летнего периода, когда скот выгоняют на пастбища. Глубокие снега, выпадающие в Шории, исключают возможность зимней пастбы скота. Поэтому заготавливают на зимнее время большое количество сена, закладывают силос, используют в качестве корма и солому. Весь обобществленный скот содержат в теплых, оборудованных дворах, с окнами, деревянным полом, кормушками. Кормовой рацион, удой, уход за молодняком, случка скота производятся по специальным инструкциям. Шорцы неустанно добиваются все лучших результатов в получении животноводческой продукции, особенно молока и мяса. Удой молока пропускают ежедневно через сепараторы, имеющиеся в каждом колхозе, а сливки отправляют для продажи на приемные пункты. Кроме части молочной и мясной продукции, идущей на продажу государству, колхозы выдают ее колхозникам в счет оплаты по трудодням, продают на рынке в районном центре. Деньги, вырученные от продажи колхозной продукции, идут, согласно уставу сельхозартели, на укрепление общественного хозяйства и на распределение по трудодням. Кроме того, шорцы-колхозники имеют молочный скот и овец в личной собственности, продукцией которых распоряжаются единолично. Развитие животноводства в

условиях стойлового содержания находится в тесной связи с обеспечением скота кормом на длительный зимний период. Потребности в корме покрываются главным образом путем заготовки лугового сена, производимой ежегодно с 1 июня по 1 сентября, по определенному плану. Обеспечить значительное количество скота (особенно обобществленного), которое развели шорцы за последние 20 лет, колхозам удается полностью несмотря на немногочисленность рабочей силы. Это достигается преимущественно применением сенокосноуборочных машин там, где это позволяет условия рельефа и характер луговых угодий. Каждый колхоз имеет одну или (чаще) несколько сенокосилок и конных граблей. Шорцы прекрасно освоили технику заготовки сена сенокосноуборочными машинами. Однако ручной труд здесь продолжает иметь важное значение вследствие природных условий горной тайги. Сенокосные угодья чаще расположены в лесу, на крутых склонах гор, либо в долинах, изобилующих валунами, и пнями от вырубленного леса, где нельзя пустить сенокосилку, а приходится косить и сгребать сено вручную.

Шорское колхозное хозяйство, созданное в невиданно короткий срок, показало свою жизнеспособность, выдержав многие испытания трудностей, вызванные Великой Отечественной войной.

Шорцы занимаются и охотой на пушного зверя и пчеловодством. Но оба эти занятия имеют подсобный характер. В некоторых колхозах имеются сотни рамочных ульев и продукция пчеловодства является важной статьей дохода. Однако пасечное пчеловодство у шорцев все еще недооценивается. Между тем шорцы, издавна занимавшиеся бортничеством (добыванием меда от диких пчел), хорошо знают жизнь пчел и становятся прекрасными пчеловодами в пасечных условиях.

Охота на пушного зверя является основным занятием только для незначительной части шорцев. Большинство охотников-шорцев объединены в промысловые артели по принципу кооперации, но кооперация социалистической, а не первобытной, которая пережиточно существовала у шорцев вплоть до Октябрьской революции, в форме временных производственных объединений (только на время промысла) с уравнительным распределением добычи. Шорцы охотятся теперь главным образом в лесах государственного фонда, в специальных промысловых угодьях, организовано. Продукция промысла продается заготовительным организациям, а доход поступает в артель, которая распределяет его согласно своему уставу. Техника нынешнего охотничьего промысла основана на широком применении капканов, преимущественно покупных, но в значительной степени и старых, самодельных деревянных, в устройстве которых отразился многолетний опыт исконных таежных звероловов. Объектами массового промысла являются кролики и белка, значительно реже — соболь, колонок, горностай, хорь, лисица. Крота добывают кулеками, кротовыми, капканами, расставляемыми каждым охотником. Белку стреляют из ружья. Ружья теперь покупные, новых выпусков наших оружейных заводов. Старинные ружья, особенно шомпольные, почти вышли из употребления. Охота на соболя ведется по специальному разрешению государственных органов, ведущих охотой на ценного зверя, в пределах нормы, указанной в разрешении.

Сезоны охоты на зверя, регулируемые советским законодательством, совпадают с сезонами, выработанными многовековой практикой шорцев.

Зимний промысел совершается пешком. Охотничья ноша укладывается на ручные нарты или зашнуровывается в волокушу, сделанную из шкуры (лошади, козла и др.). Все старинные охотничьи предметы пешего передвижения, созданные многовековой охотничьей практикой, целесообразны в зимних условиях горно-шорской тайги и теперь. Этим об-

жняется их сохранность и у современных охотников. Бытовые условия охотников шорцев во время промысла в тайге значительно улучшились. Это сказывается в одежде, питании и жилище. Промысловый костюм шорских охотников — теплый, легкий и удобный, состоит из ватной, теганой куртки военного образца и таких же штанов, шапки и кожаной обуви старого типа. В этой обуви ноги не потеют, всегда сухи, эпидермис и хорошо стоят на лыжах (не образуется наледь). Живут охотники в палатках или же срубных охотничьих избушках. Последние строятся и оборудуются в тайге промысловыми артелями для ночлега и отдыха охотников; в избушках находится запас продуктов, хозяйственная утварь, аптечка. Охотятся шорцы бригадами из опытных охотников, уда включают и молодых звероловов.

Шорцы ловят рыбу по таежным рекам и собирают растения, прежде всего черемшу и кандык. Эти занятия носят индивидуальный характер существенной роли в хозяйстве не имеют.

Большое значение в жизни современных шорцев, как говорилось выше, имеет промышленный труд. Шорцы, несмотря на их отсталость в прошлом, оказались, вопреки мрачным предсказаниям некоторых буржуазных исследователей, вполне способными к труду в промышленности, быстро привыкли к нему и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Они вошли полноправными и полноценными рабочими в различные отрасли промышленности Кузбасса. Строительство Кузбасса и развивающаяся мощная индустрия вовлекли и шорцев, которые несли и продолжают вносить значительный вклад в работу различных предприятий Кузбасса. Шорцы явились первооткрывателями некоторых крупнейших месторождений железа. Знаменитый Таштагольский рудник был открыт шорцем — охотником Василием Скворцовым еще до революции, но он не придавал значения своему открытию. Только в 1930 г., когда и до дальних улусов Шории дошел слух о предстоящем крупном строительстве, советский патриот Скворцов вновь посетил рудник Таштагол, взял там образцы руды и доставил их в управление железногорского района. По его указанию, на Таштагол была направлена геологическая партия. Шорец Александр Шарогашев прошел пешком 200 км своего улуса, чтобы посмотреть строительство завода в Сталинске. Узнав, что завод будет возить железную руду с Урала, он заявил, что не надо возить издалека, ибо он знает целую железную гору у себя Шории. Так был открыт известный Шарогашев рудник, названный в честь его первооткрывателя. На упомянутых рудниках шорцы трудятся рядом с русскими.

Шорцы работают и на Тельбесском руднике с момента его основания. Шорец Василий Табаргин появился здесь вместе с десятками своих родных товарищей в первые же дни возникновения рудника. Он работал сначала землекопом, лопатчиком, а затем проходчиком. В 1940 г. как опытный проходчик был переведен на строительство Таштагольского рудника. В годы Великой Отечественной войны Табаргин работал геологом, а затем горным мастером. Ныне он работает мастером производственного обучения школы ФЗО № 39, которая готовит горняков из молодого поколения. У него учатся теперь и русские и шорские молодые рабочие.

Шорец Дмитрий Пыжлаков родился в 1919 г. в улусе Качыбай, окончил семилетку и поступил в школу ФЗО, где получил квалификацию проходчика, а затем стал рабочим на руднике Темиртаге. Во время Великой Отечественной войны он ушел на фронт и только в декабре 1946 г. вернулся к своей мирной специальности. Теперь он известный опытный рабочий на Таштагольском руднике. В 1946 г. Пыжлаков, работая на карьере, выполнил свою годовую норму на 154%. В следующем году он перешел на подземную добычу и быстро освоил технику подземных штреков, а свою годовую норму по новой специальности вы-

полнил на 138%. Еще через год Пыжлаков стал одним из лучших хановцев рудника и участвовал в совещании работников черной металлургии Урала и Сибири в Свердловске.

На Таштагольском руднике работают десятки шорцев, и все они хорошо зарекомендовали себя. Среди них имеются и женщины, овла-



Рис. 1. Бурильщик Д. Пыжлаков в забое.
Южная Шория

вшие определенными специальностями. Из них выделилась А. А. богашева, работающая машинистом электровоза и выполняющая задание на 110—120%.

Вовлечение шорцев в промышленность Кузбасса все расширяется, чему способствует подготовка кадров в школах ФЗО. В 1948 г. Таштагольский рудник получил новое пополнение из шорцев, окончивших школы, освоивших новые специальности. Среди них назовем проходчика Н. Адьякова, лопатчика Е. К. тонкина, крепильщика И. К. шева, бурильщика Василия П. лакова (брата упомянутого Дмитрия Пыжлакова) и др. Пополнение рабочего класса новыми людьми шорцами связано с быстрым развитием горнопромышленности Кузбасса. Многие из шорцев, выпускники школ ФЗО, овладели специальностями электриков на Таштагольском руднике (например Д. Шахов, В. Эпчигешев).

Даже в таком сложном и ответственном техническом предприятии, каким является Кузнецкий металлургический комбинат имени Сталина, шорцы работают в качестве инженеров. Назовем И. Ф. Урухпаева — инженера-технолога в цехе главного механика, А. Ф. Чульджанова — инженера-конструктора проектного отдела. Шорцев-инженеров можно встретить на Иркутском машиностроительном заводе (В. А. Афонькин), в Дальневосточном флоте (инженер-электрик В. И. Худолеев) и др. Они окончили высшие технические учебные заведения. Вот результаты ленинско-сталинской национальной политики. Подготовка специалистов в разных вузах продолжается и ныне с еще большим успехом.

На Кузнецком металлургическом комбинате шорцы освоили и новые профессии. Среди них встречаются огнеупорщики по ремонту металлургических печей, автотранспортники. Шорцев можно встретить среди служащих Отдела технического контроля. Работают здесь и женщины шорки. Шорцы трудятся на Кузнецком машиностроительном и алюминиевом заводах в качестве машинистов, монтеров, слесарей, подсобных рабочих, на Сталинском городском промышленном комбинате. В предприятиях треста Сталинскпромстрой шорцы трудятся по специальностям электросварщиков, слесарей, сверловщиков, водопроводчиков, такелажников, штукатуров, маляров и пр. На швейной фабрике № 5 шорки работают швеями-мотористками.

Отметим еще одну важную отрасль индустрии, развитую в Южной Шории, — золотодобывающую промышленность. На предприятиях

дящих в группу Спасских золотых присков, можно не только отметить около 300 рабочих шорцев, но и назвать имена шорцев-стахановцев, из которых многие выполнили пятилетний план уже в декабре 1948 г.: А. С. Идигешев — забойщик на открытых работах, Г. А. Идишегов — забойщик на подземных работах, М. Тепчегешева — доводчица-обогати-



Рис. 2. А. М. Шелбогашева за работой на электровозе на Таштагальском руднике. Южная Шория

тель, промывальщица. Систематически выполняют производственные задания на 150 % и выше: М. Токмашева (мониторщик), Я. Челбогашев (подлопатчик), К. М. Тунеков (помощник драгера электродраги № 190). Таким образом, будучи до революции наиболее отсталыми из всех национальностей Южной Сибири, шорцы ныне сравнялись со многими из них. Среди шорцев возник и образовался многочисленный рабочий класс, удельный вес которого среди других социальных групп, характерных для нашего социалистического общества, выше, чем, например, у алтайцев, тувинцев или хакасов. Это объясняется тем, что шорцы оказались в сфере влияния мощного социалистического индустриального центра — Кузбасса.

Рост социалистического сознания в среде шорцев проявляется в той форме советского патриотизма, которая связана с высокой производительностью труда, с трудовыми подвигами, со стремлением добиться наилучших результатов и тем самым внести свою долю в строительство коммунизма. О новом, социалистическом сознании у шорцев говорит и участие женщин в производстве.

Рабочие шорцы трудятся в дружной семье советских рабочих, обеспечивающих высокий уровень социалистического производства Кузбасса и его непрерывное развитие.

Пятую часть шорцев составляет интеллигенция (учителя, ответственные работники районного аппарата и партийных организаций, служащие различных категорий). Хотя шорцы в административном отношении и не представляют собой национальной единицы в районах их расселения, многие из них занимают по избранию (или по назначению) ответственные должности, руководят важными участками советской или партийной работы. Из них А. Е. Кушаков, получивший образование в

Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), — депутат Верховного Совета РСФСР и первый секретарь райкома ВКП(б) Кузедеевского района. В Таштагольском районе председатель исполкома — шорец. Шорцами по национальности являются также помощник районного прокурора и пять председателей сельских советов этого района и в Мысковском районе и в райкоме партии работает несколько шорцев, включая и секретаря райкома. Шорцы работают здесь и в аппарате райисполкома, райкома ВЛКСМ и других учреждениях. Особенно значительна прослойка шорцев-учителей. Среди них имеются педагоги высшим образованием, окончившие Сталинский педагогический институт, Томский университет и другие вузы. Шорцы-учителя преподают в русских школах, в том числе и в средних. Из народной среды учителей впервые в их истории за весьма короткий срок выросла интеллигенция, отдающая свои знания и силы на построение коммунистического общества.

Для характеристики современного состояния культуры и быта шорцев коснемся народного образования, культурно-просветительной работы, медицинской помощи. Все это у шорцев появилось лишь 25—30 лет назад. Современные шорцы почти поголовно грамотны. Их дети обучаются в многочисленных школах, как исключительно шорских по национальному составу, так и в русских. В Таштагольском районе, наиболее населенном шорцами, имеется для них 19 школ с 800 учащимися. Сотни шорских детей учатся в школах и двух остальных районов. Школа у шорцев имеет особое значение, она была и остается мощным фактором культуры. Особенно велика была роль начальной школы шорцев в первые годы ее возникновения, когда средней школы в Шории еще не было. В эти годы школа не только давала основы грамотности, она воспитывала шорских детей в советском, социалистическом духе. Советская школа подкапывала устарелые устои быта, разрушала мировоззрение, насыщенное первобытными фантастическими представлениями о природе, человеке и их взаимосвязях, которые дети получали ранее в семье, несла правду о жизни шорцев и других народов Советского государства и зарубежных стран. Школе приходилось не только вести упорную борьбу со старой семьей за воспитание детей, но и влиять через своих питомцев на изменение мировоззрения взрослых членов семьи, на переустройство всего семейного бытового уклада шорцев. Школьники несли в семью грамоту и первичные начальные знания, элементарные правила и навыки гигиены, воевали с религиозными предрассудками и старинным семейным укладом. Школьник не мог мириться с отсутствием в своем жилище стола и стульев, ибо готовить уроки на земле у костра или чувала было невозможно. Ученик, получивший некоторый навык в огородничестве на пришкольном участке, стремился завести огород дома. Конечно, школа не была единственным рычагом социалистического переустройства жизни шорцев. Однако ее роль нельзя недооценивать. В настоящее время, когда культурный уровень шорцев значительно вырос, советская школа в Шории воспитывает молодое поколение в духе коммунизма. Теперь воспитание детей проходит значительно легче, ибо современная шорская семья настолько изменилась, что не только не тормозит, а облегчает воспитание и обучение ребенка.

В Шории имеются дома культуры, районные и сельские библиотеки, избы-читальни и сельские клубы. Большинство их являются также центрами художественной самодеятельности шорцев. Дом культуры Таштагольского района находится в Усть-Кобырзе, в гуще шорского населения, и является важным культурно-просветительным центром. Из имеющихся в районе двух сельских библиотек одна находится в шорском селении, из 13 изб-читален — 8 среди шорцев, из 6 сельских клубов — 5 у шорцев. Работники этих культурно-просветительных учреждений

преимущественно шорцы. В Мысковском районе все избы-читальни находятся в шорских селениях.

Шорская письменность возникла в середине двадцатых годов XX в. Шорцы сами разработали свой алфавит на основе русского алфавита; в 1927 г. издан первый шорский букварь. В 1930 г. шорский алфавит был латинизирован, что затормозило развитие письменности. Через несколько лет эта ошибка была исправлена, и шорцы снова перешли к более простому и доступному широкому массам русскому алфавиту. У шорцев возникла оригинальная и переводная литература, появились молодые поэты и писатели, творчество которых прославляет Ленина и Сталина, социалистическое переустройство и показывает тяжелое прошлое родного народа. Шорская литература тесно связана с устным народным творчеством. Молодые шорские поэты издали сборник стихов «Красная Шория», затем другой сборник (на русском языке) «Новая



Рис. 3. Квартира машиниста электровоза А. М. Шелбогашевой

Шория». Стихи и песни о Ленине и Сталине слагают не только шорские поэты, но и рядовые колхозники, народные сказители, например, семидесятилетний старец М. Напазаков. Широкую известность получили стихотворения талантливого поэта Ф. С. Чеспиякова: «Аргыш Ленин» («Товарищ Ленин») и «Быстрая Томь», посвященные Ленину и Сталину. В 1949 г. издан сборник произведений Чеспиякова (стихи и проза) на русском языке: «В долинах Мрассу». Чеспияков в этом сборнике продолжает разрабатывать темы, рисующие жизнь шорцев в ранние годы строительства социализма. На шорский язык переведены некоторые избранные произведения Пушкина, Горького, политическая и сельскохозяйственная литература.

Отсутствие специальной терминологии, выражающей отвлеченные понятия, заставляет переводчиков целиком переносить в такие переводы термины русского языка, в результате чего такая литература, переставая быть русской, не становится и шорской. Шорцы осознали, что им необходимо наряду со своим родным языком знать и русский — все они двуязычны. Шорский язык преобладает как разговорный в семье, в домашней обстановке.

До Октября медицинской помощи у шорцев не было. Ныне во всех районах имеется развитая сеть лечебных учреждений, обслуживающих

как русское, так и шорское население. В Таштагольском районе, при районной больницы (на 120 коек), при которой имеются врачи с различными специальностями, рентгеновский кабинет, санитарный самолет, организованы 8 врачебных участков больнично-амбулаторного типа (с больничными койками и аптеками) и 25 фельдшерско-акушерских пунктов. Они организованы во многих шорских колхозах (Колзаский, Челейсу-Ашский, Усть-Анзасский и другие сельские советы). Всего по району считается 280 больничных коек. В районе насчитывается 27 врачей всех специальностей, 98 фельдшеров и лиц среднего медицинского персонала. Вся эта медицинская организация создана в советский период. Лечение шорцев производится бесплатно. Они охотно обращаются к услугам современной медицины, которая пользуется среди них популярностью и доверием.

Домашний быт шорцев также принял новые формы. Шорское жилище состоит из жилищ колхозников и различных хозяйственных и общественных строений: правления колхоза, избы-читальни или клуба, складов, амбаров, скотных дворов и т. д. Срубный дом является основным жилищем шорцев. Его внутренняя обстановка состоит из необходимой мебели (столы, стулья, лавки, кровати, сундуки, шкафы, стульчики) и домашней утвари и приближается к обстановке русского колхозника. Даже в сохранившихся местах срубных низких деревянных юртах, служащих только летним жилищем, преобладает такая же обстановка и утварь.

Одежду шорцы носят покупную, готовую. Только среди колхозников в качестве рабочей одежды изредка можно еще встретить старинный халат. Мужчины предпочитают одежду военного образца, а женщины — русские кожаные сапоги, которые широко распространены в качестве повседневной женской обуви.

Пища шорцев та же, что у русского колхозника; из старинных блюд сохранился только тушеный (похлебка из мяса или рыбы), правленная шариками из теста. Шорцы — рабочие и служащие живут обычным советским городским бытом. Квартиры или дома на рудниках и приисках, занимаемые шорцами-рабочими, теплые, чистые, уютные. Хорошее материальное положение рабочих горняков сказывается не только в благоустройстве их жилищ, внутренней обстановке, но и в costume, в образном и хорошем питании. Рабочий-шорец (особенно из молотки), отправляющийся в выходной день на прогулку, пешком или на собственном мотоцикле (как это мы наблюдали в Таштаголе), идущий в кино или в клуб, имеет вид хорошо одетого горожанина.



Рис. 4. А. М. Шелбогашева в домашней обстановке

Изменился не только внешний вид шорцев. Социалистические условия жизни резко изменили их характер. Теперь не увидишь молчаливых и забытых полуголодных таежных звероловов, подавленных труднейшей борьбой за существование, каким было большинство трудящихся шорцев еще накануне Октябрьской революции. Современные шорцы

напротив, отличаются живостью характера и общительностью. Обеспеченные материально, грамотные, они приобрели новые моральные черты характера, среди которых преданность делу социализма, советский патриотизм и дружественное отношение к другим национальностям занимают главное место. Эти черты проявляются в трудовой деятельности шорцев, борющихся за досрочное выполнение первого послевоенного пятилетнего плана развития народного хозяйства. Они проявляются в



Рис. 5. Дом бурильщика Д. Пыжлакова. Таштагольский рудник

дружеской совместной работе шорцев и русских на предприятиях, в колхозах, в советских учреждениях, партийных и общественных организациях, где шорцы наряду с русскими занимают руководящие должности. Эти черты нового характера шорцев четко проявились и в дни Великой отечественной войны, когда одна часть шорцев интенсивно помогала фронту своим трудом, а другая часть ушла на фронт защищать свою советскую Родину. Шорцы оказались хорошими бойцами. Многие из них награждены правительственными наградами, боевыми орденами и медалями. Шорец М. М. Куюшев, родом из селения Абашево, погиб на фронте смертью храбрых и за свои воинские подвиги посмертно получил звание Героя Советского Союза. Его имя с гордостью произносят теперь все шорцы.

Шорцы, в силу определенных исторических условий и колониального угнетения их русским царизмом, к моменту Октябрьской революции находились на весьма низкой ступени общественно-экономического развития, на которой было невозможно их объединение в нацию. Они жили разбросанно на огромной территории небольшими изолированными родоплеменными группами. У них не сложилось общности экономической жизни и национальной культуры и остальных элементов, совокупность которых составляет нацию. Однако нельзя признать за нацию и современных шорцев, ибо и в социалистических условиях у них не создалось тех форм общности, которые характеризуют нацию; в советских условиях шорцы не оказались стянутыми в единое национальное целое в территориальном и экономическом отношениях. Грандиозная тяжелая промышленность, развивающаяся на территории б. Горно-Шорского района, настоятельно требовала сюда в интересах социалистического госу-

дарства мощного притока населения. Шорская национальность в силу своей малочисленности не могла обеспечить развитие этого крупнейшего центра металлургической и угольной промышленности. Вот почему шорцы оказались вкрапленными в большой этнический массив русского населения. Шорцы остаются национальным меньшинством почти во всех районах своего расселения, но советский государственный строй и ленинско-сталинская национальная политика обеспечивают свободное национальное развитие и таким национальностям, которые составляют национальное меньшинство в инонациональной среде. Прекрасным примером этого являются современные шорцы.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. Р. СМЕРНОВ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА «КОСВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ» В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ НИГЕРИИ

I

Нигерия является крупнейшей колонией Англии, уступающей по величине лишь Индии. Территория ее равна 877 тыс. кв. км; население, по официальным данным, исчисляется в 21 млн. чел. (в действительности эта цифра значительно больше и приближается к 25 млн.).

Нигерия — одна из богатейших английских колоний. Она экспортирует пальмовые продукты (ядра и масло), какао, земляные орехи, хлопок, каучук. Недра Нигерии хранят олово, каменный уголь, вольфрамовую и титановую руду, золото. Британский империализм заинтересован в эксплуатации этих природных богатств страны, добыча же стратегического сырья — каучука, цветных металлов, каменного угля — растет из года в год. Нигерия с ее удобными морскими портами и сравнительно развитой железнодорожной сетью играет в Западной Африке крупную военно-стратегическую роль. Англо-американский империализм в планах подготовки третьей мировой войны отводит Нигерии почетное место.

Нигерия, как и большинство колоний, представляет собой целиком искусственное образование; ее название произошло от названия реки Нигера. Это кусок территории, вырванный британским империализмом из Западной Африки без учета каких бы то ни было этнических или географических границ. Ее границы сложились в борьбе английского и французского империализма за раздел Африки. При другом соотношении сил империалистических хищников территория Нигерии могла быть больше или меньше.

Сейчас в административном отношении Нигерия делится на собственно колонию (г. Лагос и небольшая смежная с ним территория), Южную Нигерию (10 провинций) и Северную Нигерию (12 провинций).

Населена Нигерия различными племенами и народами. Основными языками, на которых говорят эти народы, являются: хауса (на нем говорят 36,3% населения страны), фульбе (9,5%), йоруба (15,9%) и ибо (13,6%).

Ко времени европейского вторжения Нигерия по уровню общественного развития отдельных ее народов представляла собой пеструю картину. Северная ее часть дробилась на множество отдельных государ-

ственных образований феодального типа. В этом районе жили хауса, фульбе, народы, которые еще в эпоху средневековья были втянуты в оживленную торговлю прибрежных районов с глубинными центрами Западного Судана. Как хауса, так и фульбе в VIII и IX вв. восприняли ислам, проникший из Северной Африки, и внешние формы мусульманской культуры. В северной части Нигерии и сейчас еще сохранилось 38 отдельных эмиратов. В крупнейшем из них — Кано живет около 2 млн. чел.; в Сокото — 1½ млн. чел.

В западной части Нигерии наблюдалась иная картина. К западу от Нигера жил народ йоруба, создавший высокую самобытную культуру. Ислам не проник сюда. Йоруба приходилось вести постоянную ожесточенную борьбу со своими соседями — дагомейцами и фульбе. Здесь, так же, как и на севере Нигерии, сложились государства, но иного, чем фульбские эмираты, типа. Это были города-государства, обнесенные стенами, защищавшими от военных набегов соседей. Во главе таких своеобразных государств стояли правители в окружении приближенных вождей. В Южной Нигерии существует сейчас 108 городов с населением, превышающим 10 тыс. чел. каждый. В Ибадане живут 238 тыс. чел., Лагосе — 100 тыс., Огбомошо — 85 тыс., Илорине — 83 тыс. Иво — 53 тыс. чел. Сохранились и государственные образования йорубов: Ойе, Ибадан, Илорин, Иджебу, Иджамба, Эгба и др.

Формальное объединение английских владений бассейна реки Нигер в единую колонию произошло в 1914 г. Политика Англии этого периода в Нигерии тесно связана с именем Фредерика Лугарда. С момента своего назначения в Нигерию Лугард успел пройти практическую школу угнетения колониальных народов. Он участвовал в захватнической войне против афганского народа, в подавлении восстания махдистов, служил в колониальном аппарате Бирмы, в составе английских войск хозяйничал в Ньяссаленде и Уганде, успел побывать в Гонконге. В марте 1912 г. Лугард был назначен губернатором Северной и Южной Нигерии с поручением министерства колоний слить их в единое целое. Вслед за этой реорганизацией Лугард получил высокий пост губернатора вновь созданной колонии. Первоначальное деление Нигерии на Северную и Южную осталось для удобства администрирования. Каждой из них управлял особый губернатор, подчиненный губернатору всей Нигерии, постоянная резиденция которого находилась в г. Лагосе. Еще в 1911 г. будущий губернатор Нигерии получил из министерства колоний Великобритании задание попытаться перейти в Нигерии от «прямого» управления к управлению «косвенному», проверенному на практике британского колониального администрирования в Индии.

Чем же отличаются эти две системы управления, направленные, в первую очередь, на укрепление британского владычества в подвластных ему колониях? Прямым управлением (direct rule) принято называть «прямое», «непосредственное» управление той или иной колонией. Согласно этой форме колониального управления, местное население лишено каких бы то ни было прав, подчиняется приказам и распоряжениям колониальных военных чиновников, опирающихся на силу предоставленных им войск. Эта система незаулаженного прямого «диктаторского» управления была до 1914 г. распространена в Африке повсеместно. Однако эта система оправдывала себя, с точки зрения английских колонизаторов, лишь на первых этапах установления колониального господства. В дальнейшей практике английская колониальная администрация неизбежно сталкивалась с непреодолимыми трудностями.

В обширной английской литературе, посвященной этому вопросу, обычно говорится о двух причинах, заставивших отказаться от прямого управления. Таковыми выставлялись: 1) громоздкость колониального аппарата и 2) исключительно высокие затраты, связанные с содержанием этого аппарата. О главной причине буржуазные авторы обычно

малчивают. Никакой, даже самый жесточайший, колониальный гнет не в силах сдержать неодолимое историческое развитие угнетенных народов колоний, история которых, с тех пор как они были захвачены империалистическими державами, представляет собой историю непрерывающейся борьбы за свою национальную независимость. Вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией — этим величайшим историческим событием нашего века — усилилась национально-освободительная борьба многомиллионных масс колониальных народов. В обстановке кризиса колониальной системы, как части общего кризиса капитализма, большинство империалистических держав было вынуждено отказаться от прямого управления и перейти к более гибкой и подвижной системе управления косвенного, которое и в этих новых условиях сохранило бы незыблемыми позиции империализма в колониях.

Косвенное управление характеризуется прежде всего привлечением к участию в управлении колониями многочисленных местных правителей. Это и феодальные владельцы небольших мусульманских эмиратов, и правители государств йоруба, вожди крупных союзов племен и, наконец, вожди небольших племен. Все эти крупные и мелкие вожди официально признавались английскими колониальными властями и по сути дела превращались в послушных чиновников английского министерства колоний. От такой системы управления страдают в первую очередь широкие народные массы, испытывая на себе двойной гнет: гнет империалистических хищников и гнет собственных феодалов и всяких иных правителей.

Переход от одной системы управления к другой английские империалисты демагогически объявили началом новой эры в жизни колоний — переходом к самоуправлению, к демократическому режиму. На самом деле косвенное управление ничего общего с самоуправлением не имеет и не содержит в себе ни грана демократии. И в том и в другом случае, и при прямом, и при косвенном управлении, власть полностью, без какого-либо изъятия, остается в руках английской колониальной администрации.

Итак, Лугард должен был первым из английских губернаторов практически доказать пригодность системы косвенного управления для британских колоний в Африке, а Нигерия должна была стать экспериментальной лабораторией первых опытов в этом направлении. Сначала казалось, что именно в Нигерии этот грандиозный опыт должен блестяще себя оправдать. Северные мусульманские эмираты фульбе и хауса уже в 1914—1916 гг. были целиком переведены на эту систему. Все крупные и мелкие правители этих эмиратов охотно пошли на сделку с англичанами. Сложнее обстояло дело в юго-западных провинциях Нигерии, но и там в 1924 г. косвенное управление было введено.

Система косвенного управления в Нигерии базировалась на трех специальных постановлениях колониальной администрации¹.

1. Постановление о туземных властях (The Native Authority Ordinance)

Первый шаг английской колониальной администрации на пути создания косвенного управления заключался в формальном признании власти местных правителей. Жесткая шкала определяла значимость этих правителей. Многочисленные эмиры, царьки, вожди и пр. были разбиты сначала на две основные группы (first and second grade chiefs), а в результате дальнейшего уточнения число этих групп было доведено до пяти. Такой «признанный» вождь обязывался поддерживать на подвластной ему территории «законный порядок». Для этой цели была создана специальная полиция, находящаяся в его распоря-

¹ R. Buell. The native problem in Africa, New York, vol. 1, 1928, стр. 688—689.

жении. Вожди первых «разрядов» даже получили право издавать указы и распоряжения, требовавшие, однако, обязательного утверждения губернатора, и привлекать к суду своих подданных. К первому высшему классу вождей были отнесены султаны Сокото, Кано, Борну и других крупных эмиратов Нигерии, а также правители южнонигерийских царств — Ойо, Бенина, Эгбо и др.

2. Постановление о туземных судах (Native Courts Ordinance)

Вторым краеугольным камнем, лежащим в основании системы косвенного управления, явилось постановление о «туземных судах». Эти суды должны были охранять «законность» и «порядок» на территории находящейся в ведении «признанных» вождей. В мусульманских эмиратах севера состав судов комплектовался из профессиональных судей, хорошо знакомых с шариатом; в районах юго-восточной Нигерии, заселенных отсталыми племенами, судили сами вожди и старейшины — носители устных положений обычного права. Все суды действовали на основании списков законов, утвержденных губернатором. Законы эти, хотя и базировались на обычном праве, были сильно изменены и дополнены в интересах колониального управления. Суды находились под непосредственным руководством английских чиновников.

3. Постановление о туземных доходах (Native Revenue Ordinance)

В «Постановлении о туземных доходах» английская колониальная администрация была особенно заинтересована, так как при прямом управлении во время сборов налогов ей приходилось испытывать немалые трудности. Теперь за своевременный сбор налогов несли ответственность «признанные вожди». Повсеместно в Нигерии был введен подоходный налог (раньше существовала подушная подать), равный $\frac{1}{10}$ годового дохода ($\frac{1}{10}$ собранного урожая маиса, пальмового масла и пр.). В эмиратах и в наиболее значительных племенах были организованы «туземные казначейства». Половина всех собранных налогов поступала в английское казначейство, находящееся в Лагосе (это был чистый доход британских колонизаторов); другая половина шла в «туземные казначейства». Из этой второй половины большая часть средств шла на содержание «признанных вождей» и их аппарата — полиции, судей, всякого рода чиновников. Эти «туземные казначейства», так же как и суды, резко дифференцировались по своей роли и значимости, бюджеты их были не одинаковыми. Из этих средств, собранных с самого обнищавшего нигерийского народа, английский губернатор «выплачивал» крупное содержание «признанным вождям». Так, эмиры Кано, Сокото и Борну ежегодно получали по 6 тыс. фунтов стерлингов. Лишь очень небольшие средства расходовались непосредственно на нужды населения: строительство дорог, оборудование рынков, содержание школ, больниц и пр.

Эти три постановления, дополняя одно другое, служили прочным фундаментом, на котором в Африке была построена система косвенного управления. Эту «триаду» первых административных постановлений английские колониальные власти постепенно ввели в Англо-Египетском Судане, Кении, Танганьике, Уганде. Практикой была доказана ее универсальность. Легче всего эта система внедрялась в обществах, где уже сложились какие-то, хотя бы и небольшие, государственные образования. Но она была действенна и там, где были сильны родоплеменные связи. И в этих случаях за формальным признанием вождей крупных племен или союзов племен следовало установление судов, а затем организация «туземных казначейств».

Но если в северной и в юго-западной частях Нигерии разработанная Лугардом система была введена в действие и служила наглядным примером для остальных английских колоний в Африке, то в междуречье между Бенуэ и Нигером английских экспериментаторов преследовали жестокие неудачи. В этом районе живет несколько африканских народов. Наиболее крупные из них — ибо (свыше 4 млн. чел.); тив (свыше 1/2 млн.), ибибио (около 1 млн. чел.). Вся трудность проблемы для английских колониальных властей заключалась в том, что в юго-восточной Нигерии они не находили ни знакомых им форм феодальных эмиратов фульбе и хауса, ни раннеклассовых государств типа Бенина, Эгбо и др., ни развитого племенного строя с четким делением на роды. Лугард и его помощники зашли в тупик. На первый взгляд им буквально не за что было ухватиться, чтобы построить хотя бы какой-нибудь несовершенный вариант косвенного управления.

Если мы просмотрим английскую литературу, посвященную этой проблеме, то найдем многочисленные жалобы на чрезвычайную сложность всего этого вопроса. Так, Марджери Перам, лектор колониальной администрации в Оксфордском университете, писала: «Что касается юго-востока Нигерии, то в отношении администрирования она представляет проблемы, которые по своей сложности не находят равных в [остальной части] Нигерии, если не во всей британской Африке»². В 1914—1916 гг., в период создания аппарата косвенного управления в Северной Нигерии, в юго-восточной Нигерии, по словам Мика, даже не было разговора о косвенном управлении, поскольку там не было никаких правителей. «Проблема администрирования, повидимому, была неразрешимой»³. Список жалоб на отсутствие у народов юго-восточной Нигерии подходящих общественных институтов для создания системы косвенного управления можно было бы увеличить. Выход оставался один — искусственно создать эти институты, во что бы то ни стало найти недостающих «правителей».

Об этом уже в 1945 г. весьма определенно высказался губернатор Нигерии Ричардс: «Естественно, что существование хорошо организованных туземных государств облегчает задачу этой политики (Ричардс имеет в виду политику косвенного управления.— С. С.), но в таких местах, как, например, в восточных провинциях, где готовых организаций не существовало, была сделана попытка создать их, исходя из местных обычаев и традиций»⁴.

Этой попытке искусственного создания на огромной территории с 6—7-миллионным населением подходящих для «косвенного управления» общественных институтов и посвящена настоящая работа.

II

До 1914 г. юго-восточная Нигерия была разделена на отдельные провинции, провинции — на районы. Во главе этих провинций и районов стояли английские военные чиновники, осуществлявшие политический и военный контроль на вверенной им территории. Административное деление абсолютно не соответствовало этническому делению нигерийских народов. Английские правители в этих «дистриктах» пользовались неограниченной, диктаторской, властью, но в помощь им уже в то время были созданы «туземные суды», хотя судьями в них были англичане. Председательствовали в этих судах начальники провинций и районов, членами судов были их ближайшие помощники — англий-

² Margery Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 201.

³ C. K. Meek, *Law and authority in a nigerian tribe*, London, 1937, стр. 328—329.

⁴ Richards, *Proposals for the revision of the constitution of Nigeria*, London, 1945, стр. 3.

ские чиновники; в заседаниях суда принимали участие набранные местного населения наиболее состоятельные люди, но они пользовались лишь правом совещательного голоса.

Когда окончательно выяснилось, что народы юго-восточной Нигерии якобы не имеют пригодных для создания косвенного управления общественных институтов, было решено воспользоваться некоей промежуточной формой управления от прямого к косвенному с помощью систем так называемых «warrant chiefs», т. е. «назначенных вождей». За основу ячейку этой новой системы были приняты «туземные суды». Система эта абсолютно не затрагивала неограниченной власти английских офицеров. Попрежнему высшей властью в провинции и районы был облечен английский резидент. Институт «назначенных вождей» юго-восточной Нигерии был введен повсеместно. Так, например, народ тив, насчитывающий свыше 500 тыс. чел., границами округов был раздроблен на 34 части. В каждый район был назначен англичанин «вождь» (откуда и произошло название «warrant chief», т. е. «назначенный вождь»). При нем были организованы «совет», члены которого также назначались, и суд, в состав которого входил в качестве председателя «вождь», а членами суда — члены «совета»⁵. Каждый из районов, в свою очередь, делился на более мелкие части, во главе которых также стояли «назначенные вожди». Вскоре из среды местного населения была набрана полиция, для ведения судебных протоколов — грамотные писари. Назначенные члены «советов» во главе «вождем» были случайные люди, не пользовавшиеся в народе ни авторитетом, ни влиянием. Показательно, что многие из тив, которых английские власти назначали вождями, отказывались от этой «почетной» должности. Все эти случайные правители быстро сделались послушным орудием в руках британских властей. Народ ненавидел их, называя «вождями белого человека» или «черными европейцами».

Народ не признавал «вождем белого человека», но эти вожди имели реальную власть, опиравшуюся на всю мощь английского колониального военного-полицейского аппарата. Вновь созданная правящая верхушка нещадно грабила и обирала народ. «Вожди», писари и полиция превратились в ростовщиков, вымогателей и взяточников. По свидетельству Акига, принадлежащего к племени тив, «все лучшее, чем владели тив, отбиралось вождями для своих собственных нужд». Жаловаться на бесчинство «назначенных вождей» было некому — английские военные чиновники поддерживали своих ставленников. Тивы ненавидели и боялись белого человека, «черных европейцев и полицейских»⁷.

Хотя в начале 20-х гг. нигерийский опыт внедрения косвенного управления был уже перенесен на все остальные британские колонии Африки, восточные провинции Нигерии все еще оставались вне этой системы. У британского министерства колоний были все основания для беспокойства. Во-первых, из общей схемы управления Нигерией вытекало, что создавало большие затруднения в отношении администрирования; во-вторых, в период повсеместного внедрения косвенного управления, когда нигерийский «опыт» всячески пропагандировался британским министерством колоний, такая «маленькая неувязка», как провал этой политики в юго-восточных областях, не говорила в пользу этого опыта, и наконец, в-третьих, что особенно заставляло нервничать английские власти, в то время как в северных районах ежегодно собирались большие налоги, юго-восточные районы были в основном все еще свободны от каких бы то ни было обложений

⁵ «Akiga's story», the Tive tribe as seen by one of its members, translated and annotated by Rupert East, Oxford, 1939, стр. 307.

⁶ Там же, стр. 390.

⁷ Там же, стр. 307.

Наконец, в 1925 г. губернатору Нигерии было предписано разработать проект введения налогов в юго-восточной области, и в апреле 1927 г. последовало официальное распоряжение губернатора применить положение о «туземных казначействах» и к этим областям.

Взимание налогов оказалось для «назначенных вождей» задачей непосильной. Ограбленный нигерийский народ не хотел и не имел возможности платить эти налоги. Вскоре после губернаторского распоряжения — в сентябре 1927 г. — вспыхнуло восстание в провинции Варри, заселенной народом ибо. Восстание перекинулось на ближайшие провинции и продолжалось до конца 1927 г. По очень отрывочным сведениям, проникшим в английскую печать, можно составить представление о размахе и массовом характере этого восстания.

В области, охваченной движением, все английские ставленники из местного населения во главе с «назначенными вождями» были изгнаны, часть их уничтожена, а имущество, накопленное путем ограбления подведомственного им населения, отобрано. Для подавления этого восстания в провинции Варри были сосредоточены многочисленные отряды полиции.

Это был серьезный сигнал об окончательном провале всей затеи с «назначенными вождями». Однако «назначенных вождей» нечем было заменить, так как «правительство все еще не имело точной информации, руководствуясь которой можно было бы построить хотя бы скромное основание туземного администрирования»⁸. Однако после кровавой расправы налоги стали поступать в английские банки, и собирали их все те же «назначенные вожди», часть которых получила право организации «туземных казначейств».

В 1929 г. английские власти решили в юго-восточных провинциях обложить налогом не только мужчин, как это практиковалось раньше, но и женщин. В ответ на это постановление в ноябре 1929 г. вспыхнуло новое восстание, охватившее центральный район страны ибо, восстание, по размаху и массовости значительно превосходившее предыдущее. В этом восстании активное участие принимали женщины. По свидетельству Мика, повстанцы убивали и изгоняли «вождей белого человека», разрушали здания судов, разламывали мосты, забирали имущество со складов европейских купцов, освобождали заключенных и во многих случаях оказывали активное сопротивление вооруженным правительственным войскам и полиции. И это восстание было задушено с исключительной жестокостью. Английская статистика не указывает числа жертв этой расправы.

Восстание 1929 г. еще раз наглядно показало всю непригодность принятой правительством системы управления.

На этот раз государственный секретарь по делам колоний выразил мнение, что «восстание ясно показало необходимость этнографического исследования»⁹, и в 1930 г., выполняя директивное предписание своего правительства, английская колониальная администрация Нигерии приступила к широкому этнографическому полевому исследованию юго-восточных районов колоний. Работа эта проводилась под прямым руководством губернатора Нигерии Дональда Камерона и губернатора Южно-Нигерии Вальтера Бьюкенена.

К этой работе было привлечено несколько десятков ученых-этнографов и английских колониальных чиновников. Задача, поставленная перед ними, отличалась предельной четкостью: необходимо во что бы то ни стало найти среди ибо, ибибио, тив и др. общественные институты, на которых можно построить систему косвенного управления.

Тем интереснее узнать результаты исследования британских этно-

⁸ С. К. Меек, указ. раб., стр. 361.

⁹ Там же, стр. 362.

графов, создавших, по их мнению, «действенную систему управления вместо искусственной системы, которая не имела основания в туземных институтах»¹⁰. Обобщив материалы отдельных исследователей, написал книгу «Закон и власть в нигерийском племени», причем заявляет в предисловии, что этот отчет «является одним из наиболее интересных комментариев к колониальному управлению, опубликованных за последнее время»¹¹. Автор не пытается рядиться в тогу нейтрального. В пространном предисловии к своей работе он откровенно заявляет, что «организуя этнографические исследования в Иболенде, правительство Нигерии не руководствовалось какими бы то ни было академическими или археологическими интересами». Собранный материал должен был помочь «наиболее полному использованию туземных институтов как орудия местного управления»¹².

Едва ли можно найти в истории внедрения косвенного управления в Африке более яркий пример столь тесного сотрудничества этнографов и колониальной политики, ученых-этнографов и офицеров английских колониальных войск. В данном случае буржуазная этнография — казалось бы, такая «аполитичная» и «мирная» наука, за какую ее хотя бы выдать буржуазные ученые, — выступает как наука наиболее активно реакционная, стоящая на страже империализма, на страже незыблемости основ колониального рабства. И едва ли можно найти более наглядную форму практического применения основных положений реакционной, так называемой «функциональной» школы в этнографии, основоположник которой Бронислав Малиновский в своих многочисленных работах указал на необходимость использования данных этнографии для нужд колониального администрирования. И не случайно в предисловии к своей работе Мик так щедр на комплименты и Малиновскому, и «величайшему авторитету в области примитивного права» — Радклиф Брауну.

Как указывает Мик, реорганизация, проведенная английскими властями в юго-восточной Нигерии, была целиком основана на данных этнографического исследования, изложенных в его сводной работе. И на этот раз у нас нет оснований не верить Мику.

В своей «исследовательской» работе английские ученые-колонизаторы в первую очередь столкнулись в юго-восточных районах Нигерии с племенем иббо. Иббо населяют юго-восточную часть Нигерии между 5° северной широты и 6 и 8° восточной долготы. Современное районирование не сохранило целостности народа: иббо целиком населяют провинции Оверри, Онича и половину провинции Огоджа, причем значительная часть их живет в провинциях Бенине и Варри. Области правого берега Нигера населяют йоруба, близкие иббо по языку, духовной и материальной культуре. Эти два народа являются одними из наиболее многочисленных народов Африки.

Современная английская этнография все еще продолжает считать иббо племенем. Тальбот делит иббо на 30 отдельных племен и 60 подразделений¹³. Более осторожный Мик вынужден признать, что «племенные деления, обнаруженные Тальботом, скорее территориального, чем социального порядка»¹⁴, но тут же категорически утверждает, что «ибо не знали истории рода, а единственной формой их исторического развития являются чисто местные различные объединения или группы семей». По Мику выходит, что иббо никогда не имели ни родов, ни племен, развиваясь своеобразными оригинальными путями, неизвестными другим народам. Эти антинаучные измышления по мысли их ав-

¹⁰ С. К. Меек, указ. раб., стр. 332.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 325.

¹³ P. A. Talbot, The peoples of Southern Nigeria, стр. 39—42.

¹⁴ С. К. Меек, указ. раб., стр. 4.

торов должны были подтвердить реакционную идею об исключительной отсталости ибо, которая проявляется в «почти полном отсутствии у ибо какого бы то ни было высшего политического или общественного союза»¹⁵, что и вынуждало английские власти создать для «незадачливых» ибо отсутствующие в их обществе институты.

Достоверные исторические данные об ибо относятся к началу XVI в. Еще задолго до появления европейцев в Южной Нигерии в западной ее части сложились своеобразные государственные образования йоруба. Ибо не остались в стороне от этого общего для народов Нигерии процесса. В северной части юго-восточной Нигерии в начале XVI в. возникло государство-город Онича, близкое по своей структуре государствам йоруба. Отрывочные сведения об этом государстве говорят о пышном дворе правителя — оби, власть которого распространилась на смежные с городом территории. В свою очередь, Онича находилось в зависимости от более сильного государства — Бенина, расположенного по правому берегу Нигера. Еще в те далекие времена по Нигеру, связывавшему внутренние области Судана с прибрежными районами, велась оживленная торговля, и ибо безусловно были в эту торговлю втянуты. С появлением же на берегах Южной Нигерии европейцев (XV–XVI вв.) стала развиваться и работорговля.

Если в западной части Южной Нигерии роль торгового центра играл г. Лагос, то на востоке таким центром являлся г. Бонни, расположенный в дельте Нигера. Бонни также представлял собой столь характерный для Южной Нигерии город-государство. Население этого государства состояло из ибо и йоруба. Жители города вели посредническую торговлю с внутренними областями страны, выменивая у европейцев на слоновую кость и рабов металлы, оружие, всевозможные товары. Установлено, что в XV–XVI вв. население в этой части Нигерии знало деньги — металлические бруски, отлитые в форме рыбы. Правитель Бонни располагал даже флотом, суда которого поднимали свыше чем по 150 чел. Этот небольшой исторический экскурс позволяет нам яснее представить настоящее положение ибо, народа, который три-четыре столетия назад имел в некоторых областях своего расселения в раннеклассовые государства, и развитую торговлю, и денежное обращение.

Ибо, как и все другие народы, знали и развитую родовую организацию, которую сейчас можно наблюдать в стертom виде.

В настоящее время у ибо, как и у йоруба, существует классификационная система родства малайского типа. Но, как доказал Д. А. Ольдерогге¹⁶, у ибо некогда была ганованская система родства. В этом нас убеждает наличие особых терминов обращения для перекрестных кузенов и для сына сестры. Выделение перекрестных кузенов показывает, что некогда такое же выделение существовало в отношении брата матери и сестры отца, которые выделялись из общего круга теток и дядей. Выделение же сына сестры указывает на некогда существовавшие нормы материнского рода с правом наследования по женской линии (т. е. от дяди к племяннику, от брата матери к сыну сестры). Таким образом, отчетливо видно, что в прошлом у ибо была родовая организация. Малайская система родства возникла в результате упрощения системы родства ганованского типа. Это упрощение явилось следствием распада родового организма на большие патриархальные семьи. Прежняя экзогамия рода сменилась экзогамией группы родственников, где счет родства идет по обоим линиям, если речь идет о браке, поскольку браки между близкими родственниками запрещены

¹⁵ С. К. Меек, указ. раб., стр. 4.

¹⁶ В докладе «Малайская система родства в Западной Африке», зачитанном на сессии Ученого совета Института этнографии АН СССР в декабре 1949 г. (см. информацию о сессии в журн. «Советская этнография», 1950, № 2).

¹⁰ Сов. этнография, № 3

как по линии отца, так и по линии матери, причем, однако, наследование идет только по линии отца. Малайская система родства и близкие ей системы описанного типа существуют среди наиболее многочисленных и высококультурных народов гвинейского побережья Западной Африки: ибо, йоруба, дагомейцев, эве и др. Таким образом, существование у ибо системы родства малайского типа не является чертой примитивности или наличия у них родового строя, а напротив — эта система свидетельствует об изживании родового строя и становлении новых, более прогрессивных отношений.

Что же нашел у них Мик?

Основой общественных отношений является большая семья — умна, что в переводе означает «дети общего предка». Этот термин обозначает либо отдельную большую семью, состоящую из входящих в нее малых семей, либо соединение нескольких больших семей (результат сегментации некогда одной большой семьи), живущих неподалеку друг от друга, связанных родственными узами и — в меньшей степени — общей хозяйственной деятельностью. Большая семья обычно занимает отдельный квартал деревни (города), деревня же чаще заселена отдельной группой родственных больших семей, члены которых возводят свое происхождение к общему предку, иногда располагают общими земельными угодьями, общим святилищем и подчиняются некоторым общим обычаям. Некоторое число соседних деревень образует «группу деревень», связанных общностью территорий, общими обычаями, в некоторых случаях — общим святилищем, что должно говорить об общем происхождении жителей этих деревень от одного далекого предка. По мнению Мика, «группа деревень» — высшее, найденное среди ибо политическое объединение». Таким образом, структура общественных объединений у ибо представляется по Мику следующей: большая семья — группа больших семей, населяющая одну или несколько смежных деревень, и, наконец, объединение ряда деревень в так называемую «группу деревень».

Эта схема, надо сказать, весьма условна и не отражает действительного положения дела. В большинстве районов объединения деревень совершенно отсутствуют; в районах крупных торгово-промышленных центров исчезло и второе звено — группы нескольких больших семей. Наконец, что следует особо подчеркнуть, эта схема не предусматривает главной тенденции современного движения общественной организации ибо: распада больших семей на малые семьи.

Численность большой семьи ибо, состоящей из нескольких малых семей, колеблется от 30 до 150 чел. Во главе большой семьи ибо стоит окпара — старейшина. Сейчас старейшина утратил многие из своих былых функций организатора коллективных работ членов семьи и почти не вмешивается во внутреннюю жизнь малых семей, составляющих большую семью. Каждый женатый мужчина должен сам организовать труд в своей семье, чтобы прокормить себя, жену и детей. Но все же в остальных семьях ибо кое-что осталось от коллективного труда и коллективного потребления продуктов.

Некоторые из былых функций старейшины продолжают существовать, указывая на ту решающую роль, которую он некогда играл. Сохранилась и часть коллективной собственности большой семьи в виде определенных участков земли и пальмовых рощ, закрепленных за старейшиной, который является как бы носителем былого принципа общешесемейного коллективного начала. Для того чтобы был создан общий семейный фонд коллективного пользования, взрослые мужчины обязаны в начале сельскохозяйственного сезона отработать на этих полях четыре дня, а в дальнейшем — по одному дню в каждые девять дней. Практика наследования показывает, что эти участки не являются личной собственностью старейшины. В случае смерти окпара земля пер

дается в присутствии свидетелей его преемнику и без согласия всей семьи ни в коем случае не может быть отчуждена. Эти участки земли, а также пальмовые насаждения, находящиеся в коллективном пользовании, не смешиваются с землей — собственностью старейшины, которую он имеет право передать по наследству старшему сыну. Кроме того, каждая семья обязана выделить в свой коллективный фонд определенное количество продуктов, например $\frac{1}{4}$ добытого за сезон вина, некоторое количество ямса и пр. Коллективный труд членов всей большой семьи применяется на расчистке новых участков, при постройке жилища, на охоте, при работе на полях бездетных стариков.

Таким путем в руках старейшины сосредоточивается значительное количество продуктов, предназначенных для всего коллектива. Из этих запасов он помогает некоторым семьям в периоды неурожая и несет часть расходов на свадьбы и похороны. При рождении ребенка, окпара обязан снабдить мать одеждой и некоторым количеством продуктов. Коллективные торжества, в которых участвует вся семья, часто сопровождаются общей трапезой, на которую расходуются продукты из этого же фонда. Принцип коллективного распределения еще соблюдается в некоторых отдаленных от городских центров районах расселения ибо, когда окпара делит тушу убитого на охоте животного между членами семьи согласно установленным правилам. Кроме того, старейшина является посредником между членами большой семьи и «душами умерших предков», наблюдая за семейным святилищем и совершая жертвоприношения в интересах всей семьи или отдельных ее членов. Он также обязан защищать интересы своего коллектива на совете старейшин группы семей, который иногда собирается для решения всевозможных споров и тяжб.

И в настоящее время среди ибо все еще бытуют разнообразные формы коллективной ответственности. Коллективную ответственность за своих членов несет в первую очередь большая семья и — в меньшей степени — группы больших семей. Так, например, в случае умышленного убийства члены большой семьи убитого, поддержанные коллективом всей группы семей, «конфискуют» часть имущества, принадлежащего семье преступника. Этого может не случиться, если родственники преступника заставят его, а если он убежит, то любого из мужчин своей большой семьи, покончить жизнь самоубийством. Коллективную ответственность несет семья и в случае неуплаты кем-либо из ее членов долга к обусловленному сроку. В этом случае кредитор имеет право забрать у любого из родственников должника продуктов на сумму долга. Все эти примеры далеко не типичны и во всяком случае не универсальны, но все же приходится считаться с тем, что в ряде провинций подобная практика существует.

Основной вывод исследований английских этнографов сводился к правильному положению, что первичной социальной ячейкой общества ибо все еще является большая семья. «Здесь мы имеем основной элемент закона и власти — группу единокровных родственников, которые обычно оказывают повиновение признанному главе или главам семьи и настолько тесно связаны общими интересами и общими обязательствами, что поведение одного близко касается всех членов семьи... семейная организация является поэтому источником морали, основанием для политической структуры и оплотом порядка внутри общества», — заявляет Мик.¹⁷ Однако большая семья в том виде, в каком она существует у ибо, не является достаточно прочной социальной основой для базирования на ней всего здания косвенного управления. Большая семья находится в процессе быстрого распада, распада неотвратимого в условиях современности. Факт этот признают и английские колониаль-

¹⁷ С. К. Меек, указ. раб., стр. 333—334.

ные власти, жалуясь и на ослабление былого влияния старейшин, и «развитие индивидуализма» (понимая под этим выражением образование малых семей), что никак не вяжется с прочностью большой семьи, и, наконец, на сильное ослабление большесемейных организаций центральных областях юго-восточной Нигерии.

Но англичане не видели другого выхода в решении этого затянувшегося вопроса, как уцепиться за большую семью — основное звено общественной организации ибо. При этом они признавали, что создание косвенного управления потребует большой «созидательной» работы по реставрации уже отживших и умирающих институтов, оставшихся от первобытно-общинного строя. Слово «реставрация» часто встречается в этой связи в английской литературе. Однако это не просто реставрация и мумифицирование умирающих или давно умерших институтов первобытно-общинного строя. Это — реставрация старого для использования этого старого в новых условиях современной колониальной действительности, отчаянная попытка воспрепятствовать рождению нигерийского общества, попытка задержать стремительное развитие национально-освободительного движения. Но «реставрация» большой семьи и укрепление пошатнувшейся власти старейшин неизбежно привели к восстановлению всего, что сопутствовало первобытно-общинному строю в области идеологии, правовых норм, религии и пр. Мы не смущаясь, заявляет, что деспотическая власть вождей (после укрепления власти этих вождей английскими колониальными властями должна сдерживаться средствами всевозможных тайных обществ, организациями возрастных классов, различными запретами — табу и другими архаическими институтами. И на этот раз англичане использовали уже нам «триаду»: признание власти вождей, организация туземных судов, организацию казначейств.

В деревнях, заселенных, как обычно, группами больших семей, были созданы так называемые «советы». «Советы» были укомплектованы старейшинами больших семей, деревенскими богачами (немногочисленная прослойка будущего кулачества), влиятельными членами тайных обществ, возрастных классов и пр. «Советы» были наделены административной властью. Они отвечали за своевременный сбор налогов и выполнение различных правительственных распоряжений, а также следили за «благонаправлением» членов семей, живущих в деревне. Председательствовал в таком совете старейшина группы, а в областях, где власть старейшин была уже сильно подорвана, члены совета председательствовали по очереди. Это был уже не прежний, первобытно-общинный, демократический орган самоуправления, тесно связанный с народом. Это был искусственно созданный орган, где традиционная власть старейшин постепенно сменялась властью богачей — ставленников английской колониальной администрации.

Следующим звеном в системе косвенного управления явился союз отдельных деревень. Если в первом случае английские власти опирались на весьма зыбкую, но все же реально существующую основу, то «союз деревень» представляется организацией, целиком искусственной. Никаких серьезных хозяйственных или родственных связей между отдельными деревнями уже давно не существует. По идее английских чиновников это объединение должно стать «небольшой независимой республикой», «соединением людей, связанных вместе тесными узами общих интересов»¹⁸. Эти связи, по мнению англичан, следует искать в общем диалекте, обычаях и верованиях, в пользовании одними и теми же рынками и водными источниками. В таких крупных объединениях, иногда насчитывающих по несколько тысяч человек, были также организованы «советы» из представителей «советов» деревень. Большинству

¹⁸ С. К. Меек, указ. раб., стр. 334—335.

«советов» деревень и «советов» союзов деревень были приданы суды. Суды «советов» деревень разбирали мелкие тяжбы и споры между жителями деревни; суды союзов деревень (так называемые трибуналы) получили право приговаривать виновного к тюремному заключению на срок от одного до двух месяцев или к штрафу, не превышающему 3 фунтов. Трибуналы располагают собственной полицией, штатом судей, писарей и в некоторых случаях и тюрьмами. Но ни деревенские суды, ни трибуналы не правомочны разбирать дела, выходящие за рамки местных обычаев. Все более или менее серьезные случаи «преступлений», направленных чаще всего против основ колониального режима, поступают в английские суды. Английские суды разбирают также все дела, касающиеся интересов европейцев.

Наряду с судами были организованы и «туземные казначейства» при наиболее крупных союзах деревень. Во всех южных провинциях Нигерии в 1936 г. их уже насчитывалось 75. Как было указано, средства этих казначейств складывались из процентных поступлений с общей суммы собранных налогов, больше половины которых перечислялось в бюджет колонии. Основные затраты казначейств были в первую очередь связаны с содержанием штата членов «советов» и «судов», и лишь очень незначительные суммы расходовались на образование, медицинское обслуживание и внутреннее благоустройство (строительство мостов, дорог, рынков и пр.). Те советы, которые не имели своих казначейств, также были заинтересованы в своевременном сборе налогов, поскольку и на их содержание отпускались средства пропорционально собранной сумме.

Резюмируя результаты проведенной «реформы», Мик заявляет: «Таким образом, родовая организация, которая является базисом общества, ибо, получила формальное признание»¹⁹. Но если «родовая организация» получила формальное признание английских властей и в меру их сил и способностей была восстановлена на новой основе, то вслед за этим неминуемо последовало и «признание» древней религии и всевозможных диких обычаев и пережитков, сопутствующих этой «организации». Английские теоретики от этнографии и здесь нашли выход, создав ложную, реакционную теорию о «самобытности» африканской культуры и «самобытности» африканской демократии. Оказывается, приобщение народов Африки к европейской цивилизации является опасным мероприятием, и опасным не столько для современных колонизаторов, сколько для самих народов Африки. Единственное средство, которое может помочь африканцам все же приобщиться к европейской цивилизации,— это косвенное управление. «Косвенное управление,— восклицает Мик,— спасет их (нигерийцев.— С. С.) от опасности быть уничтоженными потоками новых религий, экономических, общественных и политических сил». Это — «мост, по которому туземцы безопасно переправятся от старой культуры к новой».

Таким образом, задача английских властей заключается как раз в том, чтобы воспрепятствовать слишком быстрому развитию культуры, попытаться возродить давно уже умершие обычаи и пережитки и всеми средствами поддерживать умирающие. Эта философия «просвещенных» колонизаторов свое практическое выражение нашла опять-таки в юго-восточной Нигерии.

Организация широкой сети новых судов заставила английские власти задуматься о составлении законов, основанных на обычном праве ибо, ибибио, тив и др., но в то же время отвечающих потребностям колониального администрирования. Положения обычного права были коренным образом переделаны и дополнены новыми законами. «Прежде всего,— пишет Мик,— наша судебная процедура была при-

¹⁹ С. К. Меек, указ. раб., стр. 349.

ближена, насколько это возможно, к туземным условиям»²⁰, и без тени улыбки Мик рекомендует членам суда перед началом процедуры собраться перед родовым святилищем — «аля» и обратиться к душам умерших предков с просьбой незримо присутствовать на суде и показать любого из судей, кто отважился бы взять от подсудимого взятку.

Искусственная «реставрация» большесемейных групп имела немало важное значение для введения английского варианта «порядка» и «законности». Признание англичанами власти советов повлекло за собой усиление ответственности советов за поведение жителей деревень, подчиненных этим советам. Древний институт первобытно-общинного строя — коллективная ответственность больших семей и групп таких семей за проступки своих членов — лег в основу введенного англичанами законодательства. Это означало, что наказание должно нести не только лицо, совершившее преступление (эти преступления чаще всего были направлены не против общества, а против основ колониального режима), а вся группа в целом (большая семья, группа семей), членом которой являлся «преступник». «В Трансиордании, — по словам Мика, — арестовывались родственники вплоть до пятого колена, и эта система дала блестящие результаты»²¹. Трансиорданский опыт был перенесен и в юго-восточную Нигерию, где губернатором было издано специальное «Распоряжение о коллективном наказании» (The collective punishment Ordinance).

Английские власти энергично поддерживают первобытную религию и все связанные с ней суеверия, как одно из обязательных условий, укрепляющих устои косвенного управления. Законодательство, введенное в Нигерии и разработанное при участии этнографов, берет под свою защиту жрецов и колдунов, дикие приемы лечения болезней. «Мы, которые сейчас начинаем познавать важность психологии в излечении болезней, отрицаем за африканцами право иметь свои собственные способы лечения болезней психологическими методами. Наши законы могут показаться туземцам нелогичными, если они отрицают реальность магии», — поучает Мик²².

И сейчас еще в отдаленных сельских местностях у ибо сохранились древние тайные союзы и возрастные классы. Их роль и влияние сильно подорваны, но даже эти сходящие на-нет организации использованы для нужд косвенного управления. Тайные союзы превратились в узкие корпоративные объединения зажиточных слоев деревни. Члены тайных союзов продолжают носить пышные титулы, и англичане охотно вводят их в состав советов и судов, где они играют наиболее реакционную роль.

Однако Мик далеко не уверен в том, что нигерийцы без сопротивления воспримут навязанную им систему косвенного управления, утверждающую колониальное рабство. Просвещенный этнограф требует увеличения количества тюрем. Он сетует, что в существующих тюрьмах заключенные «поправляются от хорошей пищи», а «тюремные условия — слишком приятные, чтобы служить действительно сдерживающим средством»²³. Редко из уст английского чиновника приходится услышать правду, что жизнь в английских колониях тяжелее тюремного заключения.

Однако потуги английских колонизаторов искусственно задержать рождение нового нигерийского общества заранее обречены на провал. Об этом неопровержимо свидетельствует быстрый процесс разложения основной социальной ячейки ибо — большой семьи — умунны.

²⁰ С. К. Меек, указ. раб., стр. 348.

²¹ Там же, стр. 338—339.

²² Там же, стр. 338.

²³ Там же.

Развитие частной собственности приводит в конечном итоге к разрушению большой семьи и выделению малых семей. Энгельс указывает: «Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину большой семьи везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно... Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества»²⁴.

Этот постепенный процесс разложения большой семьи ибо удобнее всего проследить на развитии земельной собственности — главного богатства ибо.

По словам Басдена, крупного колониального чиновника, земельная собственность, согласно обычному праву ибо, в прошлом никогда от семьи не отчуждалась и старейшина действовал как опекун коллективной собственности. Однако, продолжает Басден, это правило — не основное и исключения из него многочисленны²⁵. В дальнейшем, с приходом европейцев в Нигерию, землю стали отдавать в залог, продавать и возмещать ею долги. Сейчас в юго-восточной Нигерии, где умирающие первобытно-общинные порядки тесно переплетаются с капиталистическими, все расчеты давно уже приняли денежную форму. Выкуп за невесту и плата за кровь исчисляются в деньгах; налоги правительство взysкивает в деньгах, и богатство нигерийца заключается не только в земле и плодовых пальмах, но и в денежных сбережениях, как бы малы они ни были. Многие английские авторы отмечают в Южной Нигерии быстрый рост широкой рыночной сети, причем дороги, ведущие к крупным рынкам, и сами рынки стали обычным местом скопления людей. Население центральных провинций втянуто в посредническую торговлю. Быстро увеличивается численность населения городов за счет сельского населения. Многие ибо занимаются отходничеством, работая на небольших предприятиях, в шахтах, на железной дороге, батрача на землях местных феодалов и в крупных хозяйствах иностранных компаний. На землях ибо находятся крупные каменноугольные копи, в Энугу, на которых работает значительное количество ибо.

В условиях развития капитализма трудно сохранить традиционную коллективную собственность на землю. Английские колониальные власти стремятся искусственно сохранить общинное землевладение при помощи специального законодательства, воспреещающего не только продажу земли, но и сдачу ее в аренду. Подобные законы распространялись и на юго-восточные районы Нигерии. Однако практика показала, что никакое законодательство уже не в силах задержать начавшийся процесс исчезновения коллективной земельной собственности (процесс, который неопровержимо свидетельствует о распаде больших семей на малые семьи), и английские власти были вынуждены в крупных торгово-промышленных районах официально разрешить не только аренду и залог, но и продажу земли. Мик выделяет следующие виды земельных угодий: необработанные земли, в которые входят священные и табуированные леса, луга, роши, а также девственные леса, обработанную землю, находящуюся в пользовании больших семей или групп больших семей, и землю, находящуюся в пользовании малых семей. Священные земли обычно окружают места, на которых совершаются религиозные обряды и которые поэтому находятся под запретом. Девственные леса, могущие включать пальмы или ценные сорта деревьев, идущие на строительство домов и изгородей и прочие нужды, используются всей группой больших семей в целом. Обработанная земля делится на две неравные

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139.

²⁵ G. T. Basden, *Niger ibos*, London, 1938, стр. 264

части: земли коллективного пользования (весьма незначительная часть общей запашки) и земли, находящиеся во владении малых семей.

Кроме участков земли, которой распоряжались старейшины (о чем речь была выше), в категорию коллективного владения входят земли, служащие как бы резервным фондом большой семьи или группы больших семей. На совете старейшин раньше решался вопрос об использовании того или иного участка отдельными семьями. Эта категория земель, как правило, всегда находится от деревни на значительном расстоянии. Характерно, что в районах, расположенных поблизости от больших торговых центров и железных дорог, земли подобного типа полностью отсутствуют, как, например, в провинции Оверри. В районах Аре такие земли состоят из участков, негодных для обработки. Вся земля, используемая большой семьей, называется «алянгуре» (земля предков). В случае расщепления большой семьи на отдельные ветви или малые семьи эта земля делится между образовавшимися подразделениями. Как правило, «чужеземцы», принятые ранее в семью, права на долю в разделе не имеют.

Земли малых семей находятся поблизости от дома и главой семьи передаются по наследству. Эти земли состоят из удобных обработанных полей и пальмовых рощ. Какими же путями увеличиваются владения малой семьи? С разрешения совета старейшин можно расчистить участок «священной земли» или «девственного леса», если им не пользуется коллектив. Через несколько лет эта земля становится собственностью малой семьи и наряду с основным участком может быть отдана в аренду, заложена или передана по наследству. Случаи продажи земли становятся массовыми, что можно объяснить лишь развитием капитализма и крайним обнищанием большей части населения, вынужденного расставаться со своим основным источником существования. Поскольку все же официальная продажа земли запрещена, прибегают к разнообразным маневрам для обхода английских законов.

Наиболее распространенной формой скрытой продажи земли является отдача ее под залог. Так, например, в провинции Оверри существует неписаное правило, по которому земля, заложенная дважды, переходит в собственность «покупателя». «На практике это считается продажей», — замечает Мик. В некоторых районах выкуп за заложенную землю намеренно назначается в чрезмерно высоком размере, и «покупатель» уверен, что этот участок останется у него навсегда. Повсеместно среди ибо практикуется сдача земли в аренду, причем можно говорить не только о натуральной, но и о денежной ренте.

Таким образом, внутри большой семьи развивается частная земельная собственность малых семей, подрывающая основную материальную базу большой семьи — коллективную собственность на землю.

Таким образом, большая семья, на базе которой английские колониальные власти построили здание косвенного управления, разрушается и исчезает. Исчезают последние остатки первобытно-общинных отношений, формируются классы буржуазного общества.

Выделился многочисленный рабочий класс ибо, занятый преимущественно в горной промышленности и на транспорте. Он создал уже свои классовые организации — профессиональные союзы — и проходит суровую школу классовой борьбы. «Кровавая пятница» — расстрел английской колониальной полицией мирной демонстрации горняков в Энугу — явится значительной вехой в истории борьбы рабочего класса ибо против английского империализма.

Появилась и окрепла своя национальная буржуазия и национальная интеллигенция. Представитель народа ибо Ннанди Азикве, журналист, владелец газетного объединения «Зик пресс», является руководителем общенигерийской организации национального фронта — «Национальный совет Нигерии и Камеруна». Представителем народа ибо является

Нфавор Оризу, автор книги «Без горечи», разоблачающей гнет империалистов в колониях.

Растут и крепнут демократические силы ибо, которые в союзе со всеми демократическими силами Нигерии и прежде всего в союзе с демократическими силами родственного народа йоруба борются против демократической фикции косвенного управления, за подлинное демократическое самоуправление Нигерии, свободной от гнета британского империализма.

Английские колониальные власти испытали уже разнообразные средства, чтобы расколоть единый национальный фронт народов Нигерии и, прежде всего, чтобы натравить ибо на йоруба или наоборот. Однако все эти попытки оказались пока тщетными. Сейчас они вынашивают новый проект укрепления своего господства, получивший в нигерийской печати название проекта «пакистанизации», предусматривающий создание «самостоятельных» государств ибо, йоруба и др. В июне 1949 г. была созвана Государственная ассамблея Ибо, на которой обсуждались проекты создания государства ибо.

Этот новый английский проект, конечно, не означает предоставления независимости народу ибо и другим народам Нигерии, как его пытается изобразить английская колониальная пресса. Этот проект имеет в виду прежде всего внести раздор в среду народов Нигерии, заставить их отказаться от совместной борьбы и разойтись по своим национальным квартирам. Уже наметились территориальные разногласия между мусульманскими эмиратами и проектируемым пока еще государством йоруба. Этот проект имеет дальше в виду расширить социальную опору колониальной администрации путем привлечения к обсуждению колониальных дел национальной буржуазии и интеллигенции. Старая английская политика опоры на отживающие свой век институты первобытно-общинного строя переживает кризис: реакционная попытка увековечить их не могла не провалиться и провалилась на самом деле.

В заключение следует указать, что Нигерия не является исключением. Реакционная политика опоры на родоплеменную аристократическую верхушку оказывается несостоятельной и в других английских колониях Африки. Разнообразные конституционные маневры свидетельствуют об обострении противоречий и ослаблении английского империалистического господства в Африке.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Е. МИЛЬШТЕЙН

РАБОТА ПАЛЕХСКОГО ХУДОЖНИКА «ТОВАРИЩ СТАЛИН ПРОИЗНОСИТ ТОСТ В ЧЕСТЬ РУССКОГО НАРОДА»

В Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград) находится большая (130 × 72 см), художественно расписанная пластина, изготовленная художником-палешанином Д. Н. Буториным на тему: «Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа».

Буторин — талантливый, старейший мастер Палеха. Его творческий и жизненный путь — путь многих других талантливых палехских мастеров, начинавших пробовать себе дорогу в тяжелых условиях царизма. Биография Буторина: сельская школа, учение у мастера-иконописца, затем в иконописной школе, безработица, переезд в Петербург, работа и одновременно учеба в школе живописи, четыре года службы в царской армии (1914—1918 гг.) и столько же в Красной Армии (1918—1922 гг.).

В 1922 г. Буторин был демобилизован и возвратился на родину, в с. Палех. Но не сразу он вернулся к своей любимой профессии. Только в 1924 г. в Палехе была организована артель «Древней живописи», куда и вступил членом Буторин. Палешане переходили тогда на новый материал, на новые сюжеты. Переход от иконописи к новой сюжетной тематике был для Буторина длительным и творчески мучительным. Он ищет новых сюжетов и созвучие в своих стремлениях находит в произведениях Пушкина и Горького. Еще в 1926 г. Буторин создал роспись «У лукоморья». Не удовлетворяясь достигнутым, он создал еще пять вариантов росписи на ту же тему. Тщательной работой над вступительной частью первой песни «Руслана и Людмила» художник стремился раскрыть поэтические образы, созданные гением Пушкина. Затем последовали: «Сказка о попе и его работнике Балде», «Песнь о вещем Олеге», «Цыгане», «Дуэль Онегина с Ленским», «Пушкин в селе Михайловском», «Встреча царя Бориса с юродивым» и др.

Огромное влияние на формирование Буторина-художника оказал А. М. Горький. Горький, большой любитель палехского искусства, верил, что искусство палешан расцветет и поможет социалистическому воспитанию народных масс.

Буторина всегда привлекала тематика, социально насыщенная, патриотическая. Он писал на сюжеты из произведений Фурманова, Серафимовича и др. Произведения Буторина находятся во многих музеях нашей страны: в Третьяковской галерее, в Русском музее, в Горьковском и Ивановском музеях и др.

В грозные годы Великой отечественной войны Буторин вступил в ряды ВКП(б). Весь свой творческий талант он посвящает отныне темам Великой отечественной войны.

В октябре 1947 г. Буторин приступил к работе над эскизом пластины «Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа». Но предварительно он вновь ознакомился с речами, докладами и приказами Сталина за время Отечественной войны. Все мысли художника занимал великий Сталин, вождь советского народа, верховный главнокомандующий, учитель и отец. Художник снова и снова всматривался в портреты и фотографии вождя, в его черты.

Много раз перечитывал художник речь товарища Сталина, произнесенную им 24 мая 1945 г. в Георгиевском зале Кремля на приеме в честь командующих войсками Советской Армии, речь с тостом в честь русского народа. Этот величественный момент и решил запечатлеть искусной росписью художник-палешанин.

Д. Н. Буторин решил раскрыть в задуманном им произведении великие события Отечественной войны и дать образ И. В. Сталина. Много думал художник над этим образом. Ему понравились мысли Анри Барбюса, который писал о Сталине: «Это —



Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа. Пластина работы палеского художника Буторина. Гос. музей этнографии народов СССР

железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь». «Во весь свой рост он возвышается над Европой и Азией, над прошедшим и будущим». «Сталин есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Об этом же пели и народные сказители.

Бутурин ознакомился с произведениями народных сказителей — Джамбула, Марфы Крюковой и других, которые помогли ему наметить отдельные части его эскиза.

Создавая эскиз, Бутурин решил показать эпизоды Великой отечественной войны, связав воедино фронт и тыл, поставив в центре своей композиции товарища Сталина.

Роспись Бутурин выделала в центре Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца. С большой художественной тонкостью, ювелирной четкостью Бутурин передал Георгиевский зал, поражающий своей величественностью и красотой. В центре зала И. В. Сталин, рядом с ним его сподвижники. Их окружают деятели Советской Армии, науки, искусства, литературы. Восторженно смотрят они на своего любимого вождя. Сталин, в белом кителе, с золотой звездой на груди, поднял правую руку. Он говорит, — и перед взором присутствующих разворачиваются в композиции незабываемые картины Великой отечественной войны.

Художник переносит нас на фронт, к партизанам, к горящему рейхстагу, в наши индустриальные центры, где ковалось оружие для фронта, на колхозные и совхозные поля. Всюду народ — в едином стремлении победить ненавистного врага, немецко-фашистских захватчиков.

Ниже центра пластины Бутурин расположил проводы Советской Армии на фронт. Здесь вместе с воинскими частями идут женщины и мужчины. Они идут с лопатами и кирками в руках, чтобы помочь армии не допустить врага на советскую землю. Их провожают жены и матери, отцы и братья, дочери и сыновья, — все в едином порыве.

На знаменах лозунги: «Наше дело правое, мы победим!», «Да здравствует наша Родина, — твердят дружно и славы народов нашей страны!», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперед, к победе коммунизма!».

Справа художник показал индустриальный и колхозный тыл. Оставшиеся в тылу советские люди, проводив части Советской Армии на фронт, идут на фабрики, заводы, шахты, на транспорт, на колхозные и совхозные поля, чтобы обеспечить с тыла героическую борьбу Советской Армии с немецко-фашистскими захватчиками. Художник показал, как рядом с русским рабочим трудятся рабочие других национальностей — казахи, узбеки, грузины и др.

Трубы заводов и фабрик дымят. Неустанно рабочие трудятся, чтобы вооружить свою армию танками, самолетами, минометами и боеприпасами. Советский транспорт выдерживает невиданную, небывалую нагрузку. Мощный паровоз мчит тяжело груженный состав на фронт. В шахтах добывают уголь, чтобы обеспечить промышленность и транспорт топливом. Над индустриальным центром развевается красное знамя, на котором золотыми буквами призыв: «Больше чугуна, стали, проката, цветных металлов народному хозяйству».

Советская Армия смогла победить, потому что колхозники и колхозницы снабжали армию и всех трудящихся города продовольствием, а промышленность — сырьем. На пластине художник Бутурин изобразил тучные колхозные поля. Идет сбор урожая. Женщины связывают снопы, их лица одухотворены, они работают с полным сознанием своего долга перед Родиной. На колхозных полях работают тракторы и комбайны. Вдали элеватор, куда колхозники сдают собранный урожай. Художник показал, как на всех участках трудового фронта работали во время войны женщины и молодежь. Они и в шахте, они и на заводах, они и на колхозных полях.

В левой части пластины Бутурин распределил боевые действия Советской Армии. Высокий патристический подъем царит над всем. Охваченные патристизмом, советские воины совершают чудеса храбрости. Художник тонко эписал в общую композицию наступления Советской Армии бессмертный подвиг красноармейца-комсомольца Александра Матросова, который закрыл своим телом амбразуру вражеского пулемета и дал возможность своей части выполнить боевое задание.

Бесстрашные севастопольские герои вписали в историю Великой отечественной войны незабываемые подвиги, — о них будут говорить и писать потомки.

Один из исторических моментов героической битвы севастопольских матросов у Малахова кургана Бутурин вписал в свое произведение: под прикрытием танков двигаются части немецко-фашистских банд, они ожидают легкой победы. Севастопольские матросы защищают подступы к Севастополю. Один за одним немецкие танки выходят из строя. Советские моряки, обвешанные гранатами, бросаются под танки, чтобы не пропустить врага. На картине вписан момент, когда советский моряк кидается под фашистский танк, чтобы взорвать его.

Ни Александр Матросов, ни севастопольские бесстрашные моряки, вписанные художником Бутуриным в его картину, не схожи портретно с реально действовавшими лицами. Подобные героические деяния совершали тысячи других воинов Советской Армии, славные сыны советского народа. Их героические деяния символически представлены в этих двух эпизодах.

В стремительном темпе войны Советской Армии преследуют и уничтожают ненавистного врага. Ведут бой все виды оружия: пехота, вооруженная новейшими автоматами; на чудесных конях чудо-богатыри — советские кавалеристы; двигаются

гвардейские танки, развеваются знамена с надписью: «За Родину, за Сталина!» Сильная советская авиация бомбит отступающие немецкие части. Вдали — грозная «тюшка». В лесах советские партизаны вместе с регулярными частями преследуют противника. Все идут вперед, никакая сила не может остановить вооруженный советский народ, руководимый гениальным вождем Сталиным.

Фашистская армия разбита. У самого края левой части пластины нарисованы отступающие фашистские части. «Завершается окружение гитлеровской Германии. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон, и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого полного разгрома», — заявил товарищ Сталин 6 ноября 1944 г.

Советская Армия, освободив народы Польши и Чехословакии, стремительно движется на Берлин. Идут ожесточенные бои в самом городе. Мощная техника нашей армии разрушает на своем пути укрепленные вражеские позиции. Над Берлином воздушный бой, гремят немецкие самолеты. Мощные советские минометы посылают последние залпы, прожектора ярко освещают позиции. Самолеты бомбят последнюю цитадель фашизма — германский рейхстаг. Рейхстаг горит. На улицах Берлина советские воины добивают сопротивляющиеся фашистские части. Победа!

В ознаменование этой исторической победы 9 мая 1945 г. в Москве был проведен салют в честь доблестных советских войск. Вверху пластины художник Буторин зафиксировал этот радостный момент. Яркий многоцветный фейерверк освещает Кремль, Спасские ворота, Красную площадь, храм Василия Блаженного, памятник Минина и Пожарского.

Город-герой, город Ленина ярко освещен светом фейерверка, луч прожектора осветил Адмиралтейский шпиль, памятник Петру I, Александровскую колонну, Невский мост, по которой идет большой корабль. Вдали видны многоэтажные дома Ленинграда.

В центре пластины Сталин — вождь всего прогрессивного человечества.

С большим подъемом, с реалистической правдой сделана Буториным художественная роспись пластины. Эта роспись указывает на огромный идейный рост ленинских мастеров. Работа подобного рода и такого размаха могла появиться в Павловске только в результате идейного роста павловских мастеров за годы, протекавшие после Октября. Создать большую живописную композицию на тему Великой Отечественной войны мог только художник, у которого велико чувство советского патриотизма, любви к Родине. Как патриот, как коммунист, как большой художник, Д. Н. Буторин подошел к своей величественной теме. Поэтому его композиция производит сильное впечатление на посетителей Музея.

Описанная нами работа художника Буторина — крупнейшая победа павловских мастеров. Она послужит новым поворотным пунктом в работе павловских художников на современной советской тематикой, над образом великого вождя народов И. В. Сталина.

М. Г. ЛЕВИН

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ

Вопрос о первоначальном заселении территории Сибири человеком имеет выдающийся интерес. С его разрешением связано правильное освещение позднейших этапов истории древнего человека в Сибири, выяснение сложных вопросов формирования его физического типа. Вместе с тем, вопрос и о древнейшем заселении Сибири и о путях его далеко еще не разработан в достаточной степени и очень слабо освещен в нашей литературе.

Следов пребывания человека раннего палеолита на территории Сибири до настоящего времени не найдено. Описывавшаяся старыми авторами «мустьерская» индустрия сибирских палеолитических стоянок относится, как показали исследования советских археологов, к значительно более позднему времени. Напомним, что один из первых исследователей сибирского палеолита И. Т. Савенков относил найденную им стоянку Афонтова Гора около Красноярска к мустьерско-ориньякскому времени на основании сходства многих из найденных здесь орудий с мустьерскими скребками и остроконечниками. Исследования, произведенные современными археологами и геологами, показали, что орудия, внешне сходные с мустьерскими, не могут быть рассматриваемы как пережиток мустьерской эпохи, так как количество их к концу позднего палеолита Сибири не только не уменьшается, но, напротив, резко увеличивается¹.

В. И. Громов указывает на находку остроконечника мустьерского типа в палеолитическом местонахождении около Красноярска (дер. Кубеково, на левом берегу Енисея, в 25 км ниже города). Здесь же были найдены каменные и костяные орудия верхнего палеолита. Стратиграфия местонахождения не изучена². Датировка наконецника мустьерским временем остается, таким образом, сомнительной. Никаких костных остатков человека неандертальского типа в Сибири также не найдено.

Все известные до настоящего времени в Сибири древнейшие следы человека относятся уже к верхнему палеолиту, и притом к сравнительно поздним его этапам. Верхнепалеолитические местонахождения достаточно многочисленны (около 70 стоянок, по последней сводке В. И. Громова); располагаются они почти все в долинах крупных рек. Можно выделить, как известно, три основные, сравнительно узкие области распределения верхнепалеолитических стоянок в Сибири: верховья Оби, верхнее течение Енисея и область вокруг Байкала (Ангара с ее притоком р. Белой, Иркут, Селенга, Онон, верховья Лены). На Лене палеолитические стоянки, открытые в последние годы А. П. Окладниковым, доходят до 61° с. ш., что является крайним, известным до настоящего времени, северным пределом распространения палеолитического человека не только в Сибири, но и вообще на земле.

По своей стратиграфии, фауне, характеру индустрии верхнепалеолитические памятники Сибири относятся к разному времени. Геологи и археологи различают здесь три основные стадии. Все исследователи сибирского палеолита согласны с тем, что стоянок, относящихся к начальным этапам позднего палеолита, в Сибири, пока не найдено. Наиболее древние из известных стоянок относятся к концу ледникового периода. Геологи обосновывают этот вывод тем, что накопление следов пребывания палеолитического человека в Сибири относится к тому времени, когда основные террасы сибирских рек уже сформировались. Это согласуется и с характером инвентаря наиболее древних в Сибири палеолитических стоянок, которые сопоставляются со стоянками солютрейской или раннемадленской стадии Западной и Восточной Европы. К этому времени относятся две широко известные стоянки Мальта и Буреть.

По вопросу об археологической датировке Мальтинской стоянки высказывались

¹ Исчерпывающая библиография по палеолиту Сибири приводится в работе В. И. Громова «Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие. Палеолит)», Труды Института геол. наук, Геол. серия, вып. 64, № 17, 1948. См. также работу А. П. Окладникова «Освоение палеолитическим человеком Сибири». Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950, стр. 150—158.

² В. И. Громов, указ. работа, стр. 304, 361.

различные мнения. Исследовавший стоянку М. М. Герасимов³ относит ее к оринскому времени; Г. П. Сосновский считает ее стадияльно соответствующей европскому оринскому — солотре⁴. П. П. Ефименко датирует Мальтинскую стоянку по ним солотре⁵. В. И. Громов, основываясь на геологических и палеоантропологических данных, относит стоянку «в согласии с археологами, к несколько более раннему времени, чем Афонтова Гора I, II, III»⁶.

Открывший Буретинскую палеолитическую стоянку А. П. Окладников относит к тому же времени и типу, что и Мальтинская стоянка⁷. А. П. Окладников считает одновременной с Мальтинской также открытую им стоянку у дер. Частинской р. Лене между гор. Киренском и устьем р. Витима. Там найдены каменные орудия вместе с костями носорога, песца, дикой лошади и северного оленя.

С анализом этих, наиболее древних пока палеолитических стоянок связано в значительной степени разрешение тех вопросов, которые составят содержание настоящей заметки.

Многие авторы указывали на сходство инвентаря и особенно предметов искусства Мальтинской стоянки с европейскими. Об этом пишет в своем предварительном отчете о раскопках Мальтинской стоянки М. М. Герасимов⁸; эту же мысль развивает П. П. Ефименко, сравнивающий орудия и предметы искусства Мальтинской стоянки с находками в Мезине (Черниговской области)⁹. По отношению к Буретинской стоянке сходство с европейскими стоянками особенно подчеркивает А. П. Окладников.

Как оценивать весьма существенный факт определенного сходства наиболее ранних в Сибири палеолитических памятников с европейскими?

Всего полнее этот вопрос освещен в работах А. П. Окладникова, который указывает в указанном сходстве доказательство первоначального заселения Сибири с запада.

«...Поразительное сходство палеолитических художественных изделий Сибири с восточноевропейскими и западноевропейскими образцами искусства не только в общем облике, но и в частных деталях, вероятно, объясняется, — пишет он, — не только сходством условий существования, но одной только общей близостью хозяйственного уклада, быта и техники на обширных территориях Старого Света от Балтики до Байкала. Резные изображения птиц из Бурети и Мальты встречаются, например, общую аналогию в птичках из мамонтовой кости, найденных в Мезине на Украине. Женские изображения обнаруживают в стиле, формах и даже мелких деталях еще более полное совпадение на всей этой колоссальной территории, совпадение, которое вряд ли может быть объяснимо только одинаковой бытовой обстановкой в конце ледникового периода».

При отсутствии в Сибири памятников более древних, чем поселения конца солигейской и начала мадленской стадии верхнего палеолита, это сходство может свидетельствовать о том, что первоначальное заселение Сибири шло с запада на восток из областей классической, давно уже сложившейся культуры арктических охотников Запада, где она выросла из предшествующего ей «среднего палеолита», т. е. мустьерской культуры.

Перевалив за Уральский «Каменный пояс», древние охотничьи племена Восточной Европы, принадлежавшие к представителям европейского физического типа в древнейшей, палеолитической форме, достигли района нынешнего Томска, откуда перешли еще дальше на восток, в долину Ангары и Енисея, а затем продвинулись вплоть до Байкала¹⁰.

Действительно, при большом числе обнаруженных в Сибири верхнепалеолитических памятников трудно отнестись к отсутствию здесь стоянок ранних этапов верхнего палеолита только за счет недостаточной изученности территории.

Очень соблазнительной кажется поэтому гипотеза о сравнительно позднем заселении Сибири человеком с запада, из Европы — области древнейших палеолитических культур. Однако такое решение наталкивается на целый ряд трудностей, и изложенная выше гипотеза теряет свою кажущуюся убедительность.

Нельзя пройти, во-первых, мимо того существенного факта, что наиболее древние из обнаруженных стоянок расположены в Восточной Сибири; все палеолитические

³ М. Герасимов, Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928—1929 гг., Иркутск, 1931.

⁴ Г. П. Сосновский, Палеолитические стоянки Северной Азии, Труды 2-й Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. 5, 1934, стр. 268.

⁵ П. П. Ефименко, Певобытное общество, 1938, стр. 510 и сл.

⁶ В. И. Громов, Указ. раб., стр. 369.

⁷ А. П. Окладников, Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре «Советская археология», V, стр. 290—293; его же, Палеолитические жилища в Бурети, «Краткие сообщения ИИМК», вып. X, 1941, стр. 16—31.

⁸ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 23.

⁹ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 510—515.

¹⁰ А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству, Якутск, 1949, стр. 40—41; см. также стр. 52—53, 56. Эти же взгляды развиваются А. П. Окладниковым в специальной работе «Освоение палеолитическим человеком Сибири».

местонахождения Западной Сибири относятся к стадии более поздней, чем Мальта и Буреть¹¹. Ссылки на недостаточную изученность были бы здесь мало убедительными, так как достаточно обширные районы у Бийска, у Красноярска тщательно изучены рядом авторитетных исследователей и число открытых здесь палеолитических памятников сравнительно велико.

Расположение наиболее древних стоянок в Восточной Сибири и отсутствие одновременных стоянок в Западной и Средней Сибири говорят скорее против существования связей между Сибирью и Европой в то время. Эти связи относятся, повидимому, к более позднему времени и, что особенно важно, указывают на распространение сибирских элементов на запад, а не наоборот. Мы имеем в виду известную стоянку им. Талицкого на р. Чусовой близ Молотова¹², инвентарь который имеет сибирский облик. «Сибирский характер стоянки им. Талицкого,— пишет О. Н. Бадер, проводивший широкие раскопки этой стоянки,— приводит к выводу о наибольшей вероятности первоначального заселения Урала и даже Зап. Приуралья с востока, т. е. из Сибири, а не из Европы»¹³. В пользу этого, указывает О. Н. Бадер, говорят и палеогеографические условия в эпоху максимального оледенения, «когда донской язык материкового льда почти соединился с хазарской трансгрессией Каспия, изолируя Поволжье и Урал от Европы в течение десятков тысячелетий»¹⁴.

Решающее слово по интересующему нас вопросу могли бы сказать палеоантропологические материалы. К сожалению, такие материалы для ранней стадии верхнего палеолита Сибири пока отсутствуют. Обнаруженные М. М. Герасимовым в Мальтинской стоянке костные остатки ребенка не изучены. Но мы располагаем некоторыми косвенными данными для суждения об антропологическом типе населения палеолитических стоянок Восточной Сибири.

Палеоантропологический материал по неолиту Прибайкалья, известный в настоящее время уже в значительном количестве, позволяет твердо установить принадлежность населения этой эпохи к монголоидам. Характерный для прибайкальского неолита палеосибирский тип обладает выраженными чертами монголоидной расы. Вопрос о возможной небольшой европеоидной примеси в составе неолитического населения этой территории не может считаться окончательно решенным; во всяком случае, если эта примесь и имела место, она не может считаться сколько-нибудь значительной и древней¹⁵. А. П. Окладников убедительно показал преемственность неолитической культуры Прибайкалья с древними верхнепалеолитическими культурами этой области. В свете этих данных у нас нет оснований предполагать существенную смену населения от верхнего палеолита к неолиту. Древнейшее население Прибайкалья, так же как и носители прибайкальского неолита, относилось, по видимому, к монголоидам.

Выдающееся значение в решении рассматриваемого нами вопроса имеет находка на стоянке Афонтова Гора II под Красноярском. Стоянка Афонтова Гора на основании данных стратиграфии и палеонтологии относится к несколько более позднему времени, чем стоянки Мальтинско-Буретинской группы, но является одной из древнейших на Енисее. Здесь в нижнем горизонте культурного слоя в 1937 г. был обнаружен фрагмент лобной кости человека с частями носовых костей. Эта находка была тщательно изучена Г. Ф. Дебецом¹⁶.

Как ни фрагментарен обломок, принадлежащий к тому же молодому субъекту, он позволяет все же на основании совершенно плоского переноса отнести его к монголоидному типу.

Мы не склонны придавать большое значение особенностям женских статуэток из стоянок Мальта и Буреть в отношении их расовой диагностики, но следует все же вспомнить ту характеристику, которую дал в свое время А. П. Окладников найденной им статуэтке из Бурети. Он подчеркивает ее монголоидный облик в профилировке лица, строении носа и особенно в области глаз. Монголоидные особенности отмечает

¹¹ Помимо Мальтинской и Буретинской стоянок, к древнейшим в Сибири относятся и указанные выше Чагинская на р. Лене и, возможно, наиболее древняя из всех стоянок у Военного госпиталя в Иркутске, обнаруженная еще в 1871 г. Все эти стоянки расположены на сравнительно небольшой территории вокруг Байкала.

¹² М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка на р. Чусовой, Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6—7; его же, Островская палеолитическая стоянка близ гор. Молотова, «Краткие сообщения ИИМК», IV, 1940.

¹³ О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, Первое Уральское археологическое совещание, Мслотов, 1948, стр. 11; см. его же, Первоначальное заселение Урала и Волго-Камы человеком, Ученые записки Молотовского гос. ун-та, т. V, вып. 2, 1947; его же, Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950.

¹⁴ О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, стр. 12.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, IV, 1948, стр. 56—61.

¹⁶ Г. Ф. Дебец, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова Гора II» под Красноярском, Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1946, № 8.

А. П. Окладников и на мальтинских статуэтках¹⁷. Такая трактовка явно противоречит концепции того же автора о европеоидном типе первоначальных населения Сибири.

Разрешить это противоречие А. П. Окладников пытается, принимая смещение Восточной Сибири древнего европеоидного, связанного с Западом, населения с юго-востока, область формирования которых охватывала территорию «от Алтая до реки Желтой»¹⁸. Буретинская статуэтка свидетельствует, по мнению автора, о расхождении уже в эпоху Мальтинской и Буретинской стоянок «монголоидных» признаков в среде первоначального европеоидного населения Восточной Сибири¹⁹. Следует подчеркнуть, что никаких прямых данных о европеоидности древнего населения привести нельзя, и А. П. Окладников реконструирует эту сложную картину взаимодействия европеоидов и монголоидов в палеолите Восточной Сибири, исходя только из «западного» фона элементов культуры.

Непонятным остается как мыслится этот процесс монголизации населения Восточной Сибири в последующую эпоху.

А. П. Окладников справедливо протестует против построения тех авторов, которые видят в изменении характера инвентаря более поздних стоянок по сравнению со стоянками первой стадии результат вторжения новых пришельцев, вследствие смены населения. При всем различии палеолитической культуры первой стадии с «мустатовым» инвентарем более поздних стоянок типа Афонтова Гора и др. преемственность здесь отрицать нельзя, и речь должна идти, как убедительно показывает А. П. Окладников, об изменениях, связанных с переменой образа жизни палеолитического населения.

Но как объяснить тогда смену антропологического типа, которую принимает А. П. Окладников? Если не конструировать фантастической гипотезы о трансформации европеоидного типа в монголоидный на территории Сибири, то приходится признать, что такой смены антропологического типа в палеолите Сибири не происходило, что Сибирь первоначально являлась областью распространения монголоидов и формирования характерных для Северной Азии монголоидных антропологических типов.

Противоречит ли этому характер инвентаря и предметов искусства из наиболее древних стоянок Восточной Сибири, на сходстве которых с европейскими так настаивает А. П. Окладников?

Мы не имеем возможности в краткой заметке входить в детальное рассмотрение отдельных типов орудий, отдельных скульптурных изображений. Сошлемся только на заключения авторитетных исследователей, которые, указывая на сходство Мальтинской стоянки с европейскими, подчеркивают вместе с тем и ее существенные отличия.

Так, М. М. Герасимов, сравнивая мальтинские женские статуэтки с европейскими, говорит лишь о некоторых сходных чертах в трактовке и технике, подчеркивая «разительную разницу между произведениями подобного рода Западной Европы и статуэтками Мальтинской культуры»²⁰.

Не склонен преувеличивать это сходство и П. П. Ефименко, который указывает лишь на некоторые аналогии в орудиях и произведениях искусства.

Для подкрепления своей концепции о заселении Сибири из Европы А. П. Окладников приводит и лингвистические данные, ссылаясь здесь на работы Г. М. Василевича, показавшей общие лексические элементы в самых разнообразных языках Европы и Азии²¹. Эта лингвистическая аргументация мало что доказывает. Во-первых, никак уже невозможно доказать, что тот или другой общий термин в языках восходит обязательно к эпохе древнейшего заселения Сибири, во-вторых, лингвистическая общность никак не указывает на направление связей и уже, во всяком случае, не может служить аргументом в пользу заселения Сибири именно с запада.

Как ни значительно сходство в инвентаре и искусстве ранних палеолитических стоянок Восточной Сибири с европейскими, оно вполне находит свое объяснение в стадийной общности, которая, как мы знаем, проявляется тем сильнее, чем ниже уровень культуры. Если учесть единство климатических условий Сибири и Европы в ту эпоху, почти тождественную фауну, одинаковое направление хозяйства верхнепалеолитических охотников этих территорий, то отпадает необходимость видеть в указанном сходстве результат заселения Сибири из Европы.

Исследуя конкретную историю отдельных наводов и территорий, мы, признавая огромную роль древних связей различных человеческих групп в развитии культуры, не должны забывать о стадийной общности, о сходстве, обусловливаемом единством хозяйства, сходством географических условий и в первую очередь единым уровнем развития производительных сил.

¹⁷ А. П. Окладников, Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.), Материалы и исследования по археологии СССР, ИИМК, 1941, № 2, стр. 105; см. также «Историю Якутии», стр. 53.

¹⁸ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 56.

¹⁹ Там же, стр. 53.

²⁰ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 23.

²¹ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 41 и сл.; см. Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы, Труды Института этнографии, Новая серия, т. II, 1947.

П. Д. СТЕПАНОВ

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ У ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ

В древности мордовские племена обитали в бассейнах рек Суры, Мокши, Цны и Оки, о чем свидетельствуют многочисленные находки древнемордовских могильников и поселений. Все эти памятники датируются I т. н. э. Исследованы эти памятники неравномерно (больше известны могильники), поэтому многие стороны быта древнемордовских племен совершенно не освещены, в том числе и их земледелие. Так, И. Смирнов, говоря о земледелии у мордвы, не нашел ничего лучшего, как сослаться на... плодородие земли, на которой жила в древности мордва¹.

П. П. Ефименко в своей очень важной работе по истории племен, живших к западу от Средней Волги в I т. н. э., возражает против «ведущей роли земледелия в первой половине I т. н. э. у племен, оставивших рязанские могильники»², и говорит о большой роли земледелия «во второй половине I тыс. н. э., когда роль земледелия становится очевидной»³. Однако П. П. Ефименко допускает и в более раннее время у отдельных племенных групп наличие земледелия там, где благоприятствуют природные условия. Для примера он берет пространства «на юге края, по притокам Дона, Оки и Суры», где «земледелие могло явиться в значительно большей степени показателем развития производительных сил общественных групп, сидевших в этих областях Западного Поволжья»⁴.

Для нас особенно важно указание П. П. Ефименко на то, что как раз сурские мордовские могильники (Армеевский, Сергачский) дают вещи, говорящие о развитии здесь именно земледелия. «Быть может, в связи именно с развитием земледельческого хозяйства стоит то обстоятельство, что на юге, судя по Армеевскому могильнику, значительно раньше, чем на севере, в области Оки, сказывается новый тип могильников, во многом отличный от могильников ранней стадии»⁵.

П. П. Ефименко допускает, опираясь при этом на находку серпа в одном из погребений Сергачского могильника, и очень раннее развитие земледелия в районе Суры — в I—III вв. н. э., которое затем было оттеснено «на второй план ростом пастушеского хозяйства». О земледелии, по его же словам, говорит «находка холщевой ткани» в могильниках VI—VII вв.

После наших раскопок городища Ош Пандо на среднем течении р. Суры затронутый нами вопрос получает полное освещение, ибо теперь есть возможность использовать многочисленные данные в виде находок зерна и земледельческих орудий.

Городище Ош Пандо расположено вблизи с. Сайнино Дубенского района Мордовской АССР и открыто нами в 1945 г.⁶ Раскопки на городище производились в течение трех лет; к настоящему времени вскрыто более 2000 м², что составляет 1/3 всей площади городища. Оно расположено на высоком меловом мысу подле небольшой речушки Веле-лей и является памятником многослойным. Древнейший слой принадлежит фатьяновскому поселению эпохи бронзы (II в. до н. э.), а самый верхний слой — одному из древнемордовских племен и датируется нами примерно VI—IX вв. н. э. Рядом с городищем, прямо за рвом, расположено большое селище, датируемое по керамическому материалу, также VI—IX вв. н. э.

Верхний культурный слой — серого цвета — залегал на площади городища неравномерно — от 0,15 до 0,9 м, причем большей мощности этот слой достигал к краям городища. В культурном слое найдено много различных бытовых вещей, много обломков глиняной посуды и костей домашних и диких животных.

На вскрытой площади городища обнаружены остатки нескольких построек, остатки крепостной стены, большие очаги из камней, кострища и более 160 ям разных размеров.

¹ См. И. Смирнов, Мордва, стр. 120.

² П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э., «Советская археология», II, стр. 48.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. П. Д. Степанов, Памятники I тыс. н. э. в восточной части мордовской АССР, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIX, 1948.

Среди массы вещей найдены в большом количестве зерна культурных растений, земледельческие орудия, посуда для хранения зерна и для приготовления пищи. За три года раскопок отмечено 32 случая находки зерна культурных растений. Чаще всего зерно находилось в культурном слое, на различной глубине, среди обломков раздавленных горшков. Иногда зерно находили в районе того или иного кострища или очага, также подле раздавленных горшков. Отмечены две находки зерна в раздавленных горшках, расположенных в ямах.

Были находки, давшие всего несколько штук зерен, и находки, давшие большую массу зерна; например, в яме № 17 было найдено приблизительно 5 кг зерна. Одна находка, давшая (в западной части городища) 3—4 стакана зерна гороха.

В большинстве случаев зерно было найдено за пределами открытых построек снаружи, на площади, прилегающей к постройкам. Ряд находок сделан в раскопках ям и ямок, т. е. в северо-восточной части городища. Ряд находок сделан

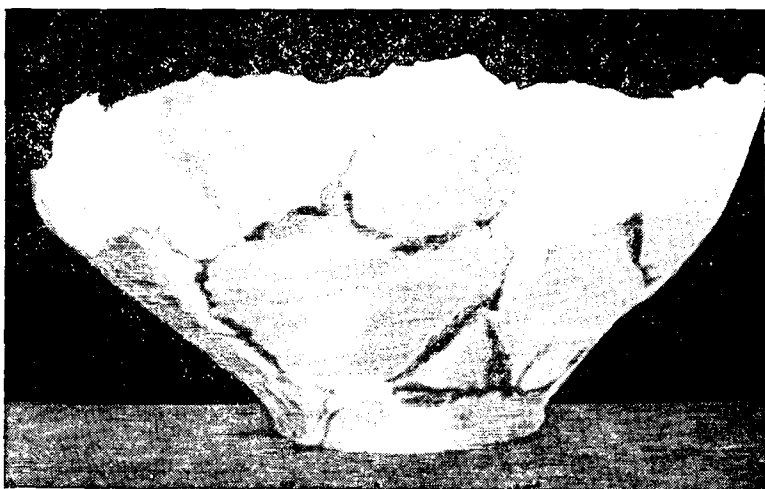


Рис. 1. Городище „Ош Пандо“. Сосуд из ямы № 17, в котором находилось около 5 кг зерен ячменя

в районах, прилегающих к древней оборонительной стене вдоль западного склона городища. Такие условия находок зерна свидетельствуют, во-первых, о том, что у обитателей городища не было больших запасов зерна и они имели возможность хранить его в глиняных горшках обычного типа. Только в яме № 17 зерно хранилось в крупной корчаге. Во-вторых, для хранения запасов зерна использовались обычные продуктовые ямы (а не зернохранилища) и какие-то служебные постройки, где зерно стояло в горшках на земле (находки вдоль западного склона городища). В-третьих, часть зерна попала в наши руки, несомненно, из посуды, в которой готовили пищу,— находки на кострищах и очагах. В-четвертых, часть зерна является потерей при варке пищи.

Видимо, зерно добавлялось в целом, не дробленном виде к каким-то кушаньям. Возможно использование зерна для варки каши. Одна находка как будто подтверждает факт приготовления крупы из зерна. В раскопках 1947 г. была обнаружена склизкая черная масса, напоминающая мелкий блестящий уголь. При рассмотрении в лупу масса напоминала дробленое обуглившееся зерно. О том, что обитатели городища применяли дробленое зерно (а может быть, даже и размол на муку), говорят находки частей зернотерок. Но не было найдено ни одного жернова, а это с очевидностью доказало бы наличие мукомолья.

Отсутствие на городище настоящих «зерновых» ям, служивших только для хранения зерна и имевших специальное устройство (обмазку, обжиг), говорит весьма убедительно о размерах использования зерна в пищу, а также и об объеме земледельческих работ.

Находки весьма ограниченного количества зерна на городище могут служить основанием для предположения об его происхождении откуда-то со стороны, т. е. о покупке или обмене. Однако находки среди инвентаря сельскохозяйственных орудий заставляют думать о местном происхождении этого зерна, т. е. о какой-то форме местного земледелия.

Проф. А. Д. Фурсаев⁷, которому было передано зерно для анализа, установил

⁷ Кафедра ботаники Саратовского гос. университета.

Следующие сорта: ячмень, рожь, полба и горох. Не оказалось совсем проса. Все упомянутые выше сорта растений, как известно, вполне подходят для возделывания в районе расположения городища. Проф. Фурсаев, подвергнув переданные ему образцы соответствующей обработке, высказал предположение, что рожь выступает в данном случае как сорняк. Мотивирует он свое предположение тем, что в наших соображениях рожь встречается всегда вместе с ячменем или полбой. К тому же зерна ржи очень мелкие, что он также считает доказательством правильности своей гипотезы.

В наибольшем количестве найден ячмень (яма № 17). Зерно ячменя обуглилось, но при этом оно сохранило и пленку, и острые концы, и форму, что дает возможность отнести этот сорт к так называемому ромбическому ячменю⁸. По величине зерно довольно крупное, близкое к современному. Там, где ячмень находился в сочетании с другим зерном, можно встретить ячменное зерно без пленки, что, может быть, является следствием обдирания его на крупу.

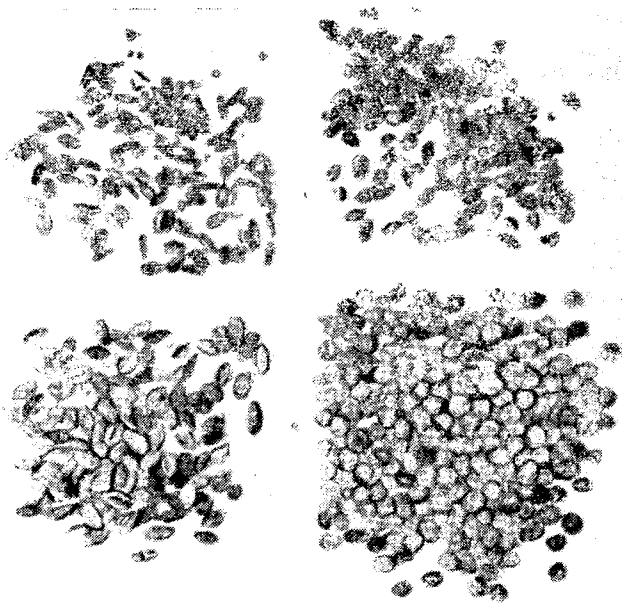


Рис. 2. Городище „Ош Пандо“. Зерна ячменя, гороха, полбы и ржи

Второе место по одновременно найденному количеству занимает горох. Зерно гороха также довольно хорошо сохранилось, хотя и обуглилось. Оно мелкое, значительно мельче современного селекционного гороха, но горох, видимо, снимался в зрелом состоянии, ибо сморщивания, характерного для незрелого зерна, нет. На горохе хорошо сохранилась шкурка. В некоторых случаях зерно гороха собрано в виде половинок. Проф. А. Д. Фурсаев не дал пока определения вида этого гороха.

Третье место по количеству занимает зерно ржи. Зерна ржи хорошо сохранились, хотя и обуглились и очень различны по качеству, много мелких экземпляров. Ни одной находки ржи в чистом виде нет, рожь всегда встречалась в смеси с ячменем, полбой, а иногда и с горохом. Это обстоятельство заставляет думать, что зерно ржи также употреблялось в качестве круп, в смеси с другими культурами.

Последнее место в нашем перечне занимает зерно полбы — разновидности пшеницы. Полба также сохранилась в довольно хорошем виде, хотя и обуглилась. Полба встречена в сочетании с рожью. Она, видимо, употреблялась в пищу в разваренном виде. Полба высевалась в этом районе до XX в.

В различных местах верхнего культурного слоя найдены предметы из камня, которые определены нами как «зернотерки». Эти зернотерки небольшой величины, удлиненной формы, из песчаника или кварцита. Например в квадрате 17-Ж-3 найдена зернотерка из кварцита $120 \times 116 \times 37$ мм; в кв. 15-Д-3 зернотерка из песчаника $180 \times 135 \times 38$ мм; в кв. 14-Г-4 зернотерка $143 \times 154 \times 20$ мм; в кв. 16-Г-2 — $141 \times 83 \times 70$ мм; в кв. 19-Д-6 — $193 \times 90 \times 55$ мм и т. д. Все эти зернотерки вполне могли быть использованы для дробления зерна в крупу. Для растирания же зерна на

⁸ См. проф. А. Д. Фурсаев, Доклад на XII научной конференции СГПИ, 1949, февраль.

муку они мало пригодны. К тому же у нас нет пока данных для утверждения, что древнемордовские племена в это время знали муку и способы приготовления теста. Более правильно предположить, что первоначально у древнемордовских племен зерновая пища, как у многих других народов, шла в пищу в вареном виде, т. е. в виде каши. Каша у поздней мордвы — один из главных видов ритуальной, обрядовой пищи при всех семейных, календарных и общественных религиозных обрядах. Из каши раньше всего стали делать тесто и печь его, первоначально в виде блинов и оладьев. Все это пережиточно можно было наблюдать у мордвы в начале XX в.

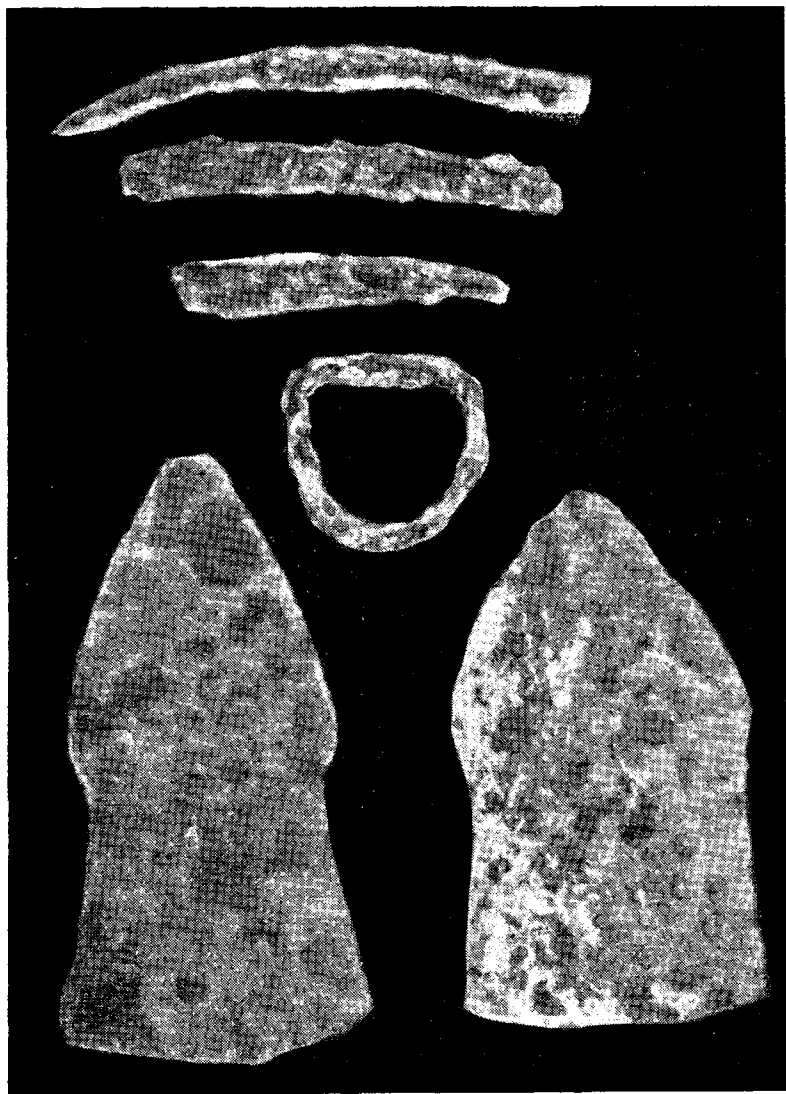


Рис. 3. Городище „Ош Пандо“. „Сошники“ с лицевой стороны, обломки серпов и железное кольцо от косы

Изложенный выше новый материал, по нашему мнению, совершенно бесспорно доказывает употребление древними обитателями городища Ош Пандо наряду с мясной пищей (о чем свидетельствуют многочисленные находки костей домашних животных — коровы, овцы, козы, свиньи, лошади и диких — лося) и растительной пищи (ячменя, гороха, полбы, ржи).

Найденное на городище зерно есть продукт местного земледельческого производства. Для этого материалы с городища дают немало свидетельств.

Наиболее важной нашей находкой, не отмеченной ранее, сколько нам известно, нигде на территории между Средней Волгой и Окой, являются два сошника. Найден

оба сошника на западной половине городища, один в кв. 17-В-5, а другой в кв. 18-Г-6, т. е. на расстоянии не более 5 м один от другого.

Орудия, которые мы называем «сошниками», имеют довольно оригинальную форму. Во-первых, они не одинаковы по размеру, что свидетельствует об их использовании порознь; они различаются и по форме, вернее в деталях формы, сохраняя одинаковые общие черты. Длина первого 121 мм, ширина 70 мм, длина второго — 140 мм, ширина — 62 мм.

Описываемые орудия имеют втулочную часть, причем концы втулки лишь слегка загнуты внутрь и втулочная часть имеет продолговато-овальный вид в поперечном

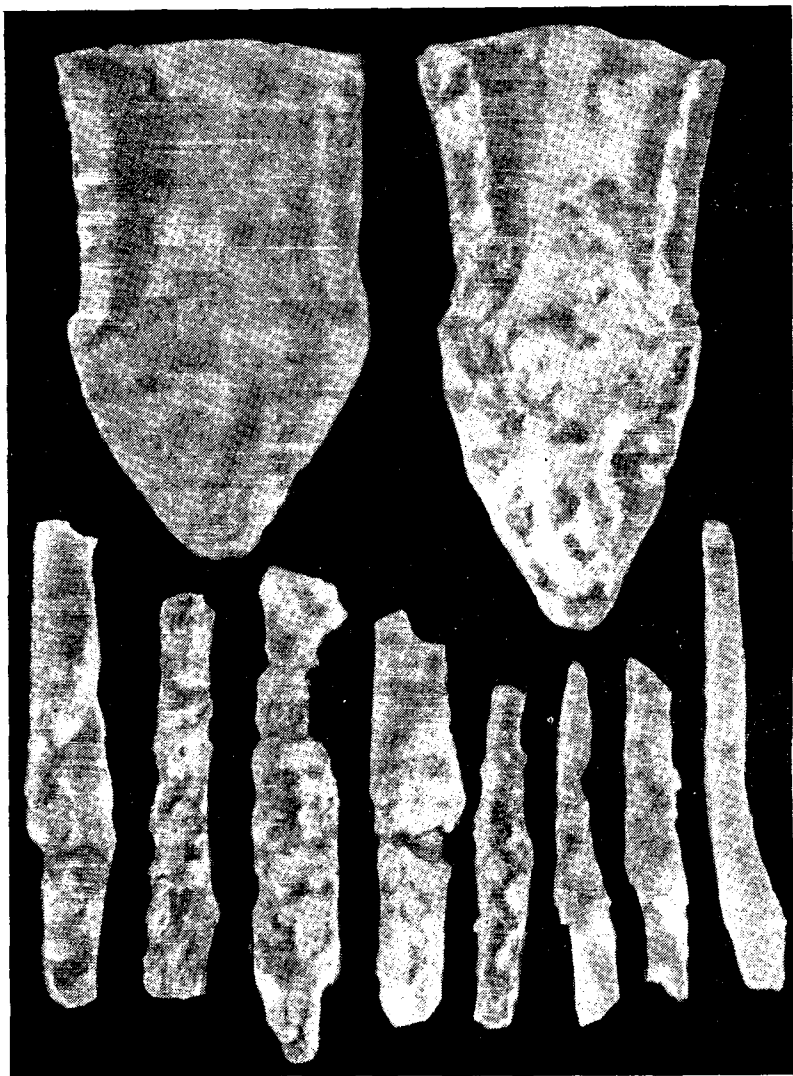


Рис. 4. Городище „Ош Панло“. „Сошники“ с обратной стороны и обломки железных ножей

сечении. Эта втулочная часть занимает половину всей длины сошников. Стенки втулочной части довольно толстые. Рабочая часть орудия сделана в виде треугольника, причем средняя часть его утолщена с внутренней стороны и к краям сделана тоньше, а с лицевой стороны представляет ровную плоскость. Таким образом, режущими являются боковые стороны треугольника. Здесь, несмотря на различия в величине, оба сошника совершенно одинаковы, что свидетельствует об устойчивости формы орудия.

Верхняя сторона рабочей части не свидетельствует об употреблении данных орудий в качестве сошников на сохе, так как никаких следов стачивания боковых сторон не наблюдается. Это заставляет сомневаться относительно использования этих вещей

в качестве пашенного орудия. В последнем случае поверхность у сошников была овальной, благодаря чему взрыхляемая почва разламывалась бы по линии движения сошника и распадалась бы по обе стороны. В том же виде, какой имеют найденные орудия указанного разлома, разваливания почвы не будет. К тому же, края сошников очень заострены и предназначались для разрезания, разрубания почвы или дернового слоя. Вызывает также сомнение вопрос о применении сошников как пашенного орудия при конской или воловой тяге, ибо очень уж легка втулочная часть, а такая очень миниатюрная рабочая часть. Правда, отсутствие отверстий для крепления сошников свидетельствует о том, что эти вещи использовались при таком положении орудия, когда оно испытывало всегда давление только в одном направлении. Такое устойчивое давление более всего свойственно, конечно, сохе, но наши орудия с сохой не связаны. Надо сказать, что у мордвы в конце XIX в. можно было наблюдать оригинальное орудие «кейнь-таргама» в виде мотыги, имеющей втулочную часть для насадки на изогнутую рукоятку и рабочую часть в виде треугольника с острыми краями шириной 12 см. Это орудие служило для выкапывания корней морены. Происхождение его, несомненно, чрезвычайно древнее, о чем говорит и его форма, и главное способ насадки на черенок. Этот способ характерен для втулочных топоров I т. н. э. Окрашенную мореной пряжу мы имеем среди вещей из Армеевского могильника, датированного V—VII вв. н. э. Наши сошники очень близки этому типу орудия за исключением втулочной части, которая у кейнь-таргамы более длинная и узкая. Эта близость и должна объяснить практическое применение наших сошников. Они могут быть не чем иным, как своеобразными мотыгами для обработки земли. При таком понимании назначения этих вещей значительно изменится и наше представление о характере земледелия у древних обитателей городища Ош Пандо. Тогда это будет не пашенное земледелие, а мотыжное, что вполне допустимо в лесной зоне лесных скотоводов-бортников⁹.

Прежде чем окончательно решить этот вопрос, рассмотрим другие вещи, найденные на городище и связанные с земледелием. К числу других орудий, связанных с земледелием, относятся 7 целых и поломанных серпов, найденных в культурном слое городища Ош Пандо. Серпы были найдены в квадратах: 14-B-3, 12-K-3, 10-L-3, 17-L-2, 18-G-13 и т. д. Как видно, почти все серпы найдены в верхнем слое городища. Места находки серпов показывают, что они оставлены поздними обитателями городища.

Все найденные серпы имеют одну форму, хотя величина их различна. Лезвие серпов имеет форму, близкую к современной косе-«горбуше», — эти серпы в средней части слабо изогнуты. Шириной и толщиной серпов, как и длина, весьма неизвестны. Например, ОП/258 имеет длину 18,6 см, ширину 1,4 см; О/151 — длину 20,0 см; О/171 — длину 12,5 см, ширину 1,0 см (обломок); О/357 — длину 16,0 см, ширину 1,3 см; О/417 — длину 9,9 см. Как видно, все серпы далеко уступают по величине современным серпам.

Большинство найденных нами на городище Ош Пандо серпов отличается характерной именно для серпов особенностью — острие у них имеет зазубрины, насечку. При этом направление насечки то же самое, что на современных серпах, т. е. в сторону ручки, и насечка сделана на той же стороне, что и у современных серпов.

Как правило, более утолщенная часть серпов находится близ рукоятки. Для скрепления с рукояткой все серпы имеют загнутый верх и заостренный крюк. Прием скрепления серпа с рукояткой рисуется в следующем виде: в деревянную рукоятку вколачивается крюк серпа. Затем эта часть рукоятки вместе со вставленным серпом обматывается ремнем. Таким же образом прикрепляется к рукоятке в настоящее время коса-«горбуша». Благодаря такому креплению серп не расшатывается.

Какова была форма ручки у этих серпов, сказать трудно. Бесспорно одно, что пяточная часть серпа с крюком всегда лежала вдоль рукоятки и в таком положении прикручивалась ремнем.

В связи с тем, что все найденные серпы имеют общую форму и различны в отношении величины, есть основание предполагать, что они были изготовлены тут же, на городище, своими кузнецами, а не куплены у ремесленников, которые, несомненно, делали бы серпы одной формы и одной величины. Описанные выше серпы служили для жатвы хлебных культур, а также и травы на корм скоту. Но величина всех указанных орудий такова, что не позволяет высказаться за большие посевы и за большие запасы сена для скота.

На городище Ош Пандо был найден еще один предмет, который, по нашему мнению, имеет отношение к сельскому хозяйству, а именно — железное кольцо (О/205) несколько необычной формы. Кольцо согнуто из полосы железа шириной 1,4 см, толщиной 0,5 см. Кольцо по форме совпадает с кольцами, какими в настоящее время прикрепляют косу к черенку, т. е. одна сторона у него прямая, а затем идет вытянутый полукруг. Наружная длина и ширина кольца 4,5 см.

Форма данного предмета настолько выразительна, что мы не можем дать вещи много толкования, как кольцо для крепления косы или серпа. Применение такой вещи

⁹ П. Н. Третьяков, Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси, т. 2, М., 1948.

на городище Ош Пандо вполне возможно, если мы вспомним формы найденных серпов.

Наблюдения над находками на городище Ош Пандо приводят нас к нескольким выводам.

1. Земледелие у древнемордовских племен VI—IX вв. было ограниченным. Об этом говорит количество найденного зерна и миниатюрность орудий, которыми нельзя было обработать большие площади.



Рис. 5. Городище „Ош Пандо“. Серпы и обломки других железных орудий, найденных в культурном слое

2. Земледелие было мотыжным с применением «подсеки».

Наши выводы о существовании именно мотыжного земледелия у обитателей городища Ош Пандо в VI—IX вв. н. э. не расходятся с мнением специалистов, изучавших земледелие в лесной зоне Восточной Европы в I т. н. э. П. Н. Третьяков приводит данные о находках на древних поселениях в лесной зоне VIII—IX вв. «миниатюрных серпов, железных мотыг...», «зерен гороха, проса, пшеницы, вики, конских бобов». «В то же время не выявлено никаких данных, свидетельствующих о пашенном земледелии»¹⁰. На основании выявленного археологического материала

¹⁰ П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 51.

П. Н. Третьяков делает вывод, что до IX в. «земледелие было здесь допашенным мотыжным»¹¹. «На основании многочисленных данных, относящихся к более позднему времени, следует полагать, что земледелие северных славянских племен IX—X вв. имело преимущественно форму подсечного, иначе огневого, земледелия представляющего собою одну из разновидностей развитого мотыжного земледелия»¹².

О том, что найденные нами сошники могли быть мотыгами, говорят многие археологи как из древних памятников, приведенных выше у П. Н. Третьякова, так и из числа этнографических материалов как у самой мордвы (кейнь-таргама), так и других народов лесной зоны, например, у белоруссов. В работе Сержпутовского говорится: «Такой мотыгой разрыхляют твердую почву, а особенно, когда обращаются пахоту подлесную землю, в которой крепкие корни деревьев препятствуют пахоту сохой»¹³. Именно для рубки корней и могли древние обитатели городища Ош Пандо делать острыми края своих мотыг.

3. Возделывались культуры: ячмень, горох, полба, рожь, распространенные у мордвы в то время и у соседних племен лесной зоны.

4. Техника земледелия, видимо, была такой, как она описана П. Н. Третьяковым: «Чтобы подготовить участок для посева, сначала нужно было вырубить лес, — да ему высохнуть на месте, а затем сжечь его... Огонь является здесь своеобразным средством обработки земли, так как после сожжения огромной массы древесного материала, когда прогорал и превращался в рыхлую золу и верхний слой почвы можно было землю не обрабатывать, а производить посев прямо в золу. Орудие подсечного земледелия являлись прежде всего железный топор и железная мотыга служившая для выкорчевывания корней и рыхления земли в тех местах, где земля вполне прогорала... Подсечное земледелие требовало затраты огромного количества труда... Подсечное земледелие следует рассматривать как отрасль производства, тесно связанную с первобытно-общинным строем»¹⁴.

5. Судя по условиям находки, зерновые хлеба употреблялись в пищу преимущественно в дробленном и целом виде в качестве круп, которые служили материалом для каши и щипы на добавку к другим кушаньям.

6. Все найденные земледельческие орудия — местного приготовления, так и помимо высказанных выше соображений, об этом говорят многочисленные находки на городище крич, шлаков и многочисленных орудий кузнечного дела (зубила, напильники).

7. Формы найденных орудий явно архаические и отличны от подобных же вещей с других территорий, в частности с территорий восточнославянских племен, где в VIII—X вв. была распространена проушная мотыга из железа и проушный узколезвийный топор. У наших же вещей еще живы следы втульчатости. Что касается формы серпа, то она также, по нашему мнению, более древняя, о чем говорит способ крепления в рукоятке.

Обитатели городища Ош Пандо принадлежали к одному из древнемордовских племен. Это явствует из анализа вещевого материала, собранного на городище и очень близкого к материалу, найденному при раскопках древнемордовских могильников: Кошибеевского, Бурковского, Армеевского, Иваньковского, Сергачевского и др. Эти аналогии вполне достаточны как для определения даты существования поселения на городище Ош Пандо, так и для решения вопроса об этнической принадлежности этого населения к древней мордве.

Наши наблюдения над находками в городище Ош Пандо не расходятся с историческими свидетельствами арабских писателей, которые сообщали о жизни древнемордовских племен в период существования городища Ош Пандо, т. е. во второй половине I т. н. э. Полнее всего о земледелии у мордвы говорится у Ибн-Даста: «Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляет мед, меха, куньи и мех вообще»¹⁵. У Аль-Бекри говорится: «Имеют они большие стада рогатого скота, овец и обширные пашни»¹⁶.

Хотя у этих авторов речь идет о буртасах, мы считаем, что здесь говорится о древнемордовских племенах, попавших в арабские источники под особым, отличным от западных источников, наименованием¹⁷. Так же понимает буртас и В. В. Гольмстен, весьма убедительно обосновывая свои положения. К сожалению, в работе В. В. Гольмстена положения о развитии земледелия не подтверждены точными ссылками на вещи, ибо нельзя считать серьезной аргументацией указание на то, что

¹¹ П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 51.

¹² Там же, стр. 52.

¹³ А. Сержпутовский, Земледельческие орудия белорусского Полесья, «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 45.

¹⁴ П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 52, 54.

¹⁵ Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бек Омара Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 20.

¹⁶ А. Куник и В. Розен, Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, СПб., 1878, стр. 17.

¹⁷ См. П. Д. Степанов, К вопросу о происхождении мордвы, Записки МНИИ, вып. III, 1941.

де-то были найдены серпы и жернова: «Находки на селищах и городищах серпов формы, близкой к современной (подчеркнуто нами.— П. С.), и круглых ручных жерновов, а также, в несколько более поздних памятниках, частей плуга — свидетельствуют о знакомстве населения с пашенным земледелием»¹⁸.

Такие выводы, как мы убеждаемся, при наличии материалов с городища Ош Пандо неверны для второй половины I т. н. э.—мы имеем в виду указанную В. В. Гольмстен форму серпов и пашенное земледелие. Нам кажется, что В. В. Гольмстен использовала для своих утверждений материалы более позднего периода.

Несмотря на некоторые ошибочные положения, выводы В. В. Гольмстен о земледелии у мордвы (буртасы) оказались правильными. Оно, конечно, было экстенсивным и играло вспомогательную роль в хозяйстве того времени, базировавшемся на скотоводстве, пушной охоте и бортничестве. Это подтверждается нашими находками на городище Ош Пандо¹⁹.

¹⁸ В. В. Гольмстен, Буртасы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIII, 1946, стр. 17, 22.

¹⁹ Раскопки 1949 г. селища за валом городища Ош Пандо дали еще несколько серпов и 1 сошник тех же форм. Раскопки селища близ с. Гулюшево и городища Ашна Пандо, в 10 километрах от Ош Пандо, дали также несколько серпов и 2 косы, близкие по форме серпам. Таким образом, вопрос о земледелии у древней мордвы получил новые объяснения.

А. А. ФОРМОЗОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УРАЛА И КАЗАХСТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ И ИХ СЕМАНТИКА

Древние наскальные изображения — важный исторический источник, дающий много для изучения первобытного мышления и культов. Так, работы по петроглифам Онежского озера и Белого моря дают ключ к изучению идеологии охотников и рыболовов Карелии в эпоху бронзы. К сожалению, наскальные изображения других районов, в частности многочисленные «писаницы» Сибири, Казахстана и Урала, редко привлекаются для изучения малоизвестных нам верований древних племен этой территории. Это происходит отчасти из-за трудности в датировке писаниц. Если в Карелии близ петроглифов нет других памятников, кроме стоянок I тысячелетия до н. э., что и решает вопрос о возрасте изображений, то при насыщенности Сибири и Урала памятниками всех веков вопрос кажется неразрешимым. С. В. Киселев первый указал на возможность датировать минусинские писаницы путем анализа техники их нанесения¹. В восточной Сибири А. П. Окладников продолжал эту работу, выделяя писаницы каменного, бронзового и железного веков. При этом выяснилось, что, в отличие от выбитых и нарезных рисунков эпохи железа, древнейшие — нанесены минеральными красками².

В настоящей статье описываются аналогичные наскальные изображения Урала и Казахстана, нанесенные красной краской. При этом мы пытаемся сначала решить, к какому времени они относятся, а далее показать, что они могут дать для изучения первобытного мышления.

Для датировки группы важным памятником является погребение, раскопанное С. Н. Бибиковым в Бурановской пещере на р. Юрюзани на Южном Урале. Череп костяка находился в ямке глубиной в 10 см, заполненной красной охрой. На стенах пещеры такой же охрой нарисована схематическая фигура лося, а над ним, вероятно, гарпун³. На основании этого С. Н. Бибиков предположил одновременность погребения и рисунка. Погребение по обряду близко к погребениям могильников Восточной Европы — Оленеостровского и Караваяевского — II тысячелетия до н. э. Так, следовательно, датируется и изображение лося, поражаемого гарпуном, к сожалению, не опубликованное.

Но с ним можно сопоставить изображения, нанесенные красной охрой на скалах по р. Тагилу близ деревни Новожиловой, на камне Балабан по правому берегу и на камнях Караульный, Соколий, Змеевой и Писаний — на левом, изданные в работе В. М. Флоринского «Первобытные славяне в памятниках их доисторической жизни»⁴. В том же районе имеются неизданные писаницы — Красная гора и Звонкая гора⁵.

Изображения не связаны в композиции, но образуют отдельные группы; мы остановимся на важнейших рисунках.

Бурановского лося напоминает заключенная в двойной круг статичная фигура медведя, пораженного в спину копьём, изображенная на камне Балабан. Ниже нарисована выдра, к хвосту которой примыкает овал, возможно изображающий силос (рис. 1, I). Здесь, как и в Бурановской пещере, мы видим, следовательно, рисунки животных, ставших жертвой охотника, сходные с такими же изображениями на карельских петроглифах⁶. Кроме того, на Тагиле имеются рисунки медведя на камне

¹ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц, Труды секции археологии РАНИОН, вып. V, 1930.

² А. П. Окладников, Археологические исследования в Бурято-Монголии, «Вестник древней истории», 1948, № 3; История Якутии, т. I, Якутск, 1949.

³ С. Н. Бибиков, Пещерные палеолитические стоянки в бассейне р. Юрюзани, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IV, 1940, стр. 37—38.

⁴ «Известия Томского университета», кн. VII, 1894, табл. I—VI.

⁵ В. А. Весновский, Камни-писаницы в Приуралье и Зауралье, Материалы по изучению Камского Приуралья, вып. II, Пермь, 1930.

⁶ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, «Советская археология», № 3, 1937, стр. 16.

Балабан (рис. 1, 3) и лисицы на Сокольном камне (рис. 1, 11), по трактовке (статичное профильное изображение) напоминающие рисунки карельских петроглифов. Близки к ним и схематические изображения людей (на камнях Балабан, Змеевой и Писаный) в виде линии, соединяющей вершины двух углов. Некоторые люди держат руки поднятыми вверх в «молитвенной позе», как на карельских петроглифах⁷ (рис. 1, 4).



рис. 1. Рисунки на писаницах на р. Тагил (по В. М. Флоринскому). 1—3 — Камень Балабан, 4—10 — Змеевой Камень, 11 — Соколий камень; 12—14 — Писаный камень

Но преобладают не реалистические, а геометрические изображения, иногда подпадающие расписовке. Это изображения солнца разных типов (рис. 1, 2, 4, 7, 12); руны, закрашенные охрой (Балабан), круг с восемью лучами, расходящимися во все

⁷ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, Л. 1936, табл. 9, 10.

стороны, круг со вписанным крестом, полукружье с лучами и т. д. Интересны с лучами, направленными в одну сторону, близкие к солярным знакам петроглифов Карелии⁸: один круг с четырьмя лучами изображен на Писаном камне, другой, ной, с восьмью лучами, отходящими вверх, и двумя — вниз — на Змеевом. Ни сторона этого знака усилена добавлением трех изогнутых линий, от последних которых вниз отходит еще ряд лучей. С нижней линией сходны гребневидные ф Змеевого и Писаного камней (рис. 1, 5, 6), но некоторые из них, вероятно, явл схематической трактовкой ладьи со многими плывцами — обычного сюжета каре, и скандинавских петроглифов. Особенно близка к ладьям гребневидная ф Змеевого камня с изогнутым основанием и кружком над ней, изображающ роутно, солнце, которое мы видим над ладьями скандинавских и кавказских глифов⁹ (рис. 1, 9).

Другой сюжет писаниц Тагила — зигзаги. Они есть и на камне Балабан, но беино части на Змеевом. Название это показательно. Зигзаги, очевидно, еще не но рассматривались как изображения змей. Как известно, змея часто в древнем кустстве схематизировалась в виде зигзага. Укажем на изданный А. Стейном чер крашеной керамики из Сеистана, на котором мы видим извивающуюся змею и р положенные параллельно ей вертикальные зигзаги — упрощенные рисунки таки змеей¹⁰. Зигзагообразные змеевидные знаки известны и на петроглифах Карелии керамики бронзовой эпохи степей Причерноморья, Сибири и Казахстана. Ряд пх сохранившихся волнистых изображений Змеевого камня трактует змеей еще р стичнее (рис. 1, 8). Особо важно изображение ползущей змеи, у которой от ка го изгиба ее тела отходит вверх какой-то отросток, а хвост как бы раздвоен (рис. 1, 10). Сходные до тождества изображения змеей имеются на наскальных изображ бронзового века в Йеррештаде в Скандинавии¹¹. Интересно, что от тела змеи в отходит линия с как бы подвешенным овальным знаком, возможно — солярным.

Помимо поддающихся расшифровке знаков, на Тагиле много линейных наче ний. Два ряда коротких линий на камне Балабан, вероятно, счетные знаки. Из дрих интересен знак в виде решетки на Сокольном камне (рис. 1, 11), известный на р петроглифов (ближайшие к Тагилу — Кара-тюбе в Хорезме отнесены С. П. Толк вым к андроновской культуре эпохи бронзы¹²). Смысл знака неясен. А. П. Оклад ков видит в нем охотничью загородь¹³, что подтверждается этнографически (эвенк ский рисунок магических загородей)¹⁴ и археологически (палеолитические изобра жения). Но в ряде случаев знак решетки является пиктограммой и связан скорее все с погребальным культом. Об этом говорят «решетки» на холме Кара-тюбе, служя щем «местом погребального культа». Вероятно «решетка» — дериват знака «шахмат доска», который, по С. Н. Замятнину, символизирует «нижнее небо» — преисподню на керамике Суз, Анау, на росписи sklepa в Неаполисе Скифском. На керамике С известен только этот знак, в Анау — и «решетка», вероятно, в более северных рай нах заменяющая «шахматную доску». Вопрос о значении «решетки» надо решать, ж ходя из конкретного материала. Связь «решетки» на Сокольном камне с изображением лисы говорит за то, что это охотничья загородь, а в целом магическое изображение обеспечивающее удачную охоту. Очень интересны меандридные знаки Писаног камня (рис. 1, 13), близкие к орнаментам андроновской керамики, проникшим и на Урал (керамика тагильского Горбуновского торфяника). Важны и изображения на Змеевом и Писаном камнях треугольных наконечников стрел с массивным черешком (но не втулкой, ибо видно сужение к концу), скорее всего каменных наконечников II — на чала I тысячелетия до н. э., типа, распространенного в срубных, андроновских и абашевских памятниках¹⁵. Несколько таких стрел найдено и в Горбуновском торфянике.

Эти рисунки, так же как и аналогии, подчас очень точные, с наскальными изображениями эпохи бронзы и с андроновской орнаментикой, позволяют датировать писаницы Тагила II — началом I тысячелетия до н. э.

Тагильским изображениям аналогичен камень Писанец у села Писанец на р. Ир бите¹⁶. Красной краской на нем нанесены ряды коротких «счетных» линий, как на

⁸ В. И. Равдоникас, Элементы космических представлений в образах наскальных изображений, «Советская археология», № 4, 1937.

⁹ С. А. Althin, Studien zu den bronzzeitlichen Felszeichnungen von Skane, Stockholm, 1945; Н. К. Вережанин и Н. О. Бурчак-Абрамович, Рисунки на скалах юговосточного Кабристана, «Известия Всесоюзного географ. об-ва», 1948, № 1, рис. 5.

¹⁰ A. Stein, Innermost Asia, vol. III, Pl. CXIV, Oxford, 1928.

¹¹ С. А. Althin, Указ. соч., т. II, 1945, табл. 53.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 72—74.

¹³ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 98—99.

¹⁴ А. Ф. Анисимов, Представление эвенков о шингэнах, «Сб. МАЭ», вып. XII, 1949.

¹⁵ См., например, О. А. Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Исторического музея, т. XVII, 1948, рис. 45; В. Ф. С мо л и н, Абашевский могильник, Чебоксары, 1928, рис. 24.

¹⁶ Н. П. Булычев, Камень-писанец, Записки Уральского общества любителей естествознания, т. III, № 2, 1875, стр. 120—121.

лабана, елочки, зигзаги, кресты и т. д. Часть поверхности камня целиком закрашена, что наблюдалось на Змеевом камне. Под писаницей в скале находится пещера, где при раскопках найдены бронзовый наконечник копья и каменный пест, повидимому, эпохи бронзы. Н. А. Прокошев отмечает обычность сочетания писаниц и пещер на Урале, приводя еще пример Алапаевской пещеры с предананьинским материалом, находящейся близ разрушившейся писаницы¹⁷.



Рис. 2. Писаница на р. Венлере в Верхнекамском округе (по А. А. Берс)

Еще В. М. Флоринский упомянул писаницы на р. Венлере в Верхне-Камском округе. Рисунок их издан А. А. Берс¹⁸. Интересно изображение ладьи с солярным

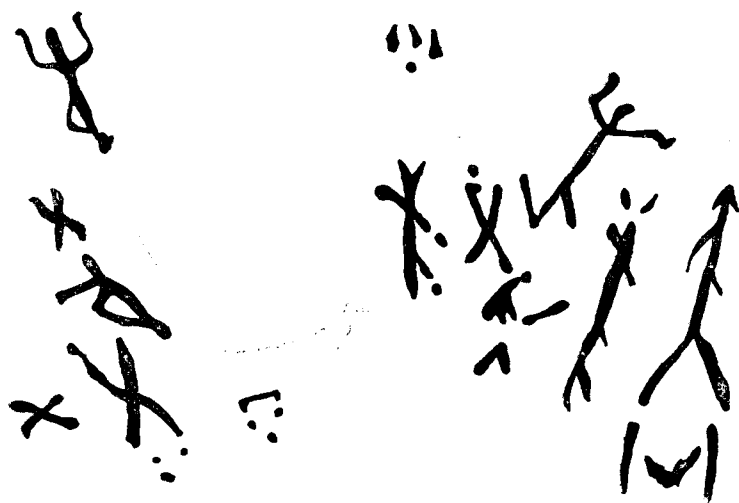


Рис. 3. Писаница в гроте на оз. Дасыбай у Баян-аула (по П. Л. Драверту)

знаком над ней, близкое к петроглифам Скандинавии, что дает право видеть подобную ладью на Тагильской писанице. Есть солярные знаки — двойной круг с четырьмя лучами, направленными в одну сторону, и т. д. Рисунки животных: профильные, сходные с тагильскими и карельскими, изображают северного оленя, лису и плывущего лебедя, чрезвычайно похожего на карельские изображения¹⁹. Напоминают их

¹⁷ Н. А. Прокошев, Пещерные стоянки (Рукопись, Архив Ленинградского отделения ИИМК, ф. 43, № 6).

¹⁸ А. А. Берс, Прошлое Урала, М., 1930, рис. 11.

¹⁹ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, Л., 1938, табл. 9, 23, 25.

и схематические фигуры людей с поднятыми руками. Очень интересно аналогичное изображение трех точек, расположенных углом под фигурой человека²⁰. Но, помимо близких к Карелии изображений, на Венлере есть и пиктограммы (кресты, треугольник с точками внутри) и ряды «счетных» линий (рис. 2).

Кроме этих, имеется ряд неопубликованных изображений, нанесенных краской на скалах по рр. Вишере, Туре, Реже, Нейве, Ивдели. Составивший их список В. А. Весновский упоминает рисунки медведя, лисы, оленя (т. е. зверей, изображенных на Тагиле и Венлере) и ряды «резких линий»²¹. В Башкирии в пещере у с. Идрисова на р. Юрезани известна еще одна группа нанесенных краской схематических, «напоминающих человеческие фигуры линейных изображений»²². Известные сведения о писаницах с изображением зверей в пещерах Башкирии. Сведения обо всех этих писаницах не противоречат нашей датировке относящихся к той же группе тагильских изображений. Напротив, еще более точные аналогии с Карелией.



Рис. 4. Писаница на р. Смолянке близ Усть-Каменогорска (по Г. И. Спасскому)

лией, увязка с пещерами, имеющими культурные слои эпохи бронзы, подтверждают наш вывод.

Переходим на территорию Казахстана. В Павлодарском районе в 7 км к северу от Баян-аула на оз. Дасыбай П. Л. Драверт обнаружил на стене небольшого грота 15 фигур, нанесенных красной охрой²³. На берегу озера расположена энеолитическая стоянка, давшая, наряду с каменным инвентарем (нуклеусы, пластины, стрелы, скребки), шлаки и обломки медных вещей. В самом гроте найден отщеп кварцита, из которого сделан и ряд орудий стоянки. О писанице, поврежденной выветриванием, сказать можно мало. Резкими прямыми линиями, быть может, как на Идрисовской писанице, начертаны фигуры людей, частью несомненно мужчин. У двух человек руки подняты вверх, как на карельских и уральских изображениях. Голова одной фигуры передана в виде угла, вершиной вверх, как и у одной из фигур камня Писаного на Тагиле (табл. I, 14). Головы двух других имеют рожки, как у антропоморфных изображений на писанице у с. Свирского на Ангаре (датированной А. П. Окладниковым эпохой бронзы)²⁴ и на ряде карельских петроглифов²⁵. С Севером связывает писаницу знак типа Пери-носа: угол из трех точек под одной из фигур. Имеется пиктограмма — кресты, как на Венлере и Ирбите (рис. 3).

Еще в 1818 г. Г. И. Спасский опубликовал рисунок писаницы на утесе над р. Смолянкой в 1 версте от впадения ее в Иртыш и в 45 верстах от Усть-Каменогорска²⁶. Знаки нанесены красной краской. Несмотря на схематизм копии, увеличи-

²⁰ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940, рис. 20.

²¹ В. А. Весновский, Указ. раб., стр. 13—17.

²² Б. А. Койшевский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 165.

²³ П. Л. Драверт, Грот с писаницей на оз. Дасыбай «Известия Зап.-Сиб. отд. Географич. об-ва», т. VII, 1930, стр. 231—234.

²⁴ А. П. Окладников, Писаницы около поселка Свирского, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIV, М., 1947, стр. 23.

²⁵ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, табл. 13, 16.

²⁶ Г. И. Спасский, Сибирские древности, «Сибирский вестник», ч. I, СПб., 1918, стр. 81, табл. IV.

яющей схематизм писаницы, мы видим здесь знакомые элементы: решетки, ряды «четных» линий, фигурки людей в виде черты, соединяющей вершины двух или трех углов (если углов три, то голова изображена в виде стрелки, как в Дасыбае и на Писаном камне). Фигура внизу справа напоминает Дасыбайские рогатые, поднявшие руки фигуры. Характерен солярный знак — круг со вписанным крестом, очень распространенный в эпоху бронзы²⁷. Особенно интересно изображение ладьи с солярным знаком (круг с крестом) над ней, находящее аналогии в других наскальных рисунках бронзового века. На таблице Спасского ладья изображена в перевернутом виде (солярный знак — внизу, дно — наверху). Возможно, что так она и выглядела от реки, но изображение могло быть нанесено на скалу не с берега реки, а сверху, с более высоких участков скалы и потому должно быть ориентировано иначе. Опубликованный рисунок вторично Жак де Морган перевернул его из-за ладьи на 180°²⁸, но тогда человеческие фигуры, поставленные на голову, стали совершенно неясны. На таблице Спасского мы видим три группы изображений: две с человеческими фигурами и одну с ладьей, причем группы отделены друг от друга трещинами скалы. Вероятно, группы с рисунками людей были нанесены на скалу снизу, а группа с ладьей — сверху. Поэтому мы ориентируем таблицу, как у Спасского, указывая на то, что при рассмотрении ладьи надо повернуть таблицу иначе (рис. 4).

Мы не разбираем енисейских писаниц, изданных И. Т. Савенковым²⁹, исследование которых затруднено наслоениями изображений позднейшего времени. Но и здесь среди нанесенных красной краской изображений имеются солярные знаки — круги с вписанными крестами, полукружия и круги с лучами (Биджа, Колба, Тесь), рисунки ладей (Тесь, Колба) и т. д. Енисейские писаницы связывают уральские и казахстанские с восточносибирскими, где А. П. Окладников отмечает рисунки людей с поднятыми руками и иногда с рожками, пиктограммы — кресты, поля с точечным заполнением и т. д.

Подводя итог, мы можем сказать, что известные нам писаницы Урала и Казахстана, нанесенные красной краской, следует датировать эпохой бронзы. Аналогии, точные настолько, что это не может быть случайностью, с наскальными изображениями эпохи бронзы Скандинавии, Карелии, Хорезма; сопоставление со связанными писаницами памятниками (Бурановская пещера, Писанец на Ирбите, Дасыбай, Алапево); близость некоторых знаков писаниц к андроновским орнаментам (меандр, зигзаг); изображения треугольных черешковых стрел и т. п. убеждают в правильности этой датировки. Упомянутые писаницы резко отличаются от выбитых и нарезных изображений эпохи железа в Сибири и Казахстане с их неизменными скачущими оленями, козлами и баранами. То, что писаницы нанесены красной охрой, понятно. Мы знаем ее роль в неолите и бронзовом веке. Вспомним повсеместное посыпание погребений охрой, окрашенную красной краской доску из архангельской стоянки Кузнечихи и т. д.

Какие же выводы можно сделать при анализе описанных наскальных изображений? Прежде всего, — о широте культурных связей в эпоху бронзы, подтверждаемой чрезвычайной близостью некоторых изображений Урала и Казахстана к карельским, скандинавским и среднеазиатским. Можно говорить, что Урал поддерживал интенсивные связи с Северо-Востоком Европы, что хорошо сопоставляется с анализом керамики и орудий стоянок Севера³⁰, и с находками на Урале скандинавских «меларских кельтов». При этих сношениях установилась некоторая общность в культуре Урала и Севера Восточной Европы, проявившаяся как в сходстве наскальных изображений, так и в сходстве ритуальных сосудов с изображениями водоплавающих птиц, найденных на стоянках обоих районов³¹. С другой стороны, на Урал влиял степной Юг — андроновская культура, давшая меандровые узоры³² и т. д. Основную часть уральских писаниц следует, повидимому, относить к шигирской культуре, влияние на которую андроновской хорошо известно по материалам Горбуновского торфяника³³. Зафиксированы в Горбунове и сосуды с изображениями птиц, сходные с сосудами стоянок севера Восточной Европы.

Если уральские писаницы особенно близки к карельским петроглифам и по стилю изображений животных и по сходству солярных знаков, то казахстанские писаницы имеют мало северных черт и своим схематизмом и обилием пиктограмм напоминают среднеазиатские. Усть-каменогорская писаница, вероятно, относится к андроновской культуре, дасыбайская — более ранняя, энеолитическая.

²⁷ А. А. Миллер, Элементы неба на вещественных памятниках, «Известия ГАИМК», вып. 100, 1933.

²⁸ Ж. де Морган, Доисторическое человечество, 1926, стр. 259, рис. 168.

²⁹ И. Т. Савенков, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, Труды XIV археологического съезда, т. I, 1910, табл. III, IX.

³⁰ М. Е. Фосс, Культурные связи севера Восточной Европы во II тысячелетии, до н. э., «Советская этнография», 1948, № 4.

³¹ П. П. Ефименко, К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-камья, «Археология», ч. II, Киев, 1948.

³² В. Н. Чернецов, Орнамент ленточного типа у обских угров, «Советская этнография», 1948, № I, стр. 151.

³³ Д. Н. Эддинг, Резная скульптура Урала, М., 1940.

При интенсивных культурных сношениях на большой территории установилась общность в представлении о движении солнца, солнечного божества, по небу ладье³⁴, в связи с чем сходные изображения ладей распространены у нас в бронзовом веке от Карелии до Енисея. Солярные ладьи играли роль и в погребальном культе, что связано с представлением о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых. Распространение этого поверья на Урале отмечает находка в Лыковском могильнике ананьинской культуры следов погребений в лодках-однодеревках, что и сейчас практикуется у хантов и манси³⁵. Общим и для охотников, и рыболовов лесов Урала и Карелии, и скотоводов, и земледельцев степей явился солярный культ, имевший на юге земледельческий характер, а на севере связанный с празднествами при прилете водоплавающей птицы.

В остальных элементах наскальных изображений мы видим различия охотничьего Урала и земледельческой степи. На Урале существует охотничья магия, в связи с которой стоят изображения пораженных зверей, унаследованные еще от палеолита. Очень интересен змеиный культ, отмеченный на Урале. О существовании его говорят находка в Горбуновском торфянике деревянных изображений змей в виде зигзага с треугольной головой. В более поздних памятниках Урала изображения змей также нередки, например, среди литых фигурок Гляденовского костяка. Культ змей связан с солнечным культом. Это подтверждает изображение змей на Змеевом камне Татлы с солярным знаком под ней. Нередко также почитание змей как хранителей вод, характерное для рыболовов и охотников. Наконец, связь писаниц с пещерами на Урале не случайна. Н. А. Прокошев показал культовый характер ряда пещер Урала. В пещеры, например, периодически стреляли из лука, вероятно, во время каких-то охотничьих празднеств³⁶. Поэтому близ ряда пещер и появились наскальные изображения, также связанные с культом охотников.

Иное мы видим на казахстанских писаницах. Здесь нет изображений зверей, много символических знаков и пиктограмм, а фигурки людей совсем схематизированы. В степной полосе охотничья магия давно отмерла и тут господствовали земледельческие культы с характерной символикой изображений. Характерно, что солярные знаки наскальных изображений Урала реальнее (круги, круги с лучами), чем солярные знаки усть-каменогорской писаницы, где солнце изображает знак в виде круга с вписанным крестом, известной в андроновской орнаментике (бляхи Александровского могильника). Большой интерес представляют антропоморфные изображения с рогами или с головой в виде стрелки, имеющие ряд сибирских аналогий. Рогатые фигуры карельских петроглифов В. И. Равдоникас связывает, как известно, с образами полулюдей-полуживотных — тотемических предков-родоначальников³⁷. Весьма вероятно, что так следует толковать и наши изображения, с которыми связаны знаки «решеток», здесь скорее всего отражающие близость родоначальников «к нижнему миру». Выводы о семантике писаниц, конечно, будут шире и полноценнее после снятия точных копий с наскальных изображений.

³⁴ В. И. Равдоникас, Элементы космических представлений в образах наскальных изображений.

³⁵ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 42.

³⁶ Н. А. Прокошев, Пещерные стоянки; его же, Район реки Чусовой, «Известия ГАИМК», вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 185.

³⁷ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, стр. 24.



ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

(Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР)

30—31 января 1950 г. в Москве состоялась сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная вопросам истории чувашского народа. В сессии приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Молотова, Чебоксар, Калинин и др. На сессии было заслушано 6 докладов: П. Н. Третьякова «Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных»; Т. А. Трофимовой «Антропологические материалы по вопросу о происхождении чувашей»; Н. И. Воробьева «Этногенез чувашского народа по данным этнографии»; В. Г. Егорова «Этногенез чувашей по данным языка», М. Н. Тихомирова «Присоединение Чувашии к Русскому государству»; Я. К. Павлова «Великая Октябрьская социалистическая революция и установление советской власти в Чувашии»¹.

Поставленные в докладах вопросы этногенеза и истории чуваш вызвали оживленные прения, некоторые из выступлений носили характер содокладов. Таким было выступление археолога О. Н. Бадера (Молотов), высказавшегося по докладам П. Н. Третьякова и Т. А. Трофимовой. Он отметил важность изучения ранней истории Поволжья, занимающего срединное положение между Средней Россией и Уралом и расположенного на речной магистрали, связывающей север с югом. На этой территории еще с глубокой древности завязался сложный узел культурных взаимоотношений между востоком и западом, севером и югом. Считая вполне правильными основные положения доклада П. Н. Третьякова, О. Н. Бадер дал несколько иное освещение некоторым фактам, связанным с проблемой многотысячелетних взаимоотношений между Восточной Европой и Западной Сибирью, между областями Средней России и Приуралья. Он подчеркнул, что в культурном облике западно-уральского палеолита, как установлено Талицким и Воеводским, преобладают особенности палеолита Сибири, а не Восточной Европы. Таким образом, устанавливаются тесные связи древнего населения Прикамья эпохи палеолита с сибирским культурным миром — связи, могущие найти свое объяснение в палеогеографии Восточной Европы. Что касается последней, то здесь современными исследованиями выявлены для эпохи неолита две крупные этнокультурные области, каждая из которых была заселена многочисленными племенами; это область Западно-Волго-Окская с лежащей к северу от нее территорией и область Восточно-Камская. Контакт между этими двумя областями происходил на территории Среднего Поволжья, в частности современной Чувашской АССР. Отсюда О. Н. Бадер делает вывод, что часть населения Чувашии в III тысячелетии до н. э. была в культурном отношении близка неолитическим племенам Камского бассейна.

О. Н. Бадер остановился далее на вопросе о балановской культуре. Ссылаясь на свою последнюю работу², он еще раз подчеркнул, что балановская культура не является вариантом фатьяновской, тем более ее позднейшей стадией, как это утверждают некоторые исследователи, а представляет собой особую культуру, по ряду признаков лишь близкую к фатьяновской и знаменующую собою ту же стадию развития общества. Это подтверждается и антропологическими материалами: широколицый кроманьонидный фатьяновский тип и узколицый восточно-средиземноморский балановский — различны по своему происхождению. О. Н. Бадер перечислил ряд памятников, показывающих, что Балановский могильник не одинок, и позволяющих наметить территорию распространения балановской культуры, как область, ограниченную с востока Волгой, с запада, повидимому, Мокшей и Цной, с севера Окой и Волгой до

¹ Первые пять докладов печатаются в настоящем номере журнала.

² «К вопросу о балановской культуре», «Советская этнография», 1950, № 1.

Камского устья. С юга границы пока не ясны, но, исходя из лесного характера окружавшего «балановцев» ландшафта, можно считать, что они проходили недалеко от границ леса и степи того времени, параллельно им.

В заключение О. Н. Бадер коротко остановился на вопросе о происхождении балановской культуры. Он придерживается мнения Т. А. Трофимовой о южном происхождении этой культуры и считает, что «балановцы» пришли в область Среднего Поволжья с Кавказа до середины II тысячелетия до н. э., в XVII—XV вв.

Н. Ф. Калинин (Казань) познакомил присутствующих с материалами организованных Казанским филиалом АН СССР археологических экспедиций, работающих в районах Западной Татарии, по соседству с Чувашской республикой, и продемонстрировал археологическую карту Чувашской и западной части Татарской АССР, на которой нанесены данные археологических экспедиций в Чувашскую АССР (П. П. Ефименко, П. Н. Третьякова, А. Н. Брюсова, О. Н. Балера и др.), а также четырех последних экспедиций Казанского филиала АН СССР. Он сообщил, что за последние четыре года на территории Западной Татарии обследовано свыше сотни «предбулгарских» памятников, объединяющихся хронологически и общностью культуры. Оставлены они, несомненно, оседлым земледельческо-скотоводческим населением, образовавшим в Среднем Поволжье обширный союз племен, занимавший большую территорию и известный по письменным источникам IX—X вв. под именем Буртасского. Для более раннего времени его можно назвать предбуртасским, асским или асским. Н. Ф. Калинин предложил присвоить этой культурной общности название «буртасская культура» и высказал удивление, что ни один из докладчиков не упомянул имени буртасов, хотя о них имеются и древние письменные источники и литература, и вещественные памятники. Буртасы, по его мнению, принимали участие в формировании камско-волжских булгар, казанских татар, мордвы и чувашей на буртасской местной основе выросли и сами булгарские камско-волжские племена, которые существенно отличаются от приазовских булгар.

Н. Ф. Калинин считает, что булгары представляют собой аборигенное население VIII—XV вв. и уже с X в. и даже раньше были оседлыми земледельцами, а не кочевниками; считать их таковыми — неверно. Особенно это относится к булгарам, жившим на территории Чувашии, куда они проникли, начиная с X в. С момента сложения в конце X в. булгарской державы проявляются завоевательные тенденции булгарских князей, булгары проникают в более западные и более северные буртасские земли за Волгу и Каму. В результате булгарского завоевания заканчивают свое существование буртасские укрепленные пункты — городища, рядом с ними вырастают булгарские крепости-города. Н. Ф. Калинин привел различные археологические и исторические сведения о буртасах и высказал уверенность, что в дальнейшем будут найдены буртасские археологические памятники на территории Чувашии.

Исходя из анализа топонимических данных, Н. Ф. Калинин пришел к выводу, что чувашский народ образовался путем скрещения местных племен (может быть, еще предшественников буртасов — асов или ашей, ошей) и пришлых булгарских племен.

Н. Ф. Калинин высказал некоторые замечания по докладу В. Г. Егорова, указав, что докладчик уделил недостаточно внимания связям чувашского языка с татарским и, напротив, противопоставил эти языки. Н. Ф. Калинин считает неправильным объяснение различия в путях формирования татар и чувашей, которое дал В. Г. Егоров, полагающий, что чуваша произошли от слияния местных племен с сельскими трудовыми булгарскими населением, а татары — с городским булгарским населением. Это объяснение, по мнению Н. Ф. Калинина, противоречит историческим фактам, ибо и на левом и на правом берегах Волги, по данным археологии, жило и городское и сельское булгарское население. В связи с этим он считает неправильным и освещение процесса формирования чувашей и татар, данное в книге А. П. Смирнова «Древняя история чувашского народа», где автор утверждает, что чуваша формировались на основе оседлого населения Поволжья, в то время как татары Поволжья сложились на основе кочевых племен, осевших к X в. Н. Ф. Калинин еще раз подчеркнул, что булгары не были кочевниками не только в X в., но и раньше; считать булгар кочевниками значит, по его мнению, отрицать аборигенность татар, что совершенно неверно.

М. С. Акимов (Москва) дополнила доклад Т. А. Трофимовой сообщениями о новых антропологических материалах, которые были получены за последние три года.

Г. Ф. Дебев (Москва) подчеркнул правильность комплексного подхода к проблемам происхождения народов, ибо только синтез результатов исследования языко-физического типа и культуры народа может дать положительный результат в разрешении этих проблем. Но этот синтез требует не только сбора археологических, этнографических, лингвистических и антропологических данных; необходима разработка теории этногенетического синтеза, над чем еще нужно очень много поработать. В качестве примера Г. Ф. Дебев привел антропологический материал, к использованию которого следует подходить, исходя из того положения, что человеческие расы и антропологические типы не расселяются, не вытесняются и не смешиваются, — расселяются, вытесняются и смешиваются народы. Поэтому, если совсем не обязательно искать в антропологическом составе населения отражения исторических явлений, которые могут происходить и без сколько-нибудь существенных изменений в антро-

мологических особенностях, то каждое изменение в антропологическом составе населения обязательно имеет историческую причину. При этом надо, конечно, учитывать, что антропологам не всегда легко отличить изменения, вызванные переселением нового типа, от изменений, возникших под влиянием внутренних причин. Могущие быть разногласия между лингвистами, этнографами и антропологами указывают на особую форму этногенетического процесса, отличную от той, когда все показания сходятся. Поэтому теоретической предпосылкой синтеза не может являться ни стремление к установлению параллелей между расой, языком и культурой, ни отрицание таких параллелей. Задачей является установление характера соотношений между этими тремя группами фактов, причем возможны разные формы этих соотношений. Исходя из которых указывает на специфические особенности процесса этногенеза.

Возвращаясь к чувашам, Г. Ф. Дебеч отметил сложность происхождения лесного, или волжско-финского, и сложного комплексов в составе чувашского народа. В антропологическом отношении среди них можно выделить четыре типа: 1) западносибирский монголоидный; 2) протоевропейский — кроманьонский, который входит в состав смешанной группы уральско-лапоноидных типов, а в дальнейшем выявляется и как самостоятельный компонент; 3) короткоголовый европеоидный, условно-сарматский, и, наконец, 4) степной центральноазиатский монголоидный. Г. Ф. Дебеч высказал сомнение по поводу существования пятого типа, выступающего в докладе Т. А. Трофимовой под названием восточно-средиземноморского, или, точнее, по словам Г. Ф. Дебеча, иранско-месопотамского типа Балановского могильника. Антропологи еще не имеют возможности отличать по черепу северных европейцев от южных. Принципы краниологической систематики европеоидных типов требуют общего решения, которое пока не дано. По тем признакам, которые использованы в работе Трофимовой, можно найти параллели балановцам и в Западной Европе и в Иране. По мнению Г. Ф. Дебеча, яфетическое в чувашском это не обязательно месопотамское. Разработка и проверка этой гипотезы, безусловно, сыграют положительную роль в разрешении проблем этногенеза Восточной Европы. Еще большее сомнение Г. Ф. Дебеч высказал по поводу негроидного или малайского типа, выделяемого Т. А. Трофимовой в ее докладе. Участие как восточных средиземноморцев закавказского происхождения, так и негроидов в формировании антропологического типа чувашей нельзя отрицать, но это еще далеко не подтверждено. Г. Ф. Дебеч не отрицал факта автохтонного сложения фатьяновской культуры, но это не противоречит теории пришлого происхождения хотя бы некоторых существенных компонентов ее носителей. В заключение Г. Ф. Дебеч подчеркнул, что Среднее Поволжье является одной из территорий СССР, где использование антропологических материалов может быть проведено с наибольшей эффективностью, и, пожалуй, это в особенности относится к чувашам. Можно с уверенностью утверждать, что антропологические материалы могут дать гораздо больше, чем они дают сейчас. Необходимо по строго типифицированным приемам собрать материал по нескольким группам чувашей и обязательно одновременно по соседним народам, в первую очередь мордве, марийцам и татарам. Залог успеха — в возможности широких сопоставлений во времени и пространстве.

А. В. Збруева (Москва) привела материалы, указывающие на наличие восточного влияния на северные группы археологических памятников в Чувашии, в частности влияния ананьинской культуры. Она указала также на возможность проследить связь археологических материалов Чувашии с более южными, кавказскими культурами и с Закавказьем.

А. П. Смирнов (Москва) отметил, что для решения вопроса об автохтонности процесса этногенеза чувашей необходимо выйти за рамки административного деления Чувашской республики и взять материал несколько шире. В докладе П. Н. Третьякова, по его мнению, большую ценность имеют наблюдения, свидетельствующие о глубоком, коренном делении чуваш на верховых и низовых, восходящем ко II тысячелетию до н. э.; П. Н. Третьяковым впервые это деление показано на археологическом материале. А. П. Смирнов высказал предположение, что процесс этногенеза этих групп происходил несколько сложнее; особенно это относится к южной группе, так как пришлые южные племена оседали на территории, уже занятой местным населением. Касаясь вопроса о булгарах, А. П. Смирнов указал, что данная в докладе П. Н. Третьякова постановка этого вопроса исключает те позиции, на которых стояли старые исследователи. Возражая Н. И. Воробьеву, прослеживающему связи между северными чувашами и марийцами начиная с XV в., А. П. Смирнов показал, что эти связи восходят к гораздо более раннему времени. Сходство же культурных элементов чувашей и татар сложилось еще в эпоху Булгарского царства. В заключение А. П. Смирнов высказал несколько замечаний по выступлению Н. Ф. Калинина. Он привел некоторые соображения, говорящие не в пользу автохтонного происхождения булгар, как это пытался доказать Н. Ф. Калинин. Булгары, пришедшие на Волгу в VII—VIII вв., и те, которые жили в X—XII вв., — совершенно различные этнические группы. На булгарском материале X—XII вв., как правильно указал Н. Ф. Калинин, прослеживается примесь местного элемента, но археологически достаточно убедительно установлено существование южного и северокавказского влияния, связанного с той областью, где, по сведениям византийских источников, жили древние булгары, причем эти элементы очень устойчивы и их достаточное количество. Это говорит о том, что на Среднюю Волгу пришли не отдельные случайные выходы,

а большая, сильная этническая группа, которая сумела в чуждых условиях сохранить свой язык. Что касается буртасов, то Н. Ф. Калинин проделал большую и интересную работу, и весьма возможно, что некоторые из указанных им памятников принадлежат буртасам; но сведений — археологических и антропологических о буртасах слишком мало, они не сопоставимы, и самый вопрос о буртасах лежит еще в области гипотез.

Х. Г. Гимади (Казань) подчеркнул большое значение булгар в формировании чувашского и татарского народов. Главная ошибка прежних историков, по его мнению, заключалась в том, что они рассматривали булгар как единую народность. В известной степени, сказал Х. Г. Гимади, такая теория проскользнула и в доклад В. Г. Егорова. Нам известны этнографические и лингвистические материалы, которые говорят о том, что булгары представляли собой союз разных тюркоязычных племен, решающую роль в этом союзе играли булгары и суварские племена. Сувары жили и на левом и на правом берегах Волги и находились в тесных связях между собой. Под напором монголо-татарских полчищ сувары могли также переселиться в бассейн р. Суры. Исконными жителями этих лесистых мест были предки марийских и чувашских племен. Очевидно, на этом новом месте обитания сувары в известной мере смешались с аборигенами края и, естественно, восприняли от них некоторые элементы не только хозяйства и быта, но и языка. Х. Г. Гимади считает, что В. Г. Егоров преувеличил влияние болгарского языка на чувашский, что в его докладе чувашский язык является прямым продолжателем болгарского. Между тем многие чувашские слова, приводимые им как болгарские, имеются и в других тюркских языках. Докладчик мало остановился на влиянии русского языка на чувашский и почти ничего не сказал о влиянии татарского. Х. Г. Гимади считает, что без татарского нельзя понять чувашский язык, так же как татарский, нельзя понять без чувашского. Эти народы дополняют друг друга при выявлении истории их формирования.

К. А. Четкарёв (Марийская АССР) высказал мнение, что нельзя решать проблемы этногенеза чувашей без постановки проблемы происхождения других поволжских народов: мари, удмуртов, мордвы, татар. Он внес некоторые дополнительные разьяснения к докладу Н. И. Воробьева и выразил пожелание об организации в будущем подобных сессий по этногенезу других народов Поволжья.

Т. А. Крюкова (Ленинград) указала на необходимость для ученых разграничить специальности уделить большее внимание вещевому материалу, подчеркнув важность сопоставления археологического материала с этнографическим по разным родам. При сопоставлении этнографического материала по мари и чувашам необходимо обратить особое внимание на поясные украшения, орнамент и названия медальных узоров. При детальном изучении элементов культуры большую роль играют установление их локализации, главное же — это исторический подход к изучаемым явлениям.

А. Е. Алихова (Москва) остановилась на вопросе о буртасах, возражая Н. Ф. Калинин, который ряд памятников I тысячелетия н. э. на большой территории отнес к буртасам. Вопрос о буртасах — старый и спорный. Буртасов, по мнению А. Е. Алиховой, нужно искать в прикавказских районах, а не в Среднем Поволжье, чем свидетельствует ряд материалов.

Выступивший по докладу М. Н. Тихомирова т. Паньков (Калинин) отметил, что доклад дает правильное представление о присоединении чувашей к Русскому государству, но следует более точно определить дату присоединения, обратив внимание на 1551 год. Тов. Паньков привел дополнительные материалы, свидетельствующие о том, что Московское государство было заинтересовано в присоединении не только чувашей, но и других народов Поволжья. Касаясь вопроса о восстаниях народов Поволжья после присоединения их к Московскому государству, он указал, что во главе восстаний были чувашские и другие феодалы и знать, которые потеряли свое прежнее привилегированное положение и были заинтересованы в организации восстаний. Как на недостаток доклада он указал на отсутствие в нем сведений о внутренней структуре чувашского общества до присоединения к Русскому государству.

В связи с докладом М. Н. Тихомирова высказал свои соображения по вопросу присоединения чувашей к Русскому государству и т. Гусев. Он указал, что присоединение чувашей произошло не сразу, что ему предшествовало длительное общение чувашей с русским народом, что это присоединение произошло мирным путем, предшествуя завоеванию Казанского ханства. Тов. Гусев указал также на необходимость пересмотреть вопрос о завоевании Казани в учебнике по истории СССР С. В. Бахрушина.

Н. Г. Буркин высказался по докладу т. Павлова, который, по его мнению, мало уделил внимания периоду подготовки Октября в Чувашии (с февраля по октябрь) и недостаточно показал массовое движение чувашей в 1917 г. Н. Г. Буркин привел дополнительные материалы по указанным вопросам.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ СЕССИЯ В ТБИЛИСИ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЭТНОГРАФИИ КAVKAZA

В ноябре 1949 г. в Тбилиси была проведена сессия Ученого совета Института истории им. И. А. Джавахидшвили АН Груз. ССР, посвященная вопросам этнографии Кавказа. В работе сессии приняли участие, помимо членов Ученого совета и сотрудников отдела этнографии Института истории и научных учреждений Груз. ССР, представители Москвы, Ленинграда и братских республик Армении, Азербайджана и Дагестана. На сессии присутствовали также знатные колхозники, приглашенные из сел. Тортиза Горьковского района.

Открывая сессию, вице-президент Академии Наук Груз. ССР проф. А. Г. Шаидзе охарактеризовал работу кавказоведов-этнографов за советский период и отметил ряд важных достижений в области кавказоведческой этнографии.

Ведущей темой сессии являлась тема о новом быте, ей были посвящены доклады члена-корр. АН Груз. ССР Г. С. Читая, канд. историч. наук М. К. Гегешидзе и И. В. Чкония «Новый быт в колхозе им. К. Чарквиани сел. Тортиза Горьковского района», канд. историч. наук З. Никольской (Москва) «Этнографическое описание Даргинского колхоза», канд. историч. наук Л. И. Лаврова (Ленинград) «Советская культура и быт лаксов», канд. историч. наук Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) «Новый быт в колхозе им. Л. Берия сел. Дуринш Гудаутского района».

Во всех этих докладах были показаны величайшие изменения в экономике и быту народов Кавказа, происшедшие за годы советской власти, за период осуществления сталинских пятилеток, были показаны темпы и широкий размах развития в деревне социалистической культуры, обусловленные колхозным изобилием.

Теме о старых и новых формах материальной культуры и хозяйства было посвящено шесть докладов. Чл.-корр. АН Груз. ССР Г. С. Читая в докладе «Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии» подчеркнул, что до победы Великой Октябрьской социалистической революции земледелие в Грузии было одной из наиболее консервативных отраслей хозяйства, в которой мирно уживались тысячелетние традиции и приемы с последующими усовершенствованиями техники. Приемы и орудия обработки почвы ярче всего показывают это. Изучение земледельческого быта Грузии показывает, что трудовое крестьянство располагает более или менее прочными эмпирическими познаниями, указывающими на определенный уровень развития земледельческой народной культуры, на ее древность и самобытность. Современная травопольная система социалистического сельского хозяйства в корне изменила старые системы земледелия. В противоположность буржуазным классификациям, основанным на формальных показателях пахотных орудий, докладчик выдвинул новую классификацию, основанную на их функции. Интересное освещение получил в докладе С. Я. Бедукадзе (Тбилиси) «Поточные мельницы Арагского ущелья» вопрос генезиса мельниц с горизонтальным колесом. Множество убедительных этнографических фактов делает все более прочным предположение советских ученых о возможности применения известной варагской мельницы в урартскую эпоху. Этим самым утверждение буржуазной науки, что введение в употребление водяной мельницы относится к заслугам римской культуры, сводится к на-нет.

Доклад канд. истор. наук М. К. Гегешидзе (Тбилиси) «О некоторых видах грузинских народных средств перевозки» был посвящен показу четырех видов сухопутных народных средств перевозки в Грузии: «болотриа», «ачача уреми», «сели» и «туши», особо обращающих на себя внимание по строению. Эти виды докладчиком были отнесены к средствам перевозки смешанного типа переходной полосы, поскольку их конструкция основана на принципе совмещения скольжения (сани) и качения (арба). По мнению докладчика, на основании особенностей конструкции этих видов и других данных средств перевозки выдвигается вопрос о древних видах колеса и его развитии, получавший идеалистическое освещение в буржуазной науке.

С большим интересом были заслушаны доклады представителей Азербайджанской ССР: проф. И. М. Джафар-заде «Искусственное орошение и народные способы водоснабжения из Апшероне», М. И. Атакишиевой «Азербайджанская народная утварь в селениях из окрестностей гор. Мингечаура и в Самухском районе Азербайджанской ССР» и З. А. Кильчевской «Азербайджанский национальный костюм из Карабаха». М. И. Атакишиева указала, что этнографическое изучение домашней утвари Мингечаура и окрестных селений Самухского и Халданского районов дало возможность провести некоторые параллели с находками бытовых предметов, обнаруженных в процессе археологических раскопок в Мингечауре и указывающих на их оригинальность и самобытность народной утвари.

Теме о старых и новых формах социальных отношений было посвящено три доклада. Проф. М. О. Косвен сделал доклад «Проблема патронимии и структуры рода». Изучение родоплеменной структуры, в частности патронимии, имеет серьезное теоретическое значение, облегчая построение истории родового строя и его познание, а также имеет актуальное политическое значение в борьбе с вредными родовыми пережитками. Поэтому понятен тот интерес, с которым был заслушан доклад проф. М. О. Косвена, крупного теоретика древних социальных отношений. Докладчик охарактеризовал патронимию, представляющую собой группу родственных семей, больших или малых, образовавшихся в результате сегментации или раздела одной большой

семьи и сохраняющих хозяйственную, общественную и идеологическую связь. Докладчик указал, что в качестве имеющихся конкретных образцов патронимии могут быть представлены по Кавказу описания патронимии у южных осетин, аварцев, даргавцев, лакцев, горских евреев и абхазов. На основе этих материалов устанавливается территориальное, хозяйственное, общественное и идеологическое единство патронимии. В прос о патронимии, сказал докладчик, связан с вопросом об архаическом типе поселения. Имеющийся материал вновь опровергает старинную мезеровскую теорию (зачинную теорию), как и распространенную в старой русской историографии теорию «села-однодворки», и позволяет считать патронимическое поселение древним типом поселения. Обстоятельный доклад М. О. Косвена был дополнен ценными сведениями в выступлениях Г. С. Читая, В. В. Бардавелидзе и Р. Л. Харадзе. Кандидат исторических наук Р. Л. Харадзе (Тбилиси) в докладе «Структура семейной общины в Картли» затронула один из интереснейших вопросов общественного развития грузинских племен — структуру семейной общины в Картли. Охарактеризовав картлийскую большую семью, представляющую родственную группу, в которой объединены поколения ближайших родственников как нисходящих, так и боковых, Р. Л. Харадзе указала на причины ее расщепления по новым семейным общинам. С порядком семейных разделов у картлийцев была связана особенность расселения новых общинных хозяйств и родовых кварталов села. Докладчик считает, что семейная община в силу суживания круга родственных взаимоотношений в связи с интенсификацией хозяйства на высшей ступени родового строя приобрела основное хозяйственное значение. Родовые кварталы, или патронимии, являясь результатом расщепления общинных общин, представляли позднюю ступень в развитии рода. Докладчиком оригинальной форме была представлена родословная нескольких больших семей Картли.

С интересом был заслушан доклад Э. Т. Карапетян (Ереван) «Выкуп и мянских свадебных обычаев и его социально-экономические корни» (зачитал аспирант Д. В. Вардунян).

На тему о старых и новых формах духовной культуры были заслушаны доклады канд. историч. наук В. В. Бардавелидзе «Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти», З. Д. Гагложевой (Сталинири) «Материалы о пережитках аграрного культа в Джаватском районе», канд. историч. наук В. Г. Бдоян (Ереван) «Некоторые магические действия, связанные с плугом».

В своем интересном докладе В. В. Бардавелидзе осветила один из важнейших вопросов древнего мировоззрения грузин. Путем подробного анализа этнографического и других материалов (в первую очередь лингвистического и археологического) докладчик показал путь развития божества Гмерти от ранней его стадии (покровитель родовых и общинно-территориальных объединений) до его превращения с развитием пахотного земледелия в верховного покровителя домашних животных и божество плодородия и размножения растительности и людей. По мнению докладчика, с данного времени Гмерти постепенно заместил богиню Солнца, впредь выступая в качестве единого бога Солнца и повелителя Вселенной. Тесная связь Гмерти с домашними животными, в частности с крупным рогатым скотом, является одним из важных доказательств, что по крупной роли культа быка древнегрузинская религия входит в обширный религиозный мир древних культурных народов Передней Азии и Средиземноморья.

На сессии вызвала большой интерес тема о народном спорте, представленная докладами канд. историч. наук А. И. Робакидзе «Цхен Бурти (опыт восстановления грузинской конно-спортивной игры)» и канд. педагогич. наук В. И. Элашвили (Тбилиси) «Хевсурские скачки Цхенни». В докладе А. И. Робакидзе было отмечено, что конно-спортивная игра в мяч, представляющая собой результат слияния двух разнородных спортивных упражнений — конного ристания и игры в палочный мяч и известная под общим названием «чогани», широко была распространена в странах Ближнего Востока. Высокий уровень развития и богатые традиции конного спорта, большое разнообразие и характер игр в палочный мяч, часть которых отожает некоторые стороны хозяйственного быта и элементы древнейшего мышления грузин, а также наличие в быту грузин комбинированной формы игры в конный мяч являются достаточным основанием для предположения о возможном слиянии в синальную форму игры. В выступлениях представителей Научно-исследовательского института физической культуры и Комитета по делам физической культуры и спорта Груз. ССР (т.т. Горгаладзе, Мерквиладзе, Майсурадзе) было отмечено большое историческое значение этого вида спорта. Восстановление грузинской конно-спортивной игры «цхен-бурти», развивающей высокие спортивные качества, является одним из мероприятий в деле осуществления указаний директивных органов о развитии национальных видов спорта. Доклады по теме о народном спорте были иллюстрированы показом народных конно-спортивных игр на тбилисском ипподроме.

По исторической этнографии на сессии были заслушаны доклады канд. историч. наук Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси) «Вопросы этнографии Грузии в армянских источниках феодально-крепостнической эпохи», канд. историч. наук Л. И. Лавренко «Расселение славян на Северном Кавказе до XIX в.». Проф. Л. М. Меликсет-Бек указал, что одним из участков исследовательской работы по этнографии Грузии,

которого могли бы быть использованы армячские источники, является вопрос об этно- и топонимике Грузии как в целом, так и по отдельным объектам, в частности об егерсванах, асканах и пр. Те же источники могли быть использованы по вопросу об этногенезе грузин (Ст. Орбелия, XIII в.; Фома Мецопец и другие историки XVII—XVIII вв.). В армянских источниках сохранились ценные сведения о пережитках тотемизма и вообще так называемого языческого культа на различных этапах его развития (Мойсей Хоренский, V—VII вв. (?). Книга посланий VII в. М. Бжиклиан, XIX в.). Особенно подробно отражен в армянских источниках быт старого Тбилиси и на фоне тбилисской жизни образ грузинской женщины. Специальные этюды по этнографии Грузии имеются в двух очерках путешествий начала XIX в. Минаса Бжишкяна (Миная Медичи) «История Понта» (изд. 1819 г.) и Месропа Тагядяна «Путешествие в великую Армению» (изд. 1847 г.).

Л. И. Лавров осветил вопрос о заселении в прошлом сванами горной полосы Кабардинской АССР и Клухорского района Груз. ССР. Как указал докладчик, пребывание сванов на Северном Кавказе подтверждается памятниками материальной культуры (Верхнечегемская башня и Хуламская церковь), данными топонимики и одной кабардинской записью. По мнению докладчика, есть основание утверждать, что сваны занимали все ущелье р. Баксана, а в верховьях р. Кубани северная граница бывшего распространения сванов проходила севернее слияния р. Теберды с р. Кубанью. Хронологические рамки пребывания сванов на Северном Кавказе пока могут быть определены только приблизительно: в верховьях Кубани в промежутке между XV и рубежом XVII—XVIII вв. В Бакинском ущелье появление сванов произошло между 1640 и 1743 гг., а их уход — между 1743 и 1773 гг. (видимо, под давлением Кабарды).

По докладу были сделаны ценные замечания и дополнения в выступлениях А. Шанидзе и Г. С. Читая.

Канд. филологич. наук В. Авдал (Ереван) выступил с докладом «Изучение курдской этнографии и курдского фольклора в советский период». Критикуя порочные методы буржуазной курдологии, докладчик остановился на ряде достижений советской курдской этнографии и фольклора. Этнография и многожанровое творчество курдского народа, сказал докладчик, являются богатым источником для советской науки. В числе разработанных тем по курдской этнографии докладчик назвал темы «Курдская женщина и патриархальной семье по этнографическим и фольклорным материалам», «Месть у курдов», «Этнография курдов езидов Талинского и Аштаракского районов Советской Армении», «Перестройка полукочевой курдской деревни в Советской Армении» и другие.

В план работ сессии был включен также доклад доктора историч. наук С. Макалатия на тему «Этнография и краеведение». Выдвинутые докладчиком неверные положения подверглись резкой критике со стороны выступивших в прениях (М. О. Косвен, А. И. Робакидзе).

Сессия приняла решение поставить в центре научно-исследовательской работы в области кавказоведческой этнографии изучение нового быта в процессе отмирания вредных пережитков и формирования социалистической культуры на базе происшедших за годы сталинских пятилеток крупнейших сдвигов в экономике и в сознании трудящихся нашей страны. Придавая большое значение этой сессии в деле дальнейшего развития кавказоведческой этнографии, говорится в решении, считать необходимым ввести в практику систематического проведения сессий в научных центрах Кавказа с таким же, как на этой сессии, активным и плодотворным участием этнографов-кавказоведов союзных и автономных республик страны. Доклады этой сессии будут изданы в отдельном сборнике в 1950 г. в Тбилиси.

В дни сессии была организована выставка экспедиционных материалов отдела этнографии Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР.

По окончании работ сессии для ее участников была организована поездка на родину великого Сталина — в г. Гори. Состоялась также поездка в один из отдаленных уголков Грузии — в Хевсурети — для ознакомления с первым в Союзе этнографическим стационаром, изучающим старый и новый быт хевсуров. Участники сессии побывали также в музеях столицы Груз. ССР и осмотрели места, связанные с революционной деятельностью великого Сталина.

М. Гегешидзе

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1949 г.

3—6 апреля 1950 г. в Институте этнографии (Москва) состоялась сессия, посвященная обсуждению научных результатов экспедиционных исследований 1949 г. В сессии приняли участие этнографы, фольклористы, антропологи и ученые смежных дисциплин из Москвы, Ленинграда и других научных центров нашей страны, в том числе представители союзных и автономных республик — Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Молдавии, Карело-Финской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Таджикской ССР, АССР Коми и Якутии.

Как отметил в своем вступительном слове директор Института проф. С. П. Толст «экспедиционная» сессия этого года несколько отличалась от прежних. Если тематика ссий предыдущих лет ограничивалась отчетами различных экспедиций о проделанной ими работе, то в нынешнем году назрела потребность и выявилась возможность перейти к докладам уже обобщающего характера, опирающимся на обширные материалы, собранные экспедициями четырех послевоенных лет, подводящим некоторые итоги проделанной работы и намечающим ее дальнейшие пути. Новым в сессии этого года явилось также и то, что впервые были поставлены на обсуждение вопросы изучения современного быта рабочих. Наряду с обобщающими докладами был заслушан ряд сообщений отдельных экспедиций о результатах их работы по изучению как городского, так и рабочего быта.

Особое место в тематике сессии занял доклад П. И. Кушнера «Задачи и методы изучения процесса национальной консолидации у народов СССР». Самая новизна этой темы вызвала большой интерес. Докладчик подчеркнул огромную значимость и вместе с тем сложность этой проблемы, во весь рост вставшей перед советскими этнографами в связи с все нарастающими процессами консолидации новых, социалистических наций в нашей стране. Проследивая эти процессы, протекающие различно в зависимости от особенностей исторических и иных условий жизни разных народов (Дагестана, Приамурья, Советского Крайнего Севера), П. И. Кушнер попытался наметить основные пути разрешения этой проблемы и обрисовать стоящие перед советскими исследователями задачи в области ее дальнейшей разработки.

В докладе «Опыт этнографического изучения колхозов экспедициями Института этнографии» Т. А. Жданко подвела некоторые общие итоги работы. Она отметила значительные успехи, достигнутые научными работниками Института: разработан ряд программ по изучению культуры и быта колхозов народов СССР; за два последних года (1948 и 1949) экспедициями и отрядами Института собраны материалы по быту колхозников 27 народов Советского Союза; работа проводилась в 70 с лишним колхозах, маршруты экспедиций охватили 8 союзных и 3 автономных республики, 4 автономные области, 2 национальных округа. Собранный фактический материал позволяет перейти к следующему этапу работы — к теоретическим обобщениям — и наметить ряд первоочередных, подлежащих разработке проблем. Большое значение проведения работы заключается в том, что она обеспечила перелом всего направления деятельности Института этнографии и всей советской этнографической науки, — изучение современности прочно вошло в практику научных учреждений, занимающихся вопросами этнографии.

Наряду с этими успехами Т. А. Жданко отметила ряд недостатков в области этнографического изучения современности и стоящие перед советскими этнографами трудности. Наблюдаются еще следы старых методов объективистской фиксации всякого этнографического явления, без выявления того, что является ведущим, что — новым, нарождающимся, что — отживающим. Это создает извращенную картину современного быта. Полевой работе наносит ущерб и недостаточная теоретическая подготовка к экспедициям по изучению современного быта и культуры. Между тем этнограф, выезжающий в поле с этой целью, обязан знать основные вехи истории социалистического строительства в данной республике, основные хозяйственно-политические, партийные и правительственные документы; он должен хорошо разбираться в основах колхозной экономики, чтобы освоить тот экономический материал, без которого он не сможет правильно отобразить происходящие глубокие изменения в колхозном и семейном быте во всей их специфике, свойственной данному народу и изучаемому колхозу. Указанные недостатки должны быть в ближайшем будущем преодолены.

С докладом «Современная колхозная семья и преодоление пережитков патриархально-феодалного быта у народов Средней Азии» выступил С. М. Абрамзон. Он подчеркнул то огромное значение, которое приобретает изучение колхозной семьи в настоящее время, когда задача коммунистического воспитания трудящихся выдвигается в качестве одного из важнейших факторов развития советского общества. Разработкой этой темы, сказал докладчик, вызывает двоякий интерес. С одной стороны, требуется теоретическое осмысление процессов преодоления патриархальных традиций в семейной жизни и укрепления нового типа семьи; с другой стороны, изучение передовых, прогрессивных явлений, пропаганда лучших примеров семейной жизни, основанной на растущем коммунистическом сознании, может сыграть немаловажную роль в быстрейшем оживлении остатков патриархально-семейных отношений и тем самым в укреплении ростков коммунизма в сфере семейно-брачных отношений. Серьезное исследование современной семьи должно поэтому преследовать и практические цели. Исходя из этого, С. М. Абрамзон наметил три стержневые проблемы, которые, по его мнению, должны на ближайшие годы лечь в основу изучения колхозной семьи: а) изучение влияния общественного труда на весь семейный уклад; б) изучение процессов все большего высвобождения женщины от остатков «домашнего рабства», изменения ее положения в семье в результате коренной перестройки экономики, культуры и быта колхозной деревни, изучение всего комплекса вопросов, связанных с воспитанием детей в семье; в) изучение процесса превращения семьи из отдельной, самостоятельной экономической единицы, какой она являлась при патриархально-феодалном и буржуазном строе, в новую семью, как жизнеспособную здоровую ячейку трудового коллектива в условиях социалистического общества.

Теме о семье был посвящен и доклад В. А. Бдоляна (Академия Наук Армянской ССР) — «Современные формы семьи в Арташатском районе Армянской ССР».

Как сказано выше, на сессии этого года впервые были поставлены доклады о быте рабочих. В конце 1949 — начале 1950 г. Институтом этнографии было направлено в крупнейшие промышленные центры несколько бригад, собравших значительный материал по культуре и быту рабочих. Результаты этой работы были освещены в докладах Н. Н. Чебоксарова — «Опыт изучения быта московских рабочих»¹; И. Я. Салманович — «Культура и быт рабочих Верх-Исетского и Ново-Тагильского заводов на Урале»; И. Ф. Самоенко — «Культура и быт рабочих-металлургов Мариупольского завода «Азовсталь»; Т. В. Станюкович — «Изучение быта рабочих завода имени С. М. Кирова» (Ленинград); Р. С. Липец — «Быт шахтеров Московского угольного бассейна»; Ш. Х. Сюнчелей — «Культура и быт нефтянников Ишимбаевского района Башкирской АССР». Эти доклады показали, что изучение быта рабочих представляет для этнографов огромный интерес и должно стать темой широко развернутых научных исследований, охватывающих жизнь рабочих различных народов СССР.

К. В. Чистов (Кярело-Финский филиал Академии Наук СССР) выступил с докладом «Художественная культура Сегежи», в котором обрисовал культурное развитие и художественное творчество трудящихся этого некогда глухого заброшенного городка Выгозерье, ныне — молодого социалистического города, крупнейшего центра бумажно-целлюлозной промышленности.

На сессии был заслушан ряд докладов, отобразивших социалистическое переустройство колхозной деревни, характеризующих различные стороны нового, социалистического быта и культуры колхозников разных народов нашей страны. Таковы были доклады: Л. П. Потапова — «Работа Саяно-Алтайской этнографической экспедиции в 1949 г.»; Л. И. Лаврова — «Советская культура и быт лаков» (по материалам Дагестанской экспедиции); В. Ю. Крупянской — «Изучение фольклора колхозной деревни» (по материалам экспедиций в Сталинградскую область); Г. С. Масловой — «Изучение быта колхозников Луховицкого и Коммунистического районов Московской области»; О. А. Ганской — «Этнографические работы в колхозах Бобруйской области Белорусской ССР»; М. В. Сазоновой — «Работа Южно-узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции»; Я. Р. Винникова — «Социалистическое переустройство быта туркмен-колхозников Марыйской области ТССР»; О. А. Корбе — «Работа Казахской этнографической экспедиции 1949 г.»; З. А. Никольской — «Быт дартгинского колхоза»; Н. Ф. Николаева — (Молдавия) — «Социалистическое переустройство села Журы»; М. Т. Ломовой (Львов) — «Этнографическое описание культуры и быта колхозников с. Неслухов (колхоз имени Молотова) Ново-Мытищинского района Львовской области». Последние два доклада вызвали особый интерес, так как были посвящены характеристике социалистической перестройки деревни тех районов, которые сравнительно недавно или совсем недавно вошли в состав великой страны Советов.

Выступившая в прениях Н. И. Лебедева отметила интерес, вызванный докладами Р. С. Липец и Г. С. Масловой. Р. С. Липец, сказала она, удачно выбрала для изучения район, где быт рабочих тесно связан с крестьянским. Обследованные шахтерские села Секирино и Корнево долгое время сохраняли старый быт, так что переход к новому, социалистическому быту совершается на глазах наблюдателя. Необходимо глубоко изучать историю района — это поможет выявить корни еще сохраняющихся пережитков. Очень ценный материал, по мнению Н. И. Лебедевой, собран Г. С. Масловой в колхозах Московской области, где безусловно господствует новый быт, но сохраняются еще и остатки старого. Так, например, в свадебных обычаях наблюдаются некоторые старинные черты; однако обрядами их считать уже нельзя, это скорее традиционные формы игры, общественного веселья, связываемого со свадьбой. Н. И. Лебедева поделилась наблюдениями, сделанными ею в Рязанской области. Культура области, сказала она, строится на слиянии культуры города и деревни. Многовековой опыт народа, его творческие силы используются в общественном хозяйстве, вливаясь в новые формы труда. Пастух, в прошлом — наемное лицо в общине, последний человек в деревне, ныне стал не только равноправным, но зачастую одним из наиболее почетных членов общества. Одни элементы материальной культуры прошлого исчезают, другие приобретают новые формы; многовековые традиции используются в новых отраслях производства — вышивании, кружевоплетении, где широко применяется русский народный орнамент. Техника этих производств, навыки, созданные народом, входят в новый быт. Изменяется тип построек: если дореволюционная рязанская деревня характеризовалась избами с соломенной крышей, с земляным полом, зачастую курными, то в настоящее время в колхозах развернулось широкое жилищное строительство. Изменяется тип индивидуальных домов, отпала необходимость в большом дворе, меняется внутренняя планировка дома. Одни элементы национальной культуры целиком входят в новый быт, другие отмирают, третьи, видоизменяясь, порождают новые формы.

¹ См. статью Н. Н. Чебоксарова «Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих» в настоящем номере журнала.

На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад руководителя Хорезмской археолого-этнографической экспедиции проф. С. П. Толстова о результатах экспедиционных работ 1949 г. Доклад сопровождался демонстрацией ки-фильма, показывающего отдельные моменты работы экспедиции.

Подводя итоги работы сессии, С. П. Толстов наметил и некоторые задачи будущего. Он особенно остановился на вопросе об изучении быта рабочих. Исследования эти, сказал он, еще только начаты, но уже то, что было доложено на сессии, указывает на важность этой темы и настоятельную необходимость ее дальнейшей разработки, углубления ее и расширения территориально. Буржуазные этнографы про-гандировали представление о том, будто носителем национальной специфики является только крестьянство, и притом кулацкая его часть. Это утверждение в корне неверно и глубоко порочно. Советские этнографы должны твердо усвоить, что характеризовать народ (говоря о народах СССР) можно, только изучая оба содружественных класса советского общества,— рабочих и колхозное крестьянство. В отношении дальнейшей работы по изучению быта колхозной деревни С. П. Толстов поставил вопрос о необходимости создания сотрудниками Института и местными работниками серии серьезных монографий, посвященных истории и этнографии отдельных колхозов. Еще одна ответственная задача — углубленное исследование процессов формирования и развития социалистических наций. Проблема консолидации социалистических наций, сказала С. П. Толстов, гениально решена в общей форме товарищем Сталиным в его работе «Национальный вопрос и ленинизм». Но задача конкретного показа того, как происходит этот процесс у различных народов нашей страны, лежит на советских этнографах.

На время сессии в Институте была организована выставка наиболее значительных материалов, собранных экспедициями 1949 г., вызвавшая у участников сессии большой интерес.

8—11 апреля сессия была продолжена в Институте этнографии в Ленинграде, было зачитано большинство перечисленных докладов.

О. Крив

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПО КУЛЬТУРЕ И БЫТУ НАРОДОВ ИНДИИ

В Музее антропологии и этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР в Ленинграде открыта новая экспозиция, показывающая культуру и быт народов Индии на материалах Музея.

В связи с успехами революционно-демократического Китая в борьбе с международным империализмом наша общественность с особым вниманием следит за положением и борьбой народов соседней с ним Индии. Четырехсотмиллионное население Индии всё еще остается в ярме колониального рабства. Индийская буржуазия и помещики тесно связали свои интересы с английскими и американскими торгово-промышленными и финансовыми кругами. Произведенный в 1947 г. раздел Индии на два государства — Индийский Союз и Пакистан — ни в какой мере не ослабил, а скорее усилил их колониальную зависимость от англо-американского империализма. Потерпев поражение в Китае, империализм стремится превратить Индию в оплот реакции в Азии, плацдарм будущей агрессии против лагеря мира и демократии. Однако эти агрессивные планы встречают в Индии активное сопротивление со стороны народа. Коммунистическая партия, профсоюзы, прогрессивные крестьянские, молодежные и женские организации, Общество друзей мира, Общество друзей Советского Союза являются той организованной силой индийской демократии, которая срывает осуществление планов англо-американского империализма.

Коллекции Музея по культуре и быту народов Индии, собранные преимущественно русскими путешественниками и учеными, показывают, какой необычайной ценностью вклад в культуру человечества уже внесен народами Индии и какие неограниченные возможности имеют они в будущем, когда освободятся от колониального рабства и станут на путь свободного демократического развития. Конечно, никакая музейная экспозиция не в состоянии отразить все стороны культуры и быта всех народов Индии. Поэтому выставленные Музеем коллекции показывают только некоторые разделы культуры и некоторые стороны быта крупнейших, передовых ее народов.

Вся экспозиция распадается на несколько разделов: 1) вводный, посвященный общим сведениям об Индии, ее экономике и населении; 2) сельское хозяйство, общественная организация и быт земледельческого населения; 3) важнейшие ремесла; 4) искусство и архитектура; 5) религия; 6) индийский театр; 7) заключение, характеризующее основные этапы национально-освободительного движения.

Открывается экспозиция большой физической картой Индии, дающей посетителю представление об орографических, климатических ее особенностях и характере растительности. Из дополнительных материалов он узнает, что протяженность морских границ Индии более 600 км, что почвы Индии позволяют снимать два, а в некоторых местах и три урожая в год, что в Индии встречаются виды животных и растений

почти всех географических поясов, не исключая полярного. Экономическая карта и соответствующие материалы, расположенные в том же разделе, знакомят зрителя с природными ресурсами, удельным весом сельского хозяйства и промышленности в экономике страны и распределением основных отраслей промышленности.

Индия занимает первое место в мире по скотоводству. В ней сосредоточена третья часть мирового поголовья крупного рогатого скота. Ведущее положение занимает она по запасам некоторых видов минерального сырья (марганец, слюда). По запасам водной энергии среди капиталистических стран она стоит на втором месте (после США). Железнодорожная сеть Индии превышает 60 тыс. километров, что вы-

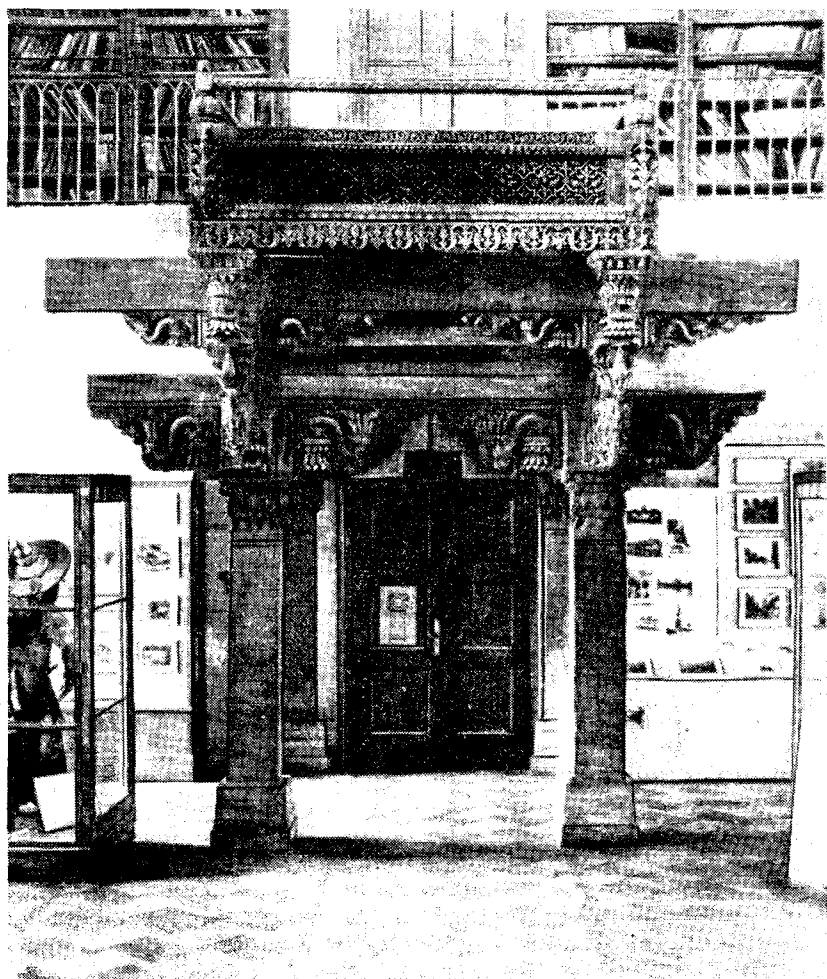


Рис. 1. Часть зала экспозиции „Индия“

двигает ее на четвертое место в мире (после США, СССР и Канады). Соответствующие материалы дают зрителю об этом наглядное представление.

В течение двух последних столетий Индия была объектом хищнической колониальной политики Великобритании. Ее экономика развивалась только в интересах этой политики. Поэтому ископаемые богатства Индии плохо разведаны и слабо эксплуатируются, а запасы водной энергии используются только на 3%. Ее ремесло было разорено английской промышленностью, а в сельском хозяйстве насаждались, вместо продовольственных, плантационные экспортные культуры. В результате такой политики третья часть крестьян не имеет земли, пятая часть всего населения систематически голодает, а ежегодная смертность от голода исчисляется миллионами жертв.

Материалы по общей характеристике населения представлены картой распространения основных языков, диаграммой распределения населения по занятиям, многочис-

ленными рисунками, характеризующими физический тип населения, и соответствующими текстами.

В Индии живет почти пятая часть человечества (более 400 млн.). По численности населения она занимает второе место в мире (после Китая). В создании индийской культуры принимали участие различные народы и племена, отличающиеся по расовому типу и говорившие на разных языках. Разнообразие физического облика индийцев показано на многочисленных иллюстрациях. Современное население Индии говорит более чем на 100 различных языках, многие из которых имеют древнюю письменность и литературу. Однако грамотных в Индии в 1941 г. было всего 12%. Городское население составляет 13%. Все эти сведения посетитель получает в вводном разделе экспозиции.

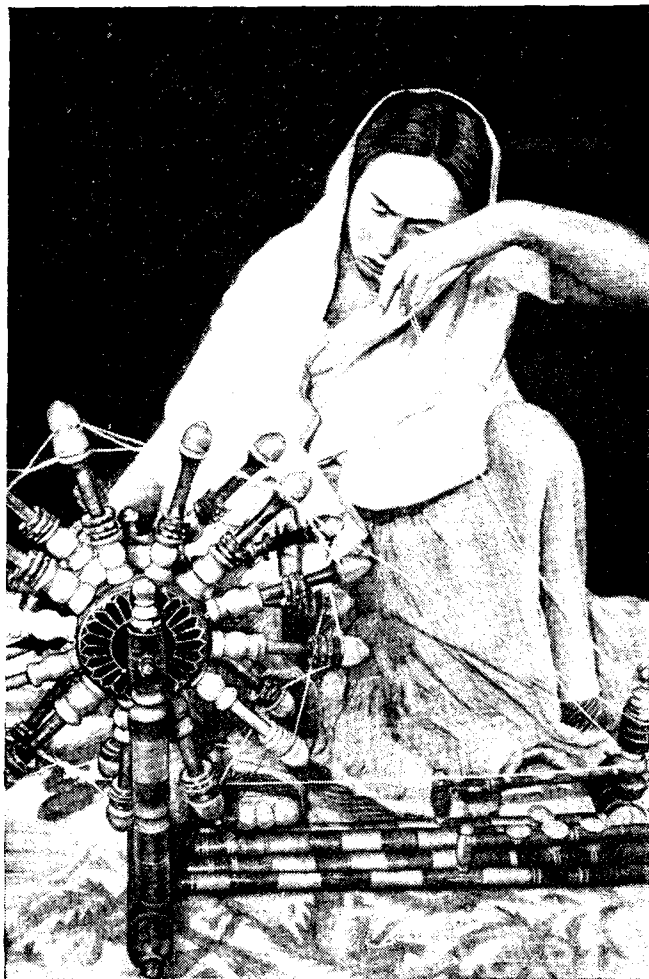


Рис. 2. Северо-индийская крестьянка за перемоткой шерсти (манекен)

Сельское хозяйство составляет основу всей экономики Индии. В нем занято около 80% населения. Образцы широко распространенных в Индии сельскохозяйственных орудий, а также макет типичного для Индии оросительного колодца свидетельствуют о примитивной технике и отсталости всего сельского хозяйства. Из других материалов раздела посетитель узнает, что половина земельной площади Индии находится в руках старой феодальной знати, созданных британским правительством помещиков-заминдаров и крупных землевладельцев капиталистического типа. 60% хозяйств имеет участки менее двух гектаров, а безземельные батраки составляют третью часть сельскохозяйственного населения. По подсчетам, сделанным в 1938 г., средний годово́й доход индийского крестьянина был в три раза ниже стоимости содержания одного заключенного в индийской тюрьме.

Экспозиция показывает некоторые черты общественной организации и знакомит с общественными отношениями в индийской деревне. Отсталый натуральный характер сельского хозяйства является результатом продолжительного колониального гнета. Он поддерживался путем сохранения архаической сельской общины и кастовой организации. Община и каста являются пережитком феодальных и дофеодальных форм общественной организации и служат опорой внутренней реакции и британского колониального режима. Экспозиция знакомит с положением в индийском обществе некоторых низших каст и так называемых «неприкасаемых» — этой многочисленной массы индийских люмпен-пролетариев.

На макете бенгальской деревни показывается характер полей и полевых работ, тип жилых и хозяйственных построек, сцены сельской жизни. Хозяйство зажиточного крестьянина и дом ростовщика иллюстрируют картину социального расслоения индийской деревни. Деревенский ростовщик держит в долговой кабале большую часть крестьян.

Представление о повседневной жизни рядового индуса дают предметы быта, домашняя утварь, орудия и посуда для приготовления пищи, обувь, туалетные принадлежности и украшения.

Раздел ремесел начинается показом образов хлопчатобумажных, шелковых, парчевых и других тканей, создавших мировую славу произведениям индийского домашнего ремесла. Индийские ткачи стали первой жертвой английской промышленной экспансии, что имело разрушительные последствия для всей экономики Индии. Слабая индийская промышленность не в состоянии была поглотить всю массу разоренных ремесленников, они до сих пор продолжают пополнять собой ряды безземельных сельскохозяйственных батраков и массу безработных в больших городах. Положение рабочих на современных промышленных предприятиях и бездомное существование безработных показаны в фотоиллюстрациях.

Большого мастерства достигли индийцы в художественной обработке металлов. Многочисленные образцы оружия, посуды и украшений демонстрируют чеканную, гравированную инкрустационную и эмальерную технику обработки металлов. Обработка металлов до сих пор является крупнейшей отраслью индийской кустарной промышленности.

Едва ли не высшего совершенства достигли индийцы в обработке дерева и художественной резьбе по дереву, камню и слоновой кости. В коллекциях Музея представлены резные изделия самых различных стилей и орнаментальных мотивов. Резные детали внутренней отделки жилища, панели, наличники и оконные переплеты, шкатулки и ларцы из орехового, текового и сандалового дерева, подставки для изо-



Рис. 3. „Асура“ — одна из канонических фигур театра Катхакали

бражений индуистских божеств и миниатюрные алтари покрыты либо резным растительным и животным орнаментом, либо скульптурной резьбой, изображающей мифологические и религиозные сюжеты. Особым изяществом и тонкостью резьбы отличаются художественные изделия из слоновой кости.

Модели южноиндийских храмов, сделанные из дерева соло, оригинальный фрагмент колоннады дворца маратхских пeshв из города Насик и многочисленные иллюстрации древней и средневековой индийской архитектуры знакомят посетителя с искусством и архитектурой народов Индии. Старая индийская архитектура отличается величием и красотой, в сравнении с которой меркнут современные архитектурные сооружения европейского типа.

Ознакомившись с изделиями индийского домашнего ремесла, с художественными изделиями из металла, дерева, камня и слоновой кости, с искусством и архитектурой Индии, посетитель Музея понимает, сколь высокую материальную культуру разрушил англичане в Индии и как жалки те «дары цивилизации», которые принесли они индийцам.

Раздел религии знакомит посетителя с основными религиями Индии. На многочисленных экспонатах показаны примитивные народные верования, основные толки и секты главной религии Индии — индуизма, предметы культа, изображения божеств, домашние алтари и т. д. Религия в условиях нищеты, неграмотности и колониального порабощения большинства населения играет все еще крупную и особенно реакционную роль в Индии. Индуизм, развившийся на базе кастовой организации общества и основанный на учении об изначальном социальном неравенстве людей, является идеологическим оружием индийской реакции. Индуизм исповедуют около 250 млн. человек. Второй по численности и значению религией Индии является ислам. Его исповедуют теперь 100 млн. человек. Религиозные различия между индуизмом и исламом английские власти использовали для создания политического индо-мусульманского конфликта внутри страны, приведшего в 1947 г. к выделению территорий, населенных преимущественно мусульманами, в отдельное государство — Пакистан.

Возникший в глубокой древности индийский народный театр представлен многочисленными формами и жанрами. На экспозиции показаны 5 традиционных фигур популярного в Южной Индии театра «Катхакали». Среди фигур цейлонского театра масок зритель видит карикатурные изображения европейцев, т. е. англичан, что свидетельствует о попытках внести элемент реализма и сатиры даже в старые театральные формы. Его злободневные реалистические постановки пользуются большим успехом в народе.

Карты, рисунки, фото и другие материалы заключительного раздела рассказывают об истории национально-освободительного движения.

Промышленное развитие, первенство в мировой торговле и превращение Англии в мировую державу стали возможными только благодаря ограблению Индии. Прославленная английская промышленность выросла на костях разоренных ею индийских ремесленников. Народы Индии упорно сопротивлялись английским захватам, но междоусобная борьба английских феодалов дала возможность Англии к середине XIX в. завершить покорение Индии.

В 1857 г. среди индийских войск, состоящих на английской службе, вспыхнуло восстание, охватившее вскоре большую часть Индии и превратившееся в общенародное движение против захватчиков. В нем принимали участие разные слои населения, представители разных религий и каст. Восстание было подавлено только в 1858 г. вследствие измены некоторой части феодальной знати. «Разделяй и властвуй» стало основным девизом англичан в Индии.

В результате капиталистического развития Индии возникла местная индийская буржуазия и образовались в конце XIX — начале XX в. буржуазные политические организации — Национальный конгресс и Мусульманская лига — с умеренной реформистской программой.

«Октябрьская революция... разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом» (Сталин). Она поставила новые задачи и перед национально-освободительным движением в Индии и выдвинула молодой рабочий класс в авангард этого движения. В 1920 г. возник Всеиндийский конгресс профсоюзов, объединивший большинство прогрессивных рабочих организаций и насчитывающий теперь более 800 тыс. членов. С того же времени появились в Индии первые коммунистические организации.

Подъем рабочего движения в 20-х гг. нашего века сменился периодом реакции. Английское правительство через своих агентов в рядах индийской буржуазии настойчиво разжигало вражду и провоцировало массовые кровавые столкновения между индусами и мусульманами.

Революционная активность трудящихся масс Индии вновь поднялась после второй мировой войны в связи с ведущей ролью Советского Союза в борьбе за демократическое переустройство мира. Восстание в индийском флоте в начале 1946 г. получило широкий стилинг во всей стране. Массовые демонстрации и забастовки выдвигали требования изгнания англичан из Индии, создания демократического правительства и проведения коренных социально-экономических преобразований. Нанугаясь призраком революции индийская буржуазия пошла на сговор с британским империализмом. В результате этого сговора Индия была расчленена по религиозному призна-

у на два «независимых государства, оставшиеся на правах доминионов в составе британской империи. Однако народы Индии продолжают борьбу против британского империализма, местной буржуазии и феодалов. В 1947 г. восставшие крестьяне Телинганы (восточной части княжества Хайдарабад) изгнали правительственные власти и помещиков с территории свыше 30 тыс. км² с населением около 5 млн человек, создали свои органы самоуправления в виде сельских и районных советов, конфисковали помещичьи земли и распределили их между безземельной беднотой. Против восставших были двинуты регулярные войска Индийского Союза, но им до сих пор не удалось окончательно подавить партизанское движение в Телингане. Это восстание является образцом активной революционной борьбы и новых методов решения самим народом основных социально-экономических проблем. Руководили им местные коммунистические, крестьянские и молодежные организации. Несмотря на террор и репрессии, народы Индии собирают силы для решительного отпора иностранному империализму и новой буржуазно-помещичьей агентуре внутри страны.

Уходя из зала Индии, посетитель Музея уносит впечатление о громадной, богатейшей стране, в которой живет почти пятая часть человечества, о высокой материальной и духовной культуре ее народов, о нищете и бесправии их в условиях колониального режима, о борьбе этих народов за независимость.

С момента открытия экспозиции ее посетили десятки тысяч ленинградцев. Только за первый квартал 1950 г. было проведено 82 организованные экскурсии с общим числом экскурсантов около 2500. Большинство из них — учащиеся средних и девятиклассных школ. Ленинградские школьники в связи со своими учебными программами по географии и истории имеют возможность наглядно ознакомиться с культурой и бытом многих зарубежных народов, и они это делают систематически, посещая Музей антропологии и этнографии Академии Наук.

М. Кудрявцев

ЭКСПОЗИЦИЯ «ИНДОНЕЗИЯ» В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Целью новой экспозиции «Индонезия», развернутой летом 1949 г., является показ своеобразной высокой культуры коренного населения Индонезии (яванцев, малайцев, батаков и др.). знакомство с историческими судьбами и героической борьбой 70-миллионного индонезийского народа против бесчеловечного колониального режима, за национальную свободу и независимость.

Коллекции, использованные в экспозиции, в значительной своей части собраны в Индонезии разными путешественниками и исследователями во второй половине XIX в. и начала XX в. Более поздние исторические моменты, экономическое положение страны, борьба индонезийского народа против колониальных захватчиков показаны частично картами, схемами, рисунками, фотографиями и экспонатами.

Экспозиция состоит из следующих разделов: вводная часть, малайцы минангкабау, батаки, яванцы и заключительная часть. Для посетителей Музея, желающих более детально ознакомиться с отдельными группами населения Индонезии, показаны в дополнительной экспозиции культура и быт даяков Борнео, тораджей Целебеса, альфуров Молуккских островов.

В вводной части экспозиции дана карта, иллюстрирующая положение Индонезии среди других стран мира и ее стратегическое положение как гигантского барьера между Тихим и Индийским океанами и моста между Азиатским материком и Австралией.

В этой же части экспозиции приводятся основные статистические данные о населении, этническая карта, антропологический тип населения, схема плотности населения в разных частях страны и другие сведения.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что Малайский архипелаг был населен с древнейших времен. Образцы каменных орудий (в иллюстрации) относятся к палеолиту, мезолиту, неолиту. В фотографиях показаны сохранившиеся в старых селениях толмены, каменные столбы и человеческие изваяния, относящиеся ко времени до нашей эры.

Приложенные в экспозиции карты-схемы и другие иллюстративные материалы свидетельствуют о существовании в прошлом в Индонезии значительных государственных объединений, в первые века нашей эры охватывавших всю западную половину обширного островного мира, а в XIII—XV вв. — без малого весь архипелаг (государство Маджапаит). Эти данные убедительно опровергают лживые утверждения зарубежных буржуазных ученых о том, что индонезийский народ якобы еще не развился до самостоятельного управления своей страной и нуждается в опеке империалистических стран.

В пояснении к карте основных феодальных княжеств XVII в. (время появления в архипелаге голландских купцов) приводятся сведения об объединении туземных феодалов с чиновниками Ост-Индской компании, о начале эксплуатации неисчерпаемых богатств страны и труда ее населения. Даны фотографии — огромные торговые

корабли, оснащенные пушками и груженные пряностями, рисом, сахаром, продуктами тропического леса, добытыми рабским трудом индонезийцев и приносимым торговым компаниям до 400% прибыли. Приводится и карта захвата Индонезии голландскими колонизаторами от начала XVII в. до первого десятилетия XX в. в частности.

Показана довольно полная коллекция образцов колоннальных товаров: пряности Молуккских островов (возбудитель корицы, мускатный орех, ваниль, перец и др.), разрез сока каучукового дерева и обработанный каучук, хинного дерева, кокосовые орехи, сахарный тростник, рис в снопах, какао, кофе, чай, табак; образцы оловянных труб, нефтяных проводов, на десятки километров проводящих нефть к гаваням, она поступает в трюмы американских, голландских и английских кораблей, домена экономического картой и иллюстрациями. В фотографиях показано вытеснение рисовых полей индонезийцев плантациями каучуконосных деревьев и сахарного тростника, финансируемые голландскими и американскими банками, разрушение рисовых полей крестьян.

Коллекции по суматранским малайцам минангкабау дают возможность, с привлечением соответствующего иллюстративного материала, показать хозяйство, быт этого народа, страна которого — западное побережье Суматры — расчленяется, как колыбель малайцев всего архипелага. В XIII в. минангкабау были единены в могущественное государство. Высоко развитое поливное земледелие, жесткие ремесла, наличие разного рода судов, лодок обусловили широкую торговлю за пределами острова. В экспозиции показаны образцы изделий из жести, стали, бронзы, серебра, золота — мечи, ножи, кинжалы, разного рода украшений, образцы гончарства, тонкого разноцветного плетения. В просторке больших открытых домов и мужских домов (рисунки и фото) отражены пережитки материнского рода, сохранившиеся наряду со значительными чертами капиталистического общества наблюдаемыми в настоящее время у минангкабау.

Народ минангкабау, с начала XIX в. эксплуатируемый голландскими колонизаторами, оказывал мужественное сопротивление проникновению их в страну, пахал не одну карательную экспедицию захватчиков и в настоящее время самоопределяется в борьбе за свою независимость, развертывая партизанскую войну.

Отдел Индонезии располагает довольно полными, систематически собранными коллекциями экспонатов по батакам Суматры. Страна батаков своей восточной частью обращена к древнему торговому пути в Индию и Китай — Малаккскому проливу. Батаки — земледельцы, рыболовы и охотники — с давних пор участвуют в широкой торговле вне своей страны и острова. Они вывозят лошадей (особой породы чепельных, но выносливых, красивых лошадей — санделвуд), рис, продукты леса.

В экспозиции показаны орудия земледелия батаков, сооружения для рыболовства и проветривания риса; рыболовные снасти — сети, верши, сачки, гарпуны; набор тканей в виде покрывал, саронгов, платков, поясов. Ткацкий станок, прялка, образцы окрашенной пряжи свидетельствуют о высокой технике ткачества. Особенно красивые мужские наплечные платки глубокого темносинего тона. Батаки славятся как мастера в приготовлении синей краски — индиго. Своеобразны по форме и орнаменту глиняные горшки, изготавливаемые батакскими женщинами для продажи на местных рынках. Экспонированы художественные изделия из меди, латуни, серебра, орнаментированные выпуклым животным и растительным орнаментом, тяжелые бронзовые браслеты, перстни, кольца, ожерелья. Приведены образцы старинной батакской письменности в книгах из полос луба и на стволе бамбука, с разноцветными иллюстрациями. Содержащие этих книг главным образом религиозное — гадание по небесным светилам, нарекания жрецов и т. п.

Из предметов, относящихся к ведению войны, интересны большие и мелкие сплошь орнаментированные пороховницы для самодельного пороха, модель передвижного броневого с бойницами, старинные португальские бомбарды, копья, мечи, кинжалы, ножи, шты. О нападении своем на врага батаки предупреждали посланием особого рода «упреждающими письмами», состоящими из мелких моделей котла, сумки, тана (духовое ружье), меча, огня и трупа (последнее предупреждает о поджоге жилища врага в случае отказа выполнить требование). Эти модели, связанные пучок, подвешиваются ночью возле жилища врага на видном месте. В экспозиции показаны музыкальные инструменты, главным образом струнные, смычковые и барабаны; из игр — шахматы, кости, лапта и др.

Ценной и очень редкой в настоящее время является коллекция по древним верованиям батаков, особенно старые «волшебные жезлы», которым приписывалась особая магическая сила, изваяния предков из камня и дерева, деревянные маски, амулеты. В макете, хорошо выполненном на месте каро-батаками, показан селен батаков, внутри которого выделяются большие общинные дома, занятые патриархальными общинами, состоящими из 4, 6, 8 семейств. Обязательной принадлежностью селения являлся дом для холостых мужчин и гостей селения; стены его возводились лишь до половины с целью, чтобы молодые обитатели — воины — могли постоянно наблюдать из своего дома окрестности селения. Общественный загон для скота главным образом буйволов, находится возле селения. Внутри селения имеются общественный амбар, кузница, общественное сооружение для сушки кукурузы, сельский театр — три открытых подмостка, предназначенных для народных игр и представлений.

таемых на колесах по площади селения. Отличается своими размерами и более усложненным устройством крыши дом старшины селения. Выделяются отдельные, богато украшенные, с пристроенной конюшней дома зажиточных батаков. В настоящее время расслоение внутри батакского общества уже значительно. Имеются дол-



Рис. 1. Батикование—заливание расплавленным воском частей рисунка, не подлежащих дальнейшему окрашиванию

говые рабы. Батакская буржуазия владеет табачными, кофейными, чайными плантациями.

Сопротивление народа своим и чужим эксплуататорам было вначале направлено местной буржуазией в религиозное русло — обожествление Синга Мангараджа (из жреческой прослойки), долженствовавшего спасти народ лишь от чужих поработителей. Сейчас батаки принимают участие в героической общенациональной борьбе индонезийского народа. На восточном побережье Суматры, в районе страны батаков, часто имеют место забастовки плантационных рабочих чайных и табачных плантаций, полностью парализующие работу. Крупные забастовки имеют место и в портовых городах, грузчики отказываются разгружать пароходы.

Значительная часть экспозиции «Индонезия» отведена 40-миллионному яванскому народу, ранее других индонезийцев подвергнутому хищнической эксплуатации коло-

низаторами и ставшему в авангарде борьбы за изгнание алчных чужеземцев, за свободу и независимость. Вводная часть к этому подопделу экспозиции знаком посетителя Музея с видами селений, городов, с политическим и административным делением Явы, с политическим строем до второй мировой войны, расстройством яванского общества. Султану, стоящему об руку с голландским генерал-губернатором и регенту, на машине, приехавшему для совещания с покорно сидящими на земле старшинами сельских общин (фото), противопоставлен изможденный нуждой и голодом яванский крестьянин (манекен). Фотографии иллюстрируют положение лишившегося земли яванского крестьянина, вынужденного в качестве батрака работать на колонизаторов и на кулацкие элементы своей общины.

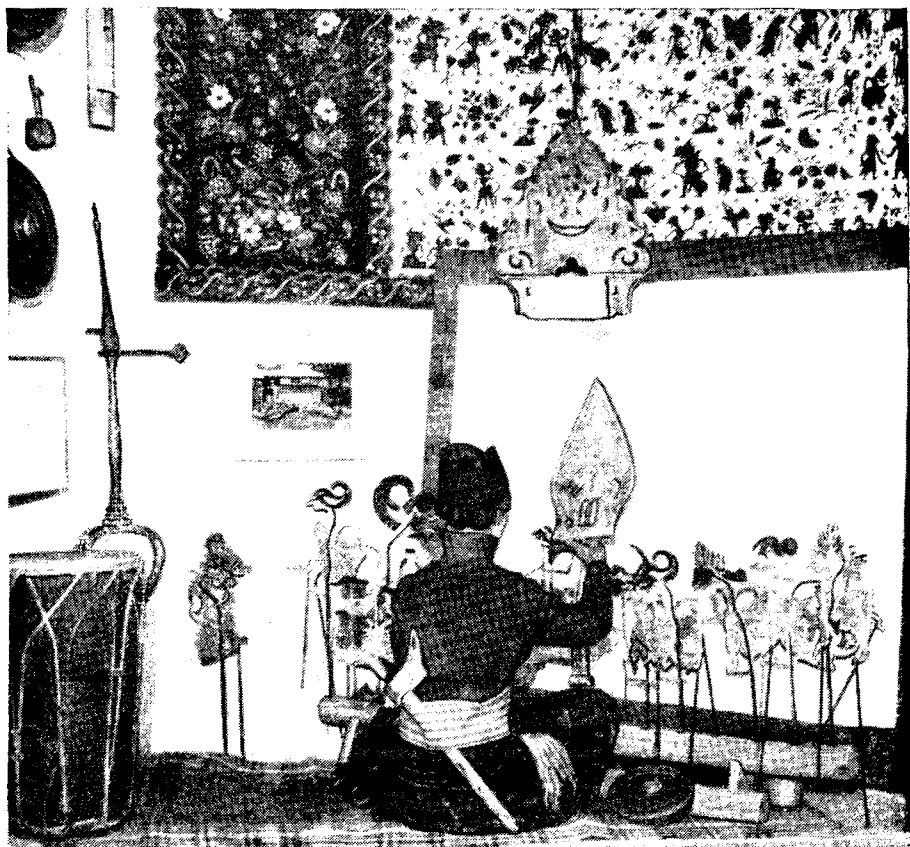


Рис. 2. Яванский театр теней

Приведены данные о том, что в Центральной Яве вплоть до второй мировой войны сохранилось общинное пользование землей. Карта-схема показывает районы с общинной и индивидуальной собственностью на землю, захват земли в форме аренды под плантации чужеземцами и кулацкими элементами общины.

Яванское жилище, амбар показаны в хороших моделях. Из приведенных сельскохозяйственных орудий особый интерес представляет нож — серп ани-ани. Колосья риса, распада и золотой сноп риса также даны в экспозиции. В яванской общине семейный рис хранится в общественном амбаре, школа содержится на средства общинников. Отдельные моменты из жизни общины даны в фотографиях.

Положению яванского рабочего класса отведен отдельный щит, и как контраст ему приводятся роскошные виллы и гостиницы колонизаторов наряду с жалкими бамбуковыми хижинами ограбленного, обнищавшего яванского сельскохозяйственного рабочего. Классовое расслоение яванского общества до второй мировой войны хорошо выявлено в приведенной одежде.

Из художественных ремесел яванцев богато представлено батикование в образцах цветной ткани и приспособлениях — воронках для наливания на ткань рисунка из воска, расплавляемого над глиняной жаровней перед последующим опусканием в чан с краской.

Яванцы достигли большого мастерства в обработке металлов. Представлена коллекция национального оружия яванцев — знаменитых дамаскированных крисов, кинжалов с лезвием в форме пламени и рукояткой из резной слоновой кости, рога, плотного дерева, ценных металлов и камней.

Экспонированы образцы гончарной, медной посуды и сосуды из скорлупы кокосового ореха. Плетение представлено циновками, сумками, веерами для раздувания угля.

Богатые коллекции отдела Индонезии по яванскому театру, приведенные в экспозиции, свидетельствуют о высокой степени развития театрального искусства этого народа. Особого внимания заслуживают многочисленные и разнообразнейшие фи-

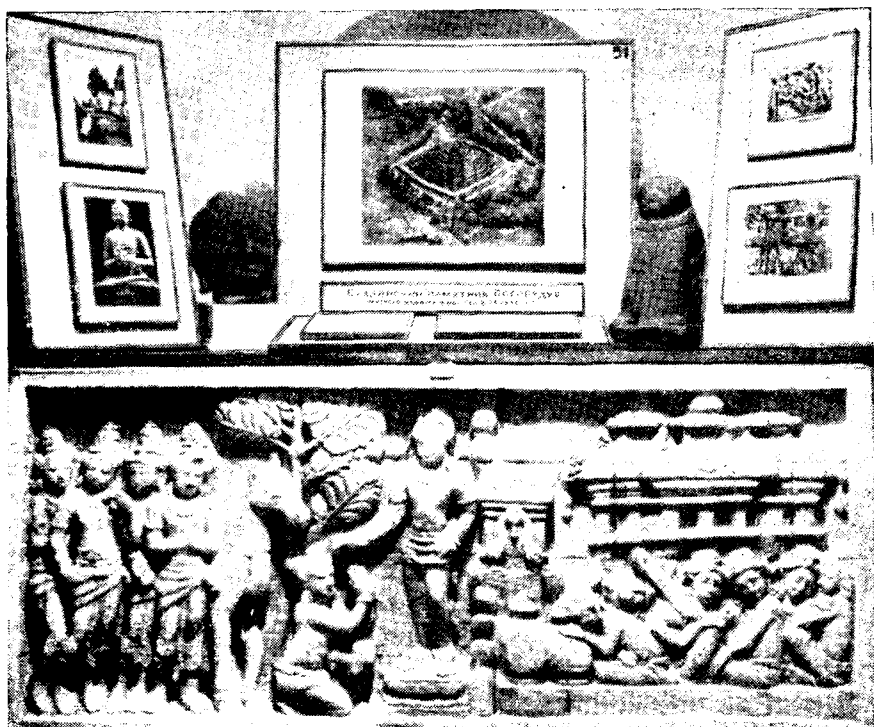


Рис. 3. Фрагмент буддийского памятника Боробудур. Построен в Центральной Яве в IX в. н. э.

гуры театра теней «Ваянг пурво». Перед экраном на циновке сидит хозяин театра, даланг, над его головой медный резной светильник, отбрасывающий на экран тени от плоских ажурных фигур, персонажей разыгрываемой пьесы, вводимых в действие далангом. Большое число этих изящных фигур, вырезанных из кожи буйвола и нарядно и пестро раскрашенных, размещено между экраном и далангом на горизонтально положенном стволе бананового дерева. Показаны и музыкальные инструменты, составляющие оркестр, который сопровождает действия фигур театра.

Не менее богато представлен театр марионеток «Ваянг голек». Десятки фигур показаны в экспозиции не статично, а в движении. Парами и группами они объединены в отдельные сценки, что оживляет выставку, привлекая внимание посетителя Музея.

На фоне большой роскошной шелковой занавеси представлен и театр актера, в масках — «Ваянг тонг» и без масок «Ваянг вонг». В последнем интересна иллюстрация артиста, показывающего в танце изумительную игру мускулов тела.

В экспозиции уделено внимание и древнему деревянному яванскому зодчеству, характерному обильной изящной резьбой, сохранившемуся в храмовых постройках острова Бали. Резьба по дереву и художественное литье из меди отражены в изображениях индуистских божеств и в обрядовой утвари.

Экспозиция быта и культуры яванского народа заканчивается иллюстрациями и ценными каменными фрагментами знаменитого яванского архитектурного памятника IX в. Боробудура и других буддийских и шиваистских храмов IX—XV вв., а также показом современной архитектуры (мечетей, школ, жилых домов), носящей отпечаток официальной религии аванцев — ислама.

Заключительная часть экспозиции посвящена революционной борьбе индонезийского народа за независимость. Путем привлечения иллюстративных материалов описан процесс перехода от стихийных восстаний к организованным выступлениям, руководимым индонезийской компартией. Указано значение компартии в объединении трудящихся. Фотографии иллюстрируют успехи молодой демократической Индонезийской республики (1945—1948 гг.) и ее тяжелый поединок с голландскими агрессором, за спиной которого стоят экспансионисты США. Однако ни американские пушки, танки и самолеты, ни провокации туземной национал-реформистской агитации, предавшей интересы своего народа, не в состоянии сломить волю индонезийского народа к свободе.

Дополнительно экспонированы три народа: даяки острова Борнео, тораджи Целебеса и альфуры Молуккских островов. В литературе колонизаторов эти народы описываются как дикари, стоящие на столь низкой ступени культуры, что они не способны еще к дальнейшему самостоятельному развитию. Но даже поверхностное знакомство в экспозиции с хозяйственной деятельностью и бытом этих народов говорит об их далеко не низкой самобытной культуре, дальнейший рост которой был задержан политикой голландских колонизаторов, алчностью чужестранцев.

Л. Э. Каруновская

ВЫСТАВКА ОСЕТИНСКОГО БЫТА И КУЛЬТУРЫ

В начале 1950 г. в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград) открылась выставка, посвященная быту и культуре осетинского народа.

Выставка состоит из нескольких разделов. В основу экспозиции положено сравнение прошлого и настоящего Осетии. Перед посетителями воссоздается полная картина тех изменений в хозяйстве и быту, которые произошли в жизни осетинского народа за годы советской власти. Выставка открывается выдержкой из доклада товарища Сталина:

«Давая вам автономию, — говорил товарищ Сталин в 1920 г. на съезде народов Терской области, — Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов, и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России»¹.

Удачно отображена по материалам исследователей и путешественников дореволюционная Осетия: расселение осетин, гравюры художника Бегрова, относящиеся к первой половине XIX в., ряд фотографий, отображающих хозяйство и быт горных осетин, в частности, их примитивную обработку земель, горные ущелья с аулами и родовыми башнями, жилище осетинских феодалов, захвативших землю у горской бедноты. Здесь же помещена скульптура (работы В. Джанаева) народного героя Осетии Чермена Тулатова, боровшегося против феодалов.

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, капиталистические отношения проникают и на Кавказ, в частности в Осетию; это хорошо отображено на соответственных экспонатах: постройка Владикавказской ж. д., открытие Садонских рудников, строительство дорог и пр. С развитием капитализма в Осетии усиливается эксплуатация народных масс.

Резким контрастом старому выступает новое, социалистическое хозяйство Северо-Осетинской АССР. За годы сталинских пятилеток эта республика покрылась сетью промышленных предприятий: Беслановский маисовый комбинат, завод «Электрон», Садонские рудники и др. По окончании Великой отечественной войны методами народной стройки возведена на р. Терек Дзауг. ГЭС, обслуживающая электрическим током г. Дзауджикау и его пригородные районы, проложены шоссейные и грунтовые дороги в отдаленных горных районах, где в прошлом были только узкие тропинки. Здесь же посетители видят портреты С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, с чьими именами связана победа советской власти на Кавказе и, в частности, в Осетии. Выделенное место отведено показу дружбы осетин и русских и братской помощи последних в развитии народного хозяйства и культуры Северо-Осетинской АССР.

В прошлом животноводство было главным занятием осетин. Руководствуясь этим, организаторы выставки отдели ему первое место, хотя ныне ведущей отраслью хозяйства в республике является земледелие. В разделе дореволюционного животноводства показаны районы сенокосов, выгоны горной Осетии, пастбищные участки богатых и бедных осетин, орудия и утварь для приготвления кормов скоту и обработки молочных продуктов. Приведены отрывки из произведений народного поэта Осетии Коста Хетагурова, рисующие быт дореволюционного пастуха осетина и его тяжелый труд. К продуктам животноводства относится также и шерсть, занимавшая в прош-

¹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 401.

ном в натуральном хозяйстве осетина видное место, особенно у жителей нагорной полосы: там из шерсти изготовлялись домотканые сукна, бурки, войлочные шляпы, косынки и пр. Эти предметы, за исключением домотканного сукна, в значительной мере бытуют у осетин до сих пор. Так, для изготовления бурок во многих животноводческих колхозах созданы специальные бригады из опытных женщин. В прошлом при изготовлении бурок или обработке шерсти для сукна широко бывалой обычай взаимопомощи — *зиу*, но на выставке он совсем не отражен. Представлено много предметов, связанных с обработкой шерсти (гребни для расчесывания шерсти, лук и решетки для разбивания шерсти, образцы бурок дореволюционных и современных, макеты (женщины за изготовлением шляп и за прядением шерсти). Здесь же дано подробное описание способа обработки шерсти.

В послевоенной сталинской пятилетке некоторые животноводческие колхозы республики имеют электрострижки, молочные и сыроваренные заводы; однако на выставке все это не показано, что является большим упущением. Молчат экспонаты также о современных механизированных коровниках, построенных во многих крупных животноводческих колхозных фермах Осетии.

Наиболее удачен на выставке раздел земледелия. Он открывается выдержкой из доклада И. В. Сталина на X съезде ВКП(б), в котором отмечалась земельная теснота осетин, захват земель горцев царскими колонизаторами и местными феодалами. Здесь же помещена диаграмма, из которой видно, что до Октября на одного осетина приходилось 0,3—0,5 десятины земли, в то время как на одного казака приходилось 25 дес. Были и весьма крупные помещики. Так, князья Тугановы имели 13 504 дес. На экспозициях ярко изображены нищенское положение горца-осетина, его жалкий пахотный участок, примитивная молотба хлеба. Крепко держались религиозно-магические обряды, связанные с земледелием и бытовавшие у осетин до последнего времени. Представлено довольно много сельскохозяйственных предметов и орудий.

Дореволюционному сельскому хозяйству противопоставлено на выставке новое, социалистическое земледелие с его передовой техникой. На экспозициях хорошо показан рост социалистического сельского хозяйства осетин.

Осетинский народ, издавна населявший горные ущелья Центрального Кавказского хребта, стал переселяться из гор частично еще с приходом русских главным образом с образованием так называемой «Кавказской линии» и постройкой крепости Моздок (1763). Это переселение осетин из горных ущелий на плоскогорье отдельными семьями и группами продолжалось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако основная масса оставалась жить еще в горных ущельях, испытывая острую нужду в пахотной и пастбищной земле. Только после Великой Октябрьской социалистической революции осетинам была предоставлена возможность переселиться на конфискованные помещичьи и кулацкие земли на плоскогорье (это переселение продолжалось до последнего времени). Здесь переселенцы образовали много новых сел, которые с помощью Советского государства и благодаря победе колхозного строя превратились в цветущие передовые села. На выставке помещена карта «Исторических этапов переселения осетин-горцев на плоскость (XIX—XX вв.)», составленная Х. К. Дзюкаевым. К сожалению, указанная карта не лишена ошибок. Например, первое переселение осетин датируется автором началом XIX в., но исторические источники указывают, что первое переселение осетин на плоскость (в частности, в Моздокский район) произошло во второй половине XVIII в.

На выставке показано село Сурх-Дигора, созданное в 1930 г. горцами-переселенцами. На примере этого села посетитель может убедиться, как строится разница между городом и селом, какие великие преобразования произошли в осетинской колхозной деревне благодаря социалистическому переустройству хозяйства, как вырос культурный уровень крестьянства за годы советской власти. В указанном селении насчитывается свыше пятисот дворов, объединенных в два крупных колхоза. Село за короткое время своего существования выросло неузнаваемо: в нем имеется два черепичных, два кирпичных и два известковых завода, лесопилка, 24 мельницы, слесарная мастерская, две кузницы. В селе проведен водопровод. Сур-Дигора имеет магазины, баню, больницу, амбулаторию, медпункт и школу-десятилетку. Все это хорошо выявлено на макетах, экспонатах и диаграммах. Так, на верхней половине макета представлено село Сурх-Дигора с его прямыми улицами, большими каменными под черепичной крышей домами, с озелененными площадями и многочисленными общественными учреждениями. На второй половине макета показаны старинные аулы с родовыми башнями, низкими каменными саклями горного Урухского ущелья, откуда переселились жители Сурх-Дигора. Этот резкий контраст производит на посетителя большое впечатление. Здесь же помещены портреты знатных колхозников.

Детально показано колхозное производство, связь колхозов с МТС, оросительные каналы, построенные за годы сталинских пятилеток. Во многих районах республики оросительные сооружения созданы методами народной стройки.

В разделе «утварь и жилище XIX—XX вв.» представлено старое и новое жилище осетин. Здесь много предметов домашней утвари, относящихся к дореволюционному периоду и частично бытующих и ныне. Домашняя утварь у осетин в прошлом изготовлялась преимущественно из дерева. Поэтому неслучайно на выставке она представлена в таком большом количестве. На макетах хорошо показано старое и новое жилище осетин: внутренняя обстановка осетинского «хадзара», жалкого дома

бедняка, кладовая для продуктов, куда имела доступ только «авсин» — жена старшего мужчины («хадзары хицау») в семье, просторное жилище кулака и одна комнатная сакля бедняка-горца. Рядом на обширных макетах представлено с временные жилище колхозника — кирпичный дом под черепичной крышей, состоящий из нескольких комнат и окруженный хозяйственными постройками. Жилище у современных осетин коренным образом изменилось не только в селах, но и в отдаленных горных аулах. Это хорошо показано на жилище колхозника К. Дзаго из селения Махческ, одноименного района. Большие изменения произошли также в внешнем виде жилища. Наличие в большинстве колхозов черепичных и кирпичных заводов позволяет колхозникам строить каменные дома, крытые черепицей. Жилища с саманной крышей, которые еще недавно можно было встретить довольно часто, особенно в селениях новых переселенцев, отошли безвозвратно в прошлое. Рост бытового хозяйства создал возможность колхозному крестьянству изменить и внутреннее убранство своего жилища. Дома колхозников в большинстве случаев обставлены фабричной мебелью. Очень редко найдется дом, где бы не было никелированных кроватей, шкафа, стульев и пр. Внутренняя обстановка современного осетинского жилища хорошо представлена на выставке на примере дома колхозника Масико Каринова из сел. Фарна Орджоникидзево-ского района.

Один из разделов выставки посвящен осетинской женщине. Здесь посетитель находит серию зарисовок художника М. Туганова, изображающих отдельные моменты из осетинского свадебного обряда, в частности «выход невесты из дома родителей» и также «первый выход молодой жены за водой», «испытание жены» — молодая должна быстро и умело собрать мужа в поход, «гладение о будущем ребенке» и др.

Хорошо отражено положение дореволюционной горянки на макетах «женщина, несущая воду», «за станком». В прошлом осетинка была занята домашним хозяйством и очень редко принимала участие в полевых работах. В доме женщина занималась обработкой молочных продуктов и шерсти, из которой она изготовляла сушеную бурку, войлочные шляпы. За годы советской власти в Осетии выросло много прекрасных руководителей, талантливых организаторов, депутатов Верховных Советов, женщин-врачей, артисток, мастериц высоких урожаев, учительниц и пр. Однако в современном положении женщины на выставке имеются очень мало материалов. Положение осетинки в семье за годы советской власти, особенно после установления колхозного строя, изменилось коренным образом. Женщина стала наравне с мужчиной равноправным членом семьи и общества. В прошлом очень редко осетинка садилась за общий стол с мужчинами, должна была молчать в присутствии посторонних. Сейчас эти обычаи почти забыты. В разделе одежды представлено несколько осетинских костюмов женских и мужских дореволюционного образца. Среди них особенно выделяется по своему оригинальному украшению старинный осетинский костюм девушки, бытовавший в 60-х гг. прошлого столетия. Костюм этот был привезен в Осетию М. М. Ковалевским и передан музею. Одежда у осетин, особенно в горных районах, была исключительно разнообразная. Это хорошо отражено на экспозиции выставки. В Осетии было сильно развито рукоделие, в частности, вышивания золотыми, серебряными и шелковыми нитками. Из последних осетинки весьма искусно изготовляли цепочки для часов, галуны для украшения костюмов и т. д., воспринимая осетинский орнамент (на выставке представлено несколько образцов осетинской вышивки). Наряду со старинным национальным костюмом экспонируется новая, современная одежда. Ныне национальный костюм в Осетии почти исчез, но отдельные его элементы еще бытуют. В национальном костюме можно встретить в праздники только стариков. Из отдельных элементов осетинского костюма сохранились только пояс, шапка, бурка, войлочная шляпа. Старинный женский костюм теперь можно встретить только на свадьбе и в дни больших праздников. В настоящее время любимым общераспространенным костюмом мужчин являются военная гимнастерка, галфе и сапоги. На выставке представлен также ковер с портретом Коста Хетагурова. На ковре воспроизведен осетинский орнамент. Следует отметить, что ковроделением осетины прежде не занимались. Теперь ковры изготовляются в артелях г. Дзауджикау.

Особый раздел на выставке отведен народному образованию и народному искусству. В прошлом по всей Осетии было всего несколько школ, где обучались сыновья алдаров и кулаков. Грамотные люди насчитывались единицами, особенно в нагорной полосе; не было библиотек. Газеты на родном языке стали выходить только после Октябрьской революции. За годы советской власти осетинский народ стал поголовно грамотным. Республика покрылась сетью школ и техникумов, вузов и научных учреждений, библиотек и изб-читален. В одном Дзауджикау (столице осетинской республики) имеется четыре высших учебных заведения, пять техникумов, научно-исследовательский институт и другие научные учреждения. В учебных заведениях и научных учреждениях работают преимущественно представители национальной интеллигенции, выросшей за годы советской власти. Трудно найти в республике колхоз, село, которые бы не имели своей библиотеки, изб-читальни и клуба. К сожалению, указанные моменты получили на выставке недостаточное освещение.

Более удачно составлен раздел народного искусства. Здесь представлены богатые иллюстрации из осетинских нарских сказаний (литографии М. Джанаева): «Охота нартов», «Борьба нартов с великанами», «Борьба нартов с небожителями». В разделе

выставлены также работы талантливого осетинского скульптора, самоучки С. Едзиева, архитектурные памятники горной Осетии, чаши для пива, старинный музыкальный инструмент «фоендыр».

Выставлено несколько фотокомпозиций из республиканского театра, в частности представлены сцены из «Двух сестер» — популярной драмы основоположника осетинской драматургии Е. Бритаева и сцены из пьесы «Сказка» современного осетинского драматурга Тулева. К сожалению, совсем не показана деятельность республиканского ансамбля песни и пляски, пользующегося большим успехом среди населения. В республике имеются музыкальная школа, театральное училище; в московской и ленинградской консерваториях готовятся кадры будущего осетинского театра оперы и балета и, наконец, во многих осетинских селах работают самодеятельные художественные кружки, — но все это совершенно не затронуто на выставке.

Следовало бы больше места отвести предметам домашнего ремесла, широко бытовавшим в дореволюционной Осетии. Лишь в небольшом количестве представлены на выставке предметы, изготовленные на особом токарном станке — «зырн», бытующем еще до сих пор в ряде мест. С помощью этого станка осетинские кустари, среди которых встречались искусные мастера, делали красивые деревянные кровати с орнаментированными спинками, стулья, бокалы для пива, круглые столики на трех ножках. Среди предметов, сделанных на зырне, мы находим на выставке довольно оригинальные стулья.

Большим упущением выставки является отсутствие раздела, посвященного Великой отечественной войне и участию в ней осетин.

Выставка заканчивается письмом осетинского народа товарищу Сталину в день 25-летия автономии Северо-Осетинской АССР.

Отмеченные нами недостатки ни в коем случае не умаляют значения выставки. Коллектив сотрудников Кавказского отдела музея проделал большую творческую работу. Осетинская выставка является, по нашему мнению, методологически правильной, ибо она раскрывает перед посетителями на конкретном этнографическом материале, на музейных экспонатах картину колоссальных изменений, происшедших за годы советской власти в жизни осетинского народа.

Б. Жалоев

НАУЧНАЯ РАБОТА В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ АЛБАНИИ¹

Систематическая научная деятельность в Народной республике Албании началась сравнительно недавно. До войны научное изучение страны находилось в руках иностранных ученых, деятельность которых не соответствовала интересам народа и не способствовала экономическому и культурному развитию страны. Только с приходом к власти трудового народа албанская наука получила возможность самостоятельного развития в интересах трудящихся масс.

Албанская отечественная наука, и в частности историческая наука, создается заново. Литература по вопросам истории и этнографии Албании очень обширна, но она насыщена трюнистами националистическими концепциями буржуазных авторов, которые излагали историю Албании в соответствии с интересами своих империалистических держав, стремившихся растерзать на куски территорию страны. Теперь историческая, как и всякая другая, наука в Албании строится на принципах марксизма-ленинизма. Изучение марксистско-ленинской науки, так же как и знакомство с достижениями советской науки, стало первой необходимой задачей каждого ученого Албании². Научные учреждения страны получают самую широкую поддержку и политическое руководство со стороны правительства Народной республики и со стороны Трудовой партии Албании.

Научная деятельность Албании возглавляется Институтом наук, основанным в 1946 г. Институт объединяет работников всех наук, в том числе историков, этнографов, археологов, литературоведов, фольклористов. Институт имеет свой периодический печатный орган «Бюллетень Института наук», в котором помещаются работы по разным отраслям знания. Указания первого съезда Трудовой партии помогли Институту наук направить на верный путь свою деятельность и поставить в центр внимания актуальные вопросы, имеющие важнейшее практическое и политическое значение.

До войны в Албании по существу не было музеев; теперь музейная работа в стране приняла широкие размеры.

¹ Настоящая заметка составлена по материалам Бюллетеня Института наук Народной Республики Албании, журнала «Новая Албания» и газеты «Bashkimi» («Союз») за 1948—1950 гг.

² В целях наилучшего ознакомления с марксистско-ленинской наукой первый съезд Трудовой партии Албании рекомендовал каждому члену партии изучать русский язык.

По случаю первого съезда Трудовой партии 7 ноября 1948 г. в Тиране был открыт Музей археологии и этнографии. Это первый музей, где научная работа поставлена на должную высоту. До войны ценные находки вывозились за границу, происходило форменное разграбление народного достояния³; более того, король Зогу «подарил» Муссолини лучшие образцы античных памятников, найденные на раскопках в древней Аполлонии. Развертывается музейная работа на периферии.

В Шкодере до войны был этнографический музей, собранный католическими монахами. Ватикан, протягивающий к Албании нити политических интриг, поощрял различную «культурную» деятельность католического духовенства Шкодера: стремясь подчинить своему влиянию местную интеллигенцию, монахи основали свои учебные заведения, любительский театр и, наконец, этнографический музей. Теперь этнографический музей Шкодера стал государственным научным учреждением, размещен в новом здании и открыт для массового обозрения. Историко-археологические краеведческие музеи имеются в городах Эльбасане, Корче, Дурессе и др.

В 1946 г. в Тиране открыт еще один музей огромного исторического и политического значения — Музей борьбы за национальную свободу, где обширное собрание документов, фотоснимков, оружия и захваченных у врага военных трофеев, расположенных в хронологическом порядке в залах, рассказывает о героической борьбе албанского народа за свободу против итальянских и немецких фашистов, против внутренней реакции. В Музее запечатлена повесть о великой народной войне и победе. Народ свято чтит память героев, отдавших жизнь за свободу родины.

В ноябре 1949 г. был открыт Дом-музей Албанской Трудовой партии в здании, где 8 ноября 1941 г. была создана Албанская коммунистическая партия.

Чтобы закончить перечень музеев Албании, необходимо упомянуть о Музее естественной истории, основанном в 1948 г. в Тиране.

Большое значение для научной работы имеет основание Национальной библиотеки в Тиране. До освобождения во всей стране было лишь 5 библиотек. До войны над ними тяготел цензурный гнет клики Зогу, а во время войны они пострадали от оккупантов, как и все культурные ценности страны. Старинные книги, ценные исторические документы были разграблены итальянцами. Библиотеки приходилось создавать заново. Теперь в Албании 11 государственных библиотек⁴ (не считая небольших библиотек в селах и рабочих поселках). В Национальной библиотеке в Тиране создан отдел албанистики и отдел балканистики, где собраны книги и документы по истории и этнографии Албании и балканских стран. Национальная библиотека ведет обмен книг с Государственной библиотекой имени Ленина в Москве, с библиотеками Софии, Бухареста, Праги и Лодзи.

*

Этнографическая работа в Албании сосредоточивается в Музее археологии и этнографии в Тиране, который находится в непосредственном ведении Института наук. В этнографическом отделе Музея хранятся образцы национальных костюмов различных районов, предметы деревянной самодельной утвари, хозяйственные повозки и пасажирские экипажи, сельскохозяйственные орудия, коллекция древнего оружия. В течение 1949 г. проведена систематизация имеющегося материала с улучшением экспонирования. Но основная работа отдела сосредоточивалась на сборе новых этнографических коллекций. Фонды Музея пополнялись различными экспонатами, а также макетами. Особенное внимание было уделено этнографическому изучению юга страны, так как этнографическая литература, описывающая южные районы, значительно беднее, чем та, которая касается Северной Албании; кроме того, старинные национальные обычаи, обряды, элементы материальной культуры исчезают на юге быстрее, чем на севере.

Были направлены две этнографические экспедиции — в долину р. Шкумбини и долину р. Деволы. Экспедициями собран материал по общественной жизни народа, быту, материальной культуре и народному искусству. Были записаны сведения о переселении на данную территорию населения из других районов страны. Выяснено, что древняя социальная организация, основанная на родственных принципах, уже давно исчезла на юге Албании. Были собраны материалы относительно патриархальной семьи. Изучены формы поселения и постройки. По характеру внутренней планировки выделяются два типа кулы⁵, один тип распространен в долине р. Шкумбини, другой — по р. Деволу. При изучении одежды выяснено, что прототипом национального костюма этих мест является «джока»⁶, которая имеет ряд локальных вариантов.

³ Во время войны культурные богатства страны, как и ее материальные ценности были хищнически разграблены оккупантами. Убытки, причиненные немцами в отношении исторических памятников, исчисляются в 13 625 тыс. долларов; убытки, нанесенные итальянцами, неисчислимы.

⁴ Всего в государственных библиотеках в 1949 г. насчитывалось 190 тыс. томов (в том числе 130 800 томов в Национальной библиотеке) против 25 600 томов в довоенных библиотеках. В 1950 г. фонд, выделенный на закупку книг, увеличен в два раза по сравнению с 1949 г.

⁵ Кула — укрепленный жилой дом, который во время военных столкновений играл роль крепости.

⁶ Джока — верхняя безрукавная одежда, принадлежность как мужского, так и женского костюма.

В плане Института наук на 1950 г. предусмотрены дальнейшие экспедиционные работы.

Большой интерес для этнографии представляет ряд образцов иконографии (иконы записаны на прочном дереве и хорошо сохраняются). Сюжеты икон воспроизводят сцены из Ветхого и Нового завета, а также отдельные фольклорные мотивы. Многие из них носят народный колорит, часто художники изображали святых в национальных албанских костюмах. Искусство резьбы по дереву было широко распространено в Албании. Одним из интереснейших образцов его является резьба, покрывающая потолок мечети бекташитов в гор. Берате (построена в 1780 г.); резные деревянные иконостасы, украшенные деревянной скульптурой, находятся во многих христианских церквях Албании. К сожалению, мы ничего не знаем об изучении образцов этого искусства, бытовавшего в частной жизни албанского народа: резьба по дереву украшает интерьеры жилых домов, мебель, утварь.

В отделе археологии Музея собраны памятники доистории, античности, средних веков. При осушении оз. Малик найдено много предметов палеолитического и неолитического времени (каменный топор, помещенный с молотом на одной рукоятке, роговые молотки, костяные иглы, обломки керамики и т. д.); выяснено, что местность, ставшая дном оз. Малик, была заселена до бронзового века включительно.

Отделом Археологии в 1948—1949 гг. проведен ряд экспедиций. Особенное внимание уделяется памятникам иллирийской эпохи, которые отражают культуры автохтонного населения и помогают освещать вопросы этногенеза албанцев, в то время как раньше иностранные археологи и искусствоведы гонялись за эффектными находками античной эпохи, не заботясь о подведении научной базы под свои открытия.

Крепости иллирийской эпохи обнаружены на горе Гурзи в области Малакастра⁷, в Каливач (близ Тепелены), в селе Селци и Поштите и т. д. В селе Матокасанай (Тепелена) открыта крепость, предположительно датируемая V в. до н. э., эта крепость является памятником эпирской строительной техники. Местная иллиро-эпирская традиция прослеживается в архитектуре крепости, обнаруженной в дер. Лябово и Крючит (Либхово). Специфика иллирийских крепостных сооружений отражена в том, что крепость расположена над крутым обрывом, используя, таким образом, в оборонных целях природные условия. Эпирская техника заключается в возведении стен из дикого камня сухой кладки; так именно построена внутренняя часть стены, в то время как внешняя ее часть сложена в соответствии с эллинской техникой из больших тесаных камней, имеющих форму параллелепипеда. В районе Эльбасана около с. Бельши было изучено городище иллирийской эпохи, датируемое III в. до н. э., а также укрепленное поселение этого же времени⁸ на высоте Кодра и Малик на левом берегу р. Шкумбини; крепость эта господствовала над рекой при выходе ее на равнину Печини. В Плоче экспедиция Института наук производила длительные раскопки, так как этот объект был мало изучен до сих пор иностранными исследователями. Стены этого городища по технике кладки аналогичны эллинским стенам Клеса и датируются V в. до н. э. (датировка подтверждается находкой в одной из гробниц чернофигурной вазы). Северная стена Плоча, на протяжении 15 м укрепленная контрфорсами, аналогична стене Петреля (Тирана). Вне городских стен были обнаружены развалины погребальных сооружений, имеющие форму небольших параллелепипедов. Восточнее города найдены остатки стадиона.

Среди памятников греко-римской эпохи особенно интересны раскопки близ Фиери на месте древней Аполлонии. В 1949 г. археологами обнаружено надгробье, сделанное из местного камня и изображающее мужчину и женщину в костюмах, аналогичных современному национальным костюмам (фустанелам). В 1949 г. был раскрыт цилиндрический постамент обелиска, который являлся одним из атрибутов Аполлонии (изображался на монетах, чеканенных в этом городе). Было обнаружено также здание, в котором помещалась мастерская по отливке бронзовых фигур; стены этого здания сложены из кирпича и датируются римской эпохой.

К эллинистической эпохе относится раскрытый около гор. Дуррес некрополь. Античные барельефы, до сих пор неизвестные, были найдены в церквях Курени. Здесь же во многих церквях обнаружены барельефы средневекового времени. Вообще же исторические памятники средних веков, когда Албания играла видную роль на Балканах и ее цивилизация достигла высокого уровня, сохранились в очень небольшом количестве, так как их беспощадно грабили иностранные «ученые» и «любители искусства». Музей располагает главным образом церковной утварью, которая дает представление о культуре и живописи той эпохи.

Экспедициями Института наук обследован ряд архитектурных памятников Албании, главным образом крепости, церкви, мечети. В их числе крепость в Шкодере, стены которой были возведены в разное время: в иллирийскую эпоху, в средние века и в период турецкого завоевания; христианские церкви в областях, испытывавших влияние Византии — Бутринто, Воское, Влёре, Берате, Корче и др. Церковное строительство пришло в упадок в XV в. в период господства турок (часть церквей была сожжена, часть превращена в мечети) и возродилось в XVIII — XIX вв. в связи с усилением влияния России на Балканах. Большой интерес представляет архи-

⁷ Эта крепость датируется IV в. до н. э.

⁸ Датируется на основании анализа керамики и техники кладки крепостных стен.

тектурный комплекс гор. Берата: крепость, сооруженная до нашей эры, и многочисленные церкви, построенные до турецкого завоевания, архитектура и живопись которых выполнены в византийском стиле; расцвет архитектуры Берата падает на вторую половину XVIII в. и начало XIX в. Экспедиция Музея, посетившая районы городов Люшны, Фиери, Берата и Эльбасана, помимо изучения архитектуры, живописи, резьбы по дереву в ряде церквей, уделила также внимание тому обстоятельству, что в сооружении почти всех церквей Музекье (Западная Албания) был использован строительный материал и скульптуры из Пояна (древняя Аполлония). Экспедиции Музея обследовали ряд других архитектурных и исторических памятников.

В деятельность Института наук входит также реставрация памятников. Так в 1949 г. были предприняты работы по реставрации башни и крепости Круи — древнейшего политического центра Албании, крепости в Шкоudere и т. д. В марте 1949 г. Народное Собрание приняло закон об охране памятников.

*

Устное народное творчество албанского народа изучается комиссией фольклора Института наук. В 1949 г. комиссия подготовила к печати антологию народных иррических песен объемом в 450 страниц. Песни воспроизводятся точно в их оригинальной форме, что не соблюдалось в предыдущих изданиях. После каждого из 7 отделов книги следуют научные комментарии. Устное народное творчество Албании чрезвычайно многообразно. В стране, которая в течение пяти веков была лишена самостоятельности, где только в конце XIX в. появилась периодическая печать, где 84% населения до последних лет оставались неграмотными, — в этой стране народ сохранил и хранил в памяти замечательные образцы устного и музыкального фольклора, которых страшился свободолобивый гордый дух народа, любовь к родине, огненный темперамент и лирическая нежность. Поэтому собрание и научное издание народных песен, предпринятые теперь Институтом наук, имеют большую ценность.

Комиссией фольклора были проведены экспедиции для сбора материалов. Изучены легенды о Скандербеге, которые бытуют среди арбрешей⁹. В настоящее время фольклористы Албании изучают устное народное творчество периода борьбы с оккупантами, фольклор, отражающий крестьянские движения, песни о Скандеберге. Намечено издание народного эпоса.

В сентябре 1949 г. состоялся фестиваль, на который съехались 42 самодеятельных ансамбля из всех уголков страны. Его участники были одеты в национальные костюмы и исполняли песни, танцы и музыкальные номера своих сел. Народное творчество в Албании чрезвычайно многообразно. Каждый район имеет свои оригинальные песни и танцы, некоторые из них лишь благодаря фестивалю стали известны общественности. Подобные фестивали решено проводить ежегодно, так как они имеют значение не только для дальнейшего развития народного творчества, но и для научного его изучения: во время фестиваля были зарисованы художниками национальные костюмы, записаны тексты и мелодии сотен народных песен, производились фото- и киносъемки.

*

В марте 1950 г. в Тиране состоялась сессия Института наук Албании, на которой были подведены итоги работы за 1949 г. и намечен план на 1950 г. Институт достигнуты известные успехи в области математики, физики, химии, биологии, гидрометеорологии. В области языка проделана большая работа по составлению толкового словаря албанского языка, русско-албанского словаря, по орфографии албанского языка и т. д. Секцией языка и литературы предприняты работы по переводу лучших произведений русской и советской литературы на албанский язык. Для создания монографического труда по истории Албании с 1878 по 1939 г. собран материал из прессы этого периода, исторические документы, дипломатические документы и т. д. Работа секции истории и социологии расширяется созданием юридической комиссии, которая примет участие в составлении истории Албании, а также проведет изучение обычного права албанского народа. Создано управление государственного архива.

Для популяризации научных достижений среди широких масс трудящихся силами сотрудников Института наук организуются конференции по вопросам истории, этнографии, языка, фольклора, археологии, естественных наук.

Албанские ученые успешно овладевают принципами марксистско-ленинского мировоззрения. Институтом сделаны переводы классиков марксизма — Ф. Энгельса, Ленина, Сталина, постоянно изучаются достижения советской науки.

Выступая на открытии сессии Института наук в Тиране, секретарь Трудовой партии Албании т. Тук Иакова сказал: «Наша наука должна развиваться в том же направлении, что и великая советская наука, которая находится на службе у трудящихся масс, способствуя построению счастливой жизни и дальнейшему процветанию страны, на службе у мира, против поджигателей войны. Наша наука служит на пользу мирного развития экономической и культурной жизни нашего народа».

Ю. Иванов

⁹ Арбреши — албанцы, проживающие в Италии.



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



НАРОДЫ СССР

Алтын Тууди, *Алтайский героический эпос*. Перевод А. Смердова. Под редакцией А. Коптелова. Рисунки художника И. В. Титкова. Новосибирское областное государственное издательство, 1950, тир. 5000, ц. 6 р. 75 к.

Новосибирское издательство выпустило в свет новое выдающееся произведение героического эпоса алтайцев на русском языке «Алтын Тууди» в превосходном литературном переводе известного сибирского поэта А. Смердова. Это произведение было записано писателем-алтайцем П. В. Кучияком (ныне покойным) от своего дедушки сказителя Шонкора Шунекова, проживавшего в долине р. Куюма, правого притока Катуня.

Содержание «Алтын Тууди» представлено в следующем виде. Богатый и сильный Тойбон-хан, «разноязыкие племена покорив, разномастные стада их присвоив», живет в роскоши, довольстве и праздности. Несмотря на обладание «бесчисленными» богатствами, Тойбон-хан мечтает только о преумножении их. Узнав, что на берегу Черного моря живет дряхлый от старости и бездетный Караты-хан, не имеющий

Братьев, которые бы ему на помощь подоспели,
Друга, готового на услуги...

выведав, что во владениях Караты-хана

Стада его без охраны ходят,
Народ его разноязыкий от ханской власти отвык...

Тойбон-хан призывает своих чиновных зайсанов и дружинников-богатырей совершить набег на Караты-хана:

К владениям Караты-хана двинемся.
Пока другие ханы наживы не почуяли,
Первыми мы туда поспеть должны,
Караты-хана в плен взять.

Готовясь к разбойничьему набегу, Тойбон-хан вспоминает о своем рабе, пасущем коз,— старике Еленчи, как об искусном и верном воине, и посылает ему приказ явиться. Старый Еленчи немедленно собрался. Но три его юные любящие дочери-красавицы поочередно уговаривают своего старого отца остаться дома и просят отправить их к Тойбон-хану вместо него. Отец тайно устраивает им испытание на силу, выносливость и храбрость, которые выдерживает только его младшая дочь по имени Алтын Тууди. Получивши благословение и доброе напутствие родителя, Алтын Тууди является к Тойбон-хану. Ее появление приводит в ярость хана. Он грубыми ругательствами оскорбляет ее девичью честь и прогоняет Алтын Тууди со словами:

Видано ли, чтобы хана
В походе женщина сопровождала,
Видано ли было, чтоб на поле боя
Среди воинов женщина суежилась?

Однако Алтын Тууди, верная долгу и слову, данному отцу, решила следовать за войском Тойбон-хана. Тойбон-хан достиг владений Караты-хана и завязался с ним. В поединке с Караты-ханом пал, пронзенный его стрелой, Тойбон-хан.

Коричневая кровь Тойбон-хана
Горячим ручьем хлынула,
Тойбон-хан к смерти приготовился...

Но в этот момент подросла отважная Алтын Тууди.

Утром начав тетиву натягивать,
Стрелу лишь вечером выпустила.
Из глаз Алтын Тууди молнии вылетели,
От пальцев ее дым за клубился,
Когда стрела полетела,
Земля и небо заколебались,
Вершины гор высоких осыпались.
Железной молнией пролетев,
Грудь Караты-хана стрела пронзила,
Как лунный луч сквозь него прошла.
Черная кровь Караты-хана
Широким озером растекалась.
Тело бездыханное Караты-хана
Среди долины горой легло.

Алчный и злой Тойбон-хан, хотя и был при смерти, но и добычи не забыл. По его приказу стада Караты-хана были захвачены, владения разграблены, воины перебиты, а народ взят в плен.

Плачущих женщин и малых детей
На арканах с собой привели.

Алтын Тууди, спасшая Тойбон-хана, поспешила вернуться к родителям.

С этого времени Тойбон-хан потерял покой, несмотря на то, что он еще преумножил свои бесчисленные богатства и жил в безопасности. Он стал бояться силы Алтын Тууди и размышлял:

Пока Алтын Тууди жива,
Мне покоя не будет.
Рано или поздно Алтын Тууди
Против меня подымется,
Из-под моей власти выйдет.

Тойбон-хан решает уничтожить Алтын Тууди. Он в лстивой, ласковой форме, посулом богатства и власти, дает ей невероятные по трудностям поручения, обрекая Алтын Тууди на верную смерть. Тойбон-хан посылает ее последовательно к могущественной шаманке Ак-Шажнай, за владыкой моря Синим быком, к главе подземного мира Эрдику. Когда Алтын Тууди благополучно справляется со всеми этими поручениями, Тойбон-хан устраивает в честь ее пышный пир и приглашает ее сестру на роскошное ложе, под которым находилась яма с воткнутыми острыми копытами. Черный умысел его не удается, и Тойбон-хан сам гибнет от руки разгневанной Алтын Тууди.

Эта алтайская былина, как и большинство других (изданных в известных двух сборниках Алтай-Бучай и Малчи-Мерген), является ярким народным произведением, отразившим мечты и чаяния трудящихся алтайцев, задавленных гнетом поработителей ханов. Ее социальные отношения и бытовая обстановка носят характерные исторические черты, хорошо известные нам по времени господства на Алтае ойратских или западномонгольских (джунгарских) ханов, этих злейших эксплуататоров зависимых от них трудящихся кочевников. Характерна в этом отношении завязка сказания. Тойбон-хан, собираясь в набег, вызывает для участия в нем одного из своих крепостных пастухов старика Еленчи. Это — отражение реально существовавшей феодальной личной повинности «албан», которая (во всяком случае в XVII в.) включала обязанность закрепощенных мужчин участвовать в ополчении хана, со своим конем и военным снаряжением.

Высокое идейное содержание этого народного сказания, утверждающего веру в победу трудящихся кочевников над ханами-эксплуататорами, подчеркнуто в характеристиках главных персонажей, в их поступках и мотивах поведения. Тойбон-хан — главный отрицательный герой произведения — наделен резко отрицательными чертами, но реально присущими западномонгольским феодалам-ханам, тайши, зайсанам. Это — эксплуататор-хищник, злой, коварный. Бесчисленные богатства его нажиты грабежом, насилием. Он ненавидит простой трудовой народ, но в то же время боится его. Это — типичный представитель класса феодалов у кочевников.

Иными, но тоже правдивыми чертами наделяется здесь представитель народа, защитник его интересов, прекрасная Алтын Тууди. Она влюблена в чудесную природу Алтая и мечтает не о богатстве, а о том:

Если б в таком благодатном краю
Народ без нужды и мучений жил!
Если б эта долина чудесная,
Эти леса с поющими птицами
Народу счастливому принадлежали —
Каким бы радостным был Алтай!

Алтын Тууди неведомо чувство страха, она не боится никаких трудностей, в ней высоко развито чувство долга. На протяжении всей поэмы она выступает исключительно дисциплинированной, послушной завету отца, говорившего ей с горечью:

Не вольной птицей ты родилась,
В юрте ханского пастуха росла,
Во власти хана жить будешь...
Добро ли худо ли тебя ожидает,
Надо приказ исполнять.

Когда Тойбон-хан в его неудачном набеге на Караты-хана был ранен, то приближенные его бросились спасаться. Алтын Тууди властно остановила их:

Эй, вы, вояки, храбрые,
Богатыри с сердцами куриными,
Что ж вы хана своего сраженного,
В беде покидаете,
Раненого его в чужой земле покидаете?

Когда, благодаря отваге и силе Алтын Тууди, была одержана победа над Караты-ханом, жизнь Тойбон-хана была спасена и были захвачены огромные богатства Караты-хана, Алтын Тууди заявила:

Имущество Караты-хана берите,
Мне самой ничего не нужно,
С чем я сюда приехала,
С тем и домой возвращусь...

и с этими словами девушка-богатырь поспешно уехала.

Выполняя опасные поручения Тойбон-хана, задумавшего ее погубить, Алтын Тууди победила чудовище — Синего быка (хозяина моря), но великодушно даровала ему жизнь; последний с восхищением спросил:

Кто ты такая, скорее скажи...
Среди живущих на свете ханов,
Такого смелого я не знаю,
Среди самых сильных богатырей,
Такого находчивого не видел.

Алтын Тууди на это скромно, но с достоинством ответила:

К ханской кости не принадлежу,
Богатырем себя не считаю,
В жилище бедного пастуха
Я родилась и выросла.
На чужую жизнь и чужое богатство
Отец меня посягать не учил,
Мать меня злыми умыслами никогда не напутствовала.

Благородство Алтын Тууди подчеркнуто и ее гордым отказом от подарков и наград, вероломными обещаниями которых сопровождал Тойбон-хан свои поручения ей.

За милости, мне оказанные,
Вас, мой хан, я благодарю,
Но властвовать наравне с Вами
Над половиной народа не стану —
В бедной юрте я рождена,
Дочерью пастуха останусь
От Ваших даров великих —
От табунов и стад — я отказываюсь.

Когда благородная богатырка благополучно выполнила все рассчитанные на ее гибель поручения Тойбон-хана и раскрыла приготовленную ей в последний момент ловушку на пире, устроенном в честь ее возвращения, терпение ее переполнилось: она запылала гневом и произнесла подлому хану и его окружению приговор:

Шерстью сердца обросшие,
Подлостью полны Ваши утробы.
Вот чем вы мне за добро отплатить готовились!
Вот какую вы мне награду,
За все старания мои поднести хотели!
Теперь перед всем народом
Козни Ваши раскрылись,
Сейчас перед всем народом
Придется вам расплатиться,
Суровую кару за все нести...

И с этими словами от имени народа Алтын Тууди совершает правосудие. Она бросает в приготовленную для нее яму Тойбон-хана, его зайсанов и прислужников богатырей. Эта линия противопоставления ханской эксплуататорской верхушки и трудового угнетенного народа, так ярко и сильно обрисованная, не может оставить сомнений в подлинной народности этого произведения, его глубокой идейности, отражающей интересы, надежды и чаяния трудящихся алтайцев. Об этом же говорит исключающая сомнения по силе и настроению концовка произведения, торжествующая, счастливая, вдохновляющая.

Редкой особенностью сюжета сказания Алтын Тууди является то, что главным героем его девушка-богатырь. Позволительно думать, что в происхождении такого сюжета лежит отражение древней стадии развития родовой организации, с приоритетом в общественной жизни рода женщины. На этой точке зрения стоит автор предисловия и комментария А. Л. Коптелов. Не отрицая наличия в алтайском эпосе отголосков матриархата, мы в данном случае, исходя из всего содержания сказания, находим, что объяснение упомянутой особенности нужно искать в социальной заостренности былины против угнетателей, в ее демократическом содержании. Основная идея этого сказания состоит в том, что смелая, честная девушка, дочь крепостного пастуха, не менее равно сильнее, лучше и благороднее самого могущественного и богатого хана всего его феодального окружения в виде зайсанов, дружинников-богатырей и т. п. Превосходство представителя трудового народа в лице отважной дочери крепостного бедняка перед феодальной эксплуататорской верхушкой показано с едкой народной иронией в подвигах богатырки. Она легко справляется со всеми трудностями, перед которыми трусят и чувствуют себя беспомощными хан, его зайсаны и богатыри. Образ девушки, могучей и отважной, наделенной высшими моральными достоинствами и физической красотой, побеждающей социальных врагов трудового народа, отражает представление трудящихся алтайцев о высоком значении женщины. В сказании Алтын Тууди отразилась надежда народа на равноправие женщины, вера в ее силу. Юная Алтын Тууди воспитывалась старым Еленчи в духе покорности ханской власти.

Не вольной птицей ты родилась,
В юрте ханского пастуха росла,
Во власти хана жить будешь.

Однако, видя зло, насилие и социальную несправедливость, которое заложено в природе эксплуататорского феодального класса у кочевников, Алтын Тууди уносит прах феодалов при помощи своей богатырской силы и освобождает закрепощенный народ. Она становится по просьбе народа его предводителем и защитником, устраивает на Алтае счастливую, спокойную жизнь для трудящихся.

Сюжет героического сказания Алтын Тууди до революции был записан в низовьях Катунин в начале нашего столетия и опубликован в известном «Аноском сборнике» алтайского героического эпоса, составленном учителем — алтайцем Н. Никифоровым, под названием Аин-Шаин-Шикширге. В 70-х гг. прошлого столетия сюжет этот в более краткой редакции записал Г. Н. Потанин на р. Чуге. Однако в обеих записях главный положительный герой юноша. Правда, в записи Никифорова сказание несет отзвук того, что этот герой был сначала девушкой, а потом превратился в юношу. А. Л. Коптелов довольно убедительно показывает, что сказание это имело феодально-кавказскую редакцию, в которой герой-богатырь из девушки был превращен в юношу, социальная заостренность и демократическое содержание поэмы были выхолены. Новая публикация под названием Алтын Тууди представляет подлинно народную редакцию этого замечательного произведения устного народного творчества алтайцев, блещущего и своими художественными достоинствами, которые А. Смердову удалось передать также на русском языке.

Л. Потанов

А. А. Кайев, *Русская литература*, Учебник для Учительских институтов, ч. I, Учпедгиз, Москва, 1949.

Единственный учебник по русскому фольклору для высших учебных заведений, принадлежащий перу покойного академика Ю. М. Соколова, давно уже перестал удовлетворять преподавателей и учащуюся молодежь. Назрела острейшая потребность в создании новых учебников и хрестоматий, в которых отразились бы достижения советской фольклористики последних лет — разоблачение партийной печатью космополитической теории «школы» Веселовского, рецидивов антинародной «исторической школы», имевших место в трудах некоторых фольклористов, включая названный выше учебник и хрестоматию проф. Н. А. Андреева, разоблачение внеисторических «построений» позитивистской фольклористики и т. д.

Изданный Учпедгизом учебник А. А. Кайева представляет собой первую попытку создания такого учебника для учительских институтов и, как всякая первая попытка, заслуживает самого внимательного рассмотрения. Оставляя в стороне второй и третий разделы учебника, освещающие историю древней русской литературы и русской литературы XVIII в.¹, остановимся на первом разделе, специально посвященном проблемам русского фольклора.

Задача, стоявшая перед автором учебника, чрезвычайно сложна: он должен был на нескольких печатных листах (в учительских институтах на изучение русского фольклора отводится 36 лекционных часов) дать четкие положительные решения важнейших проблем истории советского и дореволюционного фольклора. Первое же знакомство с учебником убеждает в том, что с этой задачей А. А. Кайев не справился.

Прежде всего сам принцип изложения основного материала вызывает серьезные возражения. Напомним, что во всех без исключения старых курсах русского фольклора проблема периодизации народного творчества в соответствии с экономическим и социальным развитием русского народа и развитием его общественного сознания совершенно не ставилась. Об истории развития русского фольклора не было и речи. В лучшем случае, отдельным очерком предпосылалось вступление, в котором излагалась очередная гипотеза происхождения жанра. Фольклор изучался как нечто неизменное, существующее вне времени и пространства.

Внеисторичность и формалистическая сущность подобного принципа построения курса вне сомнений. В то же время следует признать, что создать курс, который строился бы на единственно приемлемом для нас марксистско-ленинском принципе историзма, при современном состоянии изучения русского народного творчества крайне трудно. К сожалению, наша фольклористика до сих пор располагает лишь совершенно ничтожным количеством частных конкретно-исторических исследований по отдельным периодам развития русского (как советского, так и дореволюционного) фольклора. При таком положении вещей нельзя требовать от автора рецензируемого учебника окончательного решения проблем, над которыми предстоит работать всему коллективу советских фольклористов в ближайшие годы. Однако построение истории фольклора далеко не одинаково затруднительно во всех ее частях. Автор учебника, который создается в наши дни, мог бы взять на себя задачу написания отдельных ее глав. Так, например, могла бы быть написана глава о фольклоре эпохи великих крестьянских восстаний, возглавлявшихся Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым, об истории развития русского фольклора между 1861 и 1905 гг., т. е. в «пореформенный и предреволюционный период», как называл его В. И. Ленин, в годы

¹ Серьезные ошибки этих разделов уже отмечались в краткой рецензии А. Жигулева, «Комсомольская правда» от 25 марта 1950 г., № 7, стр. 3.

первой русской революции и между революцией 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революцией. Для построения этих глав мы располагаем ценнейшими высказываниями В. И. Ленина и И. В. Сталина, характеризующими развитие русского пролетариата и русского крестьянства в эти годы. В то же время в второй половине XIX в. и начала XX в. до нас дошло много фольклорных записей. Возможность их научного изучения бесспорна.

Совершенно обязательным представляется нам иное построение глав, посвященных советскому народному творчеству. За три с лишним десятилетия своего развития оно проделало такой большой путь, что обходить вопросы его развития и революционной перестройки значит совершать грубейшую ошибку. Игнорируя историю развития советского народного творчества или ограничиваясь общими фразами, как это делает автор рецензируемого учебника, нельзя элементарно удовлетворительно охарактеризовать его принципиальное качественное отличие от дореволюционного фольклора. Основные особенности советского народного творчества должны раскрываться именно в их движении и развитии. Между тем в учебнике А. А. Кайева не только не обрисована история развития советского народного творчества, но даже не намечена самая элементарная его периодизация. Автор рецензируемого учебника явно не учит принципиальных указаний печати по вопросам фольклора.

Не менее серьезные возражения вызывают и отдельные главы учебника А. А. Кайева, особенно «Введение» и главы VI («Народные сказки») и VII («Былины»).

«Введение», по замыслу автора, должно познакомить студента с общими проблемами фольклористики, сообщить ему основные представления о сущности и природе фольклора, дать изложение фольклористических взглядов классиков марксизма-ленинизма. К сожалению, этот ответственный раздел учебника не отличается ни четкостью постановки и решения основных проблем, ни четкостью отдельных формулировок. Фольклор определяется здесь как «устные художественные произведения, созданные или бытующие среди широких народных масс» (стр. 3). Не говоря уже о том, что фольклором принято называть не отдельные произведения, а совокупность устно-поэтических произведений трудовых народных масс, или «устно-поэтическое творчество трудовых народных масс», как говорил А. М. Горький, в определении А. А. Кайева отсутствует указание на самый важный признак фольклора — его идеологическую принадлежность трудовым массам народа. Игнорирование идеологической сущности народного искусства приводит Кайева в дальнейшем к целой серии грубейших ошибок (ср. его указание на стр. 5 об отнесении к фольклору безотносительно к идейному содержанию всяких произведений «по признаку устности»). В результате студенты, прочитавшие эти страницы учебника, по воле автора включают в народное творчество также любую реакционную чепуху, лишь бы она была «устной по происхождению»).

Истолковывая свое определение фольклора, А. А. Кайев ни словом не обмолвился о коллективной природе устно-поэтического творчества трудовых народных масс. Указание на это качество фольклора, как это ни странно, впервые делается лишь в параграфе 10 в связи с определением своеобразия фольклорных произведений по сравнению с литературными. Крупнейшим недостатком всех параграфов «Введения», касающихся природы фольклора и его взаимоотношений с письменной литературой, является их совершеннейшая внеисторичность. Пересказывая устаревший учебник Ю. М. Соколова, автор совершенно так же внеисторично трактует и вопрос о соотношении личного, индивидуального и коллективного в фольклоре и литературе.

Нельзя признать удовлетворительным и параграф «Горький о фольклоре». Из этого параграфа читатель не получит четкого представления об основополагающей роли горьковских статей и выступлений по вопросам фольклора для советской фольклористики, о колоссальной организаторской роли А. М. Горького в истории собирания и изучения творчества народов СССР. Горьковское учение о трудовом народе как создателе всех материальных и духовных ценностей человечества истолковывается отвлеченно, вне связи с борьбой Горького с антинародными буржуазными «теориями» истории культуры и, в частности, антинародными «теориями» аристократического происхождения фольклора. Не случайно поэтому об учении Горького о трудовом происхождении устно-поэтической фантастики (и искусства вообще) в учебнике А. А. Кайева говорится скороговоркой, а в главе «Происхождение фольклора» воспроизводится теория Карла Бюхнера в передаче Келтуалы — одного из типичных представителей либерально-буржуазного литературоведения (ср. его школьный учебник).

Если при решении многих вопросов, затронутых во «Введении», автор некрикливо воспроизводит точку зрения Ю. М. Соколова, то в главах «Былины» и «Народные сказки» дело обстоит еще хуже.

Справедливо осуждая в параграфе 2 этой главы «теорию» аристократического происхождения былин, автор в последующих параграфах воспроизводит ее почти целиком, ограничиваясь лишь некоторыми не принципиальными поправками. Утверждая в параграфе 2, что «подлинным создателем былин, как и других видов фольклора, был трудовой народ, выделявший своих народных певцов-сказителей» (стр. 78), А. А. Кайев как бы в опровержение этого утверждения говорит о двух возможных, по его мнению, группах «создателей и певцов былин в древности» — про-

фессиональных певцах-поэтах и скоморохах, причем те и другие, утверждает он, «согласно свидетельствам летописей» (?) были княжескими! «Князья, бояре, дружинники и другие феодалы обращаются к народным певцам за величием и прославлением. На первых порах былина и служит этой цели, являясь вместе с тем (!) поэтическим выражением народного отношения к тому или иному лицу и событию» (стр. 79). Итак, княжеские профессиональные певцы прославляют князей и других феодалов по их прямому заказу, — в таком виде преподносится советскому студенту «теория» происхождения былин, которая к тому же выдается за «современную». На вопрос, как такая «былина» могла «вместе с тем» являться «поэтическим выражением народного отношения к тому или иному лицу и событию», А. А. Кайев отвечает с бесподобной наивностью: «Истинно народные поэты (певчие «былины» по закону феодалов) — К. Ч.), могли быть и в среде дружинных певцов и в среде бродячих скоморохов» (там же).

«В дальнейшем существовании былин, — говорится здесь же, — элемент величия как временный (?) отпадает, а народность ее содержания как элемент вечный (?) усиливается». Как же это происходит? Запутываясь все больше и больше, А. А. Кайев придумывает совершенно нелепую, не основанную ни на каких документальных данных «тёсрию» превращения якобы существовавших когда-то лирических (!) былин в эпические! Эта несуразная теория дополняется фразами, списанными из работ Вс. Миллера и его последователей. Оказывается, что первоначальная былина точно передавала действительные события, в дальнейшем же, когда она попала в крестьянскую среду, «конкретно-исторический факт, лежащий в основе быliny, не прояснялся, а все более и более затуманивался» (стр. 81).

Таким образом, налицо все элементы «теории» происхождения былин, которая исповедывалась в свое время антинародной «исторической школой»: тут и дружинные княжеские певцы-профессионалы, слагавшие быliny по заказу феодалов и воспевавшие действительные события, и их последующая «порча» в крестьянской среде. И все это в учебнике, в 1949 г. «утвержденном Министерством народного просвещения РСФСР» и рекомендованном студентам учительских институтов через 14 лет после статьи «Правды» о пьесе Д. Бедного «Богатыри», в которой разоблачались подобные измышления.

Игнорируя поэтическую природу образов былинных богатырей, А. А. Кайев превращает даже Илью Муромца в историческое лицо, имя которого якобы «встречается в некоторых памятниках XVI века». Таким памятником он считает «отписку» оршанского старосты Кмиты Чернобыльского (1574), забывая при этом содержание самого письма, в котором, как известно, Кмита вовсе не говорит об Илье Муромце как о реальном лице, а, сетуя на свое положение, сравнивает себя с богатырями, которые тоже стояли на заставе.

В главе «Народные сказки» автор не ставит своей задачей характеристику национального своеобразия русских сказок. Отдавая дань космополитической компаративистике, А. А. Кайев из страницы в страницу твердит: «Подвижность сказки выражается в том, что сказка очень легко переходит не только от поколения к поколению, но и от народа к народу» (стр. 62); «Наряду с национальным своеобразием в сказках народов всего мира выступает сходство многих элементов, мотивов и сюжетов» (стр. 63) и т. д. Повторяя утверждения формалистической фольклористики, автор учебника критерием национальной специфики сказок выдвигает не своеобразие идей, выраженных сказками того или иного народа, а наличие или отсутствие сходных сюжетных схем. Поэтому чисто русскими сюжетами, по мнению автора учебника, можно признать только сюжеты, «совсем неизвестные западноевропейским народам» (стр. 63). Таких сказок оказывается не больше половины всего русского сказочного репертуара. И такую «науку» преподает А. А. Кайев студентам наших учительских институтов!

Вступив однажды на формалистическую стезю, А. А. Кайев, не задумываясь, пересказывает (на стр. 63) вступление к написанной более двадцати лет назад формалистической книге В. Я. Проппа «Морфология сказки». И не просто пересказывает, а «...углубляет». Устраняя из рассуждений В. Я. Проппа понятие «функция», А. А. Кайев поистине бивает все «рекорды» формализма. «Сказочным элементом, — пишет он, — считается один неразложимый образ (лицо, предмет, действие), например, образ змея, царя, царской дочери. Мотив — это соединение сказочных элементов в простейшую повествовательную единицу, например, змей похищает дочь царя. Блес или менее устойчивое соединение нескольких мотивов образует сказочный сюжет; так, с мотивом похищения царской дочери змеем довольно часто соединяется мотив освобождения ее героем, что составляет сюжет: освобождение героем царской дочери, которую похитил змей. Замена одного сказочного элемента другим (вместо змея — Кошечей, вихрь, чорт, колдун; вместо дочери — сестра, невеста, жена, мать; вместо царя — царский сын, мужик, поп; вместо похищения — усыпление, умерщвление и т. п.) и создает богатство отдельных сказочных вариантов».

Хуже всего то, что это не просто случайный срыв, а, повидимому, принципиальная позиция. Об этом свидетельствуют многие параграфы той же главы: так, например, в параграфе 4 читаем: «Волшебные (или чудесные, фантастические) сказки по своим элементам, мотивам и отчасти сюжетам (!) столь же древнего происхождения, что и животный эпос».

Большую бессмыслицу трудно себе представить! Сюжет выступает здесь не в ражанием определенной общественной идеи, а механическим соединением мотивов даже не «комплексом мотивов», как у А. Веселовского, а просто «соединением». «Мотивы» и «элементы», оказывается, существуют вне сюжета и даже до него, поскольку они могут быть древнее сюжета! Утверждение же о том, что, «элементы» взаимозаменяемы, совершенно обесценивает идейное богатство и многообразие русской сказки.

Для чего нужны А. А. Кайеву все эти сверхформалистические построения? Ответ на этот вопрос получаем недвусмысленный: «Понятия элемента, мотива и сюжета являются научной условностью, облегчающей классификацию сказок, их сравнение, вообще изучение» (стр. 63). Что это за «вообще изучение», для которого нужна э формалистическая белиберда, остается неизвестным. Зато «изучение», понимаемое как «классификация» и «сравнение», нам давно знакомо по работам компаративистов и формалистов всех мастей от Бенфея до Аарне.

Глава «Народные сказки» отнюдь не отличается бережным отношением к идеологии народных сказок. Достаточно сказать, что смысл всех волшебных сказок, в которых основным героем выступает «иронический удачник Иван-дурак» (А. М. Горький), А. А. Кайев после долгих и в целом правильных рассуждений неожиданно сводит к пошлой сентенции: «дуракам везет» (стр. 69). Таким образом, любимый герой русских сказок, несправедливо униженный, ошельмованный в начале сказки и возвышенный фантазией сказочников в конце сказки, герой, воплотивший вековую народную мечту о справедливом социальном строе, при котором правда торжествует, а люди ценятся по их личным качествам, называется просто «дураком». А. А. Кайев почему-то счел нужным солидаризироваться с противниками этого сказочного героя, которые разоблачаются и осмеиваются в сказке!

Не будем затруднять внимание читателя дальнейшим разбором нового учебника. Не будем подсчитывать реверансы перед буржуазно-либеральной фольклористикой, из которых не скупись его автор. Слишком неблагодарная эта задача. Отметим лишь, что и изложение фактического материала в учебнике оставляет желать лучшего. Чего стоят, например, такие «перлы»: «солнце выступает... под христианским именем Купалы (реже — с более древним именем, повидимому, языческого происхождения — Ярлыо)» (там же). Культ, по определению А. А. Кайева, — это «порядок почитания богов» (стр. 21). На одной и той же 73 странице можно прочитать две такие фразы: «Более или менее отчетливо действующие лица бытовой сказки делятся на положительных и отрицательных» и «герои (все той же бытовой сказки. — К. Ч.) располагаются по принципу резкого контраста, положительные и отрицательные бедный и богатый и т. п.» Чему же должен верить студент, прочитавший эту страницу?

Учебник пестрит совершенно произвольными предположениями, например, комические песни, вероятно, входили когда-то в состав «родильной обрядности» (стр. 44); «предположительно, былины составляли какой-то элемент в свадебной обрядности (термин «храбр — хоробер» обозначал и воина и жениха), а также в обычае величания» (стр. 81), «в старину пение былины сопровождалось музыкальным аккомпанементом — вероятно игрой на гуслях» (стр. 99).

Учпедгиз и Министерство народного просвещения РСФСР сделали крупную ошибку, рекомендовав этот не только путаный, но во многих отношениях и вредный учебник, повторяющий враждебные советской фольклористике антинародные буржуазно-либеральные «теориейки», студентам наших учительских институтов.

К. В. Чистов

С. В. Киселев. *Древняя история Южной Сибири*. Академия Наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 9, М.—Л., 1949.

Капитальное исследование С. В. Киселева — крупный вклад в советскую историческую литературу. Оно охватывает очень значительный отрезок истории одной из крупных областей нашей Родины — той области, где издавна существовал значительный и самобытный очаг культуры. Южная Сибирь и, в частности, Саяно-Алтайское нагорье были одной из тех частей нашей страны, которые раньше многих других вступили на путь развития высокой культуры. Там еще со II тысячелетия до н. э., эпохи ранней бронзы, создается мощный культурный центр, которому суждено было сыграть немалую роль в истории народов Советского Союза и оказать заметное влияние на культурное развитие народов зарубежной Азии — Центральной и Восточной. Исследовать и показать эту огромную историческую роль народов советской Южной Сибири — крупная заслуга историка, и эта заслуга по праву принадлежит автору рецензируемой работы.

В ней С. В. Киселев как бы подводит итоги своей неутомимой и плодотворной двадцатилетней работе по изучению древностей Южной Сибири: почти ежегодные археологические экспедиции в Хакассию, на Алтай и в другие районы; изучение музейных коллекций по разным городам СССР, по преимуществу Сибири; тяжелый кропотливый труд над собиранием и переводом фрагментарных памятников древней

рунического письма, — все это прежде находило себе отражение в отдельных статьях, заметках, небольших публикациях, выходивших из-под пера С. В. Киселева; теперь все эти плоды многолетних работ сведены воедино, систематизированы. Но в разбираемой книге есть не только это: опираясь на собственные обширные исследования, С. В. Киселев в то же время широко использует результаты работ других исследователей, археологов, историков, лингвистов, касающиеся как изучаемой им области, так и ряда смежных областей.

Книга С. В. Киселева представляет большую ценность прежде всего как богатая сводка археологического материала по наиболее интересной области Сибири — Саяно-Алтайскому нагорью. Памятники древностей Алтая и бассейна Верхнего и Среднего Енисея, начиная от Афанасьевской эпохи (ранняя бронза III и начала II тысячелетия до н. э.) и вплоть до периода каганатов орхон-енисейских тюрков и кыргызов второй половины I тысячелетия н. э., на протяжении более трех тысяч лет, собранные в книге С. В. Киселева в исчерпывающем объеме, детально проанализированы и изложены в сопровождении многочисленных иллюстраций.

Весьма ценно в исследовании С. В. Киселева то, что свое изложение культурной истории народов Саяно-Алтая, основанное на местном археологическом материале, он ведет не в отрыве от истории народов других, соседних и более отдаленных областей, но, напротив, строит это изложение на чрезвычайно широком историческом фоне. Он старается проследить (и удачно) те многовековые, сложные, но крепкие связи, которые с отдаленных времен соединяли население Южной Сибири, с одной стороны, с народами Казахстана и Средней Азии, степей Причерноморья, а с другой стороны, — со странами Центральной Азии и Китая, частью и Ирана. Отвергая вульгарно-миграционистские построения, автор в то же время не впадает в противоположную крайность, не пытается изобразить культурное развитие народов Южной Сибири как чисто местный процесс, как изолированную жизнь аборигенного населения, лишенного всяких связей с окружающим миром.

В этом отношении представляют большой интерес те экскурсы в область истории отдельных смежных областей, которые рассеяны в разных главах разбираемой книги. Еще более интересны те сводные карты, которые составлены автором путем синхронизации памятников древностей разных областей СССР и сопредельных стран. Карты «племен» и культур Афанасьевской эпохи (стр. 15), Андроновской эпохи (стр. 41), Карасукской эпохи (стр. 63), Тагарской эпохи (стр. 109) очень наглядно показывают место народов Южной Сибири в огромном историческом процессе развития народов Азии и Восточной Европы, от Кореи до Балканского полуострова.

Заслуживают большого внимания попытки автора, в частности, установить синхронность отдельных стадий развития культур Саяно-Алтая с этапами культурной истории Прибайкалья, наметченными А. П. Окладниковым: с исаковской, серозской, китойской, глазковской культурами (стр. II, 37—39, 86, 176 и др.). Эти попытки, несомненно, достаточно серьезный характер, важны для взаимного подкрепления хронологических расчетов по культурам Саяно-Алтая и Прибайкалья и отчасти для обоснования абсолютной хронологии байкальских культур, что в должной мере до сих пор не было сделано.

Проследив шаг за шагом историческое развитие народов Южной Сибири, автор старается дать каждому этапу этого развития возможно полную, всестороннюю характеристику. На основании материальных памятников, а для поздних эпох также и письменных, он рисует картину состояния производительных сил, хозяйства, техники, материальной культуры, а также общественного строя, религии, искусства в каждый определенный период. Здесь много, конечно, спорного, ибо общественные отношения, например, как известно, вообще с трудом определяются на основании археологического материала. Но во всяком случае автора нельзя упрекнуть здесь в чрезмерном схематизме, каким отличаются нередко подобные построения и от которого не свободны были более ранние работы самого С. В. Киселева, например, «Разложение рода и феодализм на Енисее» (1933). Историю социального развития народов Саяно-Алтайской области, как и историю их хозяйства, изобразительного искусства, автор пытается представить в максимально конкретных формах.

Об этом свидетельствует в частности то внимание, с каким С. В. Киселев относится к вопросам этнической истории изучаемой им области. В отличие от многих прежних работ и самого С. В. Киселева и ряда других археологов, где авторов почти не интересовали вопросы о том, кто именно, какие народы создавали те или иные культуры, каковы были между ними конкретные этнические отношения, в данной книге подобные вопросы ставятся автором систематически и последовательно. Для решения их С. В. Киселев использует и анализ культурного инвентаря, сравнение художественных стилей и более непосредственный источник — данные об антропологическом типе носителей той или иной из исследуемых им культур. Здесь он в широкой мере опирается на исследования, произведенные в последние годы над палеоантропологическим материалом советскими антропологами, в первую очередь Г. Ф. Дебецом. Этот богатый материал позволяет автору проследить историю формирования культур Саяно-Алтая на широком фоне межэтнических взаимосвязей, широких скрещений различных расовых типов, связывающих население этой области как с Казахстаном и более западными районами нашей страны, так и с Центральной Азией и Китаем.

Можно было бы показать на отдельных главах работы С. В. Киселева, как новую трактовку получают у него конкретные проблемы тех или иных этапов истории народов Южной Сибири. Но это заставило бы подробно излагать содержание книг и в данном случае едва ли в этом есть необходимость. Отметим только некоторые из наиболее интересных явлений, исследованных С. В. Киселевым.

Одно из них — это знаменитые погребальные маски, находящиеся в большом количестве в могильниках Таштыкского периода (около начала нашей эры). Они представляют собой явление в археологической науке совершенно исключительное и поставимое разе с древнеримскими портретными изображениями умерших (см. стр. 252—254). Подобно последним, таштыкские маски были чисто индивидуальными портретными слепками: среди известных свыше 300 экземпляров масок С. В. Киселев не нашел ни одной хотя бы пары одинаковых (стр. 250). Изучение их дает богатый материал и для определения антропологических типов населения Верхнего Енисейской эпохи (в более полной степени, чем это могут дать даже многочисленные и хорошо сохранившиеся черепа), и для суждения об уровне развития техники, изобразительного искусства, отчасти и о религиозных представлениях людей того времени их погребальной обрядности и т. д.

Укажем далее на отдельные, особенно ценные находки, сделанные автором время его экспедиций и проливающие свет на быт и культуру населения Саяно-Алтайских древних времен. В числе их выделяются, например, находки в курганах около с. Кайра, сделанные в 1935 г. и содержащие предметы с руническими надписями (стр. 302), — прежде памятники рунической письменности на Алтае известны не только, — аналогичные находки в курганах с. Туяхты 1937 г. (стр. 304), а особенно замечательный копенский клад, найденный в 1939 и в 1940 гг. («чаатас» у с. Копе Хакасской автономной области) с драгоценными золотыми сосудами, с изумительными произведениями туземного искусства (стр. 329—330, 337, 339—342, 350—356 и др).

Чрезвычайный интерес представляет также открытие в 1940 г. и детальное исследование в 1941, 1945, 1946 гг. остатков большого памятника китайской архитектуры около г. Абакана. Автор определяет этот памятник предположительно как дворец тайского генерала Ли-лина, плененного, как известно по летописи, в 99 г. до н. э. хуннами и поселившегося в земле енисейских киргизов (стр. 267—272). Такое сколько неожиданное подтверждение археологическими раскопками сведений древних китайских хроник само по себе очень важно для науки. А еще более интересно то, что данный памятник свидетельствует о глубоких историко-культурных связях населения Южной Сибири с народами великого Китая, о взаимных культурных влияниях. Дворец Ли-лина был построен по традициям китайского зодчества, но руками местных мастеров, которые сумели по-своему, творчески переработать классические тайские каноны (стр. 270—272).

Нечего и говорить о большой ценности разобранных автором памятников орхон-енисейского рунического письма, которыми освещается одна из интересных страниц культурной истории народов Сибири. Руническая письменность, господствовавшая во второй половине I тысячелетия н. э. на большой территории от Семиречья до бассейна Лены, далеко еще недостаточно изучена, и каждая новая надпись, пущенная в научный оборот, особенно из областей, входящих ныне в территорию СССР, представляет большой интерес. С. В. Киселев зарекомендовал себя как один из знатоков этой письменности, хотя вопросы ее расшифровки и перевода во многих случаях остаются до сих пор дискуссионными и отдельные конъектуры С. В. Киселева не раз вызывали критику со стороны других исследователей. Кстати, нельзя не упомянуть предлагаемую автором довольно убедительную гипотезу возникновения рунического орхон-енисейского письма, — проблема, как известно, тоже еще не получившая в науке окончательного разрешения. С точки зрения С. В. Киселева, письменность эта впервые сложилась в Семиречье в VI—VII вв. на основе арамейского алфавита, долго бытовавшего в Средней Азии и послужившего также основой хорезмского письма; у енисейских киргизов принятию этой письменности в ту же эпоху (VI—VII вв.) было обусловлено наличием глубоких предпосылок, опытами создания еще раньше собственного письма (стр. 344—345); у них она получила широкое распространение.

Разумеется, книга С. В. Киселева не лишена недостатков, что и неизбежно при работе такого большого охвата. Как на некоторый недостаток можно указать прежде всего на неравномерность охваченного в исследовании С. В. Киселева материала: в центре его стоит прекрасно изученный им материал по археологии Саяно-Алтайской области; другие культурные области Сибири затронуты гораздо менее полно. Можно лишь пожелать, чтобы в дальнейшей своей работе С. В. Киселев расширил поле исследования, в особенности в восточном направлении, в сторону Прибайкалья и Приамурья.

Можно отметить также спорность или неясность трактовки отдельных вопросов в разбираемой книге. Остановимся кратко только на одном из них: на толковании материала знаменитых Пазырыкских погребений в Восточном Алтае. Эти погребения были раскопаны, как известно, не С. В. Киселевым, а другими исследователями (С. И. Руденко, М. П. Грязнов), но он вполне законно уделяет им в своем сводном труде большое место.

Описывая очень подробно вещественный инвентарь 1-го Пазырыкского кургана (раскопанные в 1947—1948 гг. 2-й, 3-й и 4-й курган упоминаются автором лишь в

примечании, стр. 214), С. В. Киселев несколько вскользь касается некоторых общих вопросов, связанных с толкованием этого замечательного погребения, и они остаются у него неясными. Так, не поставлен один из элементарных вопросов: что представляло собой то племенное (или этническое) объединение, главы которого погребались на Улаганском нагорье, где расположено урочище Пазырык? Какую территорию оно занимало, какие типы хозяйственно-культурных образований в себя включало? А вопрос этот сам собой возникает, если вдуматься в своеобразный контраст: скудные степи Улагана с его суровым высокогорным климатом, где и сейчас еще невозможно земледелие и есть только пастбища для овец; и богатая, пышная культура народа, хоронившего там своих знатных покойников. Вполне естественно предположение, что долина р. Улагана была лишь своего рода некрополем для какого-то народа или племенного союза, занимавшего своими кочевьями и поселениями гораздо более обширную территорию с более богатыми природными условиями.

Есть много оснований полагать, что князья или ханы, которые были похоронены в пазырыкских курганах, властвовали над разноплеменным населением, состоявшим не из одних кочевников-кочеводов (так называет их автор, стр. 201). Едва ли можно согласиться с С. В. Киселевым, что то «отборное зерно», которым откармливали убитых при погребении коней, получалось кочевниками «у соседних племен» (там же), — хотя это мнение разделяет и М. П. Грязнов¹. История и этнография знают много фактов получения скотоводами хлебных продуктов путем обмена с соседними земледельцами, но получаемое таким путем зерно идет не на откорм скота. Не проще ли предположить, что владельцы убитых коней сами обитали в местностях, хорошо знакомых с земледелием, а таких мест на том же Алтае много.

С. В. Киселев отмечает, что 10 коней, убитых при погребении знатного человека, покоившегося в Пазырыкском кургане, не могли быть им «приобретены» сразу, ибо они имеют на ушах разные метки и, следовательно, принадлежали разным владельцам. Это справедливо, но он не делает из этого факта наиболее естественного вывода, который делает, например, М. П. Грязнов: что эти кони, у которых, кстати, не только метки на ушах, но и седла и детали сбруи, — все различно, были подношениями покойному со стороны зависимых от него родовых или племенных вождей². Такое толкование нам представлялось бы более правдоподобным.

Но если это так, то открывается возможность нового объяснения и знаменитой оленьей маски на голове одного из коней. Принято считать, что маски — ритуальный пережиток прежнего употребления оленя в качестве верхового животного; в Пазырыкскую эпоху олень уже сменила лошадь, но в погребальном обряде люди хотели воскресить древний обычай. Так смотрит на этот вопрос и С. В. Киселев (стр. 207). Это толкование в целом допустимо. Но оно оставляет необъясненным два факта: во-первых, почему лишь одна лошадь из десяти оказалась замаскированной под оленя (маска на голове второй лошади, изображающая двух фантастических зверей, может толковаться различно). Во-вторых, как могли люди разводить оленей в горно-степной полосе, когда олень требует совсем иных пастбищ? На это последнее затруднение указывал, в частности, и упомянутый М. П. Грязнов (в своей докторской диссертации 1945 г.), но он оставил его без разрешения. Обе трудности, однако, легко разъясняются, если предположить, что в числе племен, подвластных похороненному в Пазырыке князю, было и племя таскных оленеводов-охотников, вроде теперешних тоджинских тувинцев или саянских карагасов (такие зависимые племена охотников и оленеводов позже назывались «кыштымами»), и что оно и почтило своего умершего сюзерена символическим даром, изображавшим его наиболее ценное достояние — оленя.

Подобные вопросы, конечно, спорны. Но приходится пожалеть, что С. В. Киселев мало уделил им внимания.

Некоторые недостатки книги составляют дефекты скорее ее внешнего оформления, чем самой работы автора. Хотелось бы, например, видеть в книге больше репродукций образов орхоно-енисейского письма. Памятники его занимают видное место в самом изложении автора, но читатель найдет в книге лишь немного наглядных образов даже тех рунических текстов, которые в свое время публиковались и исследовались самим автором. Несомненный недостаток книги — также отсутствие в ней указателей, которые в подобного рода фундаментальных трудах представляются особенно важными.

Все эти мало существенные недочеты не изменяют, конечно, общего, чрезвычайно положительного впечатления от книги С. В. Киселева. Ее основная, принципиальная ценность заключается в том, что автор ее сумел показать на конкретном и убедительном материале, во-первых, какой огромный путь труда и творчества прошли в своем историческом развитии древние народы — предки современного населения советской Сибири, заложившие основы создания крупных исторических государств; во-вторых, — что особенно важно, — автор хорошо показал ту глубокую культурно-историческую общность, которая с отдаленного прошлого связывала между собой народы отдаленных частей нашей великой Родины. Культурные связи народов Сибири с народами Средней Азии и Европейской части нашей страны завязывались еще в эпоху

¹ См. М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950, стр. 52.

² Там же, стр. 69—70

ранней бронзы, они укрепились в эпоху железа, а в «скифское» и «гуннское» время превратились в ясно ощущаемое, прочное единство культурной жизни. И, говоря словами автора, «население Южной Сибири выступает... активным строителем этого единства» (стр. 362).

С. Токров

История Якутии, т. I. Доктор исторических наук А. Н. Окладников, *Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству*. Под редакцией члена-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. Академия Наук СССР, Институт языка, литературы, истории и искусства Якутской научно-исследовательской базы и Институт истории Якутск, 1949.

Новая работа А. П. Окладникова представляет собой первую часть многотомного издания, посвященного истории Якутии, и охватывает весь период древней истории этого края, вплоть до образования на Лене якутского народа. Труд заключается в себе семь разделов, из которых первый — «Начало жизни человека в Якутии» — касается проблемы первичного заселения человеком бассейна Лены и существования палеолита на этой территории. Второй раздел — «Материнский род на территории Якутии в эпоху расцвета» — посвящен ленскому неолиту, и раздел третий — «Приленские племена в эпоху отцовского рода» — периоду бронзы. Четвертым разделом — «Распространение железа на средней Лене» — заканчивается часть книги, построенная в основном на археологическом материале. Последние три раздела — «Происхождение якутского народа», «Ранняя история якутской народности» и «Якуты на средней Лене перед приходом русских» — основаны главным образом на данных этнографии, языка и фольклора.

Труд А. П. Окладникова представляет собой значительный вклад в советскую историческую науку, поскольку он открывает перед читателем процессы культурно-исторического развития на территории, еще до недавнего времени совершенно неизученной. Применительно к данной работе можно с полным основанием говорить о смелом дерзании автора, ибо, помимо громадной эрудиции и силы творческой мысли, нужна была определенная решимость, чтобы взяться за столь трудную и ответственную задачу. И необходимо признать, что задача не только решена, но и решена хорошо. Надо при этом учесть, что само решение проблемы стало возможным лишь в результате многолетних исследований А. П. Окладникова, в полевых условиях по крохам собранного тот огромный археологический материал, который лег в основу всей работы.

«История Якутии» рассчитана на массового читателя. Это совершенно правильное условие (принимая во внимание возросшие потребности масс якутского народа в естественное желание знать свое прошлое) предъявляет в то же время еще большие требования к автору. Изложить трудный материал и описать сложные явления исторических процессов простым и ясным языком — дело очень нелегкое. Еще труднее, пожалуй, удержаться на должной грани гипотетичности. Изложение спорных точек зрения, вполне уместное в специальном исследовании, едва ли желательно в массовом издании, тем более без приведения соображений, служащих за и против того или иного положения. При недостаточной изученности явлений и в то же время при необходимости соблюдения целостности и ясности изложения автор оказывается в особенно трудных условиях и должен проявить при этом максимум умения и вынуждения. В известной степени А. П. Окладников справился и с этими трудностями.

Но, конечно, совершенно естественно, что при создании такой обширной работы, а тем более по очень мало разработанной теме почти невозможно избежать некоторых ошибок. Не избежал их и А. П. Окладников. Позволю себе остановиться здесь на тех местах, которые представляются мне наиболее спорными.

Во второй главе первого раздела автор, отмечая «поразительное сходство палеолитических художественных изделий Сибири с восточноевропейскими и западноевропейскими образцами искусства...», приходит к выводу, что «при отсутствии в Сибири памятников более древних, чем поселения конца солютрейской и начала мадленской стадии верхнего палеолита, это сходство может свидетельствовать о том, что первоначальное заселение Сибири шло с запада на восток, из областей классической мадлен уже сложившейся культуры арктических охотников запада, где она выросла из предшествовавшего ей «среднего» палеолита, т. е. мустьерской культуры. Перейдя за Уральский «Каменный Пояс», древние охотничьи племена Восточной Европы, принадлежавшие к представителям европейского физического типа в древнейшей палеолитической форме...», затем продвинулись вплоть до Байкала» (стр. 40—41).

Положение А. П. Окладникова о первичном заселении Восточной Сибири с Запада людьми европеоидного облика встречает, однако, целый ряд возражений. Полный критический разбор этой точки зрения вышел бы за рамки общей рецензии; он требует специальной статьи с более обстоятельной аргументацией, чем та, которую можно дать в рамках общей рецензии, почему я и ограничусь лишь перечислением некоторых из этих возражений.

Не установлен самый факт европеоидности первичного населения Сибири, поскольку наиболее ранние из известных костные остатки человека в Сибири (Афон

ства гора) имеют явно монголоидный облик. Сходство материальной культуры ч. искусства в палеолите Сибири и Европы едва ли может быть признано убедительным, поскольку, с одной стороны, это сходство не так уже полно, а с другой, — не следует забывать роли конвергентности, которая на этих ранних этапах развития человеческого общества, видимо, имеет очень существенное значение. Так, по мнению Г. Ф. Дебеца, «никаких специфических отличий мустьерской культуры на территории СССР по сравнению с Западной Европой пока установить не удалось. На этом уровне развития техники обработки кремня вообще, повидимому, не дает существенных различий в разных областях»¹. Сомнительность концепции автора еще ярче выступает в свете палеогеографических данных, если учесть длительную разобщенность европейской части материка от Урала и Сибири. В эпоху максимального оледенения «донской язык материкового льда почти соединялся с казарской трансгрессией Каспия»². Наличие длительной географической изоляции, относящейся к эпохе верхнего палеолита, признает и С. П. Толстов, указывая на нее в связи с разработкой проблемы возникновения двух первичных языковых групп³.

Учитывая эту существующую неясность в вопросе, автор должен был бы воздержаться от столь категоричной формы высказывания и дать более прочное обоснование своей гипотезе.

Раздел «Материнский род на территории Якутии» содержит в себе исключительно богатый, интересный и в значительной части совершенно новый материал по неолиту Лены. Пожалуй, это одна из лучших частей книги. Несколько ослабляется впечатление от нее лишь тем, что автор, неожиданно впав в излишнюю осторожность, почти полностью устраняется от датировок. Они даются лишь в случайной форме, да и то не всегда согласованно. Так, на стр. 70 он указывает на существование скотоводства у «неолитических племен Якутии по крайней мере 3—4 тысячи лет тому назад» (т. е. во II тысячелетии до н. э.); на стр. 117 пишет о связях неолитических племен Якутии с народами Северной Америки «за две-три тысячи лет до присоединения Сибири к Русскому государству» (т. е. в пределах приблизительно XIII—III вв. до н. э.), а на стр. 122 указывает на неолит в пределах III—II тысячелетий до н. э. Желательно было бы видеть более ясную и обстоятельную хронологическую схему ленского неолита, тем более, что автор, по всей вероятности, располагает в этом направлении достаточными возможностями.

Попутно я должен высказать свое несогласие с мнением А. П. Окладникова, высказанным им на стр. 64, заключающимся в том, что «изобретение лука и стрел повлияло на развитие других видов охотничьих приспособлений, в первую очередь разнообразных ловушек и «охотничьих хитростей», особенно же охотничьих изгородей. Эти изгороди возникли как вспомогательные средства при массовых облавах». Думается, что лук — это уже очень сложное техническое приспособление — возник значительно позже, чем ловчие изгороди, которые непосредственно выросли из методов облавной охоты, или чем некоторые ловушки, в частности такие, где применяется в качестве пружины согнутое деревцо, что, может быть, и привело человека к самой идее лука.

Эпоха бронзы именуется в работе «Приленские племена в эпоху отцовского рода». В этом, как и в заголовке предыдущего раздела — «Материнский род на территории Якутии в эпоху его расцвета», сказался несколько схематический подход автора в постановке вопросов развития общественных отношений. Беря совершенно априорное положение о том, что где-то на границе от неолита к бронзе происходит смена матриархата отцовским родом, А. П. Окладников не находит нужным ни чем-либо обосновать это, к слову сказать, весьма спорное мнение, ни вскрыть и показать на конкретном материале те процессы, которые и привели к смене общественных форм. А это тем более необходимо, поскольку в условиях хозяйства, основанного главным образом на охоте и рыболовстве, такая смена протекает, видимо, иначе, чем в среде скотоводческой, а в общественных устройствах народов Севера и до недавнего времени наблюдались достаточно заметные пережитки материнского строя. Возможно, конечно, что автор не располагал теми необходимыми данными, которые позволили бы ему построить достаточно ясную картину общественных отношений в столь отдаленные периоды, — эти данные весьма трудно бывает получить из археологического материала, а если он недостаточно полон, то и просто невозможно, — но в таком случае почему так и не сказать? В массовом издании подобный схематизм ведет к дезориентации читателя.

К числу недостатков в изложении эпохи бронзы следует отнести и нечеткость автора в отношении датировок, которых он избегает так же, как и в предыдущем разделе. При этом А. П. Окладников отступает от наиболее распространенного в со-

¹ Г. Ф. Деб е ц, Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 35.

² О. Н. Бад е р, Каменный век на Урале. Доклады научных конференций Молотовского гос. ун-та, вып. 1—4, Молотов, 1948, стр. 12; е го же, Первичное заселение Урала и Волго-Камья человеком, Ученые записки Молотовского гос. ун-та, т. 5, вып. 2, Молотов, 1947, стр. 133.

³ С. П. Тол ст о в, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Краткие сообщения» Института этнографии 1, М., 1946, стр. 9.

ветской исследовательской литературе понимания термина «эпоха бронзы», распространяя эту эпоху и на раннее железо, вплоть до сарматского времени (стр. 153 и др.), что при отсутствии хронологии создает неправильное представление читателя и затрудняет уяснение соотношения в темпах развития культуры племен Ленского края, с одной стороны, и более передового Юга, с другой.

Нечеткость терминологии, а в некоторых случаях и самого изложения приводит к тому, что создается впечатление, что автор противоречит самому себе. Так, в стр. 148, характеризуя культуру эпохи бронзы в Якутии, он определяет ее как «оригинальную», имевшую «много самобытного, выделяющего ее из числа остальных культур бронзового века Сибири». «Особенно же резко, — пишет далее автор, — бронзовая культура (!? — В. Ч.) Якутии, вместе с близко родственной ей ангарской и собственно-прибайкальской лесной бронзовой культурой, противостоит степным культурам, в том числе минусинской... «Несколькими страницами ранее, описывая найденные в Якутии предметы из бронзы, А. П. Окладников говорит в отношении вилюйского меча, что «он является единственным в своем роде образцом литейного искусства сибирских мастеров бронзового века. Более того, равных ему нет не только в Сибири, но и во всей лесной полосе Советского Союза». В аналогичных тонах описывается тукуланский меч и другие орудия: «Не удовлетворяясь обычными типами и привычными формами бронзовых орудий, мастер, сделавший эту вещь, проявил удивительные способности литейщика-комбинатора. Он изобрел и мастерски отчеканил совершенно необычайное по типу изделие... Наиболее отчетливо также своеобразные признаки обнаруживаются в крупных кельтах...» (стр. 137—139). Но уже на 166 стр. к нашему удивлению, находим утверждения совершенно иного рода: «...следует отметить значительное сходство и других предметов местного производства из меди и бронзы с изделиями из степных районов, относящихся к весьма раннему времени, — «средней бронзе» Минусинского края. «Знаменитый бронзовый меч с Вилюя по всем своим признакам входит в обширную группу ножей и в особенности близких к нему по форме кинжалов именно этого, карасукского типа. Общими для них чертами с вилюйским мечом являются следующие специфические признаки (далее идет перечисление этих признаков, — В. Ч.)... В Шадринском округе Приуралья (здесь ошибка: «Шадринск не в Приуралье, а в Зауралье. — В. Ч.) в 1939 г. был найден замечательный меч, очень сходный с вилюйским и являющийся как бы его двойником» (стр. 166). «Хранившиеся в фондах Якутского музея наконецники копий также сближаются с наконецниками копий бронзового века из степных районов Сибири... По орнаменту они могут быть сопоставлены также с карасукскими изделиями Сибири» (стр. 167). «...оригинальные крупные кельты таежных районов Восточной Сибири являются видоизменением древних китайских образцов инской эпохи... «...Даже и самое необычайное по его форме изделие бронзового века Якутии — укуланский меч ... дает право вспомнить еще одну группу изделий, характерных для архайской бронзы Китая ... эти кинжалы являются прототипом укуланского. Особенно показательны некоторые детали укуланского изделия, прямо связывающие его с древнекитайскими кинжалами... В инских кинжалах листовидный клинок закреплен в специальном углублении рукояти — втулке, что вполне естественно при сочетании более хрупкого камня с вязким и прочным металлом. Здесь же рукоять и клинок ... тоже соединены посредством специально сделанного в рукояти отверстия — втулки, которая ... не имеет никакой технической целесообразности» (стр. 170).

Указанная выше распыленность в определении эпохи бронзы и ее хронологических рамок не замедлила сказаться в следующем разделе, посвященном распространению железа на Лене.

Мы видели, что А. П. Окладников к искусству «бронзового века» относит как наскальные изображения досей с условной передачей в этих изображениях ребер и других деталей анатомического строения (стр. 152), которые он синхронизирует с поделками «ажурного литья», относящимися (по Окладникову) к II в. до н. э. — II в. н. э. (стр. 154), так и группу антропоморфных личин (стр. 159), датированных им временем также «около начала н. э.»⁴ Но уже на стр. 180—184 обнаруживаем описание белоусовского погребения (близ Качуга), датированного II в. до н. э., в котором обнаружен железный кинжал, и железного меча из района Киренска, являющегося «изделием скифов Южной России, доставленным оттуда на Лену, или, в крайнем случае, точной копией одного из южнорусских скифских мечей V—IV веков до н. э.» (стр. 184). Перед нами явное противоречие. С одной стороны, автор определяет, как мы только что видели, верхнюю хронологическую рамку «бронзового века» рубежом, а то и началом нашей эры, а с другой, — указывает на наличие таких вещей, как железный меч уже в середине I тысячелетия до н. э. причем белоусовское погребение характеризует как относящееся «уже к моменту полного господства железа в технике местного населения».

Повидимому, автору придется в дальнейшем пересмотреть вопрос о времени смены эпохи бронзы железом в сторону значительного углубления даты последнего. Это приблизит хронологию исторического развития Ленского края к известной нам по более южным и западным областям, что будет только естественно; да и как мож...

⁴ А. П. Окладников, Древние шаманские изображения из Восточной Сибири «Советская археология», X, Л., 1948, стр. 219.

говорить о «бронзовом веке» при наличии хотя бы даже завозного железа, значение которого не могло не отражаться в производственной деятельности местного населения?

Последние разделы посвящены собственно этногенезу якутов, и естественно поэтому строятся главным образом на данных этнографических, языковых и фольклорных. Автором привлечен очень большой материал, но, пожалуй, местами он несколько сыроват, в особенности в части фольклора, что немало затрудняет уяснение читателем основных исторических процессов. Если в специальном исследовании на этот недостаток можно было бы и не обратить внимания, то в работе, рассчитанной на массового читателя, он приобретает гораздо большее значение. Следует отметить также и указанную уже редакцией в примечании на стр. 271 некоторую нескритичность в восприятии фольклора и особенно эпоса. Автор склонен его несколько архаизировать, недоучитывая влияние позднейших общественных отношений и творческую роль сказителей олонхосутсов. Трудно согласиться и с анализом образа героя олонхо, даваемым на страницах 282—283, 294. Характерной чертой для такого героя является то, что «он — лучший среди людей, первый среди якутов-ураанхайцев. Но, вместе с тем, это одинский человек, у которого нет даже родителей, и неизвестно, откуда он появился» (стр. 282). Исток этого образа автор склонен искать в представлениях родового общества. «Сначала возникает исходный сюжет о невинно гонимом зверообразном предке рода, «тотеме», страдающем божестве-звере. В наиболее первобытной форме он представлен у палеоазиатских племен северо-восточной Сибири, но следы его легко обнаружить и в фольклоре алтайцев и западных бурят» (стр. 294).

Раннеродовой характер этого образа весьма сомнителен, и ссылка на палеоазиатский фольклор едва ли может помочь автору. Последний упускает из виду, что В. Г. Богораз, которого он имеет в виду⁵, в своей работе исходил из совершенно ошибочной предпосылки о чуть ли не родовом характере чукотского общества. Раннеродовое общество не знает героя, появляющегося «неизвестно откуда». Зато для более поздней поры он может быть признан довольно типичным. Такой порой является эпоха зарождения классового общества, эпоха военной демократии — период энергичного разрушения старых родо-племенных организаций и возникновения на их базе новых территориальных делений, ассимилирующих «родовые формы...», поскольку продолжает еще существовать экономическая база родового общества, родовая собственность, наряду с растущей в недрах ее частной собственностью... Первичные племена распались и заменились конфедерациями осколков отдельных племен, сохранившими, однако, внешнюю форму племени»⁶. Этой эпохе соответствует и новый образ героя. При пестроте состава вновь возникавших социальных объединений, взрывавших ставшие тесными рамки архаического, еще полуматриархального рода и племени, этот герой, естественно, оказывался вне старой тотемно-генеалогической структуры. Он в самом деле был человеком «без рода и племени», этот примитивный воин, один из основателей нового социального строя. Но долго его «безродность» не могла удовлетворять ни певцов, ни слушателей, ни, тем более, пышных варварских вождей, видевших в этих героях свое собственное отображение. И предки появились, причем не какие-нибудь зверины — вроде зайца, тетери или рыбы, а небесные, божественные: «В грозе и буре широко распахнулось небо и прибыли на трех молочных конях три юноши с белыми жезлами в руках — «божии стремляные». Мы прибыли, объявляют они, «доверенными вестниками», «нарочными послами». Белый Господь твой дед и его жена... ясная чтимая Владычица, бабка твоя...» (стр. 282).

Предлагаемая трактовка образа героя эпического сказания, равно как и развитой язык олонхо, думается, более соответствовать и той характеристике общественного строя южных предков якутов — курыканов, какую им дает А. П. Окладников: «развитое кузнечное дело, хорошо выраженная и более богатая, чем позже, скотоводческая экономика, знакомство с хлебом и земледельческой техникой, письменность фонетического типа и соответственный социально-политический строй, уже разделенный на классы, с властной аристократией» (стр. 325—326).

Для издания, рассчитанного на массового читателя, большое значение имеет язык, каким написана книга, и ее оформление. В этом отношении данная книга также не лишена некоторых недостатков. Автора следует упрекнуть в многословии, сложности оборотов и нередко встречающихся, особенно в конце книги, повторениях. Все это привело не только к значительному увеличению текста, но и к уменьшению четкости и ясности изложения. В большинстве случаев все эти недостатки являются результатом некоторой поспешности и недоработки текста в литературном отношении. Примером могут послужить первые абзацы главы «Открытие бронзы» или второй абзац на стр. 120, начинающийся словами: «Древнейшие каменные наконечники стрел, из неолитических поселений и погребений Якутии, которые не нашли бы себе места в инвентаре байкальского или амурского неолита, обнаруживают... и др. Иной раз даже многократное перечитывание текста не дает возможности понять мысль автора. Так, например, на стр. 139 читаем: «В то время, как втулка стальных наконечников

⁵ В. Г. Богораз, Миф об умирающем и воскресающем звере, «Художественный фольклор», вып. 1. М., 1926, стр. 67—68.

⁶ С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

обычно не отличается своей относительной длиной, короткая втулка наконечника происходящих из Якутии в полтора-два раза длиннее пера». Литературная недоработанность сквозит и в частом применении очень неудачного выражения «только лишь». Во всех случаях без исключения можно ограничиться одним из этих двух, по существу говоря, синонимических слов. Как на пример загромождения предложения ненужными словами укажу на фразу: «... скопление одной лишь только как бы специально отобранной рыбьей чешуи» (стр. 76). В результате некоторой небрежности нашл себе место и отдельные мелкие, но очень досадные погрешности. Так, на стр. 137 имеется название поселка «Тукулаан», по которому найденный там меч именуется «тукуланский меч». Но уже в табл. 21 (стр. 161) читаем: «местн. Укулаан», а на стр. 170—171 этот меч пять раз назван «укуланским»! Какое же из этих трех наименований правильно и как же следует назвать этот меч, если на него потребуются сослаться? На стр. 82 автор, говоря об изображениях на Шишкинской скале, пишет, что они «...могут служить наглядным подтверждением высказанной И. Т. Савенковым смелой догадки о том, что «должно быть» какое-то «преемство» в искусстве сибирской палеолитической культуры от предшествующей неолитической». Здесь ошибка, совершенно очевидная, а потому и не существенная для специалиста, может оказаться источником недоразумений для читателя не археолога.

Надо, однако, сказать, что если автор и повинен в возникновении этих погрешностей и литературных недочетов, то основная вина в появлении их в печати лежит на редакции. К редакционно-издательским недочетам следует отнести неважный (особенно если учесть характер издания) подбор и плохое размещение иллюстраций. По каким-то неясным причинам таблицы на десятки страниц оторваны от текста (например, таблицы 26, 27 помещаются после стр. 224, а текст к ним на стр. 169), причем ни в тексте, ни на таблицах нет необходимых в таком случае ссылок, что очень затрудняет пользование книгой. Поражает также оформление издания. Неважная бумага, скверная брошюровка, неважный переплет в грязносером коленкоре (лишь некоторое число экземпляров выпущено в хороших тисненых золотом красных переплетах) — все это никак не гармонирует с характером издания и ценностью самой работы.

Заканчивая рецензию, должен сказать, что мне не хотелось бы, чтобы у кого-либо из читателей могло сложиться на ее основании хоть сколько-нибудь превратное представление о книге. Не следует забывать, что задача рецензента заключается в том, чтобы критически отнестись к разбираемой работе, а также и в том, что здесь на нескольких страницах, собраны замечания по книге объемом свыше четырехсот страниц и посвященной к тому же одному из наименее разработанных вопросов древней истории СССР. При этом почти во всех случаях автору приходилось идти «целиной», осваивая неизвестные до того исторической науке территории. Ценность работы А. Окладникова значительно повышается еще и тем, что, помимо вопросов, непосредственно связанных с древней историей Якутии, он затрагивает вопросы и более общего порядка. В этом отношении особенно хочется отметить главу «Искусство, верования и мировоззрение неолитических племен». Используя в качестве основного материала наскальные изображения, автор с большим мастерством вскрывает их содержание, умело используя для этого обильный этнографический материал. Интерпретацию наскальных изображений, данную А. Окладниковым, можно считать, пожалуй, наиболее убедительной из всего того, что было написано по этому вопросу до настоящего времени. В частности, особенно хорошо удалось автору понять и показать сложность воззрений первобытного человека.

Не меньшего внимания заслуживают выводы автора, касающиеся древних связей, тянувшихся от Приленского края на восток и на запад. Хотя вопрос этот уже и не нов, однако до сих пор высказывания носили довольно отрывочный характер. А. П. Окладников уже на достаточно обширном материале удалось вполне убедительно показать, что в эпоху неолита имело место «проникновение в Карелию и Северную Европу представителей сибирских племен». Начало этого процесса автор не без основания относит к эпохе верхнего палеолита, а дальнейшее развитие прослеживает и в продолжение всей эпохи бронзы и раннего железа. При этом несомненно правильно высказанное им мнение о том, что прекращение этих многовековых связей между северными племенами Якутии и обитателями Европейского Севера следует сопоставлять с появлением в низовьях Енисея, а затем и в тундрах Обь-Енисейского междуречья ненцев-оленьеводов. Археологический материал, известный нам с низовья Оби, Таза и полуострова Ямала, прекрасно подтверждает это положение. Следует лишь добавить, что причина этого разрыва лежит не столько в воистинности самодских племен, сколько в распространении оленеводства, коренным образом изменившего хозяйственную базу и образ жизни аборигенного населения и тем самым способствовавшего ассимиляции его ненцами, — процесс, закончившийся в наиболее глухих местах Севера (побережье пролива Малыгина) не ранее середины II тысячелетия н. э. Но именно недавность этого процесса и определила наличие в языке, этнографии и фольклоре ненцев ряда черт, с несомненностью свидетельствующих о палеосибирском (юкагирском?) характере этих древних аборигенов.

Картина древних связей приленского края с Западом и Востоком, раскрываемая А. П. Окладниковым, помимо чисто научной ценности, имеет и несравненно более широкий интерес. С полной четкостью выступает та крупная роль, которую сыграли

древние племена Северо-востока Азии в мировой истории — заселения Америки, формирования населения северной Прибалтики, чем в корне подрываются реакционные построения о якобы ведущей роли в развитии мировой культуры некоей «избранной» «нордической» расы.

Наконец, подходя уже к заключительной части книги — к вопросу о формировании якутской народности, следует опять-таки отметить, что и здесь А. П. Окладников внес много нового и ценного. В результате свойственной ему широты и глубины охвата материала автору удалось в противовес некоторым националистическим тенденциям показать сложность и комплексность процесса этого формирования. А. П. Окладников вполне убедительно доказал, что южные предки являются лишь частью — хотя и весьма существенной — целого ряда этнических компонентов, обусловивших сложение якутов. На основе многочисленных, хорошо подобранных данных вполне ясно выступает роль тунгусских народностей, равно как и древнего «палеосибирского» населения, наиболее прямыми потомками которого на территории Якутии являлись юкагиры, в формировании материальной культуры, мировоззрения, фольклора и языка якутов.

В заключение с полным удовлетворением можно повторить, что А. П. Окладникову блестяще удалось разрешить стоявшую перед ним большую задачу. В этом достижении цели сказалась глубокая методологическая подготовка. Лишь привлечение комплексного материала, всестороннее отражающего деятельность человека, с тщательным анализом языковых данных, позволило столь живо и правдиво восстановить историю развития племен древней Якутии, со всеми подъемами и упадками и неизменным ростом в конечном итоге.

Первый том «Истории Якутии» — это новое доказательство силы и превосходства марксистской методологии, без которой подобная попытка была бы заранее обречена на неуспех.

В. Н. Чернецов

Карельский фольклор. Новые записи. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Виктора Евсеева. Под редакцией проф. В. Я. Проппа. Институт истории языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии Наук СССР. Государственное издательство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949, 220 стр.

Сборник «Карельский фольклор», знакомящий с избранными произведениями поэтического искусства народов, населяющих Карело-Финскую ССР, свидетельствует о давних, исторически сложившихся связях карело-финского и русского народов. Опубликованные в сборнике материалы дают возможность проследить, как росла и крепла тесная дружеская связь между этими народами в прошлом и настоящем. Опубликованные тексты народного творчества являются ярким доказательством того, что общность русской и карельской культуры складывалась в общем ходе исторического развития народов русского государства. Эта общность подтверждается как старыми историческими песнями, так и современным советским фольклором, новыми песнями и сказками, созданными на основе русской поэтической традиции.

Задача рецензируемой книги, как говорит предисловие — ознакомить читателя с важнейшими видами устного творчества карело-финского народа и прежде всего с современными фольклорными произведениями (см. стр. 3—4). Однако составитель не сумел соблюсти нужной пропорции и не показал преобладающего значения советского фольклора. Из 220 страниц сборника советский фольклор занимает всего 40 страниц! Он плохо выделен и конструктивно; составитель его начинает с советских сказок, почему-то имеющих общую нумерацию со сказками традиционными, что стирает в восприятии материала грань между дореволюционным и советским фольклором.

Общее расположение произведений народного творчества в сборнике не подчинено основной задаче — показать советский фольклор карело-финского народа. Традиционный фольклор дан по жанрам. Советский фольклор такого разделения не имеет, так что у читателя, не знакомого с богатствами советского фольклора народов К.-Ф. ССР, может создаться впечатление о его бедности и маложанровости.

Непонятно, почему из сборника исключены пословицы и поговорки. В них с наибольшей отчетливостью проявляется изменение в идеологии трудового народа, в его отношении к окружающему миру. Этот ценнейший материал следовало бы широко представить. Сборник не дает ответа и на вопрос о популярности частушек в современном карело-финском фольклоре.

Составителем отобраны хорошие образцы карело-финского фольклора как с идейной, так и с художественной стороны. Интересна, например, 2-я руна «Кузнец и смерть», имеющая общие черты с русской народной сказкой «Солдат и смерть». На примере этой руны наглядно можно убедиться как в идейной общности карело-финского и русского народного творчества, так и в глубоком национальном своеобразии искусства каждого народа. Прекрасна свадебная песня (№ 25) «Зять приехал», а также советская сказка «Думы о новой пятилетке» (№ 72), в которой органически сплелась богатая сказочная фантастика с отображением реальной советской действительности. Большой интерес представляет «Сказ о сыне-добровольце» (№ 73), раскрывающий отношение народа к Советской Армии. Хорош современный карело-финский

сказ «О новой жизни» (№ 88), в котором четко прослеживается глубокая идейная перекличка с колхозным фольклором других народов Советского Союза, в частности с широко известной «Казачьей думой о Сталине» («Собирались казаченьки»). В смысле отбора материала вызывает сомнение лишь № 31, в котором дается буколический образ «бедняжечки-пастушки» и «доброй хозяйки» с богатыми амбарами, в которой пастушка имеет возможность есть досыта и свинину и масло. Составитель должен был бы или разъяснить эту песню, или вовсе отказаться от ее опубликования.

Высокое качество и хороший отбор опубликованного материала дают возможность поставить, а иногда и частично разрешить ряд важных научно-исследовательских проблем. Основной из них является вопрос о значении для карело-финского фольклора устного творчества русского народа. В сборнике есть произведения, записанные от известного русского сказочника Коргуева, а также руны и сказки сказителей, исполняющих русские былины и сказки на карельском языке (Анастасия Воронова, Анна Лебедева). Влияние русской фольклорной поэтики можно проследить в карельских плачах (стр. 50) и в сказках (стр. 126).

Очень интересный материал дает сборник для изучения роста культуры колхозной деревни и колхозных сказителей. Карелия перестала быть краем «нехоженых троп и непуганых птиц», — она стала равноправной союзной республикой с высокой культурой быта и производства, но это не только не уничтожило народного творчества, а, наоборот, еще больше обогатило его новыми идеями, новыми образами.

Вопрос о художественном переводе национального фольклора на русский язык очень сложен. Перевод должен быть точным, образным и художественным, верно передавать ритм и тон подлинника, не искажать язык оригинала, находить в русском языке адекватную форму выражения. Следует сказать, что в целом язык сборника этим требованиям удовлетворяет. Особенно наглядно это можно проследить, сравнив переводы из рецензируемого сборника с опубликованными ранее, — см., например, сказ «Памяти Ленина» (№ 75), опубликованный ранее в газ. «Комсомольская правда» и переведенный там ритмом стихов «Витязя в тигровой шкуре», ритмом, совершенно чуждым карельской народной традиции. Перевод В. Евсеева точнее и образнее, ближе к карельской ритмике. Хорошо переведены и сказки, они читаются легко и с интересом.

Несмотря на хороший в целом язык перевода и большую работу переводчика над повышением качества его (В. Евсеев, переиздавая свои ранее публиковавшиеся переводы, исправил их и заново отредактировал), в сборнике встречаются отдельные неудачные формулировки, невыразительные эпитеты, перебои ритма стиха (это для карельской народной традиции мало характерно) и т. д. Приведем некоторые примеры: «Ночь ходить чтоб одинокой» (стр. 43). «Лишь тогда ломись ты ветром, в ригах когда хозяин» (стр. 46); «Уходите-ка, герои, те на двор, что подлиннее» (стр. 52); «Как и в прочих своих лучших действиях» (стр. 175); «Скрип березовых полозьев, писк березовых заверток» (стр. 55); «от этого скрипенья» (стр. 80). и др.

Встречаются в сборнике и такие случаи, когда переводчик стремился к точности и буквальности перевода, забывая о том, что в русском языке подобные словосочетания нехарактерны и редко употребительны. Для массового русского читателя мало выразительны такие определения, как «важный народушко» (стр. 174), «рабочий мужик» (стр. 168), «городской герой карельский» (стр. 47), «теплое красивое времячко» (стр. 175), «поставила молоко париться» (стр. 67) и т. д. Изредка встречается в сборнике и нарушение норм произношения слов русского языка в угоду заданному ритму, например, на стр. 196 — «по-стахановски гудимся».

Устное творчество любого народа отличается таким глубоким своеобразием, национальной спецификой образов и приемов, что неминуемо требует подробного комментирования при переводе на другой язык. Научный аппарат рецензируемого сборника состоит из введения, подстрочных примечаний, сведений о сказителях, о вышедших ранее публикациях и источниках, а также из примечаний к каждому произведению сборника. Несмотря на обширность этого научно-справочного аппарата, многое в сборнике остается неясным для читателя.

Многие художественные образы, близкие и понятные карелам, требуют своего разъяснения в русском переводе. Как, например, поймут читатели без комментария образ: «Круг серебряный вертелся, закружился круг железный по земле и по болоту» (стр. 125)?

Или что значит образ «на дворе он спал полгода и хотел он стать лисицей» (стр. 44)?

Что значит слово «ригач» (стр. 46) или «на ржанаго пожого» (стр. 109) — термин, совершенно непонятный для земледельца степной полосы. Встречаются в сборнике и такие комментарии, которые требуют в свою очередь комментариев к комментарию. Так, слова «калитки, колобы» объяснены как «сканцы, начиненные толокном, кашей или творогом» (стр. 67).

Читателю потребуются толковый словарь Даля, чтобы узнать, что «сканцы» — это тонкая слоеная лепешка. Следовало бы сказать, что чудесный мост в Ленинграде, который воспела М. Ремшу (стр. 198), — это Володарский мост через Неву.

Исследователь вправе спросить составителя, чем объяснена последовательность в расположении материала. Почему многие произведения советского фольклора, созданные в 30-х гг. нашего века, помещены после произведений, относящихся к эпохе Ве-

ликой отечественной войны (№№ 92, 98 и др.)? Что означает последовательность рун в сборнике и соответствует ли она последовательности рун в «Калевале»? Почему составитель считает песню «Сестры на чужбине» (№ 20) исторической песней, а №№ 28—30 — песнями лирическими, хотя в них гораздо больше эпического момента и они чуть не целиком входят в «Калевалу»? Составителем не указано на связь рун 5-й и 15-й, на связь рун и сказок, хотя это имеет значение для изучения общей эпической традиции карело-финского фольклора.

Биографические сведения о носителях фольклора также отличаются неполнотой. Составитель не делает различия между «сказителем» и «сказочником». Сообщая биографию, составитель нигде не говорит о национальности сказителя, не сообщает ничего о репертуаре сказочников, хотя это имеет очень большое значение для выяснения влияния русского фольклора на карело-финский. Много в краткой биографии остается неясным: что за «Виделицкую трагедию» 1918 г. пережила Е. Гаврилова, русский читатель, например, не поймет (стр. 208). В примечаниях совсем не указано место записи песен. Это производит тем более странное впечатление, что в предыдущих публикациях составитель всегда точно паспорттизировал текст. Из этих публикаций составитель указывает и на свой сборник «Про изверга-немца» (Петрозаводск, 1943), хотя в комментариях этот сборник совсем не использован, — к чему же тогда было его упоминать?

Ссылки составителя на предыдущие публикации вообще носят крайне формальный характер. Часто не указывается, что произведение было ранее опубликовано в другом переводе (например, №№ 1, 7, 85 и др.). Иногда переводы составителя сборника оказываются идентичными опубликованным ранее переводам В. Гудкова (№ 33 в рецензируемом сборнике и № 16 в «Песнях народов К.-Ф. ССР») или В. Бокова (№ 91 в рецензируемом сборнике и тот же текст в «Песнях народов К.-Ф. ССР»). Следует попутно указать, что в «Народном творчестве К.-Ф. ССР» опубликован перевод № 92 Бокова, а не Пожлакова, как это значится в рецензируемом сборнике. Встречаются противоречия в сообщениях ранних публикаций, также не объясненные составителем. Так, в примечании к № 11 у составителя сказано, что записывала песню Демилова, а в его же сборнике «Сампо» этим лицом является О. Пергамент. В примечании к № 85 не сказано, что запись песни на фонограф произведена С. Д. Магил, хотя об этом есть сведения в «Песнях народов К.-Ф. ССР». В примечании к № 90 сказано, что песня записана в 1935 г., а в сборнике «Народное творчество К.-Ф. ССР» та же запись датирована 1936 годом.

Техническим редактором книги Т. Евсеевой невнимательно проверены сноски на предыдущие публикации, в результате чего в ряде случаев допущены ошибки (примечания к №№ 38, 85, 70 и др.). Пропущено, что № 20 был уже ранее опубликован в сборнике того же составителя «Сампо» (III, 14, стр. 122—124). Список замеченных опечаток также можно было бы увеличить (см. стр. 22, 27 и даже оглавление).

Все эти уточнения и поправки не мешают, однако, признать, что сама идея сборника и опубликованный в нем материал заслуживают высокой оценки.

Перед Институтом истории языка и литературы Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР стоит задача всемерно пропагандировать устное творчество карело-финского народа и продолжать ознакомление русских читателей с лучшими образцами творчества народа, давшего миру «Калевалу».

Л. Н. Пушкарев

Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*. Т. I, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Под редакцией И. Брагинского. Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР. Госполитиздат, 1949.

Вышедшая из печати к 20-летию Таджикской ССР книга Б. Г. Гафурова «История таджикского народа» на русском языке является не простым переводом одноименной работы того же автора на таджикском языке, изданной в 1947 г.¹, но представляет собой значительно переделанный и дополненный труд. Сам автор в послесловии к книге указывает, что на русском языке она написана заново и значительно отличается от таджикского издания. Помимо двух указанных работ, Б. Г. Гафуровым совместно с П. Прохоровым в 1944 г. была выпущена книга под названием «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки по истории таджиков и Таджикистана», представлявшая собой первую попытку составления истории таджиков.

Таким образом, Б. Г. Гафуров, специалист-историк и руководящий работник Таджикской ССР, является первым советским ученым, взявшим на себя труд последовательного изложения истории таджикского народа с древнейших времен и до наших дней. Нет нужды останавливаться здесь на значении и актуальности такого труда, касающегося судьбы народа, обладающего древнейшей культурой, но лишенного на протяжении почти целого тысячелетия, вплоть до Великой Октябрьской социалистиче-

¹ См. рецензию М. М. Дьяконова в журн. «Вопросы истории», 1948, № 7

ской революции, своей политической независимости и вновь возродившегося и лидировавшего в социалистическую нацию в советских условиях.

Книжка подразделена на пять основных частей, каждая из которых содержит несколько глав; всего в книге 24 главы. В основе членения книги на разделы положена марксистская периодизация общества. Разделы эти следующие: «Древние предки таджиков в период первобытно-общинного строя в Средней Азии»; «Предки таджиков в период рабовладельческих отношений в Средней Азии»; «Возникновение феодальных отношений в Средней Азии и образование таджикского народа»; «Таджикский народ в период рабовладельческих отношений в Средней Азии»; «Таджикский народ в период разложения феодализма и превращения Средней Азии в колонию царизма».

Если мы сравним рецензируемую книгу с ее предыдущим изданием на таджикском языке, то увидим, что за последние два года автором проделана большая работа по уточнению периодизации истории таджиков; эта работа проведена со знанием дела и с учетом всех последних достижений советской науки. В результате мы имеем четкую и последовательную периодизацию истории таджикского народа, равную как и других народов Средней Азии. При этом в соответствующих местах автор дает общую характеристику рассматриваемого им общественно-исторического периода, конкретных условий жизни среднеазиатских народов. Все это вместе взятое создает у читателя впечатление большой ясности в изложении материала и помогает его усвоению; это особенно важно, если мы примем во внимание огромный исторический период, охватываемый книгой, и колоссальное количество фактического материала, включающегося в ней, а также то обстоятельство, что книжка рассчитана на широкий круг советских читателей.

Другим большим достоинством книги является то, что автор привлек к своему исследованию все новейшие научные материалы и обобщения, которые явились результатом огромной работы советских ученых, в особенности историков и археологов Средней Азии. Замечательные открытия последних лет С. П. Толстова в Хорезме, А. Ю. Якубовского в Пенджикенте, А. А. Фреймана на Зеравшане, В. А. Шишкина в Баракше, М. Е. Массона в Туркмении, А. П. Окладникова в Тешик-Таше, М. М. Дьяконова в Гиссаре тщательно изучены, проанализированы и использованы автором.

Немалое значение в книге Б. Г. Гафурова имеет и постановка им вопроса об этногенезе таджикского народа. Вопрос этот находит у автора, как нам представляется, четкое, правильное и достоянно (поскольку это позволяют сделать наши знания) обоснованное разрешение. В книге хорошо показано на всем протяжении истории таджиков, что процесс образования таджикского народа и дальнейшее его существование и преобразование в качестве этнического целого являются процессом весьма сложным, обусловленным многочисленными факторами общественно-экономического и исторического порядка.

Говоря об отдаленных предках современных таджиков, автор указывает на сложный «процесс племенных и языковых сближений», на основе которого сложились восточноиранские племена (стр. 23). Он подчеркивает автохтонность восточноиранского населения, которое «сложилось здесь же, на месте, вобрав в себя различные этнические элементы, обитавшие здесь непрерывно с первобытной древности» (стр. 26); автор отмечает также и то обстоятельство, что «восточноиранские народности вошли в значительной части составным этническим элементом всех народов Средней Азии — не только таджиков, но и тюркоязычных народов, в частности узбеков и туркмен» (стр. 26—27). Далее шаг за шагом автор прослеживает процесс «все возрастающего смешения тюркских и восточноиранских народностей Средней Азии, лежащий в основе образования нынешних ее народов» (стр. 120), начавшийся, по видимому, в VI в. н. э. и продолжавшийся почти вплоть до современности.

Сложению таджиков в самостоятельный народ Б. Г. Гафуров посвящает особый раздел главы десятой, в которой говорится об образовании таджикских государств Средней Азии после ослабления арабского халифата в IX—X вв. и которая является завершающей главой раздела, посвященного возникновению феодальных отношений.

Тем самым методологически правильно определяется время образования таджикской народности — это становление феодализма как общественно-экономической формации.

Автор подчеркивает здесь, что тенденция к образованию таджикского народа намечается в условиях раннефеодальных отношений задолго до арабского завоевания на основе усиления экономических и культурных связей отдельных районов и государственных образований; что одновременно с этим и, естественно, неотделимо от процесса образования народа шел процесс сложения таджикского языка, по видимому, на основе одного из народных говоров; что арабское вторжение оказалось не в силах ликвидировать этот исторический процесс и, напротив, борьба народных масс с угнетателями придала ему особую силу; и наконец, что факт образования централизованного феодального государства саманидов способствовал завершению процесса образования таджикского народа (стр. 173—174).

И дальше на всем протяжении истории таджиков, уже как народа, автор прослеживает различные экономические, культурные, языковые и этнические связи, которые в той или иной мере могли повлиять на этнический склад современного таджика. Естественно, что процесс сложения таджикской нации, оказавшийся возможным лишь

при социализме, Б. Г. Гафуровым не рассматривается в данной работе, поскольку хронологически ему должно быть определено место во втором томе.

В своей рецензии на таджикское издание книги М. М. Дьяконов отмечал в качестве достоинства этой последней умение автора отобрать все наиболее существенное из числа исторических фактов и стремление в каждом разделе или главе после изложения фактического материала давать общую характеристику эпохи. Этот принцип еще с большей последовательностью и методичностью выдержан и в новом издании. Это хорошо можно видеть, например, в главе, посвященной монгольскому нашествию. Здесь автору удалось дать яркую картину вторжения монгольских орд на территорию Средней Азии, завоевания ими Средней Азии и системы государственного управления монголов; при этом половина всей главы, составляющей всего лишь 21 страницу, посвящена героическим эпизодам из жизни таджикского народа в эту эпоху — обороне Ходжента Тимуром Маликом и восстанию Махмуда Тараби, а также характеристике таджикской литературы эпохи.

Рассмотрение каждой исторической эпохи завершается в книге разделами, характеризующими общественный строй, хозяйство и культуру, науку, историографию, литературу, религиозные воззрения и другие стороны жизни народа.

В целом следует отметить, что книга написана живо и увлекательно, в ней особенно доходчиво и убедительно показаны социальные противоречия в различные эпохи жизни таджикского народа, борьба трудящихся масс со своими угнетателями, независимо от того, были ли это македонские, арабские или монгольские захватчики или же представители местной шравшей рабовладельческой или феодальной верхушки, как правило, за все эпохи и при всех обстоятельствах изменявшие своему народу и переходившие на сторону чужеземных угнетателей. Красной нитью через всю книгу проходит патриотизм автора, глубокая любовь к своему народу, гордость за его славное прошлое; эта эмоциональная направленность книги, несомненно, передается и советскому читателю, даже мало знакомому или вовсе не знакомому с таджикским народом, и вызовет в нем аналогичные чувства и настроения.

Нельзя не отметить также того обстоятельства, что на всем протяжении своего труда автор неоднократно подчеркивает братство и дружбу среднеазиатских народов, а в конце книги отмечает влияние русского народа и прогрессивной русской культуры на исторические судьбы этих народов.

В заключение позволю себе остановиться на некоторых замечаниях.

В настоящее время в советской исторической науке достаточно твердо установилось мнение, что народы Средней Азии на своем историческом пути прошли через рабовладельческий (античный) способ производства, чем неспровоцирована теория об извечности феодализма в Средней Азии. Господство рабовладельческих отношений в Средней Азии, охватывавшее период с середины I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э., признает и Б. Г. Гафуров. «Итак, на Востоке — в Средней Азии — первой формой эксплуатации человека человеком было рабство, так же как это было и на Западе» (стр. 95), — пишет он. Однако вслед за этим, характеризуя рабовладельческие отношения Средней Азии, Б. Г. Гафуров полагает, что одной из конкретных особенностей, и притом решающей в рабовладельческих отношениях, была ведущая роль в производстве сельской общины (стр. 96). И далее автор пишет: «В целом для Средней Азии нужно отметить, что рабовладельческие отношения здесь не дошли до такой глубины, как в античном мире, являясь по существу лишь укладом в общинно-рабовладельческом строе. Рабовладельческой была здесь преимущественно правящая, аристократическая верхушка» (стр. 98). Далее (стр. 98—101) автор говорит о классовых конфликтах и классовом антагонизме между рабовладельческой аристократией и рядовыми общинниками.

Невольно возникает вопрос: с какой же собственно общественно-экономической формацией, с каким способом производства мы здесь сталкиваемся? Не будет ли более правильным общинное землевладение в Средней Азии в эту эпоху рассматривать в качестве уклада, сохранившегося от прежнего первобытно-общинного способа производства? С. П. Толстов, характеризуя указанный период истории Средней Азии, считает что «никакой принципиальной грани между греко-римской культурой и культурой более отдаленных стран рабовладельческого Востока нет... Термин «античная цивилизация», «античная культура», как культура античного рабовладельческого общественного строя, применим не только к Греции и Риму, но должен применяться ко всем районам, прошедшим в своем историческом развитии эпоху рабовладельческого строя». ² Нам представляется, что автору книги следовало бы яснее изложить свою точку зрения по вопросу о том, имеем ли мы в Средней Азии дело с рабовладельческим способом производства, а если это не так, то показать, какая же другая общественно-экономическая формация выступает здесь перед нами.

Автор не уделил достаточно внимания выявлению особенностей развития феодализма в Средней Азии. Он не показал основных причин затяжного характера периода феодальной раздробленности. Переоценивая степень развития феодальных отношений

² С. П. Толстов, Периодизация древней истории Средней Азии, «Краткие сообщения ИИМК», т. XXVIII, 1949, стр. 25.

в XVI—XVIII вв., Б. Г. Гафуров утверждает, что «феодализм в Средней Азии уже давно достиг своей зрелости. Кризис XVIII в. выражал глубокую степень его разложения» (стр. 390). В действительности, в силу монгольского завоевания и вызванного им разрушения ирригационных систем, губительно сказавшегося на развитии экономики Средней Азии, феодализм здесь носил застойный характер и феодальные отношения тесно переплетались с самыми отсталыми формами дофеодальных — патриархальных и рабовладельческих отношений.

Укажем еще на одно, недостаточно отчетливое, скорее противоречивое, положение в книге. На стр. 173, говоря о сложении таджикского народа, автор подчеркивает между прочим, что одной из основ образования таджикского народа явился рост родов в условиях раннефеодальных отношений. На страницах же 99 и 105 говорится о том, что в переходный период от рабовладельческих отношений к феодальным (соответственно в соответствии с раннефеодальными отношениями) происходит процесс застройки городов.

Нам представляется, что так же, как и в предыдущем издании книги на таджикском языке, можно было бы для позднейших периодов истории уделить больше места описанию событий в горных районах, составляющих в настоящее время значительную часть территории Таджикской ССР. Правда, исторические источники весьма скудны, однако все же и здесь мы располагаем некоторым количеством исторических сведений. Известно, например, что в годы монгольского нашествия один из монгольских отрядов действовал на Вахше — повидимому, и горные области в то время разделяли судьбу всей Средней Азии. Во всяком случае чингисиды владели западными областями современного Таджикистана — эмир Казаган кочевал в районе Мунка (современного Ховалинга); Абд-ар-раззак Самарканди указывает, что во время осады Келата Тимуром последний имел при себе отряды горцев из ущелий Дарваза, Карагинина и Бадахшана. Бадахшан, повидимому, оставался независимым. В эпоху тимуридов здесь правила династия шахов, по преданию ведшая свое происхождение от Александра Македонского. Абу-Саид, владевший Гератом, женился на дочери бадахшанского султана Мухаммеда, затем послал войско на Бадахшан, который ему пришлось завоевывать дважды. Около 1466—1467 гг. он перебил всех представителей бадахшанской династии. В эпоху тимуридов Гиссар, равно как и некоторые другие соседние области, например, Хуттал, Саганиан и Кабадиан, служил ареной борьбы между тимуридскими царевичами, о чем имеются достаточно подробные сведения.

Имеется также целый ряд исторических сведений о горных областях, относящихся к периоду господства всех трех узбекских династий. Они, естественно, не должны были быть оставлены в стороне при написании истории таджиков.

Наряду с весьма подробными сведениями по истории таджикской литературы хотелось бы видеть в книге и более детальный материал по другим областям культуры. В частности, в разделе архитектуры следовало бы указать на такой важный факт, как появление и развитие в XII—XIV вв. портала, а затем и поливной цветной керамики, которой в тимуридскую и последующие эпохи украшались монументальные сооружения.

Из более мелких замечаний приведу лишь некоторые. Следовало бы более подробно указать имена советских историков и археологов, — кое-где это сделано в других же местах такие указания опущены. На стр. 173 вызывает недоумение утверждение о том, что путем лингвистического анализа устанавливается наличие таджикском языке элементов народных говоров, существовавших в бесписьменном состоянии задолго до языка Авесты. Не совсем убедительно звучит объяснение причины привлечения аббасидами к государственным делам представителей местной аристократии: эта причина заключается, по мнению автора, в желании ослабить стремление аристократии к полной независимости (стр. 164). Кулябский правитель 60-х гг. XIX в. известен под именем Сарабека или Сарыхона, а не Сурахона (стр. 417). Каратегин и Дарваз были захвачены эмиром Музаффаром не в 80-х, а в 70-х гг. XIX в. (стр. 418).

Все приведенные замечания в основном касаются отдельных деталей работы и никоим образом не могут повлиять на общее благоприятное впечатление, которое оставляет после прочтения новая книга Б. Г. Гафурова. Нет сомнения, что она будет хорошо принята как исторической критикой, так и всей нашей советской общественностью, и явится весьма ценным и необходимым пособием для широкого круга читателей в деле изучения истории народов, населяющих нашу Родину. Весьма полезна она будет для специалистов-историков, разрабатывающих проблемы народов Средней Азии и их этногенеза.

Н. Кисляков

А. Н. Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии*, М., 1950.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение памятников национальной культуры народов СССР приняло необычайно широкий и разносторонний характер. Исследованию их посвящен ряд работ советских ученых. К числу этих работ принадлежит и рецензируемая книга, посвященная научному исследованию архитектурных памятников Киргизии.

В степях северного Туркестана, на кочевых в прошлом землях киргизского народа сохранились древние сооружения, еще сравнительно мало изученные. Памятники эти, несмотря на их немногочисленность, занимают одно из видных мест в сокровищнице мирового зодчества. Книга проф. Бернштама представляет собой серьезное исследование этих памятников, основанное на широком археологическом, историческом и архитектурном материале. Это работа, с одной стороны, объединяет и систематизирует материал по архитектуре Киргизии, разбросанный по различным изданиям, а с другой, — дает много нового материала, полученного автором во время его многолетних экспедиций. Автор показывает сложный и богатый в художественном отношении процесс зарождения и развития архитектурных построек Киргизии с древних времен до XIX в. Археолого-архитектурные характеристики сооружений логически увязываются с анализом историко-экономических условий жизни народа. Книга дает ясное представление о его историческом и культурном развитии. Автор отчетливо показывает развитие историко-культурных традиций киргизского народа, исторические судьбы которого были тесно связаны с соседними народами и их культурой (Тянь-шань, Южная Сибирь, Фергана). Анализируя влияние последней на киргизскую, автор подчеркивает, что «эти культурные воздействия не являлись механической суммой разнородных элементов; они неизбежно попадали под влияние местной кочевой культуры, которая критически отбирала и перерабатывала близкие ей элементы, отбрасывая то, что не было свойственно духу аборигенов» (стр. 6). Культурное влияние аборигенов на черты проникающих культур и формирование новых элементов несомненно. Это положение подтверждается своеобразной переработкой и внесением характерных черт и в религию, и в строительное дело, и в предметы бытового обихода.

Исторические условия Киргизстана определили самобытное развитие ряда архитектурных сооружений. В VI—VIII вв. создалась оригинальная культура Киргизстана, который к этому времени установил крепкие экономические и культурные связи с другими государствами. XI—XII века завершили то культурное развитие, которое бурно шло в предшествующие столетия; это время отмечено интенсивным строительством городов, большое число которых являлось основным средоточием политической власти и культурной жизни.

Разрушительные походы монголов XIII в. приостановили развитие культуры Киргизстана. Однако, несмотря на уничтожение монголами многих культурных центров, осидательная жизнь в какой-то степени продолжалась.

Автором рецензируемой книги разбирается развитие строительного мастерства в Киргизии с древних времен. Он показывает зарождение местной строительной традиции, связывая ее с материалами, искусством росписи и орнамента, которые применялись при сооружении домов, культовых построек и городов. Архитектурные приемы, ставшие позже образцами для всего Востока, зарождались еще в ту эпоху. Строительная деятельность становится особенно оживленной в VIII—X вв., во время господства в Семиречье карлуков. При караханидах (X—XII вв.) обнаруживается значительный прогресс в строительстве. Автор наметает типичные особенности среднеазиатских городов и отдельных строений. Большое внимание уделяет он строительным и облицовочным материалам.

После нашествия монголов строительство прекратилось и лишь при Тимуре стало вновь возникать, но было связано с «узким кругом построек» (стр. 38). Тимуриды, распространяя и укрепляя идеи ислама, строили культовые сооружения с целью создать центры мусульманской пропаганды, но такие постройки не носили массового характера.

На памятниках архитектуры Киргизии отразились черты культуры кочевников. А. Н. Бернштам дает яркое описание этих замечательных архитектурных сооружений и их характерных особенностей, как строительных, так и художественных.

При строительстве башни Бурана использован прием, широко распространенный в Средней Азии X—XI вв., при котором декоративная кладка является конструктивной. Минарет Бурана — самый древний (XI в.) — был построен при династии караханидов. Художественные достоинства его свидетельствуют о высокой культуре древних народов Средней Азии и непревзойденном мастерстве строителей того времени. Возникновение минарета Бурана тесно связано с историей развития богатого города Баласагуна, который к XIV в. совершенно разрушился; лишь башня Бурана сохранилась до наших дней.

Другим замечательным сооружением является Узгенский архитектурный комплекс, относящийся к XI—XII вв. Очень интересен наиболее древний — средний мавзолей, переходный от центральных мавзолеев к порталным, какими были южный и северный. Автором книги приводятся конструктивные и обмерные характеристики; подробно описаны художественная резьба и орнаменты, разнообразные по своим мотивам и типам. Совершенно справедливо указывает автор, что «три узгенских мавзолеев дают отчетливое представление о том, как развивалась принципиально новая основная линия архитектуры и ее декорации в Средней Азии» (стр. 76).

Мавзолей Шах-Фазиль — интереснейший памятник не только Киргизии, но и всей Средней Азии. Снаружи мавзолей совершенно лишен украшений, но декорация интерьера своеобразна, и в архитектуре почти не известно подобное разнообразие мотивов растительного и геометрического орнаментов.

Примерно ко времени сооружения мавзолея Шах-Фазиль относится и постройка мавзолея Манаса. Этот памятник слывет в народе под именем «Манастын кумбдин», т. е. мавзолеев Манаса, легендарного киргизского героя. По преданию, в долине Таласа находился военный стан, куда приходили киргизские богатыри и под руководством Манаса готовились к походам. По надписи на портале и по особенностям стиля автор определяет время сооружения мавзолея, относя его к XIV в., т. е. ко времени, когда Тимур распространял архитектуру мусульманского типа с целью дальнейшего проникновения на восток. Этот архитектурный памятник, связанный с именем легендарного героя-народа Киргизии, воплотил в себе лучшие национальные черты киргизского искусства.

Автор описывает памятник XV в. Таш-Рабат. Он подробно останавливается на архитектурных достоинствах караван-сарая: на его конструкции, орнаментации, материале. Техническая характеристика сооружения оживляется интересным и образным данным историческим фоном.

Автором впервые исследуются мавзолеи XVIII—XIX вв., которые своими архитектурными достоинствами представляют огромный интерес для историков искусства и архитекторов. А. Н. Бернштам дает краткую, но очень четкую классификацию мавзолеев по типам, которые повторяют архитектурные формы средневековья. Сооружения XVIII—XIX вв. отличаются незначительным декором. Гумбезы, простые по внешней отделке, отличаются и скромным внутренним видом.

В отдельной (IX) главе автор формулирует вопросы истории архитектуры Киргизии. Эта небольшая по объему глава дает некоторые теоретические заключения из предыдущих. Автор определяет значение и место киргизской архитектуры, подчеркивая ее самобытность и национальный характер, и обосновывает положение, что именно киргизстанскими мастерами был сделан опромный вклад в рождение и развитие портално-купольной архитектуры и резной терракоты. Это положение противопоставлено буржуазной концепции о развитии архитектурных форм Средней Азии. Проф. Бернштам опровергает антинаучное толкование буржуазными исследователями (Дилл, Поп, Кюнель, Стржиговский и др.) истории архитектурных сооружений Средней Азии, их форм, конструкций, как результат влияния иранских традиций. Он на фактическом материале еще раз подтверждает, что портално-купольная архитектура является принадлежностью среднеазиатского зодчества и принята «впоследствии за критерий и в других странах Востока». Но «только в Средней Азии этот тип архитектурных сооружений достиг своего наивысшего развития» (стр. 127).

На основании анализа технических и декоративных приемов автор устанавливает датировку памятников. Так как одинаковые конструктивные формы не всегда позволяют определить время сооружения, то автор предлагает для решения этого вопроса обращаться к анализу характерных особенностей орнамента и декоративного стиля.

Вся архитектура Киргизии, исключительно богатая по своему художественному содержанию и композиционному разнообразию, проникнута национальным духом, что очень хорошо показано автором в главах, посвященных описанию архитектурных памятников, и четко прослеживается в обобщающей IX главе.

В заключение книги автор дает краткий обзор истории изучения архитектурных памятников. В ней указаны почти все основные работы по данному вопросу. Правда, целесообразнее было бы эту главу сделать первой, так как она помогла бы читателю войти в круг изучаемых вопросов и дала бы правильную ориентировку в материале.

Книга А. Н. Бернштама дает значительный и интересный материал для историка, искусствоведа, архитектора и для широких читательских кругов. Написана она хорошим литературным языком и легко читается. Следует также отметить хорошо подобранный иллюстративный материал.

К. Филонов

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В БОЛГАРСКОЙ ПЕЧАТИ

Народное поэтическое творчество болгарского народа богато и разнообразно. В нем нашла яркое художественное воплощение жизнь болгарского народа в прошлом, его героическая борьба с поработителями — турками и эксплуататорскими классами, его мечты и стремления. Песни, сказания и легенды, творимые сейчас трудящимися массами свободной Болгарии, говорят о счастливой жизни, о самоотверженном созидательном труде болгарского народа, строящего под руководством коммунистической партии Болгарии социализм. Правительство и общественность Болгарии проявляют большую заботу о развитии народного творчества, пропагандируют его. Значительное внимание вопросам народной поэзии уделяют болгарские газеты и журналы. Широко включается народная поэзия в программы школьного образования.

Большую работу по собиранию современного фольклора развернул Народный этнографический музей, собравший много песен о сентябрьском восстании 1923 г., о борьбе с фашизмом, а также и партизанских песен. Поворот в сторону современности и широкая пропаганда народного творчества являются несомненным достижением современной болгарской фольклористики.

Работы по фольклору, опубликованные в Болгарии за последние годы, со всей очевидностью показывают, что основная группа болгарских фольклористов переходит на позиции подлинно научной фольклористики, построенной на марксистско-ленинской методологии. Однако переход этот дается нелегко и не сразу, порочные установки буржуазной фольклористики в большей или меньшей степени еще чувствуются в ряде статей и очерков.

Фольклористическая литература в Болгарии за последние (1947—1949) годы представлена главным образом научно-популярными сборниками и статьями. Болгарские фольклористы стараются сделать доступными и понятными самым широким трудящимся массам лучшие произведения народного творчества. В 1947 г. вышел третьим изданием (1-е издание было в 1939 г.) сборник хайдутских песен, составленный Д. Осининым¹, который был весьма положительно оценен в болгарской печати.² Выбор для переиздания именно этого сборника можно признать весьма удачным. В нем впервые собраны хайдутские песни, разбросанные в различных, не всегда доступных широкому массам изданиях. Хайдутские песни, как отмечает в рецензии Г. Керемидчиев, «наиболее ценный в нравственно-идейном отношении отдел болгарской народной поэзии», имеющий большое историко-познавательное и воспитательное значение. Они наиболее ярко рисуют характер смелого и вольнолюбивого болгарского народа, в течение веков боровшегося за свою свободу с турецкими завоевателями и своими богатеями — чорбаджиями. Буржуазные ученые, как болгарские, так и русские (например, П. Бессонов), искажали сущность хайдучества, старались представить его как движение только против турок, возглавлявшееся на своей ранней стадии представителями господствующих классов, боярами. Хайдуки же более поздних веков, особенно с конца XVIII в., когда хайдучество получает ярко выраженный характер социального протеста, приравнивались к простым разбойникам (русские дворянские и буржуазные ученые точно так же говорили о Степане Разине и Пугачеве как о разбойниках).

Поэтому несомненно полезным является предисловие Д. Осинина «Наше хайдучество», написанное для этого издания. Д. Осинин говорит о значении хайдутских песен для изучения истории хайдучества. На основе анализа песен он показывает, что хайдучество было подлинно народным движением, порожденным условиями жизни народа при турецком рабстве. В отличие от прежних исследователей, Д. Осинин подчеркивает, что хайдучество не было только национальным движением, а носило характер социального протеста. (Впервые на этот момент обратил внимание акад. Н. С. Державин в предисловии к сборнику «Болгарские народные песни» 1944.). В этом плане интересна помещенная в сборнике «Заплакала е гората» песня «Настас — чорбаджия», резко обличающая чорбаджиев и показывающая, что насилия чорбаджиев были одной из причин бегства в леса, т. е. ухода в хайдуки (в прежних изданиях эта песня отсутствует). На основе анализа песен Д. Осинин рисует благородный образ хайдука — народного мстителя.

Надо отметить, что это новое предисловие выгодно отличается от предисловия 1939 г., сохранение которого в данном издании является несомненной ошибкой. В нем нет четкой характеристики хайдучества и его исторического развития, а отдельные положения просто неверны. Особенно это относится к разделу «два мира» («два света»), в котором хайдутские и лирические песни рассматриваются и идеалистически противопоставляются, как два исконно враждебные и в то же время взаимно дополняющие друг друга мужское и женское начала (тут сила — там слабость, тут грохот оружия, предсмертные стоны, победные клики и т. п., — там песнь соловья, идиллическое шуршание веретена и т. п.). Такие рассуждения создают неправильное представление о сущности болгарских народных песен и характере болгарской женщины. Известно, что болгарские женщины боролись вместе с мужчинами, они также уходили в хайдутские четы, и песни, включенные в рецензируемый сборник, дают яркие образы женщин-хайдуток, женщин-воевод.

В 1947 г. вышел еще один научно-популярный сборник «За правда и свобода», составленный Г. Керемидчиевым³. В него также вошли исторические героические песни, но не только хайдутские, а и юнацкие, и песни о борьбе болгарского народа за свое национальное освобождение и о дружбе с великим русским народом. Очень ценно, что Г. Керемидчиев не ограничивался только старыми песнями, а включал в сборник, правда в очень небольшом количестве, и современные партизанские песни.

¹ Д. Осинин, Заплакала е гората. Народни хайдушки песни. Със статия за хайдуството от същия. Трето прменено издание, София, Руска книга, 1947.

² См. рецензию Г. Керемидчиева в журн. «Език и литература», кн. 3—4, 1947, стр. 85—87.

³ Г. Керемидчиев, За правда и за свобода. Юнашки, хайдушки, исторически и партизански песни, София, 1947.

В 1948 г. вышел сборник Г. Керемидчиева «Болгарские народные песни»⁴. Это рассчитанная на массового читателя краткая антология болгарских народных песен — как лирических, так и эпических — от древнейших до современных. Тексты песен, как отмечали рецензенты⁵, подобраны очень удачно. В сборник вошли наиболее распространенные в Болгарии песни в лучших вариантах. Особенную ценность сборнику придает третий раздел, озаглавленный «Современные общественно-политические песни». В нем впервые собраны в одном издании песни о революционной борьбе трудящихся Болгарии с фашистским правительством Цанкова (песни о сентябрьском восстании, песни политических заключенных и др.) и партизанские песни. Значительная часть их публикуется впервые по материалам из собрания Народного этнографического музея. Все эти песни являются яркими документами, рисующими самоотверженную борьбу широких масс трудящихся Болгарии за свои права и свободу в вскрывающими подлинно народные настроения и переживания. Интересно отметить влияние русской советской песни, которое явно чувствуется в песне «По долине и рътлине», повторяющей первую строчку и ритм песни «По долинам и по взгорьям».

Сборник «Болгарские народные песни» показывает, какие большие поэтические ценности созданы и продолжают создаваться болгарским народом. Возразить можно лишь против слишком расширительного понимания термина «бытовые песни». В этот раздел включены и песни обрядовые, выражающие как дохристианские, так и христианские религиозные представления. Это, конечно, особая группа песен, и не все изстоит пропагандировать и печатать в научно-популярном издании. Хотелось бы, чтобы более четко были отделены произведения, выражающие прогрессивные стремления народа и его высокую мораль, от произведений, отразивших неизбежную ограниченность народного сознания в прошлом, суеверия и предрассудки, которые старались использовать в своих интересах господствующие классы.

В коротком предисловии к книге сказано о значении болгарских народных песен как источника для изучения народного мировоззрения, намечено историческое развитие народной поэзии, раскрыто ее идейное содержание и роль в освободительной борьбе народа. Статья направлена против представителей болгарской буржуазной фольклористики, которые рассматривают народную поэзию как нечто статическое, застывшее и которые не могут себе представить ее «без черного арапа и свекрови-клеветницы, без пастухов овец и погонщиков караванов, без полянки гайдуков и игрищ самодив». Г. Керемидчиев подчеркивает, что содержание и форма народной поэзии изменяются в соответствии с изменением жизненных условий и сознания народа. Множество новых прекрасных песен, творимых сейчас свободным болгарским народом, решительно опровергает измышления буржуазных ученых об умирании народной поэзии, якобы отжившей уже свой век. К сожалению, в предисловии об этих песнях сказано очень мало.

Напрасно и составитель сборника Г. Керемидчиев и его рецензент С. Георгиева слишком подчеркивают формально-художественную незрелость некоторых современных песен, не успевших еще якобы отшлифоваться, отлиться в совершенную форму. Разумеется, не все песни одинаково высоки по своим художественным достоинствам, но это вполне законченные художественные произведения, которые нельзя рассматривать как что-то первичное. Строгая фактичность («сурово-фактични») этих песен говорит об их новом качестве.

Сборники Г. Керемидчиева и Д. Осинина являются ценными пособиями для всех, желающих ознакомиться с болгарской народной песней, для учащихся средних и высших учебных заведений. Они помогают уснуть смысл и художественную ценность народной поэзии. Основное внимание болгарские фольклористы уделяют песням, им посвящены и сборники, и отдельные статьи. Сказкам же посвящен только один небольшой сборник⁶. В сборнике представлены образцы различных болгарских сказок: фантастические, сказки о животных, бытовые — всего 54 небольших сказки. Предисловие, очень короткое, подчеркивает воспитательное и познавательное значение болгарских сказок, их оптимизм, веру в победу добра и справедливости. Нельзя только согласиться с заимствованным у компаративистской буржуазной фольклористики утверждением о космополитической природе сказки. Народные сказки, — утверждает Г. Керемидчиев, — «в наименьшей степени, в сравнении с другими народными поэтическими видами, самобытный продукт творческого народного духа». Самобытно-народные, по его мнению, только детали, подробности, «тогда как тематические, идейные, образные и технические основы их (сказок) одинаковы у множества народов земного шара». Особенно подчеркивает Г. Керемидчиев турецкое влияние на болгарские сказки, хотя целый ряд включенных в сборник сказок явно обнаруживает их близость со славянскими, а отнюдь не с турецкими сказками.

Надеемся отметить, что наряду со сборниками избранных образцов народной поэзии болгарские фольклористы занимаются и подготовкой капитальных научных изданий. Недавно вышел изданный Болгарской академией наук «Сборник за народно умотоврение», т. XLIV, возобновление которого можно только приветствовать. Сборник этот

⁴ Г. Керемидчиев, *Български народни песни. Лирика и епос*, София, 1948.

⁵ См. рецензию С. Георгиевой в журн. «Език и литература», кн. 2, 1949, стр. 153—154.

⁶ *Български народни приказки. Избрал и подредил Г. Керемидчиев*. София, 1948.

только что получен и не мог быть включен в данный обзор. Этот сборник заслуживает особой рецензии.

Попытка рассмотреть болгарскую народную поэзию с новых методологических позиций сделана в трех выпусках научно-популярного сборника «Болгарская литература»⁷, вышедших в 1947 г. Издание рассчитано на широкие народные массы и представляет собой, как заявляют в предисловии его авторы, «первый опыт в нашей литературе осветить с точки зрения современной прогрессивной науки ряд основных вопросов болгарской литературы от ее начала до наших дней». Большое место в этом издании занимают очерки, посвященные основным проблемам болгарской народной поэзии. Во всех этих очерках народная поэзия рассматривается как правдивое отображение жизни и сознания болгарского народа на различных исторических этапах, его борьбы, стремлений и надежд. Особенно большое внимание уделяется народной поэзии как историческому источнику. Отдельные очерки характеризуют ведущие идеи и образы болгарских песен.

Важный теоретический вопрос о народной песне как выражении народного мировоззрения поднимает Г. Веселинов в статье «Народное творчество и народное мировоззрение»⁸. Автор рассматривает юнацкие, хайдутские и исторические песни как произведения, отразившие различные этапы развития народного сознания. Отсюда различный подход к изображению исторических событий и различный характер их художественных образов. Юнацкие песни связаны с периодом турецкого нашествия. Народ еще не верит в свои силы, он ждет освобождения от необыкновенного героя и создает образы, подобные мифологическим. Так возникают образы юнаков — самоотверженных борцов против турецкого рабства.

Основой для создания образов юнаков служили реальные исторические личности, но они изображены в эпических песнях так, как их воспринимал народ. Юнацкие песни свидетельствуют и об ограниченности народного сознания в тот период, о непонимании народом действительных причин исторических событий.

Хайдутские песни отражают новый этап в развитии народного сознания, когда народ начинает осознавать свои силы и переходит к активной борьбе с поработителями, а турецкая империя разлагается и терпит поражения. Образы хайдуков — реальные образы народных борцов, поднявшихся на борьбу с врагами народа — внешними и внутренними. В отличие от юнаков, хайдук выступает не один, а вместе с коллективом, с «дружиной верной — сговорной». Позднейшие хайдутские песни по своей идеологии приближаются к революционной поэзии.

В хайдутских песнях отражены определенные исторические события, и этим они сближаются с историческими песнями, также отразившими различные исторические этапы. Старшие исторические песни о борьбе с турками близки к юнацким, песни же, созданные в XIX в., перед освобождением, говорят о более глубоком понимании политических событий, в них чувствуется уже влияние революционных идей. Эти песни выражают и надежды болгарского народа на Россию.

Эти положения об историческом болгарском народном эпосе развиваются и конкретизируются в других очерках⁹.

Очерки М. Иванова «Героические образы юнацкого эпоса» и «Хайдук как защитник народа и выразитель его борческого духа» раскрывают идейное содержание образов юнаков и хайдуков и говорят об их огромном общественном значении. Юнацкие и хайдутские песни будили сознание народа, воспитывали его в духе непримиримой ненависти к поработителям, вселяли уверенность в свои силы и грядущую победу. Особо следует отметить очерк об образах юнаков, так как у некоторых болгарских фольклористов есть тенденция рассматривать юнаков как представителей господствующей верхушки феодального общества. М. Иванов правильно рассматривает образы юнаков как олицетворение силы и непобедимости народа, воплощение его лучших качеств, его мечты и идеалов. В песнях о славных героях, проявивших себя в жестокой борьбе с турецкими поработителями, болгарский народ на протяжении пятивекового рабства черпал моральные силы для продолжения борьбы за национальную независимость и свободу.

Очерки по историческому болгарскому эпосу, помещенные в «Болгарской литературе», как и отмеченные выше предисловия Г. Керемидчиева и Д. Осинина, устанавливают главные этапы развития болгарской исторической поэзии и могут послужить основой для ее дальнейшего углубленного подлинно научного изучения. Их основные положения представляют интерес и для исследователей исторического эпоса других народов, в частности русского.

⁷ Болгарская литература. Основные вопросы. Вып. I—III. София, Алма-матер, 1947. Авторы: Г. Веселинов, Кр. Генев, Д. Иванов, М. Иванов, Л. Ницолов, С. Русакиев.

⁸ Г. Веселинов, Народное творчество и народное мировоззрение, «Българска литература», вып. I, стр. 118—135.

⁹ См. Л. Ницолов, Исторически спомени в народната поезия, «Българска литература», вып. I, стр. 44—57; его же, Народната съпротива през турското владичество в народната поезия, там же, стр. 74—85; М. Иванов, Героични образи в юнашкия епос, там же, стр. 86—93; его же, «Хайдутският като защитник на народа и като изразител на борческия му дух», там же, стр. 93—104.

Помимо исторического эпоса, в «Болгарской литературе» затрагиваются также важные для познания народной жизни и народного мировоззрения вопросы, как отношение народа к труду, к природе, семейный быт народа и др.¹⁰ Привлекательный образ болгарской женщины — девушки, жены, матери, сестры — рисуется в статье Кр. Генова «Женщина в народной поэзии»¹¹. В болгарских песнях женщина выступает и как активный непримиримый борец с поработителями народа, как носительница народного сознания, хранительница родного языка, нравов и обычаев. Наивысшее воплощение героический характер болгарской женщины нашел в хайдутских песнях — женщина хайдутка с оружием в руках самоотверженно борется за жизнь и свободу своих братьев.

Очерки в сборниках «Болгарская литература» действительно освещают основные вопросы болгарской народной поэзии. Несомненным достижением их авторов является исторический подход к произведениям народной поэзии. Раскрывая идейный смысл народных песен и подчеркивая их огромное познавательное и воспитательное значение, авторы очерков говорят не только о сильных сторонах народа и его героическом характере, но отмечают и ограниченность народного сознания. Однако нельзя считать эту ограниченность сознания, неизбежную для народа в прошлом, обязательной для народной поэзии вообще, а такой вывод может быть сделан из заявления Л. Ницолова (в статье «Отражение быта в народной поэзии») о том, что народный певец не может раскрыть пружины, которые движут общественное развитие, это сделать может будто бы только высококультурный поэт в индивидуальном творчестве. Свободный народ, приобщившийся к высотам науки и культуры, может и несомненно расширяет в своих художественных произведениях действительные законы исторического развития, тогда как поэт в классовом обществе, нередко связанный классовыми предубеждениями, часто рисует совершенно извращенную картину.

От популярного сборника, являющегося к тому же первым опытом освещения литературы с новых позиций, разумеется, нельзя требовать всестороннего освещения болгарской народной поэзии. Важно, что намечен правильный в основном подход и найдены узловые, актуальные темы. Нужно, чтобы работа в данном направлении продолжалась и чтобы такие темы, как мировоззрение народа, народный быт, отношение народа к труду, семье, природе, образ женщины и пр., разрабатывались на материале не только песен, но и сказок, преданий, пословиц и других жанров. В очерках, помещенных в «Болгарской литературе», говорится исключительно о песнях, причем лучше и полнее всего рассмотрены песни исторические. О народной же поэзии до турецкого нашествия такого ясного представления не дается. Глубоко ошибочным является отождествление в ряде очерков на ранних стадиях исторического развития мифологии и поэзии и выведение поэзии целиком из мифологических представлений (например, в очень интересном очерке Г. Веселинова «Народное творчество и народное мировоззрение»). Несомненный пробел сборника — отсутствие очерка или хотя бы каких-либо упоминаний о современной болгарской народной поэзии, хотя предисловие обещает дать развитие болгарской литературы до наших дней. Следует отметить, что, несмотря на небольшой объем отдельных очерков, в них нередко встречаются повторения. В ряде очерков развиваются одни и те же положения, говорится об одних образах и даже в ряде случаев приводятся одни и те же цитаты из песен.

Большое внимание народно-поэтическому творчеству уделяет болгарская периодическая печать. Статьи по народной поэзии помещаются как в журналах (прежде всего в журнале «Език и литература», а также «Народна просвета», «Балкански преглед» и др.), так и в газетах (особенно в газете «Отечествен фронт»). В своем большинстве статьи в периодической печати стремятся раскрыть смысл народной болгарской поэзии, ее познавательное и воспитательное значение (воспитательное значение народной поэзии особенно подчеркивается).

Из статей, ставящих теоретические вопросы фольклористики, можно указать статью В. Велчева «Социальный элемент в народной песне»¹² и статьи Г. Керемидчиева «Изменения народной и личной поэзии»¹³ и «Среда и песня»¹⁴. В. Велчев ставит первоочередную задачу, стоящую перед фольклористами современной Болгарии, — раскрыть те стороны фольклора, которые намеренно обходились буржуазными учеными, показать его общественную роль и классовую сущность. В этом направлении и развертывается сейчас работа основной группы болгарских фольклористов.

Г. Керемидчиев в своих статьях ставит очень важный вопрос о происхождении фольклора и подчеркивает необходимость изучать народную поэзию, связывая ее развитие с историей народа. Однако, говоря об изменениях идейной направлен-

¹⁰ См. Кр. Генов, Природата в народната поезия, «Българска литература», вып. I; С. Русакиев, Трудът като мотив на нашата народната и личната поезия, там же; Л. Ницолов, Отражение на быта в народната поезия, там же, вып. II.

¹¹ Кр. Генов, Жената в народната поезия, «Българска литература», вып. I.

¹² В. Вълчев, Социалният елемент в народната песен, «Език и литература», кн. 3—4, 1947, стр. 60—65.

¹³ Г. Керемидчиев, Промени в народната и личната поезия, «Език и литература», кн. 2, 1947, стр. 39—42.

¹⁴ Г. Керемидчиев, Среда и песен, «Език и литература», кн. 5, 1947, стр. 15—21.

ности произведения при переходе из одной среды в другую, Г. Керемидчиев дает иногда недостаточно четкие формулировки, которые невольно могут дать повод к истолкованию фольклора как «сниженной культуры» (таково, например, заимствованное из арсенала «исторической школы» утверждение о том, что образ русского богатыря Ильи Муромца был создан господствующими классами, а затем из князя превратился в старого казака или крестьянского сына). Происхождение поэзии Г. Керемидчиев выводит, с одной стороны, из магии и обряда, с другой, — из трудового ритма. Здесь, несомненно, отразилось состояние разработки этой важнейшей проблемы в советской науке, которая по существу оказалась у нас забытым участком. Передовые ученые стран народной демократии внимательно следят за советской научной литературой, усваивают все достижения советской науки, а иногда повторяют и ошибочные положения, высказывавшиеся в советской литературе (как, например, положения о происхождении искусства из трудового ритма и магии). Разработка вопросов происхождения искусства с марксистско-ленинских позиций является одной из актуальных задач как советских ученых, так и ученых стран народной демократии.

Вызывает интерес статья учителя болгарской гимназии К. Генова¹⁵, ставящая вопрос о принципах преподавания народной поэзии в средней школе. Новая программа болгарских гимназий требует от учеников IV класса усвоения идейного и художественного богатства народной болгарской поэзии в ее историческом развитии. Для того чтобы правильно понять сущность народной поэзии, необходимо, как справедливо говорит К. Генов, положить в основу указания В. И. Ленина о народной поэзии как выражении народной психологии и чаяний и ожиданий народных, а также высказывания А. М. Горького о фольклоре как материале для изучения истории трудового народа. К. Генов подчеркивает, что среди устных поэтических произведений встречаются и произведения, выражающие чуждую народу идеологию и мораль эксплуататорских классов (К. Генов показывает это на пословицах, но это относится и ко всем другим жанрам). Данное замечание особенно важно, так как болгарские фольклористы, поскольку можно судить по просмотренным статьям, не всегда учитывают это и рассматривают устно-поэтическое творчество как сплошь народное. Напрасно только К. Генов так преувеличивает значение обрядовой и религиозной поэзии, утверждая, что в сущности в них ничего религиозного нет и что они выражают идеологию трудового крестьянства¹⁶. Уделять такое большое место обрядовым песням в школьном преподавании, конечно, не следует. Неверно и утверждение, будто образы юнаков — типические образы представителей верхушки феодального общества.

Одной из основных проблем, разрабатываемых сейчас болгарскими фольклористами, является проблема современного народного творчества. На необходимость развертывания работы в этом направлении особенно часто указывала газета «Отечествен фронт». Из статей, помещенных в ней, можно указать содержательную статью Ж. Выхаровой¹⁷, статью Г. Керемидчиева¹⁸ и др. О необходимости собирать и изучать современный фольклор говорят и другие газеты и журналы, в которых помещаются иногда и тексты песен. Раскрытию идейной сущности и значения современной народной болгарской песни посвящены статьи Г. Керемидчиева «Современная борческая народная песня»¹⁹ и С. Георгиевой «Болгарские партизанские народные песни»²⁰.

Из этих статей видно, какие большие поэтические ценности были созданы болгарским народом в период величественной героической борьбы за свое освобождение. Песни свидетельствуют о глубокой ненависти болгарского народа к фашистскому режиму, установленному правительством Цанкова, подчеркивают всенародный характер борьбы с ним:

¹⁵ К. Генов, Идеино-мирогледен подход към народното творчество, «Народна просвета», кн. 7, март, 1949, стр. 51—58.

¹⁶ Преувеличение значения обрядовой поэзии имеется у многих болгарских фольклористов, и это свидетельствует о неизжитых до конца традициях буржуазной фольклористики, увлекавшейся обрядами и религиозными представлениями. Такого рода работы появлялись и в последние годы. Так, например, статья крупного болгарского этнографа проф. Хр. Вакарельского о рождественских и новогодних обрядах (Хр. Вакарелски, Рождественские обычаи болгарского народа, «Бюллетень культурной информации Министерства информации и искусств», 1946, январь, № 23, стр. 10—11, и «Новогодние обычаи болгарского народа», там же, стр. 4—5) написаны в духе любования старой обрядностью и суеверными пережитками. В них говорится о возвышенности библейских легенд и мифов и идиллически рисуется жизнь болгарского крестьянства в прошлом.

¹⁷ Ж. Выхарова, Фолклорът и настоящето което творим, «Отечествен фронт», 1947, № 834, стр. 6.

¹⁸ Г. Керемидчиев, За нашия съвременен фолклор, «Отечествен фронт», 1947, № 914, стр. 6.

¹⁹ Г. Керемидчиев, Съвременната борческа народна песен (по случай 25-годишнината на септемврийското въстание), «Народна просвета», кн. 2, 1948, година V, стр. 37—42.

²⁰ Георгиева, Български партизански народни песни (по материалам от Трънско), «Език и литература», кн. 4, 1949, стр. 267—277.

Все село поднялося,
Чтобы тирана Цанкова свалить.

Особенно большое значение имели партизанские песни. Они мобилизовали трудовые массы, призывали их восстать и вырвать Болгарию из фашистского рабства:

Свобода народу и смерть фашистам.

В них выражена твердая вера народа в конечную победу:

Да живет Димитров мама, да живет Димитров,
Да живет Димитров и весь народ!

Песни показывают, что партизанское движение было подлинно всенародным движением. С большой любовью нарисованы в них образы партизан — народных мстителей, готовых «все отдать за свободу, даже жизнь».

Центральными образами партизанских песен являются образы вождя болгарского народа Георгия Димитрова и его великого друга и учителя И. В. Сталина. Песни свидетельствуют о братской любви болгарского народа к советскому народу, к И. В. Сталину. Партизан Славчо Трынски пишет Сталину письмо, в котором обещает, что и Болгария будет бороться против фашистов. Димитров просит брата Сталина собрать сильные войска, пушки и «катюши», чтобы разгромить фашизм.

Г. Керемидчиев и С. Георгиева указывают на большое историческое и воспитательное значение «борческих» и партизанских песен и их роль в освободительной борьбе болгарского народа. Не стоит только, как нам кажется, так разграничивать «народную» и «личную» стихию в современной песне, как это делается в обеих статьях (особенно в статье С. Георгиевой, которая делит партизанские песни по формальному признаку: восходящие к народной песенной традиции и созданные под влиянием книжной поэзии). Современные песни — новое явление, качественно отличное от старой народной поэзии, и задача исследователей это новое качество вскрыть. Г. Керемидчиев и С. Георгиева говорят об этом, но не показывают достаточно ярко это новое, а слишком подчеркивают близость партизанских песен к старым болгарским народным песням, в частности к хайдутским.

Жаль, что в указанных статьях ничего не сказано о том, как воспринималась в Болгарии русская советская песня и какое влияние она оказала на болгарскую песню. А такое влияние, как уже отмечалось выше, имело место и было значительным. Имеется очень много свидетельств, говорящих о большом распространении русских советских песен среди болгарских партизан. Музыкальный критик В. Крыстев, говоря о большом и плодотворном влиянии русской и советской музыки²¹, особо отмечает распространенность в Болгарии русских традиционных и советских песен, и любовь к ним болгар. Первые песни болгарских партизан были советские, с ними шли они в бой с фашистами, а когда возникла оригинальная партизанская песня, «то в ней, — говорит В. Крыстев, — отразились мелодико-ритмические особенности советских песен». Интересно наблюдение В. Крыстева, что русские песни поются в Болгарии обычно на русском языке.

То, что сделано и делается в Болгарии по собиранию и изучению современного народно-поэтического творчества, является еще только началом большой работы, которую нужно продолжать и углублять. Внимание, уделяемое этой проблеме, показывает, что фольклористы народно-демократической Болгарии не уклоняются от постановки актуальных современных проблем и стремятся своими трудами служить своему народу, помогать его борьбе за построение социализма.

Обращаясь к традиционному фольклору, болгарские ученые стремятся прежде всего раскрыть те его стороны, которые замалчивались и искажались буржуазными учеными. Они подходят к народной поэзии прошлого как к материалу, характеризующему жизнь, мировоззрения и мечты трудового болгарского крестьянства. Естественно, что их внимание привлекают в первую очередь произведения, наиболее ярко отразившие борьбу народа с угнетателями — своими и чужеземным, — отсюда такой большой интерес к героическому эпосу, к хайдутским и историческим песням²². Опубликованные в газетах и журналах статьи раскрывают отношение болгарского народа к

²¹ В. Крыстев, *Съветската музика*, «Октомври, 1917—1947. Обществено-литературен сборник», София, 1947, стр. 178—205.

²² Помимо указанных сборников и очерков, можно назвать статьи: И. Бурич, *Народната хайдушка лирика*, «Читалище», кн. 4—6, 1948; Г. Керемидчиев, *Най-старите наши историко-героични песни*, «Училищен преглед», кн. 9—10, 1946, стр. 647—649; Б. Пашев, *Момчил юнак — героя на Бяломорска Тракия*, «Земя и труд», кн. 10, 1946, стр. 400—403, и др.

земле, к труду²³, его вековые мечты о свободной счастливой жизни²⁴. Особо подчеркивается братское отношение болгарского народа к великому русскому народу, выраженное в болгарских песнях, главным образом в исторических²⁵. Ставится и проблема взаимоотношения фольклора и художественной литературы, проблема использования фольклора в творчестве болгарских писателей²⁶. В статьях, посвященных Ботеву, ценно то, что авторы их занимаются не формальным сопоставлением поэзии Ботева и народных песен, а стараются показать органическую идейную близость поэзии Ботева с поэзией болгарского трудового народа.

Уже один простой перечень тематики статей по фольклору²⁷ показывает, насколько важна и интересна тематика, разрабатываемая сейчас болгарскими фольклористами. Найден и правильный в основном подход к произведениям народного творчества. Указанные статьи не лишены, конечно, тех или иных недостатков, в них чувствуется некоторый схематизм, недостаточно четко проводится грань между прошлым и современным, иногда чувствуется стремление рассматривать всю народную поэзию прошлого как нечто единое в идейном отношении и неизменно прогрессивное. Отчасти это объясняется самим характером и объемом журнальных и газетных статей, не позволяющими ставить вопросы с исчерпывающей полнотой. Стремясь раскрыть перед широкими трудящимися массами смысл и значение болгарской народной поэзии, авторы статей, естественно, фиксируют внимание прежде всего на самом ценном и передовом и не всегда раскрывают и подчеркивают неизбежную ограниченность сознания трудового крестьянства в прошлом. Имеющиеся недочеты и неточности в статьях говорят о необходимости большего развертывания и углубления теоретической работы в области фольклора и систематической работы над овладением методом марксизма-ленинизма. Углубленная работа по изучению как современной, так и традиционной народной поэзии невозможна без критического изучения историографии болгарской фольклористики (таких историографических работ пока нет), без развертывания критики и самокритики, без борьбы с буржуазными, враждебными марксизму-ленинизму теориями в фольклористике.

По своему существу значительная часть просмотренных статей направлена против буржуазной фольклористики. Г. Керемидчиев, В. Велчев, И. Бурин, Ж. Выжарова, Д. Осинин и др. прямо противопоставляют свой метод в свои утверждения положением, развивавшимся представителями буржуазной фольклористики, но делают это в самой общей форме, вроде «вопреки утверждениям буржуазных фольклористов», или же говорят об устаревших, не имеющих никаких оснований утверждениях: ни одной фамилии ученых, придерживавшихся (и, возможно, придерживающихся еще и сейчас) этих порочных взглядов, не названо, ни одна конкретная работа также не названа и критически не разобрана. А такие работы в Болгарии, несомненно, есть.

В заключение необходимо еще раз констатировать важность и актуальность тематики, намеченной болгарскими фольклористами. Основная группа ведущих фольклористов Болгарии, несомненно, стоит на верном пути, и надо развивать и углублять работу в намеченном направлении, преодолевая путем критики и самокритики имеющиеся недостатки. Хочется пожелать, чтобы они, не свертывая ни в коем случае работы по популяризации народного творчества, дали серьезные исследования по современной и традиционной болгарской народной поэзии и чтобы с новых позиций были рассмотрены не только песни, играющие исключительную роль в жизни и борьбе болгарского народа, и потому привлекающие такое внимание, но и другие виды болгарского фольклора.

В. Соколова

²³ Например, И. Бурин, Трудът в народната песен, «Труд», 1947, № 113, стр. 4; его же, Съревнованието в народната песен, «Труд», 1948, № 291, стр. 4, и др.

²⁴ Например, Д. Осинин, Копнеж по волност и безсмъртие в народните песни, «Език и литература», кн. 1, 1947, стр. 29—36.

²⁵ Например, С. Петров, Русия в нашите народни песни, — «Изкуство», кн. 5—6, 1947, стр. 541—552; А. Примовски, Русия в родопската народна песен, «Балкански преглед», кн. 2, 1949, стр. 116—120; Р. Ангелова, Русия в българската народна песен, «Изгрев», 1949, 21 сент., № 1529.

²⁶ Эта тема была поставлена в связи с юбилеем болгарского народного поэта Христо Ботева. Проблеме Х. Ботев и болгарская песня посвящены статьи: В. Велчев, Христо Ботев в народните песнопойки, «Език и литература», кн. 2, 1949, стр. 142—144; Г. Керемидчиев, Христо Ботев и песенния быт на народа, там же, стр. 133—138; Д. Осинин, Една фольклорна задача (по повод предстоящите ботеви тържества), «Отечествен фронт», 1948, № 1303, стр. 4, и др.

²⁷ Настоящий обзор не претендует, конечно, на исчерпывающую полноту. Разбирать все журнальные, а тем более газетные статьи невозможно, да в этом и нет никакой надобности, так как тематика их повторяется, некоторые же статьи не удалось достать.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии, М., 1949.

Колониальные и зависимые страны являлись резервом империалистической системы, ее глубоким тылом. «Европейский капитализм черпает свою силу главным образом не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений. Без обширных колониальных владений, столь необходимых для сбыта товаров и в то же время снабжающих ее сырьем, капиталистический строй Англии рухнул бы давным давно под своей тяжестью»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, разорвавшая мировую цепь империализма, нанесла огромной силы удар по моральным и политическим устоям империалистического господства в колониях и зависимых странах. Начался кризис колониальной системы империализма. «Эра безмятежной эксплуатации и угнетения колоний и зависимых стран прошла,— писал И. В. Сталин.— Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения пролетариата этих стран, эра его гегемонии в революции»². Колониальная система из резерва империализма превратилась в резерв мировой пролетарской революции.

Вторая мировая война, закончившаяся блестящей, всемирно-исторического значения победой Советского Союза и всех демократических сил мира над темными силами империалистической реакции, привела к резкому обострению кризиса колониальной системы. «Обострение в итоге второй мировой войны кризиса колониальной системы выразилось в мощном подъеме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Тем самым были поставлены под угрозу тылы капиталистической системы. Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополий не могут больше по-старому управлять колониями. Попытки подавления национально-освободительного движения военной силой наталкиваются теперь на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний, приводят к затяжным колониальным войнам (Голландия — Индонезия, Франция — Вьет-Нам)»³.

Характеристике этого нового этапа развития кризиса колониальной системы империализма в отдельных колониях и зависимых странах и посвящен рецензируемый сборник статей, подготовленный к печати Тихоокеанским институтом Академии Наук СССР.

Сборник открывается статьей члена-корр. АН СССР Е. М. Жукова «Обострение кризиса колониальной системы после второй мировой войны». Е. М. Жуков, анализируя развитие национально-освободительного движения после второй мировой войны, делает очень важный вывод о том, что «после второй мировой войны обозначились существенные новые моменты, выражавшие качественные изменения характера антиимпериалистической борьбы» (стр. 5). Это качественно новое выражается прежде всего в том, что в борьбу против империализма вовлечены самые широкие народные массы, и, во-вторых, в том, что в авангарде этой борьбы идет рабочий класс, ведущий за собой крестьянство и другие слои населения, что руководство антиимпериалистическим движением «перешло в руки наиболее надежных классовых сил, заинтересованных в скорейшем и наиболее полном уничтожении империалистической эксплуатации, нищеты и забитости народных масс» (стр. 7).

Е. М. Жуков убедительно показывает, что рабочий класс является единственной силой, способной вести последовательную борьбу за освобождение трудящихся от угнетения иностранными империалистами, помещиками и ростовщиками. Крупная национальная буржуазия колоний, исходя из своих узкоклассовых эгоистических интересов, предаст интересы национальной независимости своих стран и вступает в большинство более развитых колоний уже вступила в союз с иностранными империалистами, угнетающими эти страны. Мелкобуржуазные националистические организации не способны отстаивать дело национального освобождения. Они ограничивают это движение рамками борьбы за политические реформы, за установление формальной государственной самостоятельности, формальной буржуазной демократии. Опыт всей истории колониальных и зависимых стран, опыт последних, послевоенных лет в особенности, учит, что формальная государственная самостоятельность нередко лишь прикрывает фактическое колониальное порабощение (Индия, Бирма, Цейлон),

¹ Дополнительные тезисы по национальному и колониальному вопросам, принятые Вторым конгрессом Коминтерна, В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 573.

² И. Сталин, Международное значение Октябрьской революции, Соч., т. 10, стр. 245.

³ А. А. Жданов, О международном положении. Доклад на информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Сб. «Информационное совещание представителей некоторых компартий», 1948, стр. 17.

что империалисты могут иногда передоверить реакционным силам колоний непосредственное управление (т. е. порабощение трудящихся) страной и даже в форме буржуазной демократии, оставляя за собой командные экономические высоты, а следовательно, и экономический и политический контроль.

«Для большинства зависимых и колониальных стран,— пишет автор,— полный отрыв от системы империализма возможен только на основе торжества принципов народной демократии (подчеркнуто мною.—И. П.). Это означает, что подлинная национальная независимость бывших колониальных и зависимых стран может быть обеспечена только переходом власти в руки народа» (стр. 20). Классовая основа этой народной демократии та же, что и в европейских странах,— рабочий класс, крестьянство и городская мелкая буржуазия при руководящей роли рабочего класса. Но она имеет и свою специфику, которая вызывается значительно большей экономической отсталостью этих стран и большим объемом буржуазно-демократических задач, требующих своего разрешения в первую очередь.

Все другие статьи сборника, посвященные отдельным странам, развивают и дополняют основные положения, выдвинутые в статье Е. М. Жукова.

Кандидат экономических наук Г. В. Астафьев в статье «От полуколонии к народной демократии» излагает коротко историю китайской революции в соответствии с ее этапами, установленными товарищем Сталиным, программу коммунистической партии в области демократических преобразований в Китае и особенности установившегося в Китае строя народной демократии. Народная демократия в Китае, пишет автор, это «прежде всего власть народа, власть трудящихся, при обеспечении руководящей роли рабочего класса и его партии» (стр. 73). Принципиально — с точки зрения конечной цели — строй народной демократии в Китае ничем не отличается от государств народной демократии на Западе: он призван разрешить ту же задачу — построение социализма. Но так как период становления народной демократии в Китае является вместе с тем периодом завершения антиимпериалистической и антифеодальной революции, конкретные пути движения к социализму во многом отличаются от тех путей, которыми идут к социализму страны народной демократии на Западе.

Доктор исторических наук А. М. Дьяков в статье «Кризис английского господства в Индии и новый этап освободительной борьбы ее народов» дает коротко историю антиимпериалистического движения в Индии, разоблачает маневры английского империализма, связанные с разделом Индии на два доминиона, и показывает, что создание доминионов не разрешает ни одного из вопросов национально-освободительного движения. «Индия и Пакистан попрежнему остались колониями: феодальная раздробленность их не ликвидирована, и внутри индийских доминионов национальный вопрос не разрешен, проводимые земельные реформы не ликвидируют феодальных пережитков, которые продолжают господствовать в индийской деревне, аграрный вопрос и вопрос о задолженности крестьян ростовщикам не разрешены; промышленность Индии остается или в руках английского капитала, или в руках зависимой от него крупной индийской буржуазии. В промышленности все более проникает капитал США и промышленное развитие Индии попрежнему тормозится. Положение рабочего класса сильно ухудшилось» (стр. 111—112). В заключение А. М. Дьяков приводит программу борьбы за народную демократию в Индии, принятую коммунистической партией Индии на 2-м съезде в марте 1948 г. «Программа поддерживается,— пишет автор,— широчайшими слоями населения, и коммунистическая партия имеет все объективные условия для сплочения всех демократических слоев населения Индии на борьбу за ее осуществление, на борьбу против английского и американского империализма и их индийских союзников — крупной буржуазии, помещиков и феодальных князей» (стр. 123).

Кандидат исторических наук С. В. Покровский в статье «Маневры английских империалистов на Цейлоне» разоблачает жульнический трюк с предоставлением статута доминиона Цейлону, остающемуся фактически попрежнему колонией. В связи с этим автор вспоминает слова матерого английского империалиста Дизраэли: «колонию не перестают быть колониями от того, что они независимы» (стр. 134).

Доктор исторических наук А. А. Губер в статье «Индонезийский народ в борьбе за независимость» рассказывает трагическую историю борьбы индонезийского народа за свою независимость до и особенно после второй мировой войны, закончившуюся в результате подлого предательства национальной крупной буржуазии, возглавляемой клинкой Сукарно-Хатта, тяжелым поражением и восстановлением двоякого американско-голландского империалистического гнета, прикрытого лицемерной вывеской «республики». «Но сговор клинкой Хатта,— пишет А. А. Губер,— с империалистами вызвал общее негодование индонезийского народа. Широкие слои населения, руководимые национальным демократическим фронтом, продолжают борьбу за полную независимость Индонезии, отвергая недостойные сделки с империалистами» (стр. 178).

Кандидат исторических наук В. Я. Васильева рассказывает о героической борьбе и победе вьетнамского народа, кандидат исторических наук Г. Л. Бондаревский — о национально-освободительной борьбе народов Малайи, О. И. Забозлаева — о борьбе филиппинского народа за свою независимость. Сборник заканчивается статьей Ф. И. Шабшина «Корея после второй мировой войны», в которой автор рассказывает, как народ Северной Кореи, опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза, установил у себя народно-демократическую республику и уже добился многого ранее

не виданных успехов в развитии своей экономики и культуры. Американский империализм, прикрываясь марионеточным правительством Ли Сын Мача, превратил Южную Корею в свою колонию, в военно-стратегическую базу, а затем совершил, уже после выхода в свет рецензируемого сборника, разбойничье нападение и на Северную Корею. Народные массы Северной Кореи оказали интервентам отпор, достойный освобожденного народа.

Рецензируемый сборник представляет несомненно большой интерес для этнографа, занимающегося изучением народов колониальных и зависимых стран, независимо от того, какой страной он занимается. Советские этнографы уже давно отказались от изучения колониальных народов как любопытной «дикинины», тропической экзотики. Для советских этнографов колониальные народы — это не безликая масса, поставляющая материал для разного рода схоластических социологических построений, а живые народы, борющиеся вместе со всеми демократическими силами за лучшее будущее человечества. Советский этнограф не может вести свою исследовательскую работу в отрыве от национально-освободительного движения. Но для этого он должен тщательно изучать конкретную историю, стратегию и тактику национально-освободительного движения, и при этом не только «своей» колонии, но в той или иной мере всех колоний и зависимых стран, так как общие закономерности этого движения, несмотря на специфические особенности, в конце концов одинаковы.

Вот почему этот сборник, содержащий в себе опромный и разносторонний опыт национально-освободительного движения различных стран, а также теоретический анализ этого опыта, должен стать настольной книгой каждого советского этнографа-«колонизальника».

И. Потехин

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. Е. Родин, *Пять недель в Южной Америке*. Впечатления натуралиста, Госизд-во географической литературы, М., 1949, 255 стр.

Автор рецензируемой книги, ботаник и географ, провел в 1947 г. пять недель в странах Южной Америки, работая в составе группы ботаников, присоединенной к советской астрономической экспедиции.

Книга Л. Е. Родина — это литературно обработанный путевой дневник, в котором день за днем описывается путешествие, начиная с выезда на советском теплоходе «Грибоедов» из Лепайи, кончая возвращением экспедиции в Ленинград.

Несмотря на короткий срок пребывания за рубежом, Л. Е. Родину удалось собрать значительный материал о современном положении посещенных экспедицией стран.

«Автор, — пишет Л. Е. Родин в послесловии к своей книге, — гражданин Союза Советских Социалистических Республик и он не мог пройти мимо тех сторон жизни и быта, которые так резко отличаются два мира — мир передовой социалистической культуры и мир капиталистической «культуры» стран, находящихся под властью Уолл-стрита, «маршаллизации и доллара» (стр. 244).

Л. Е. Родин широко использовал также опубликованные в советской и зарубежной литературе данные по истории посещенных экспедицией стран и в особенности по их современной экономике и условиям жизни господствующего класса, рабочих и крестьян.

Большая часть книги содержит рассказ о том, что автор видел в Бразилии. Говоря о Рис-де-Жанейро, советский ученый не ограничивается, как это принято в буржуазной литературе, описанием центральной части этого, одного из крупнейших и красивейших городов Южной Америки, его небоскребов, особняков, магазинов, гостиниц и т. д. Он ознакомился с рабочими окраинами, где «на скалах или на голых глинистых площадках в беспорядке разбросаны фавеллы-жилища, слепленные из камней, сложенные из старых ящиков, обрывков железа, кусков фанеры, остатков автомобильных кузовов и фургонов. Здесь нет ни водопровода, ни электричества. Ночью здесь царит мрак, в дождь непроходимая грязь и потоки мутной воды. А всего в нескольких сотнях метров сверкают рекламы и тысячи огней американского города» (стр. 58).

Кратко, но выразительно описаны пригороды столицы и провинциальные города. Рядом ярких примеров показывается и положение «цветных», которые подвергаются расовой дискриминации в республике, на государственном флаге которой значится девиз «порядок и прогресс».

С еще большей убедительностью показано невыносимо тяжелое положение бразильского народа в условиях уродливой монокультурной, полуколониальной экономики страны, подчиненной интересам империализма США. В Бразилии, которая своими пищевыми ресурсами может прокормить 900 млн. человек, — подавляющее большинство населения голодает.

Пользуясь выводами, к которым пришел бразильский прогрессивный ученый Ж. де Каштру, Л. Е. Родин рассказывает о том, что страну по характеру питания мож-

но подразделить на области постоянного голода, эпидемического голода и полуголодного существования трудящихся. Лаконический перечень десятков социальных болезней, которыми болеет более 35 млн. человек в результате систематического голодания, тяжелых бытовых условий и невозможности пользоваться медицинской помощью, не нуждается в комментариях.

Достаточно указать хотя бы на официальные данные 1941 г. о смертности детей в возрасте до одного года. В Сан Паулу, втором по численности населения городе страны, из тысячи детей умирает 135 (каждый восьмой ребенок). В городе Ресифе — 292 ребенка (каждый третий). Смертность от туберкулеза в одном только Рио-де-Жанейро ежегодно составляет 10—11 тыс. человек.

Более кратко описываются впечатления автора об Аргентине, но и они дают основные сведения об этой стране, об ее политической и экономической зависимости от Англии и особенно от США, о тяжелом положении безземельных земледельцев, вынужденных на кабальных условиях арендовать небольшие участки у крупных помещиков, о нищенской жизни рабочих, о растущей безработице, о расовой дискриминации, о предательстве президента Перона, обманувшего аргентинский народ.

В Уругвае участники советской экспедиции пробыли всего несколько часов. В Монтевидео они встретились с местными учеными. Здесь, как и ранее в Бразилии и в особенности в Аргентине, члены экспедиции снова убедились в том, как высок авторитет советской науки: труды наших ученых переводятся на испанский язык, местные передовые ученые изучают русский язык, чтобы иметь возможность шире ознакомиться с советской литературой по специальности, исследовательские учреждения выписывают из СССР научную литературу. В книжных магазинах Буэнос Айреса продается советская политическая и художественная литература, произведения классиков русской литературы¹.

Один из уругвайских биологов, прощаясь с советскими учеными, выразил чувства передовых южноамериканских деятелей науки в следующих словах: «Мы смотрим на васу страну с надеждой, ибо прогресс науки возможен только у вас».

Искренность этих слов становится особенно убедительной после знакомства с состоянием науки в странах Южной Америки, с каждым годом все более и более подчиняемой практическим интересам США. Так, например, богатейшая флора Бразилии настолько мало изучена, что даже в старейшем ботаническом саду в Рио-де-Жанейро советским ученым «не могли показать хотя бы схематическую карточку растительности Бразилии». Более 60% лесных массивов страны совершенно не изучены. Годовой бюджет Национального парка составляет всего около 75 тыс. рублей на наши деньги. Прекрасно оборудованный медико-биологический институт, основанный на личные средства миллионера О. Круза и завещанный им государству, получает столь незначительные средства, что вынужден заниматься продажей лекарств, чтобы получить возможность на вырученные деньги вести исследовательскую работу.

Несмотря на то, что бразильские и аргентинские власти всяческими способами пытались затруднить советским ученым доступ в эти страны, члены экспедиции неоднократно имели возможность убедиться в том, как относятся передовые ученые, трудящиеся, учащаяся молодежь к Советскому Союзу.

Из многих фактов приведем один из наиболее ярких.

Аргентинские власти, боясь публичных демонстраций, объявили в печати о том, что советский пароход «Грибоедов» рано утром покинул порт Росарио. Провокация эта не удалась. Население Росарио знало, что «барко советико Грибоедов» еще стоит в порту. В день отхода теплохода, несмотря на кордоны полицейских, проводы превратились в демонстрацию любви к Советскому Союзу. «На пирсе не мог бы уместиться больше ни один человек. Масса народа стояла на набережной... Нам махали платками и шляпами, кричали слова прощального привета, здравия в честь Советского Союза, просили передать привет Сталину... Позади всех стояли трое... Они напутствовали нас пролетарским салютом — поднятым кулаком. Несколько человек — и мужчин и женщин — утирали слезы... Это была, быть может, самая драгоценная дань любви к нашему отечеству, символом которого был корабль под алым советским флагом» (стр. 235).

Таково, в общих чертах, содержание этой книги, которая, несомненно, вызовет большой интерес у советского читателя. Специалист-этнограф, знакомый с Южной Америкой главным образом по зарубежной литературе, найдет в книге Л. Е. Родина также и ряд тонко подмеченных деталей, характеризующих условия жизни трудящихся в городах, мелких землевладельцев и арендаторов. Особенно ценны для этнографа столь редко публикуемые в зарубежной литературе факты расовой дискриминации, которые автор сам неоднократно имел случай наблюдать. Наряду с анализом того, что собой в действительности представляют статистические данные о грамотности, о числе смешанных браков и др., Л. Е. Родин на ряде живых примеров убедительно показывает истинную цену соответствующих статей конституций латиноамериканских стран, в которых не делается различия между «цветными» и «белыми».

¹ В последующие годы реакционное правительство Перона жестоко преследовало компартию и передовую интеллигенцию, сурово наказывая за проявление симпатий к СССР.

Во втором издании рецензируемой книги желательно было бы дать больше сведений о росте политической активности трудящихся масс Бразилии и Аргентины; материалы об использовании парагвайского чая-мате и дерева кебрачо дополнить фактами о нечеловеческой эксплуатации рабочих. Слишком мало уделено внимания положению индейцев.

Книга хорошо иллюстрирована. Она еще больше выиграет, если в число иллюстраций включить рисунки первой русской экспедиции в Бразилию и карту маршрутов русских экспедиций в Южную Америку с начала XIX в. до наших дней.

Н. Шпринцин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Н. Н. Чебоксаров в своей статье «Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов» («Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 204) посвятил несколько строк моей работе «Происхождение древнепермской азбуки»¹. Приводя мой вывод о том, что Стефан Пермский при создании древнепермской азбуки брал начертания греческого алфавита XIII—XIV вв., наиболее отдаленные от соответствующих букв славянорусской азбуки, Н. Н. Чебоксаров заявляет, что мои «произвольные построения» («открытие», как он иронически выражается), «искажающие историческую действительность», «плохо согласуются с фактическими данными», что мой «сенсационный» вывод о греческом происхождении большинства букв стефановской азбуки — это... «космополитический (!) срыв».

Чтобы отвести от себя это тяжелое обвинение, я должен сказать несколько слов о происхождении древнепермской азбуки.

При первом же взгляде любой человек может убедиться в том, что громадное большинство букв стефановской азбуки совершенно не похоже на славянорусские буквы; значительная часть букв тождественна или похожа на греческие буквы этого времени². Это отмечалось многими исследователями³.

Епифаний Мудрый, лично знавший Стефана и написавший его биографию вскоре после смерти его, прямо указывает, что Стефан составил одни пермские буквы «по чину греческих писмен», другие же «по речи пермского языка», что Стефан хорошо знал греческий язык и т. д.⁴

В древнепермской графике раннего периода (XIV—XV вв.) сказывается греческое письмо не только в начертаниях букв, но и в самом порядке их (омега стоит в конце, после б идет г и т. д.) и в орфографических приемах (отсутствие ъ, ѓ, ѣ, ю и т. д.).

Ничего плохого нет в том, что Стефан ориентировался на греческий алфавит. Не надо забывать, что в XIII—XIV вв. на Руси в среде духовенства и феодальной знати греческий язык был в большом почете⁵. Стефан, повидимому, желая придать своей азбуке большой авторитет и при этом подражая автору старославянской азбуки — Кириллу, сознательно ориентировался на греческий алфавит. Может быть, Стефан сознательно не взял за основу своей азбуки славяно-русские буквы, чтобы не восстановить против себя ту часть верхушки пермлян, которая, по словам Епифания Мудрого, подозрительно относилась ко всему, что приходит из Москвы.

Уже в XIV в. делались упреки Стефану за то, что он не взял русскую графику. Биограф Стефана (Епифаний) недоброжелательно относится к этим протестантам; вот его слова: «Неции же, скудни суще умом⁶, реша: ...что ради составлена бысть азбука пермския грамоты?... Аше ли се требе есть, достояще паче Русскаа». Если бы в основе стефановского алфавита лежала славянорусская азбука, то вряд ли появились бы такие голоса протеста этих недалеких «патриотов» Московской Руси.

Стефан Пермский, горячий патриот только что объединяющейся вокруг Москвы русской земли, по каким-то соображениям (но отнюдь не с целью оторвать пермлян от русских) нашел нужным в XIV в. при создании древнепермской азбуки ориентироваться на греческий алфавит.

Проф. В. Лыткин

¹ Фрагмент из моей кандидатской диссертации.

² Мы отсылаем читателя к диссертации (МГУ), в которой детально разбирается каждая буква.

³ См., например: Г. С. Лыткин, Зырянский край, СПб., 1889, стр. 60—61; Некрасов, Древнепермские надписи в рукописях XV—XVI вв., «Зап. Новоросс. ун-та», 1890, т. 51.

⁴ См. его «Слово о жизни и учении Стефана».

⁵ См. Г. С. Лыткин, Зырянский край, стр. 4—5.

⁶ Разрядка моя. В. Л.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса (К 130-летию со дня рождения Ф. Энгельса — 20. XI. 1820 г.)	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Н. П. Горбачева. К вопросу о происхождении одежды	9
А. Ф. Анисимов. Семейные „охранители“ у эвенков и проблема генезиса культа предков	28
Вопросы этногенеза	
П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных	44
Т. А. Трофимова. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей	54
Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии	66
В. Г. Егоров. Этногенез чувашей по данным языка	79
М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству	93
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Н. Н. Чебоксаров. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих	107
Л. П. Потапов. Шорцы на пути социалистического развития	123
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
С. Р. Смирнов. Английская политика «косвенного управления» в юго-восточной Нигерии	137
Заметки. Сообщения. Рефераты	
Е. Мильштейн. Работа палехского художника „Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа“	154
М. Г. Левин. К вопросу о древнейшем заселении Сибири	157
П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии у древней мордвы	161
А. А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика	170
Хроника	
К. Козлова. Вопросы истории чувашского народа (Сессия Отделения истории и философии АН СССР)	177
М. Гегешидзе. Межреспубликанская сессия в Тбилиси, посвященная этнографии Кавказа	181
О. Корбе. Сессия Ученого совета Института этнографии, посвященная итогам экспедиционных исследований 1949 г.	183
М. Кудрявцев. Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии	186
Л. Э. Каруновская. Экспозиция „Индонезия“ в Музее антропологии и этнографии АН СССР	191
Б. Калоев. Выставка осетинского быта и культуры	196
Ю. Иванова. Научная работа в Народной республике Албании	199
Критика и библиография	
Народы СССР	
Л. Потапов. <i>Алтын Тууди</i> . Алтайский героический эпос	203
К. В. Чистов. А. А. Кайев. Русская литература. Учебник для Учительских институтов, ч. 1	207
С. Токарев. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири	210
В. Н. Чернецов. История Якутии, т. 1	214

Л. Н. Пушкарев. Карельский фольклор	219
Н. Кисляков. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I	221
К. Филонов. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии	224

Страны народной демократии

В. Соколова. Вопросы народного поэтического творчества в болгарской печати	226
--	-----

Народы зарубежной Азии

И. Потехин. Кризис колониальной системы. Национально - освободительная борьба народов Восточной Азии	234
--	-----

Народы Америки

Н. Шпринцин. Л. Е. Родин. Пять недель в Южной Америке	236
Письмо в редакцию	238